

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2021

№ 59

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Коробков Л.Г. К вопросу о семантическом базисе экстернализма.....	5
Косилова Е.В. Онтологический и гносеологический анализ понимания темпоральных явлений.....	14
Куликов С.Б. Философия о времени в естествознании и гуманитарных науках с аналитических позиций.....	25
Резников В.М. Является ли основательной критика условий Колмогорова применения математики?.....	34
Танюшина А.А. Компутационализм, информация и сознание: на пути к решению «трудной проблемы».....	42

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Асеева И.А., Буданов В.Г., Маякова А.В. От цифровых технологий к обществу тотального контроля?.....	51
Ковтун Н.М., Венцель Н.В. Социальные риски бытия человека в современном урбанизированном пространстве стран периферии и полупериферии мир-системы.....	60
Красиков В.И. «Хейтеры» в российском сегменте интернета.....	73
Найман Е.А. Семантические механизмы формирования социального значения в языке.....	87
Пашина Л.А. Конституирование геронтолингвистической парадигмы знания и ее современные перспективы.....	101
Суханова Н.П. Трансформация субъекта образования: экспансия концепта заботы о себе.....	112

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ахматов В.В. Русская религиозно-философская мысль о проблеме зла, греха и свободы.....	121
Овчинников С.Е. Описание и объяснение в социальных науках в рамках аналитической философии А. Данто.....	138

СОЦИОЛОГИЯ

Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации.....	148
Кузнецов С.А., Карпова А.Ю., Савельев А.О. Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети.....	156
Попов Е.А., Замятин О.Н. «Луч света в темном царстве»: социальный оптимизм населения Алтайского края в краткосрочной перспективе.....	167
Скалабан И.А., Дебрени М., Колесова О.В., Погорельская А.М. Стратегическое взаимодействие города и университета: роль кампуса в интернационализации высшего образования.....	180

ПОЛИТОЛОГИЯ

Аванесова Е.Г. Споры о должной модели Вселенской Православной Церкви как отражение проблемы верховной власти в мировом православии.....	189
Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В. Глобальный публичный порядок и его изменения.....	199
Бронников И.А., Белоусов Г.Ф., Горбачев М.В. Факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений в современной России.....	214
Данилова Е.А., Калинин И.А. Сравнительный анализ стратегий национального брендинга Германии и России в контексте повышения качества жизни населения.....	224
Кузнецов И.И. Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие.....	237
Сунгуров А.Ю. Законодательное собрание Санкт-Петербурга: участие экспертов в подготовке решений.....	253

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Старикова Е.В. Материальность свободы: жить или работать?.....	263
---	-----

АРХИВ

Лисанюк Е.Н., Перова Н.В. Аргументация и риск.....	278
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	290

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Korobkov L.G. Semantic Basis of Externalism Revisited.....	5
Kosilova E.V. Ontological and Epistemological Understanding of Temporal Phenomena	14
Kulikov S.B. Philosophy on Time in the Natural Sciences and the Humanities from Analytical Positions.....	25
Reznikov V.M. Is Criticism of Kolmogorov's Conditions of Using Mathematics Sound?	34
Tanyushina A.A. Computationalism, Information and Consciousness: On the Way to Solving a "Hard Problem"	42

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Aseeva I.A., Budanov V.G., Mayakova A.V. From Digital Technologies to a Total Control Society?.....	51
Kovtun N.M., Ventsel N.V. Social Risks of Man's Being in the Modern Urbanized Environment of the Peripheral and Semi-Peripheral Countries of the World System.....	60
Krasikov V.I. "Haters" in the Russian Segment of the Internet	73
Naiman E.A. Semiotic Mechanisms of Social Meaning Formation in Language.....	87
Pashina L.A. The Constitution of Gerontolinguistics Paradigm and Its Contemporary Prospects.....	101
Sukhanova N.P. Transformation of the Subject of Education: Expansion of the Concept of Self-Care.....	112

HISTORY OF PHILOSOPHY

Akhmatov V.V. The Problem of Evil, Sin and Freedom in the Context of the Russian Religious-Philosophical Tradition.....	121
Ovchinnikov S.E. Description and Explanation in the Social Sciences in the Framework of Arthur Danto's Analytical Philosophy.....	138

SOCIOLOGY

Glukhov A.P., Stakhovskaya Yu.M. The Digital Divide in the Focus of Intergenerational Communication	148
Kuznetsov S.A., Karpova A.Yu., Savelev A.O. Automated Detection of Ultra-Right Communities' Cross-Links in a Social Network.....	156
Popov E.A., Zamjatina O.N. "A Ray of Light in the Kingdom of Darkness": Social Optimism of the Population of Altai Krai in a Short-Term Perspective.....	167
Skalaban I.A., Debrenne M., Kolesova O.V., Pogorelskaya A.M. Strategic University-City Cooperation: The Role of Campus in Higher Education Internationalization	180

POLITICAL SCIENCE

Avanesova E.G. Disputes about the Due Model of the Eastern Orthodox Church as a Reflection of the Problem of Supreme Power in World Orthodoxy.....	189
Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreev A.V. Global Public Order and Its Changes	199
Bronnikov I.A., Belousov G.F., Gorbachev M.V. Factors of Formation and Development of Regional Environmental Protest Movements in Modern Russia.....	214
Daniilova E.A., Kalinin I.A. Comparative Analysis of National Branding Strategies for Germany and Russia in the Context of Improving the Quality of Life of the Population.....	224
Kuznetsov I.I. Political Consciousness of Russian Students: Public Solidarity, Trust, Interaction	237
Sungurov A.Yu. The Legislative Assembly of Saint Petersburg: Expert Participation in Decision-Making.....	253

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Starikova E.V. Materiality of Freedom: To Live or to Work?	263
---	-----

ARCHIVE

Lisanyuk E.N., Perova N.V. Argumentation and Risk	278
--	-----

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	290
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/59/1

Л.Г. Коробков

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ БАЗИСЕ ЭКСТЕРНАЛИЗМА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00057).

В статье ставится цель обосновать корректность аргумента М. Маккинси, согласно которому экстерналистам следует отказаться от классической модели интроспективного доступа. Реконструкция проблемы в контексте типологии, противопоставляющей дескриптивные и дизъюнктивные подходы к референции, позволяет получить представление о статусе терминов естественных видов, согласующееся с «эпистемологическим дизъюнктивизмом». Утверждается, что формально правильный вывод М. Маккинси и в эпистемическом плане является обоснованным.

Ключевые слова: экстернализм, аргумент Маккинси, дизъюнктивизм, интроспективный доступ, теория референции.

Семантический экстернализм – это принимаемая значительной частью сообщества аналитических философов теория, согласно которой значение имен собственных, индексных слов (например, местоимений) и терминов естественных видов устанавливается без посредничества дескрипций или смыслов, локализованных «в голове» носителя языка. Экстерналисты демонстрируют, что значение многих терминов определяется либо прямо – через указание на какой-либо наблюдаемый экземпляр их объема, либо через связь с фактом «крещения», либо по ссылке на знания экспертов.

У многих вызывает протест принижение экстерналистами роли интроспекции при образовании понятий, ведь философы никогда не сомневались в том, что интроспективная очевидность конституирует знание. Эту проблему мы называем, согласно устоявшейся практике, *проблемой совместимости экстернализма и априорного самопознания*. М. Маккинси разработал аргументацию, демонстрирующую, что одновременное признание экстернализма и интроспективного доступа влечет за собой абсурдный вывод о возможности априорного познания таких фактов, как факт существования естественного вида *вода*, или сообщества, использующего это понятие¹. Для экстерналиста существует несколько вариантов решения проблемы, из которых два представляются наиболее убедительными. Первый – так или иначе блокировать «рецепт Маккинси», т.е. утверждать, что его аргументация организована некорректно. По этому пути идут М. Тай и М. Сейнсбери (а также Э. Брукнер, Б. Маклафлин и С. Голдберг). Второй вариант заключается в от-

---

¹ Другой аргумент о несовместимости – аргумент «медленного переключения» – мы не рассматриваем, поскольку сама его запутанная формулировка требует отдельного рассмотрения [1].

казе от идеи интроспективного доступа – по крайней мере от той модели, которая приписывается картезианской традиции. К такому решению склоняются сам Маккинси, а также Б. Брюер, Д. Корман и Э. Куллисон.

Первый параграф мы посвящаем типологизации экстерналистских теорий и интерпретации положений сильного экстернализма. Во втором параграфе мы поставим проблему совместимости в новом ключе и в результате убедимся в правоте сильного экстернализма, при ее решении исходящего из дизъюнктивной концепции опыта. Никто не может, руководствуясь чисто интроспективными соображениями, делать вывод о том, что владеет понятием естественного вида.

1

Если, как показали Р. Маркус и С. Крипке¹, дескрипции не могут отождествляться со значениями терминов, то что следует считать базовыми элементами познания – благодаря чему мы способны обобщать содержания опыта и выводить из них свойства объектов? Проблема примирения теории прямой референции и традиционного объяснения рациональности нашла отражение в статье Х. Патнэма «Смысл и референция» [2], где он предложил следующий сюжет: где-то существует планета, во всем похожая на Землю, но за одним исключением – реки и озера на ней наполнены жидкостью, которую невозможно отличить от воды, но химическое строение которой выражается сложной формулой, для краткости записываемой как X_4Z . Население Земли-Двойника говорит по-английски, и утоляет жажду жидкостью, на первый взгляд ничем не отличающейся от воды. Английский там отличается лишь тем, что слово *water* в нем обозначает X_4Z . Если бы мы нашли жителя Земли – допустим, что его зовут Оскар, и его двойника с фантастической планеты, оба из которых жили в 1750 г., когда ни на Земле, ни на той планете еще не была известна формула воды, мы удостоверились бы в том, что описания установок Оскара и его двойника, желающих, например, утолить жажду, тождественны. Несмотря на то, что Оскар и Твин-Оскар испытывают ощущения влажности, оба считают, что вода ничем не пахнет и т.п., понятия воды у Оскара и Твин-Оскара имеют между собой мало общего. Сюжет показывает, что с референциальным различием слов, обозначающих воду и подобную ей субстанцию, невозможно сопоставить какое-либо различие репрезентаций в «языках мышления»², ведь согласно истории субъекты физически тождественны³. Патнэм не нашел почвы для примирения психологии и теории прямой референции, но его замечание о том, что, рассуждая о понятиях, применяемых близнецами, мы имеем дело не с подлинными терминами, а со стереотипами, которые не синонимичны таким терминам, как H_2O или

---

¹ В модальном аргументе Крипке утверждается, что дескрипции никогда не тождественны собственным именам, так как не отражают идентичности означаемого во всех возможных мирах. Например, если бы Гитлер в свое время не пришел к власти, он не имел бы свойств, которые мы используем для определения этого имени.

² Согласно гипотезе языка мышления Дж. Фодора, мысленные репрезентации представляют собой бессознательные вычислительные состояния, получающие содержание будучи дополненными референциальным отношением к миру. Этот язык является специфическим для человека врожденным средством мышления.

³ Подобные мысленные эксперименты отвлекаются от того факта, что мозг на 80% состоит из воды [3. Р. 87].

X_YZ [4. Р. 240], обсуждается философами. Причиной недоразумений, сопутствующих традиционной теории значения, является, как считает Патнэм, смешение метафизической и эпистемической необходимости, позволяющее сделать вывод, что если метафизическим условием принадлежности субстанции к естественному виду *вода* является обладание структурой H_2O , то термин «вода» должен быть синонимичным с термином « H_2O » [Ibid.]. На самом деле эти термины не синонимичны, и аналитического определения естественных видов дать нельзя. Аналитическое определение – это такое определение, которое имеет статус одновременно метафизически и эпистемически необходимого. Если пояснить, что под эпистемической необходимостью здесь понимается априорность, то мысль Патнэма сводится к тому, что нет никаких оснований свойства, обычно включаемые в априорные определения термина естественного вида (например, «Вода – это жидкость без цвета и запаха... и т.п.»), считать метафизически истинными, а с другой стороны, нельзя забывать, что истины типа «Вода есть H_2O », отражающие метафизически существенные свойства, в эпистемическом смысле являются случайными.

С точки зрения *семантического экстернализма*, называя вещество X_YZ «водой», мы неправильно применяем это понятие, так как референция термина была зафиксирована через указание на «это вещество», существенным свойством которого является бытие H_2O . При этом большинство экстерналистов, в отличие от Т. Бёрджа и С. Сойер, полагает, что ход мыслей Патнэма вовсе не влечет за собой радикального вывода о том, что условия владения понятиями могут включать интроспективно недоступные факторы [5. Р. 143], допуская лишь, что значения понятий можно считать в какой-то мере изолированными от интроспективных способностей субъекта¹.

На сегодняшний день в обращении находится ряд ярлыков для различных вариантов экстернализма. Например, согласно «слабому» экстернализму, отстаиваемому К. Макгинном, при индивидуации содержаний восприятия решающую роль играют эффекты состояний сознания, а не диспозиционные свойства объектов [6. Р. 65]. В восприятии фиксируется факт существования экземпляра свойства, и при этом не важно, о свойстве какого именно объекта в нумерическом плане идет речь [7. Р. 39]. Макгинн считает, что объект, отраженный в сознании в качестве определяемого каким-либо свойством, на самом деле может восприниматься и независимо от его свойств. На этом основана возможность иллюзии – восприятия объекта как имеющего мнимое свойство. Если бы восприятие объекта зависело от восприятия свойств, то иллюзия представляла бы некий иной или несуществующий объект. Применительно к феномену убеждения Макгинн отстаивает «сильный» экстернализм – при индивидуации содержаний убеждений следует учитывать их реальные *причинные* отношения. Говорить о том, что «мозг в бочке» способен иметь обоснованные убеждения, было бы некорректно. Подобных взглядов придерживается и Б. Брюер, который подчеркивает, что существует бесконечно много высказываний, приписывающих объекту различные свойства, но

---

¹ Бёрдж, например, пишет: «...природа мыслей в том виде, как она маркируется их репрезентирующим содержанием, конститутивно зависит от социальной среды» [3. Р. 151]. С. Сойер и Т. Уорфилд принимают контринтуитивные следствия аргумента М. Маккинси и отрицают то, что он представляет собой *reductio ad absurdum* – априорное подтверждение знания случайных фактов, по их мнению, возможно.

само его существование не объясняется перечислением предикатов. Брюер является сторонником сильного экстернализма не только в отношении убеждений, но и в отношении восприятий: для него, например, понятие красного цвета вторично по отношению к убеждениям относительно красных объектов [8. Р. 62].

Джессика Браун классифицирует экстерналистские подходы, руководствуясь тем, какие решения предлагаются ими в случаях отсутствия референта для термина. Концепции одного типа исходят из того, что в сознании субъекта иллюзии или галлюцинации присутствует чисто дескриптивная мысль – например, человеку, принимающему оптическое явление в пустыне за воду, приписывается мысль о «бесцветной субстанции, зеркальная гладь которой искрится под лучами солнца (и т.п.)». Концепции другого типа основаны на *дизъюнктивном* принципе – между нормальным восприятием и галлюцинацией – по крайней мере с семантической точки зрения, – нет ничего общего. Галлюцинации вообще не имеют определенного семантического содержания, поэтому, если некто в пустыне видит оазис, который на самом деле является фантазмом, он на самом деле лишь испытывает *иллюзию мысли*. Концепции первого типа Браун называет «дескриптивными», а второго – «иллюзионными» [9. Р. 16]. Иллюзионный экстернализм – это неофрегеанская концепция Г. Эванса и Дж. Макдауэлла, в которой отсутствие референта влечет за собой отсутствие объективного (*de re*) смысла, а отсутствие смысла для фрегеанцев выливается в отсутствие мысли. Что касается термина «дескриптивный экстернализм», то под ним можно объединить весь спектр теорий, свободных от принципа, согласно которому смысл образует необходимое и достаточное условие для вхождения референта в объем понятия: вопреки Г. Фреге, К. Макгинн и др. полагают, что одному смыслу могут соответствовать радикально разные референты. В этих теориях пропозициональная установка за отсутствием широкого содержания конституируется узким – дескриптивным смыслом.

Сара Сойер делит все экстерналистские теории на «предикативные» и «сингулярные» [10. Р. 137]. Она объединяет социальные и теории естественных видов в группу предикативных, а к сингулярному типу относит такие, которые моделируют содержания установок исходя из феномена прямой референции. Сойер наиболее важным считает то, какие взгляды на природу пропозиций выражают экстерналисты: критерием принадлежности к сингулярному типу служит для нее признание таких пропозиций, конституентами которых могут быть единичные предметы. Преимущество данной концепции в том, что она объясняет такое явление, когда два утверждения, истинные в одних и тех же возможных мирах, имеют различный смысл, не прибегая к двухфакторной модели К. Макгинна и др. Оппоненты такого наивного реализма выдвигают следующий аргумент [11. Р. 45–68]. Эпизоды опыта могут относиться к разным объектам, но иметь одно и то же содержание: например, образы близнецов на основании зрительных ощущений различить невозможно, но нумерически они остаются различными особями. Это говорит о том, что объекты восприятия нерелевантны для индивидуации его содержания. Кроме того, содержание сознания может быть идентичным в адекватном восприятии и в случаях воображения и галлюцинации – например, цвет воображаемого лимона ничем не отличается от цвета реального.

Концепция сингулярных пропозиций выбирается в качестве базиса наиболее интересной и радикальной теорией – сильным экстернализмом. Ее сторонники руководствуются расселовским *principle of acquaintance* – «любая пропозиция, которую мы способны понять, должна состоять из частей, с которыми мы непосредственно знакомы» [12. Р. 219].

2

Стандартным аргументом в пользу несовместимости экстернализма и традиционной идеи интроспективного доступа к значениям считается аргумент *незаконного априорного познания*, который выдвинул М. Маккинси [13]. Аргумент Маккинси имеет форму сведения к абсурду: он демонстрирует, что одновременное признание экстернализма и интроспективного доступа к значениям эквивалентно утверждению возможности априорного познания случайных фактов.

1) Допустим, что Оскар располагает доступом к дескриптивному смыслу слова «вода», если он, например, рассуждает о том, что вода – это бесцветная жидкость. Мы говорим, что он владеет понятием воды. Это положение основано на *принципе неограниченного интроспективного доступа*.

2) Если Оскар владеет понятием воды, то вода существует (или когда-либо существовала). Это положение приписывается *экстернализму*.

3) Следовательно, вода как референт соответствующего понятия существует.

В этом силлогизме, на первый взгляд, нет ничего парадоксального, ведь предложение 3 действительно истинно, так как аргумент является синтаксически правильным (*valid*) и семантически непротиворечивым (*sound*). Проблема кроется в эпистемическом статусе вывода. Вспомним, что экстернализм (тезис 2) был принят на основании априорной аргументации – в мысленном эксперименте Патнэма. Благоразумный тезис 1 тоже известен априори. Собственно говоря, нет ничего удивительного в том, что мы знаем 1 и 2 априори. Парадокс становится очевидным, когда мы понимаем, что если 1 и 2 известны априори, то 3 также должен иметь характер априорной истины. Таким образом, аргумент апеллирует к тому обстоятельству, что мы не можем утверждать 3 без эмпирического исследования [14. Р. 54].

Заслуживают внимания два подхода к решению парадокса Маккинси – один предлагается М. Таем и М. Сейнсбери, другой – самим М. Маккинси, а также Б. Брюером. Тай и Сейнсбери рассматривают отношение референции как интенциональное, а Маккинси и Брюер – как причинное, и в свете изложенных в предыдущем параграфе типологизаций концепцию первых можно назвать слабым, а вторых – сильным экстернализмом [15]. Слабые экстерналисты пытаются блокировать аргумент и утверждают, что проблема поставлена некорректно. По их мнению, тезис 2 имеет *апостериорный* характер. Даже если экстерналистский принцип сам по себе и считать априорным, нельзя слепо применять его к конкретным понятиям – полагают Тай и Сейнсбери [16. Р. 107]. Из тезиса экстернализма может следовать незаконное априорное знание, только если заранее известно, что термин представляет собой *атомарное понятие естественного вида*¹. Нам изначально известно, что

¹ Референция атомарного понятия фиксируется независимо от определения.

термин «вода» – атомарный, причинно связанный со своим референтом. Принимая как должное зависимость тождества «Вода есть H_2O » от случайных фактов существования, мы упускаем из вида момент, о котором говорят Тай и Сейнсбери, поскольку мы сосредоточены на условиях патнэмовского эксперимента. В действительности успешность референции не может быть автоматически предсказана, и нельзя исключать возможность того, что термин окажется пустым или сложным (как в случае понятия «воздух»), и тогда аргумент Маккинси не будет работать.

Хорошим опровержением аргумента Тая и Сейнсбери, на наш взгляд, является мысленный эксперимент П. Богосяна¹, который предлагает нам представить планету, обитатели которой никогда не имели эмпирического контакта с водой и вместо этой субстанции предметом восприятия там выступает коллективный мираж [17]. Понятие естественного вида, согласно экстернализму, должно быть атомарным, но в данном случае это невозможно, так как оно пустое. Экстерналисту остается признать, что слово, имеющее тождественную роль в языке мышления Оскара и его физического дубликата с Сухой Земли, в первом случае будет выражать атомарное, а во втором – дескриптивное понятие², что противоречит здравому смыслу. Представляется очевидным, что история о Сухой Земле показывает не то, что – как считают Тай и Сейнсбери, – слово «вода» выражает в данном контексте иное понятие, а то, что с точки зрения экстерналиста контекст Сухой Земли вообще исключает какое-либо определенное понятие воды. Метафизика Тая и Сейнсбери, допускающая пустые термины естественных видов, на наш взгляд, не способна противостоять аргументации Богосяна.

Маккинси, между прочим, замечает, что никогда не утверждал того, что тезис 2 выдвигается на априорных основаниях. Его аргумент не строится на принципе априорной *импликации*. Он демонстрирует абсурд иначе – руководствуясь принципом замыкания априорного *знания* относительно импликации³. Согласно последнему, если субъект способен познать априори, что P , и при этом из P логически следует Q , то он способен познать априори, что Q . В нашем случае, если бы Оскар мог знать априори, что владеет понятием воды, когда думает, например, что вода хорошо утоляет жажду, то, по принципу замыкания, из этого необходимо следовало бы, что он априори знает, что вода существует. Собственно говоря, поэтому принцип неограниченного интроспективного доступа (тезис 1) и должен быть отвергнут экстерналистом во избежание незаконного априорного знания.

Ключом к стратегии Маккинси и сильного экстернализма в целом является переосмысление критериев владения понятиями. Требования к способности владения понятием должны следовать из надлежащей трактовки принципа Рассела, известного как принцип знания на основании индивидуального опыта (знакомства). Чтобы показать, как правильно сформулированный экстернализм обходит парадокс незаконного априорного знания, Б. Брюер конструирует расширенный аргумент в пользу принципа Б. Рассела. Подлинная референция возможна только к тем объектам, о которых субъект способен

¹ Богосян занимает позиции интернализма.

² Мы вместе с Богосяном допускаем, что всем понятиям присуща дескриптивная форма, служащая условием возможности интроспекции.

³ “Closure of apriority under logical implication” [14. P. 55].

выражать невыводное знание – таков, по его мнению, смысл принципа Рассела [18. Р. 256]. Для него очевидно также, что эмпирические отношения к объективным свойствам способны непосредственно индивидуировать содержания установок, выступая основанием для указательного или невыводного знания [Ibid. Р. 23]. Брюер утверждает, что эти отношения необходимо являются мотивирующими (reason-giving), поясняя, что последний термин относится к *субъективному* феномену. Восприятия служат мотивами, если, и только если они вносят вклад в фиксацию условий истинности основанных на них убеждений, которые когнитивный агент оценивает как уместные или неуместные альтернативы в контексте своей деятельности – иначе говоря, *понимает* [19]. При установлении критериев владения понятиями следует руководствоваться тем, что само наличие эмпирических убеждений зависит от актуальной мотивированности объектами восприятия. Из этих наблюдений Брюер делает вывод, что восприятия имеют концептуальное содержание и невозможны без него – указательные понятия фундируют восприятие¹ [20. Р. 217].

Такие оппоненты сильного экстернализма, как М. Тай, не учитывают того, что существуют некие накладываемые на любое истинное убеждение самой его внутренней природой эмпирико-эпистемологические ограничения. Эти ограничения, конституирующие способность владения понятиями, делают тезис 1 аргумента Маккинси неприемлемым. В действительности способность к образованию и применению понятий во многом регулируется отношениями к фактам, фиксируемым сингулярными пропозициями. На наш взгляд, наиболее убедительное обоснование этого тезиса может быть выработано философскими школами, отталкивающимися от адекватной концепции опыта – такой, которая исходит из дизъюнктивного принципа, согласно которому между нормальным восприятием, с одной стороны, и воображением, иллюзией, галлюцинацией – с другой, с семантической точки зрения нет ничего общего.

Литература

1. *Ebbs G.* Why Scepticism about Self-Knowledge is Self-Undermining // *Analysis*. 2005. Vol. 65, № 3. P. 237–244.
2. *Putnam H.* Meaning and Reference // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70, № 19. P. 699–711.
3. *Burge T.* *Foundations of Mind*. Oxford, 2007.
4. *Putnam H.* The Meaning of “Meaning” // *Mind, Language and Reality*. Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.
5. *Lewis D.* Attitudes De Dicto and De Se // *Philosophical Papers*. 1983. Vol. 1. P. 133–156.
6. *McGinn C.* *Mental Content*. Oxford; New York, 1989.
7. *McGinn C.* *The Character of Mind*. Oxford, 1982.
8. *Brewer B.* *Perception and its Objects*. Oxford, 2011.
9. *Brown J.* *Anti-individualism and knowledge*. MIT Press, 2004.
10. *Sawyer S.* Internalism and Externalism in Mind // *The Continuum Companion to Philosophy of Mind* / ed. J. Garvey. London; New York, 2011. P. 133–150.
11. *Tye M.* *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, MA, 2000.
12. *Russell B.* *Mysticism and logic*. London, 1951.

¹ Такого же мнения придерживается не являющийся «неорасселианцем» Дж. Макдауэлл. Он пишет: «...концептуальный репертуар может включать способность мыслить объекты посредством способов представления, функционирование которых сущностно зависит от воспринимаемого присутствия объектов» [21. Р. 287].

13. McKinsey M. Anti-Individualism and Privileged Access // *Analysis*. 1991. Vol. 5. P. 9–16.
14. McKinsey M. Externalism and Privileged Access Are Inconsistent // *Contemporary Debates in Philosophy of Mind* / McLaughlin Brian P., Cohen J. (eds.). Blackwell Publishing, 2007. P. 53–66.
15. McKinsey M. The Semantic Basis of Externalism // *Meaning and Truth* / eds. J. Campbell, M. O'Rourke, D. Shier. New York, 2001. P. 34–52.
16. Sainsbury M., Tye M. Seven Puzzles of Thought And How to Solve Them: An Originalist Theory of Concepts. Oxford, 2013.
17. Boghossian P. What the externalist can know a priori // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1997. Vol. 97. P. 161–175.
18. Brewer B. Perception and Reason. Oxford, 2000.
19. Brewer B. Self-Knowledge and Externalism // *The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy*. 2000. Vol. 5. P. 39–47.
20. Brewer B. Perceptual experience has conceptual content // *Contemporary Debates in Epistemology* / eds. E. Sosa, M. Steup. Blackwell, 2005. P. 217–250.
21. McDowell J. De Re Senses // *The Philosophical Quarterly*. 1984. Vol. 34, № 136. P. 283–294.

Leonid G. Korobkov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: 5in7in5@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 5–13.

DOI: 10.17223/1998863X/59/1

SEMANTIC BASIS OF EXTERNALISM REVISITED

Keywords: externalism; McKinsey argument; disjunctivism; privileged access; theory of reference.

This article aims to show that, contrary to what Fred Dretske in *Naturalizing the Mind* and some others are claiming, compatibility between externalism and Privileged Access to Attitude Content (PAC) is one of the basic problems. It describes some approaches to the solution of this problem which follow from admitting the validity of Michael McKinsey's reductio ad absurdum argument. McKinsey has outlined the challenge for externalists which concerns illusion of sameness of meaning in his 1991 paper "Anti-Individualism and Privileged Access". In Putnam's Twin Earth case, speakers of both earths enjoy the following illusion: "water" means something different on Earth and on Twin-Earth, but this difference might not be accessible to them. The punch line of McKinsey's case runs as follows: if the contents of our thoughts are determined in part by our relations to the environment, then one might think that external observations are needed in order to know what we think. But self-knowledge does not come about through empirical investigations. So either contrary to appearance we do not really know the contents of our own thoughts, or, if we do, externalism is false. If both externalism and the thesis of privileged access were true, then we could have a priori knowledge of certain contingent matters of empirical fact. But the idea that we could have such a priori knowledge is absurd; therefore, one or both externalism and the thesis that we have privileged access to our own mental states are false. The paradox comes with the claim that *if thesis of privileged access and externalism are knowable a priori, then we can know contingent external propositions (e.g. that "Water exists") a priori as well*. We get this from a plausible principle: the set of things we know is closed under entailment, so we know that a given claim is true upon recognizing, and accepting thereby, that it follows from what we know. To avoid commitment to such an absurd consequence externalists like Michael Tye who endorse PAC commit themselves to rejecting the a priori status of externalism. An argumentation in this vein is supposed to run into the problem raised by Paul Boghossian in "What the Externalist Can Know A Priori". I argue that it is controversial whether the inhabitants of Dry Earth possess the concept of water. I outline a version of strong or concept-possession externalism which evades this kind of issues.

References

1. Ebbs, G. (2005) Why Scepticism about Self-Knowledge is Self-Undermining. *Analysis*. 65(3). pp. 237–244. DOI: 10.1017/CBO9781139062114.011
2. Putnam, H. (1973) Meaning and Reference. *The Journal of Philosophy*. 70(19). pp. 699–711.
3. Burge, T. (2007) *Foundations of Mind*. Oxford: Oxford University Press.

4. Putnam, H. (1975) The Meaning of "Meaning". In: Putnam, H. (ed.) *Mind, Language and Reality*. Cambridge University Press. pp. 215–271.
5. Lewis, D. (1983) Attitudes De Dicto and De Se. *Philosophical Papers*. 1. pp. 133–156. DOI: 10.22201/iifs.18704905e.1999.763
6. McGinn, C. (1989) *Mental Content*. Oxford; New York: Basil Blackwell.
7. McGinn, C. (1982) *The Character of Mind*. Oxford: Oxford University Press.
8. Brewer, B. (2011) *Perception and its Objects*. Oxford: Oxford University Press.
9. Brown, J. (2004) *Anti-individualism and knowledge*. The MIT Press.
10. Sawyer, S. (2011) Internalism and Externalism in Mind. In: Garvey, J. (ed.) *The Continuum Companion to Philosophy of Mind*. London and New York: Continuum. pp. 133–150.
11. Tye, M. (2000) *Consciousness, Color, and Content*. Cambridge, MA: The MIT Press.
12. Russell, B. (1951) *Mysticism and Logic*. London: Rowman & Littlefield Publishers.
13. McKinsey, M. (1991) Anti-Individualism and Privileged Access. *Analysis*. 5. pp. 9–16. DOI: 10.1093/analysis/51.1.9
14. McKinsey, M. (2007) Externalism and Privileged Access Are Inconsistent. In: McLaughlin, B.P. & Cohen J. (eds) *Contemporary Debates in Philosophy of Mind*. Blackwell Publishing. pp. 53–66.
15. McKinsey, M. (2001) The Semantic Basis of Externalism. In: Campbell, J. & O'Rourke, M. & Shier, D. (eds) *Meaning and Truth*. New York: [s.n.]. pp. 34–52.
16. Sainsbury, M. & Tye, M. (2013) *Seven Puzzles of Thought And How to Solve Them: An Originalist Theory of Concepts*. Oxford: Oxford University Press.
17. Boghossian, P. (1997) What the externalist can know a priori. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 97. pp. 161–175. DOI: 10.2307/1522971
18. Brewer, B. (2000) *Perception and Reason*. Oxford: Oxford University Press.
19. Brewer, B. (2000) Self-Knowledge and Externalism. *The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy*. 5. pp. 39–47.
20. Brewer, B. (2005) Perceptual experience has conceptual content. In: Sosa, E. & Steup, M. (eds) *Contemporary Debates in Epistemology*. Blackwell. pp. 217–250.
21. McDowell, J. (1984) De Re Senses. *The Philosophical Quarterly*. 34(136). pp. 283–294.

УДК 101.1

DOI: 10.17223/1998863X/59/2

Е.В. Косилова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНИМАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

В статье рассматривается темпоральное представление мира, анализируется осмысление процессов и событий. Некоторые авторы считают, что процессы делимы до бесконечности, другие авторы выделяют дискретные события. События можно представить как скачки функций. Они выявляются только наблюдателем. Восприятие и процессов, и событий требует особой способности выходить из точки здесь и сейчас.

Ключевые слова: процесс, событие, А.Н. Уайтхед, Н. Решер, Э. Гуссерль.

Философия процесса – область философии, которая оформилась в XX в. несмотря на то, что ведет свое начало от Гераклита. Однако, как указывают историки этого направления [1], в классической западной метафизике преобладало понятие субстанции, вещи. Вокруг него строилось осмысление бытия (субстанция, модус, акциденция; вещь, свойство, отношение), так что субстантивировалось даже бытие субъекта, Я. Наша интеллектуальная история сложилась так, что мы мыслим мир состоящим из вещей, т.е. по существу статичным.

Вероятно, льет воду на эту же мельницу и классическая западная наука, особенно математика. В ней никоим образом нет места времени. Что касается физики, то она, конечно, задействует время, однако по сути также оперирует субстанциями и вещами. Мы не привыкли осмыслять темпоральность. Однако в XX в. эта проблема стала очевидна, так что были предложены решения.

Философы-«процессисты», как они себя называют, ведут свою традицию, кроме Гераклита, от Лейбница и Гегеля [2]. Ключевой фигурой начала XX в. был Альфред Норт Уайтхед, а в конце XX – начале XXI в. Николас Решер. Также важные идеи высказаны в статьях и книгах [3–5]. Как правило, они пишут о процессах, а не о событиях, но следует оговориться, что понятие «события» (event, occurrence) иногда упоминается в философии процесса, особенно у Т. Истмэна в контексте квантовой теории [4].

В отечественной мысли, к сожалению, метафизика процесса представлена мало. Следует упомянуть книгу С.С. Неретиной и А.П. Огурцова «Онтология процесса», в которой представлена сугубо авторская концепция [6]. Философия процесса упоминается в статье О. Столяровой [7] и анализируется в ее книге «Возвращение метафизики как факт» [8]. Философии Уайтхеда посвящены статьи М. Локосовой [9] и Д. Штаммера [10], Интересен подход московских логиков: А.В. Смирнова [11] и В.И. Шалака [12, 13]. Однако о метафизике процесса – собственно определении, что такое процесс, его

структурных и динамических характеристиках, его связи с временем – приходится читать в основном в англоязычной литературе.

Кроме онтологической, существует и гносеологическая сторона мышления о процессах. Здесь центральной фигурой является Э. Гуссерль с его трактовкой восприятия темпоральных явлений (процессов).

Основные интуиции метафизики процесса

Что же такое процесс? В основном это понятие в философии процесса функционирует как базовое, самопонятное. Определения не дается даже в статье в Стэнфордской философской энциклопедии [1]. Мы можем определить процесс через более базовое понятие «изменение»: это темпорально развернутая совокупность изменений, имеющая место в пространстве (и, конечно, во времени). Я буду также использовать термин «субстрат», чтобы обозначить то, что изменяется.

Как считают Н. Решер и У. Селларс, субстрата у процесса может не быть. В этой связи Селларс вслед за Ч.Д. Броудом выделяет «абсолютные процессы» (бессубъектные), которые, по его словам, первичнее своих субстратов, хотя это выглядит не до конца убедительно. Например, «Сократ бежит» – это процесс, привязанный к субстрату, а «бег Сократа состоялся» – это абсолютный процесс [3], хотя разница явно чисто языковая. К сожалению, эта привязка к языку очень типична для аналитической философии. Решер мыслит неязыковым образом и в пример бессубъектных процессов приводит «температура упала»: «Но многие события и процессы явно не имеют субъектов, поскольку они не состоят из действий одного или нескольких личных или безличных агентов (например, мороз или магнитное поле). В этих самодостаточных или бессубъектных процессах действуют не „агенты“, а „силы“. Они могут быть диффузно расположенными (расширение Вселенной Хаббла) или вообще не иметь реального местоположения (Большой взрыв)» [2. Р. 4]. Однако, на мой взгляд, это тоже не слишком убедительно. Температура падает не «вообще», падает температура какого-то тела, какой-то среды (атмосферы). Тогда тело или среда и будут субстратом процесса. Электромагнитное поле тоже можно считать субстратом. Я не вижу оснований выделять бессубъектные процессы, хотя иногда действительно выделение субстрата может быть проблематично (например, в случае социальных или эпистемических процессов).

Важный вопрос о структуре или паттерне процесса. Решер считает, что процессом можно назвать только нечто, имеющее структуру: «Процесс – это последовательно структурированная серия стадий или фаз, которые являются типами событий или происшествий... Неструктурированная последовательность – просто что-то одно за чем-то другим – процессом не является» [Ibid. Р. 27]. Однако в других местах той же работы он в качестве важных примеров применения философии процесса называет психологию, т.е. «Я как процесс», и теологию, т.е. «Бог как процесс». Но ни в случае Я, ни в случае Бога нельзя говорить, что это процессы, являющиеся структурированной последовательностью событий. У Бога, надо полагать, повторяющейся структуры нет, да и у Я, скорее всего, тоже (не в смысле работы мозга, а именно в смысле существования сознания как потока). Так что паттерна, т.е. повторяющейся во времени структуры, у процесса, думаю, может не быть, однако устойчивый

процесс требует определенной структуры субстрата. Например, в биохимических процессах в клетке во взаимодействие вступают определенные вещества, один процесс – одни и те же вещества.

В этом смысле важным представляется разделение на собственные (сущностные) и привходящие процессы. Выделение собственного (сущностного) процесса логически совпадает с выделением, в другой системе смысловых координат – с выделением единицы субстрата. Например, если мы в субстанциальной системе координат выделяем как единицу отдельного человека (а мы, конечно, ее выделяем), то в соответствующей процессуальной системе координат его сущностными процессами будут жизнь, дыхание, биение сердца, возможно, разумное мышление и т.п. Чтение книги, приготовление еды и печатание статьи – тоже процессы и с тем же субстратом, но они привходящие. Шалак [13] предлагает очень простой критерий: все сущностные процессы делятся ровно столько же, сколько существование индивида. Однако здесь мы сталкиваемся с трудностью. «Существование индивида» – не процесс в логическом смысле слова, это еще производное от субстанциального, а не процессуального мышления. Согласно тому же Шалаку (и Решеру), индивид – это пучок процессов. Естественно, прежде всего в этом пучке собираются собственные процессы. Поэтому определение собственного процесса через длительность, равную длительности индивида (т.е. тех же собственных процессов), – это тавтология. Задача определения собственного процесса так не решается, однако, возможно, имеет смысл просто заменить понятие «индивид» на понятие «собственный процесс» и таким образом вывести из рассмотрения проблему субстрата.

У большинства процессов есть вход и выход, так что мы почти всегда выделяем каузально связанные друг с другом процессы. Собственно, каузальность в процессуальной онтологии как раз сводится к последовательности процессов, связанных через вход и выход. Продукция какого-то субстрата на выходе первого процесса запускает второй процесс, для которого данный субстрат будет входом: «...процесс есть чередование стадий, на которых „сращение“ многих факторов подводит к формированию некоторого результата, а оформление достигнутого результата становится условием „перехода“ к следующей стадии» [14. С. 59]. Такое понимание процесса естественно в химии, биохимии и сходных науках, хотя И.В. Мелик-Гайказян в данной работе применяет его и к процессам передачи информации.

Здесь на ум сразу приходит конструктивистский аргумент: процессы выделяем мы, в природе же многообразие процессов взаимосвязано и не делится на дискретные единицы. Однако так ли это?

Мы подходим к важному, в аспекте нашего рассмотрения, вопросу о континуальности / дискретности процессов. Вопрос стоит так: существует ли атомарный, единичный процесс (не в смысле квантовой теории, а в смысле метафизики)? Или любой процесс можно делить на подпроцессы до бесконечности? Решер строго придерживается второй точки зрения, он континуалист. И во времени, и в логическом смысле слова, считает он, процессы делятся на все более мелкие подпроцессы, макропроцессы на микропроцессы, и это деление бесконечно [2. Р. 22]. Аналогичной точки зрения придерживается В.И. Шалак, который также говорит о том, что любой процесс во времени можно делить до бесконечности [13]. Однако основатель современной теории

процесса Уайтхед считал иначе. Он выделял единицы процесса: «актуальные сущности» (actual entities). Эти актуальные сущности соединяются в «сращении» (concrescence) в определенные комплексы (nexus). Здесь, конечно, возникает вопрос о возможном кванте времени, но это проблема чисто физическая, речь же у нас идет о логической делимости процессов.

События как дискретные разрывы процессов

В этой связи необходимо сказать о концепте события. События рассматривались в континентальной традиции и всегда понимались как имеющие отношение к человеку. Например, Ж. Делез пишет: «Событие по самой сути принадлежит языку, оно имеет существенное отношение к языку...» [15. С. 36]. Аналогичным (субъективистским) образом пишет о событии Хайдеггер [16]. Однако нас интересует более объективистский подход к событиям. Уайтхед, как было сказано выше, выделял единицы процессов – актуальные сущности. Вот что он пишет: «Некоторый отдельный случай „сращения“ называют „актуальной сущностью“, или соответственно „актуальным событием«. Не существует одного полного набора вещей, являющихся актуальными событиями. Ибо обязательным фундаментальным фактом оказывается креативность, благодаря которой не может быть „многих вещей“, не субординированных в конкретное единство. Так, совокупность всех актуальных событий есть по самой своей природе точка зрения (standpoint) для другого „сращения“, извлекающего конкретное единство из этого множества актуальных событий. Отсюда мы не можем изучать реальный мир иначе, как с точки зрения непосредственного „сращения“, которое отрицает предшествующее завершение процесса» [17. С. 297]. Мы видим, что вещи здесь приравниваются к событиям, причем все события находятся во взаимосвязи. Являются ли события по Уайтхеду объективными? С одной стороны, да, с другой стороны, они всегда воспринимаются «чувствованием» (feeling), которое принадлежит не человеку, а всему миру: «...имеет место рецепция мира как множества индивидуальных центров чувствования, взаимопредполагающих друг друга» [Там же. С. 299], т.е. Уайтхед фактически выступает здесь как панпсихист.

Мы видим, что можно рассматривать процессы как состоящие из микрособытий. Однако представляется, что в стационарных процессах события выявлять не следует. Парадигмальным примером будет такая цепочка: горение звезды (стационарный процесс) – вспышка сверхновой (событие) – существование черной дыры (второй стационарный процесс). Является ли выделение события здесь всего лишь антропологически обусловленным восприятием нового? Судя по всему, нет. Это именно объективное событие. Конечно, континуалисты возразят, что вспышка сверхновой также является процессом, хотя во времени этот процесс короче, чем два другие. В определенном аспекте между ними разница принципиальна: процесс континуален, а событие дискретно. Любое дискретное макрособытие состоит из одного или нескольких процессов, но это не отменяет его дискретности *относительно* окружающих его процессов. Даже если событие длилось некоторое заметное время, оно будет единичным, поскольку, как уже было сказано, преобразовывает субстрат окружающих процессов. Процессы в большинстве случаев в той или иной степени стационарны. В событии стационарность отсутствует полно-

стью. У любого процесса есть собственное *внутреннее время*, а у события нет такого времени.

Каким образом можно описать событие именно как событие, а не как процесс? Вспоминая делезовский термин «сингулярность», можно обратиться к математическим метафорам и связать понятие процесса с понятием функции, а понятие события – с нарушением непрерывности функции или, скорее, с отсутствием у нее производной в определенной точке. Повторюсь, что это метафора, а не реальное утверждение относительно существования конкретной «функции» у конкретного процесса. Конечно, у каждого процесса можно выделить функции от многих параметров (и, возможно, будут различные ситуации нарушения дифференцируемости таких функций), но здесь метафорически идет речь о том, что производная отсутствует в некоторой особой, сингулярной точке функции, в разрыве или «скачке». Именно это и следует, на мой взгляд, понимать под событием.

Вопрос о времени нужно рассмотреть подробнее. У каждого процесса, как было сказано, есть собственное внутреннее время. Времена процессов не соотносимы между собой. Они могут иметь некоторое «объемлющее» время, только если *имеется наблюдатель*, общий для нескольких процессов. Мне думается, что нельзя считать процессы «наблюдающими» друг друга, как это делает Уайтхед. Скорее здесь мы имеем что-то вроде теории относительности для процессов: понятие одновременности для различных процессов, не имеющих общего наблюдателя, не имеет смысла. Что касается события, то оно не имеет собственного внутреннего времени, и данное свойство события связано с окружающими его процессами. Событие следует рассматривать как нечто дискретное. Идеальное событие – это точка, момент времени.

Однако, как уже было сказано, практически любое событие можно рассматривать и как процесс, если подходить к нему с другой шкалой времени. В этом смысле идеальных событий не существует. Каждый процесс, как стационарный, так и нет, задает наблюдателю собственную шкалу времени, в рамках которой он является процессом, а не событием. С увеличением масштаба шкалы даже длительные стационарные процессы будут представляться событиями. Следует сказать и то, что стационарные процессы в течение длительного времени не изменяют своего субстрата, а в событии принципиальным образом меняется субстрат, как мы видим на примере горения звезды и вспышки сверхновой (а в другой традиции и другими словами об этом писали, например, Ф.И. Гиренок: «Смысл лишает событие его событийного состава, а событие обесмысливает смыслы» [18. С. 69]; Ю.М. Лотман: событие – это «перемещение персонажа через границу семантического поля» [19. С. 282], т.е. событие всегда увязывается со смыслом, с его изменением, с наличием понимающего наблюдателя). Однако мы снова видим, что если изменить шкалу времени, то и стационарный процесс окажется событием, изменяющим субстрат. Поэтому дискретность события может быть только условной.

С условной дискретностью события связано то, что его нельзя изучать. Изучать можно только процессы, так как именно они имеют внутреннее время. События происходят, можно сказать, слишком быстро, они воспринимаются только задним числом, как изменившие состояние субстрата. Именно поэтому в континентальной традиции (Делёз [15], Хайдеггер [16], Гиренок [18], Лотман [19]) событие понимается как точка изменения смысла. У Витген-

штейна в «Логико-философском трактате» идет речь об атомарных фактах – это практически события – и они также связываются с наблюдателем. Таким образом, без наблюдателя события практически не выявляются как таковые, они являются только краткими процессами. Однако с появлением наблюдателя появляются и события. События определены принципиально антропологически.

Процессы и их восприятие

В этой связи возникает вопрос о сознании как о процессе и о восприятии сознанием других процессов вокруг него.

Что сознание является процессом, в этом нет сомнений у классиков философии процесса. Уайтхед, как мы видели, наделял сознанием вообще весь мир, подходил к нему как к организму, панпсихистски. Решер придерживается более классического понимания сознания, у него оно принадлежит человеку. Пониманию сознания как процесса он посвящает отдельную главу в своей книге «An Introduction to Process Philosophy» [20]. Там он пишет, что понимание процессуальной природы сознания облегчает решение mind-body problem. В принципе, понятно и так, что в темпоральной перспективе субъективное бытие является процессом. Однако нужно поставить вопрос, как один процесс воспринимает другие процессы.

Чтобы понять существо вопроса, рассмотрим метафору. Если один поезд едет, то, стоя на платформе, его движение можно видеть. Также, если мы сидим в этом поезде, мы видим, что пейзаж за окном движется назад. Но если два поезда по соседним рельсам движутся параллельно в одном и том же направлении, друг для друга они будут стоять, они не увидят взаимного движения. Можно видеть только относительное движение. Поэтому хочется сказать, если и мир движется во времени, и человек движется в нем же в том же направлении, когнитивный процесс человека не будет адекватно ухватывать параллельный процесс мира. В таком случае мы вообще не должны воспринимать время. Мне думается, что это одна из загадок времени и его отношения к мышлению человека.

Можно разрешить это затруднение следующим образом, так сказать, по Минковскому. Мир состоялся в пространстве-времени, в четырех измерениях. Он некоторым образом стоит на месте. Человек движется по оси времени вдоль состоявшегося мира и, соответственно, видит во времени его изменения. Это примерно напоминает, как виден из едущего поезда кабель, который подвешен к столбам и слегка провисает между ними: когда смотришь из окна, кажется, что он волнообразно колеблется.

Но кажется, что сознание работает не по такому принципу. Мы действительно движемся вместе с миром, однако в определенном смысле стоим на месте, а мир движется. В каком смысле мы стоим на месте? В смысле выхода за пределы времени в опоре на память. В этом смысле мне кажется, что решеровское понимание сознания как процесса не ухватывает способность человека выходить из имманентного времени.

В опоре на память и на то, что Гуссерль называл ретенцией, мы выходим за пределы точки здесь-и-сейчас (в данном случае «сейчас»). Гуссерль, как известно, приводил в пример восприятие мелодии. Мелодия разворачивается во времени, человек движется во времени, так что в каждый конкретный мо-

мент он слышит только один тон. Однако у сознания есть темпоральный горизонт, как это называл Гуссерль [21. С. 47]. Ретенция – способность сознания удерживать в актуальном поле не единственный момент, а отрезок времени. В этом интервале времени, который существует в сознании одномоментно, располагается определенная временная последовательность. Сосуществование целого отрезка прошлого (причем в его темпоральной развертке) в едином моменте настоящего является особым свойством сознания. Об этом писал также У. Джеймс, введя в обиход понятие «кажущееся настоящее» (*Specious Present*) (обзор соответствующих идей см. в [22]). Видимо, можно сказать, что кажущееся настоящее – это первый шаг к человеческой способности выхода за пределы времени. Речь здесь идет о выходе за пределы имманентного времени к конституированию вневременных сущностей. Гуссерль писал об этом в «Феноменологии внутреннего сознания времени»: «Как же теперь, вопреки феномену постоянного изменения сознания-времени, осуществляется сознание объективного времени, и прежде всего тождественных временных позиций и временного протяжения? Ответ таков: вследствие того, что вопреки потоку темпорального отодвигания, потоку модификаций сознания, объект, который являет себя как отодвинутый, апперцептивно *сохраняется как раз в абсолютной тождественности*, и притом объект вместе с полаганием в Теперь-точке опыта как „это“. Постоянная модификация схватывания в постоянном потоке не затрагивает „чтойности“ („als was“) схватывания, т.е. смысла» [21. С. 69] (курсив мой. – Е.К.). Он говорит: «Время неподвижно, и все же оно течет» [Там же. С. 68]. Здесь, думается, он имеет в виду именно человеческую способность выходить за пределы имманентного времени ко времени объективному, по крайней мере, конституировать объективное время. Он пишет о «господстве тождества смысла» каждого объективного процесса: темпоральная материя «именно в потоке сохраняет для себя тождественность предметного смысла» [Там же]. Таким образом, целостность смысла схватывается вне-темпорально.

В другом месте Гуссерль пишет о конституировании времени внешнего процесса: «Когда я воспринимаю какую-то вещь, вещественный процесс и т.д., я имею в восприятии само собой разумеющееся *его время*, а именно его присутствующее бытие как продолжительность» [23. Р. 382] (курсив мой. – Е.К.). «Время мира – это форма, неизменная форма для всего «существующего», всего сохраняющегося в реальном смысле» [Ibid. Р. 404]. «Но в этом текущем изменении есть постоянная «конституция» мирового времени» [Ibid. Р. 144]. Таким образом, здесь он тоже подчеркивает, что объективное время процессов конституируется отдельно от моего «живого настоящего».

Если процесс имеет паттерн, то его можно представить как схему, как структуру, которая разворачивается во времени. Например, врач-кардиолог записывает кардиограмму – развертку электрических потенциалов сердца, соответствующую его биению. Обо всех процессах можно сказать, что они развернуты во времени перед нами. Однако врач, глядя на кардиограмму, в уме производит *обратную свертку*. Он выявляет паттерн, который повторяется. Эта способность сознания – производить свертку того, что во времени развернуто – также относится к способности сознания выходить за пределы потока времени. Согласно Гуссерлю, это «тождество предметного смысла» темпорального явления.

Если теперь поставить вопрос, как в теории Гуссерля будут восприниматься не процессы, а события, то следует снова повторить, что события, будучи дискретными, осмысляются задним числом, из будущего. Здесь мы снова сталкиваемся с важнейшим для континентальной традиции понятием смысла и с гуссерлевским понятием конституирования смысла. Событие осмысляется, оно становится вехой в истории мышления и в истории мира: «От предполагаемого события, воспринимаемого события в феноменологическом времени, постоянных данных восприятия, мы вернулись к контексту сознательных переживаний, которые его „составляют“. То, что мы видели, не выдуманно, и мы видели эти переживания, мы воспринимали их. И здесь у нас были постоянные следствия исходного опыта фаз событий; они появляются одно за другим в абсолютной самости, только чтобы, когда они возникают, теряют свою абсолютную самость как изначальную данность» – пишет Гуссерль в своих поздних записях [23. Р. 260]. Он увязывает события с их потенциальным предвидением и ретенциональным воспоминанием.

Однако, конечно, следует упомянуть не только ретенцию, но и обычную память. Мы способны за счет памяти удерживать тот мир, который был, и таким образом схватываем движение, изменение, время. Мир движется вокруг нас, а мы наблюдаем это движение, метафорически стоя на станции.

Я также думаю, что стоит добавить, что с выходом за пределы времени связано и мышление в области математики. В математике принципиально нет времени. В ней как бы все уже состоялось. Даже несмотря на то, что математика оперирует квазитемпоральными объектами – например, морфизмы в теории категорий, построения в геометрии, операторы, да и само понятие функции – это тем не менее мир без времени. Отчасти это напоминает упомянутую выше свертку темпоральных сущностей в паттерн.

Поэтому я считаю, что и процессы, и события мы можем мыслить как происходящие во времени, но в то же время представлять их в виде функций, в «свернутом» виде.

Заключение

Темпоральное представление мира – это представление его в виде процессов и событий. Хотя некоторые представители философии процесса считают процессы бесконечно делимыми, в статье приведены соображения, что следует выделять также и дискретные события. Возможно объективистское рассмотрение события: события могут рассматриваться как точки на графике функции процесса, в которых функция совершает скачок. Однако, тем не менее для выделения события нужен наблюдатель, у которого имеется определенный масштаб времени, так как всегда можно подобрать масштаб, в котором события являются процессами. Что касается восприятия темпоральности мира, наше сознание не воспринимало бы ее, если бы не обладало свойством выходить из точки здесь и сейчас в опоре на ретенцию и память.

Литература

1. *Seibt J.* “Process Philosophy”. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), forthcoming URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/process-philosophy/> (дата обращения: 21.11.2020).

2. *Rescher N.* Process Philosophy: A Survey of Basic Issues. University of Pittsburgh Press, 2000. 152 с.

3. Sellars W. Naturalism and Process // *The Monist*, 1981. Vol. 64, № 1. Foundations for a Metaphysics of Pure Process. P. 37–65.
4. Eastman T.E. Our Cosmos, from Substance to Process // *World Futures*. 2008. Vol. 64, № 2. P. 84–93.
5. Eastman T.E., Keeton H. (eds). *Physics and Whitehead. Quantum, Process, and Experience*. State University of New York, 2003. 343 p.
6. Неретина С.С., Огурцов А.П. *Онтология процесса. Процесс и время*. М. : Голос, 2014. 724 с.
7. Столярова О.Е. Социология науки и философия науки: за пределами дескриптивизма и нормативизма // *Вопросы философии*. 2014. № 4. С. 168–177.
8. Столярова О.Е. *Возвращение метафизики как факт*. М. : Русское общество истории и философии науки, 2019.
9. Локосова М.В. Хитросплетение категорий: анализ основных понятий философии процесса А.Н. Уайтхеда // *Вопросы философии*. 2017. № 1. С. 154–167.
10. Штаммер Д. Динамическая онтология, отправной точкой которой является опыт субъекта: С.Л. Франк и А.Н. Уайтхед // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*, 2014. Т. 16. С. 95–105.
11. Смирнов А.В. Процессуальная логика и ее обоснование // *Вопросы философии*. 2019. № 2. С. 5–17.
12. Шалак В.И. Онтология и логика процессов // *Философские науки*. 2019. Т. 62, № 6. С. 138–150.
13. Шалак В.И. Сравнительный логический анализ субстанциальной и процессуальной онтологий: Устный доклад. 2020. URL: <https://www.facebook.com/groups/211414780134271/permalink/255398222402593/> (дата обращения: 21.11.2020).
14. Мелик-Гайказян И.В. «Событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. № 3 (7). С. 53–67.
15. Делёз Ж. *Логика смысла*. М. : Академический Проект, 2011. 472 с.
16. Heidegger M. *Gesamtausgabe*, Bd. 65. *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Vittorio Klostermann. Frankfurt Am Main, 1989. 513 p.
17. Уайтхед А.Н. *Избранные работы по философии*. М. : Прогресс, 1990. 718 с.
18. Гиренок Ф.И. Археография события // *Событие и смысл (Синергетический опыт языка)*. М. : ИФРАН, 1999. С. 67–88.
19. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.
20. Rescher N. *Process Metaphysics : An Introduction to Process Philosophy*. SUNY Series in Philosophy. New York : State University of New York Press, 1996. 412 p.
21. Гуссерль Э. *Феноменология внутреннего сознания времени*. М. : Логос, 1994. 102 с.
22. Dainton B. Temporal Consciousness. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/> (дата обращения: 21.11.2020).
23. Husserl E. *Späte Texte über Zeitkonstitution (1929–1934) Die C-Manuskripte*. Herausgegeben von D. Lohmar. Dordrecht : Springer, 2006.

Elena V. Kosilova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: implicatio@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 14–24.

DOI: 10.17223/1998863X/59/2

ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL UNDERSTANDING OF TEMPORAL PHENOMENA

Keywords: process; event; Alfred North Whitehead; Nicholas Rescher; Edmund Husserl.

The temporal representation of the world is its representation in the form of processes and events. The philosophy of the process was developed in the 20th century, although it originates from Heraclitus. Its representatives are A.N. Whitehead, N. Rescher, Russian logicians A.V. Smirnov and V.I. Shalakh. Rescher introduces the concept of structure of the process, which is understood as a repeating pattern, but it seems that a change that does not have a regular structure is also a process. Ch.D. Broad and W. Sellars speak about the “absolute process” that does not have a subject, but this

description is carried out in a linguistic, rather than physical, manner. Essential and incidental processes are also distinguished: the essential process is inalienable from the corresponding substrate, the incidental may be absent. Causality in a process ontology is a sequence of processes; the output of one is the input of the other. Rescher and Shalack are proponents of a continuum understanding of processes, according to which any process can be infinitely divided into subprocesses. Whitehead identifies process units – actual entities. The main issue discussed in the article is about the relationship between the process and the event. The anthropocentric aspect of the event is emphasized, its connection with the being of man, with sense, although there are some works in which the event is considered as something objective. In the article, the author suggests considering the event as a discrete point in the process at which the function jumps. However, events are distinguished only by the observer, “in nature” any event can be considered as a short process. Consciousness is analyzed as a process and it is indicated that one purely temporal process cannot adequately perceive the second process, floating within the same time. Two processes running in parallel do not perceive each other as processes. However, the human consciousness has the ability to go, in reliance on retention and memory, beyond the point *hic et nunc*, in such a way that the time of the world is perceived as current. Consciousness also has the ability to convolve process patterns that were initially broached in time.

References

1. Seibt, J. (2020) Process Philosophy. In: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/process-philosophy/>.
2. Rescher, N. (2000) *Process Philosophy: A Survey of Basic Issues*. University of Pittsburgh Press.
3. Sellars, W. (1981) Naturalism and Process. *The Monist*. 64(1). pp. 37–65.
4. Eastman, T.E. (2008) Our Cosmos, from Substance to Process. *World Futures*. 64(2). pp. 84–93.
5. Eastman, T.E. & Keeton, H. (eds) (2003) *Physics and Whitehead. Quantum, Process, and Experience*. State University of New York.
6. Neretina, S.S. & Ogurtsov, A.P. (2014) *Ontologiya protsessa. Protsess i vremya* [Ontology of Process. Process and Time]. Moscow: Golos.
7. Stolyarova, O.E. (2014) Sotsiologiya nauki i filosofiya nauki: za predelami deskriptivizma i normativizma [Sociology of science and philosophy of science: Beyond descriptivism and normativism]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 168–177.
8. Stolyarova, O.E. (2019) *Vozvrashchenie metafiziki kak fakt* [Return of Metaphysic as the Fact]. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki.
9. Lokosova, M.V. (2017) Khitrospletentie kategoriy: analiz osnovnykh ponyatiy filosofii protsessa A.N. Uaytkheda [Network of Categories: Analysis of the Key Concepts of Whitehead's Process Philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 154–167.
10. Shtammer, D. (2014) Dinamicheskaya ontologiya, otpravnoy tochkoj kotoroy yavlyaetsya opyt sub"ekta: S.L. Frank i A.N. Uaytkhed [Dynamic ontology, the starting point of which is the subject's experience: S.L. Frank and A.N. Whitehead]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 16. pp. 95–105.
11. Smirnov, A.V. (2019) Protsessual'naya logika i ee obosnovanie [Process logic and its grounding]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 5–17.
12. Shalack, V.I. (2019) Ontology and logic of processes. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 62(6). pp. 138–150. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-138-150
13. Shalack, V.I. (2020) *Sravnitel'nyy logicheskiy analiz substantsial'noy i protsessual'noy ontologii: Ustnyy doklad* [Comparative logical analysis of substantial and process ontology: presentation]. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/groups/211414780134271/permalink/255398222402593/> (Accessed: 21st November 2020).
14. Melik-Haikazyan, I.V. (2009) Occasion-in-actuality and occasion-in-reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(7). pp. 53–67. (In Russian).
15. Deleuze, J. (2011) *Logika smysla* [Logic of Sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.
16. Heidegger, M. (1989) *Gesamtausgabe*. Vol. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
17. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Philosophical Works]. Translated from English. Moscow: Progress.

18. Girenok, F.I. (1999) Arkheografiya sobytiya [Archeography of Event]. In: Tishchenko, P.D. (ed.) *Sobytie i smysl (Sinergeticheskiy opyt yazyka)* [Event and Sense. Synergetical Experience of Language]. Moscow: RAS. pp. 67–88.
19. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [On art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 14–285.
20. Rescher, N. (1996) *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*. New York: State University of New York Press.
21. Husserl, E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of Inner Time Consciousness]. Translated from German. Moscow: Logos.
22. Dainton, B. (2018) Temporal Consciousness. In: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/consciousness-temporal/>.
23. Husserl, E. (2006) *Späte Texte über Zeitkonstitution (1929–1934) Die C-Manuskripte*. Dordrecht: Springer.

УДК 115.4

DOI: 10.17223/1998863X/59/3

С.Б. Куликов

ФИЛОСОФИЯ О ВРЕМЕНИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ С АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

В статье обсуждаются возможности аналитической философии (идеи Р. Карнапа, в частности) для описания времени в рамках гипотетически возможного единого языка, где отдельные суждения относительно времени раскрывают его целостный смысл, реконструируемый на базе обобщения частных актов осмысления времени в естествознании и гуманитарном знании. Естественнонаучный подход отображен физикой, а гуманитарный – философией.

Ключевые слова: понятие времени, релятивистская физика, теория относительности, аналитическая философия, единство оснований.

Введение

Основная **проблема** исследования – эксплицировать методологические возможности аналитической философии (как знания об основаниях аргументации) в отношении перспектив интерпретации понятия времени в качестве символа, отображающего пересечения оснований современных философии и физики. В целом исследование выполняется в русле направления, восходящего к идеям Р. Карнапа [1. Р. 50–53]. Так, Р. Карнап полагал, что язык как система знаков теоретически может объединить естественные науки и гуманитарное знание, причем в основу исследований закладывалась формальная логика как язык науки в целом. В этом отношении подразумевается некоторый искусственный язык, в рамках которого положения отдельных наук становятся взаимно переводимы. Автор полагает важным выполнить проверку данного допущения, сделав упор на возможности, предоставляемые естественным языком.

Обсуждение заявленной проблематики позволяет достичь **цели** раскрытия оснований, на базе которых формулируются суждения в физике и философии как отдельных областях научного знания, равно как уточнить перспективы построения суждений о времени на тех же основаниях в научном знании в целом. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– выявить в проблематике ключевые направления и сформулировать эти направления в виде базовых тезисов касательно смысла понятия «природа времени»;

– проследить логические следствия базовых тезисов о природе времени и прояснить связи, которые имеются между философией, физикой и (в перспективе) другими научными дисциплинами в плане понимания времени.

В соответствии с представленной последовательностью действий статья включает два основных раздела. Первый раздел посвящен обсуждению вариантов отображения в системе научных понятий и высказываний связи времени в природе с идеей темпоральности человеческого бытия. Во втором разделе

ле показаны способы координации времени в природном, социальном и антропологическом его смысле в философии.

Время в природе и темпоральность человеческого бытия

Предложенный в исследовании подход актуален в отношении вопроса, насколько в принципе возможны представления о времени в виде Универсальных Часов как символе универсального измерительного прибора длительности и изменчивости природных явлений. Целесообразность обсуждения такого вопроса связана с общими следствиями, вытекающими из теории относительности А. Эйнштейна. Релятивистские разработки А. Эйнштейна и его непосредственных предшественников (А. Пуанкаре, Х. Лоренц и др.), согласно которым нет универсальной системы отсчета, а время течет в каждой из систем относительно любой другой в зависимости от близости / удаленности движения этих систем от скорости света, привели к мысли о спорности самой необходимости использования инвариантной временной шкалы. Тем самым под вопросом оказались Универсальные Часы. В философии все это привело к вопросу о возможности универсального стандарта познания как фундамента науки, причем возобладали представления об отсутствии такого фундамента или как минимум его проблематичности. Точки зрения по данному вопросу могут быть сгруппированы следующим образом:

– авторы, описывающие отсутствие универсальных стандартов и оснований [2–4];

– авторы, в том или ином плане признающие необходимость многообразия стандартов и оснований [5–7];

– авторы, ищущие выход из ситуации, когда универсальные стандарты проблематичны, но желательны для измерения изменений в развитии научного познания [8].

Итак, мы можем зафиксировать первый из упомянутых выше базовых тезисов относительно проблемы времени. Тезис носит основополагающий характер, поэтому имеет «нулевую» нумерацию и содержание следующего вида:

Т.0. Анализ отображения в научном знании (физико-математическом естествознании) природы времени позволяет прояснить вопрос об основаниях науки в философии и физике в частности и философии науки в целом.

Ход обсуждения в дальнейшем предполагает анализ следующих тезисов:

Т.1. Универсальные Часы, понятые как символ, раскрывают путь для понимания общих оснований научного познания в философии науки.

Т.2. Установление связи между наукой и человеческим бытием открывает перспективу конституирования философии физики, основанной на темпоральности человеческого бытия.

Т.3. Корректность построений в современной философии физики зависит от учета субъективного характера времени, подразумеваемого в работах Э. Гуссерля.

Т.4. Символизм Универсальных Часов раскрывает сущность отношений, с одной стороны, между философскими спекуляциями, а также естествознанием и гуманитарным знанием – с другой.

Первые два тезиса обсуждаются в данном разделе. Аргументация третьего и четвертого тезисов представлена во втором разделе статьи. При этом в поддержку *Т.1* автор предлагает следующие доводы:

1. Аргументация, которая имеет силу в рамках современной физики, влечет за собой осознание проблематического характера понятия времени как универсального способа измерения длительностей и изменений и отсылает к следующей аналогии. Время как способ измерения длительности процессов в классической физике отображало вариант реализации общезначимых стандартов. В современной физике наблюдается набор конкурирующих теорий, которые в плане собственных оснований обладают статусом достоверных знаний и в которых время теряет свой универсальный характер. В частности, это общая теория относительности [9] и релятивистская теория гравитации [10]. Проблематично уже само по себе наличие нескольких теорий, равно претендующих на статус истинного описания действительности. Но в отношении проблемы времени такое многообразие теоретических построений фундаментального вида влечет нижеупомянутые последствия.

2. Современная философия науки исследует область действительности, которая непосредственно связана с вопросом о природе научного познания. Этот вопрос подразумевает принципы получения достоверных знаний о материальной природе, мышлении, обществе и других объектах. В частности, это принцип концептуального единства, дающий возможность свести научное знание в целостную систему понятий. И именно здесь актуализируется проблематический характер таких понятий, как пространство и время. В частности, пространство является одним из основных понятий для географии и геометрии. В географии пространство совпадает с местоположением природных объектов, поэтому есть основания определять пространство как «пустоту» [11. Р. 139]. В отличие от такого подхода в геометрии пространство совпадает с координатой точек, представляющей собой варианты построения топологического многообразия [12. Р. 125–143]. Точно так достаточно проблематично обнаружить универсальные принципы построения единой системы научных понятий касательно времени, очевидно различающегося по смыслу, допустим, в истории, где время означает чередование эпох, и в химии, где время совпадает с мерой скорости протекания химических процессов.

Разнообразие способов понимания времени, которое зависит от вариантов применения этого понятия в различных науках, рожденных человеком при развитии исследовательской деятельности, обуславливает необходимость прояснения предполагаемой связи между понятием времени, наукой и характеристиками человеческого бытия, лежащими в основе выделения единства основ философии физики (и даже философии науки в целом). Это заключение позволяет перейти к обсуждению тезиса, который формулируется следующим образом:

Т.2. Установление связи между наукой и человеческим бытием открывает перспективу конституирования философии физики, основанной на темпоральности человеческого бытия.

Автор предлагает такие доводы в поддержку выдвинутого положения:

1. Общая связь науки и человеческого бытия видится в следующем ключе. Результаты, достигнутые в ходе исследований в общей онтологии, могут помочь построить систему научных представлений и в философии науки. Вслед за М. Хайдеггером науку можно истолковать как совокупность утверждений, в целом выражающих темпоральность существования [13. Р. 9–10, 371]. Не углубляясь в этот специальный вопрос, поясним, что данное поло-

жение, вероятнее всего, следует понимать в качестве указания на стремление к познавательным действиям, призванным разметить, упорядочить конечное бытие, стремящееся к своему завершению.

2. Тезис о конститутивной роли человеческого бытия в отношении философии физики предполагает следующую аргументацию:

Известно, что философы в XX в. раскрывают ключевую роль в понимании человеческой природы понятий языка и времени. Причем к такому результату приходят философы далеких по своим предпосылкам направлений. Сторонник аналитической философии Л. Витгенштейн открывает особый статус языка [14]. Видный представитель феноменологии и экзистенциализма М. Хайдеггер показывает конститутивное значение времени для понимания человеческого существования [13], но и язык как «дом бытия» не обойден вниманием в данном контексте. Несмотря на то, что М. Хайдеггер напрямую не является мыслителем, затрагивающим вопросы философии науки в целом и философии физики в частности, результаты его исследований не лишены эпистемологического значения. В свете этого философия физики должна учитывать особое значение языка и времени для исследовательской деятельности. Причем здесь есть немаловажный нюанс. Время – это одна из основ культурных и исторических процессов, на которой базируются гуманитарные науки. Вместе с тем время – это еще и основа для различения местоположения и порядка естественных процессов, в особенности движения небесных тел. В результате есть два разных понятия для обозначения одного и того же явления, а именно «времени человека» и «времени природы». Но важны здесь не сами по себе отличия между данными понятиями, а то, что значимость проблемы языка становится непреложной, и вопрос о времени оказывается соразмерен коммуникативной сфере, созданной человеком.

Автор заключает, что концептуализация времени и в естествознании, и в гуманитарном знании равно влечет за собой построение образа действительности, соразмерного человеческому бытию.

Способы координации времени в естественнонаучном, социальном и антропологическом его смысле средствами философии

В этом разделе обсуждаются тезисы *T.3–T.4*, которые подразумевают выделение, с одной стороны, связи между субъективистскими (релятивистскими) истолкованиями времени и его естественнонаучного способа понимания, а с другой – раскрытие символизма времени в образе Универсальных Часов и его отношения к основаниям отдельных ветвей научного познания. Первый из обсуждаемых тезисов формулируется следующим образом:

T.3. Корректность построений в современной философии физики зависит от учета субъективного характера времени, подразумеваемого в работах Э. Гуссерля.

Автор предлагает такие аргументы в поддержку выдвинутых положений:

1. Происхождение современного понимания многообразия оснований как метафизической позиции в рамках современной философии физики восходит (как минимум по духу, если не по букве) к некоторым работам позднего Э. Гуссерля [15]. Оправдано выделение таких моментов аргументации заявленного тезиса:

1.1. Поздние работы Э. Гуссерля направлены на критику оснований естественных наук, но они пересматривают и ранние эпистемологические представления самого Э. Гуссерля [16]. Сходная позиция Л. Витгенштейна [17], в особенности концепция языковой игры, стала широко известна уже после поздних работ Э. Гуссерля, хотя затруднительно в этом увидеть обязательное свидетельство преемственности. Тем не менее в «Логических исследованиях» Э. Гуссерль полагает, что достижение достоверности знания не зависит от влияния окружающего мира. Чистая логика может раскрывать такую достоверность. Логика обеспечивает единство основ в научном познании. В более позднем «Кризисе европейского человечества» Э. Гуссерль предлагает включить в понятие научной рациональности некоторые нередуцируемые (интуитивно данные) аспекты жизненного мира ученого [15. Р. 183]. Таким образом, на раннем этапе Э. Гуссерль мало обращал внимания на время как основу исследовательской деятельности (логические истины связываются безотносительно контекстов их употребления). Идея жизненного мира на позднем этапе без времени немислима.

1.2. Разработка комплекса идей, в центре которого концепт жизненного мира, приводит Э. Гуссерля к положению, что так называемые духовные болезни, которые влекут за собой войны и взаимное непонимание между народами, предполагают напоминание не только о значении интуитивного жизненного мира в науке, но и указание на поиск релевантных ему методов познания в историческом времени. Современная наука и философия не могут решить эту проблему, потому что наука и философия подменяют действительный мир искусственными структурами, такими как математические уравнения, а философия – узко понятым человеческим разумом. Возможность раскола открывается как трансцендентальная характеристика научного познания. Многообразие оснований рождается под влиянием образа знания как продукта жизненного мира, которым каждый ученый интуитивно руководствуется в актах сознания.

1.3. Необходимость исторического поворота в обсуждении проблемы дает автору возможность оспорить, например, идеи Т. Ненона (Nenon), достаточно аисторично полагающего, что трансцендентализм в целом, которого придерживается Э. Гуссерль, и классические трансценденталистские концепции, одну из которых активно развивал И. Кант, фундаментально не отличаются [18. Р. 431]. Автор данной статьи считает, что трансцендентализм И. Канта и Э. Гуссерля все-таки фундаментально отличается. Э. Гуссерль выходит за рамки попыток кантовской объективации времени и пространства, т.е. хоть и фиксируется интуиция, сходная с той, что есть и в трансцендентальной философии И. Канта, но демонстрируется не одна лишь иная форма аргументации. Э. Гуссерль ищет иной основы знаний, нежели И. Кант, потому-то и ответ на вопрос относительно оснований познавательной деятельности у Э. Гуссерля оригинален. С этой точки зрения время (и пространство) не может иметь «объективно субъективного» характера, принадлежать субъекту неотчуждаемо и тем самым оказываясь одним из атрибутов познающего субъекта, который безотносителен другим его характеристикам, таким как свобода, например. Субъективность времени именно что субъективна (относительна), а не субъектна, т.е. безотносительна к другим проявлениям субъекта как такового. Дело, видимо, в том, что мысль И. Канта двигалась в за-

фиксированной И. Ньютоном перспективе абсолютистских представлений о пространстве и времени, в то время как Э. Гуссерль мыслит, так сказать, в релятивистской Вселенной А. Эйнштейна.

2. Релятивистские отсылки идей Э. Гуссерля (в смысле их связи с теорией относительности в ее физическом и философском смыслах) влияют на способы понимания науки и ученого, даже если отдельные исследователи не согласны с прочими воззрениями Э. Гуссерля или даже если его воззрения не известны таким исследователям во всех деталях. На это указывают, например, любопытные замечания некоторых современных авторов, специализирующихся, правда, в области исторически ориентированной социологии науки [19. Р. 236]. Проблема времени в этом контексте отсылает к поиску основ человеческой действительности [20], и автор считает, что такое значение проблемы времени помогает найти образ единства для современной эпистемологии как знания об основаниях научного познания. Другое дело, что концепт «жизненного мира» отсылает к «относительным» часам, а обоснование через него научной деятельности требует интерпретации тех же часов в универсалистском духе (научных часов много, но суть многообразия едина для всех таких часов).

Выявленный символизм Универсальных Часов позволяет приступить к обсуждению следующего тезиса:

Т.4. Символизм Универсальных Часов раскрывает сущность отношений, с одной стороны, между философскими спекуляциями, а также естествознанием и гуманитарным знанием – с другой.

Предлагаются следующие доводы в пользу выдвинутого тезиса:

Важно уточнить, что аргументация, направленная на подтверждение сформулированного выше тезиса *Т.0*, предполагает, что проблема времени, которую автор статьи раскрывает в виде поиска Универсальных Часов, позволяет обратить особое внимание на отношения между философскими умозрениями и исследованиями в сфере естествознания в целом и физики в частности. Намеченная связь символизма Универсальных Часов с интерпретацией времени в естествознании и гуманитарных дисциплинах, преимущественно философии, позволяет обратить внимание на то, что проблема времени влечет за собой вопрос об условиях, при которых достигается тождество естественного мира и человеческого бытия, т.е. согласование сфер объективного и субъективного служит базисом научных знаний. Философы XX столетия заключают, что достичь рационального решения вопроса о конкретном основании науки довольно сложно, будь то феноменология сознания или сохранение традиционного противоречия между сознанием и действительностью. Решение задачи может быть осуществлено как итог прагматичного выбора, выполненного на базе произвольного метафизического постулата [21. Р. 625]. Неклассический подход здесь подразумевает представление о том, что окружающий мир и его атрибуты являются лишь эпифеноменом человеческого сознания, и эти идеи демонстрируют интересные параллели с теорией относительности А. Эйнштейна, которая основывается на понятии пространственно-временного континуума Г. Минковского [22].

Символизация времени в виде Универсальных Часов позволяет внести ясность в единство оснований философии и физики, ориентируясь на нормы философии науки в целом, которая охватывает как проблемы естествознания, так и вопросы гуманитарного знания. В целом время не исчерпывается по смыслу ни

одним, ни другим пониманием, но выступает в качестве одной из искусственных мер, применяемых человеком. В том же отношении достигается и решение еще одной проблемы: современное расхождение между основаниями отдельных научных дисциплин существенно сокращается, если не исчезает вовсе.

Заключение

Символическое значение понятия времени демонстрирует предпосылки для организации оснований как естественных наук, так и гуманитарных знаний в двух отношениях:

1. Связь формирования образа человеческой природы в современной философии с физическими изысканиями открывает эпистемологическую роль понятия времени, возможность использовать время как базис обобщенной теории познания.

2. Проведенное исследование раскрывает перспективу осмысления естественных и культурных процессов, основанную на объединении относительно независимых комплексов естественных наук, а также гуманитарных знаний, их активном взаимодействии и взаимном обогащении в рамках наработок современной философии физики в сфере построения моделей понимания времени.

Вполне возможно, что при таком подходе не удастся решить сугубо метафизическую и потому «вечную» проблему философии «что есть время?», но становится возможным обсудить целый ряд методологических нюансов, связанных с проблемой времени в философии, физико-математическом естествознании и гуманитарных дисциплинах. Вместе с тем, как замечает В.А. Суровцев, «аналитическая философия показала, что внимание к нюансу в философии не менее важно, чем стремление к всеобщему, и именно внимание к нюансу может быть наиболее плодотворно» [23]. Поэтому автор надеется, что достигнутые результаты, даже если и вызовут значительную критику со стороны представителей других направлений философии, все-таки не будут проигнорированы и отвергнуты *a priori*.

Литература

1. Carnap R. Logical Foundations of the Unity of Science // International Encyclopedia of Unified Science. Volume I. Part 1. Chicago: The University of Chicago Press, 1955. P. 42–62.
2. Popper K. Quantum Theory and the Schism in Physics. London: Hutchinson, 1982. 197 p.
3. Bernstein R.J. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Philadelphia, Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 1983. 320 p.
4. Laudan L. Science and Relativism: Some Key Controversies in the Philosophy of Science. Chicago : The University Chicago Press, 1990. 193 p.
5. Jhingran S. Ethical Relativism and Universalism. New Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 2001. 385 p.
6. Fine A. Relativism, Pragmatism, and the Practice of Science // New Pragmatists / ed. C.J. Misak. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 50–68.
7. Sankey H. Skepticism, Relativism and the Argument From the Criterion // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2012. Vol. 43, № 1. P. 182–190.
8. Hooker C. Rationality as Effective Organization of Interaction and its Naturalist Framework // Axiomathes. 2011. Vol. 21. P. 99–172.
9. Einstein A. Die Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie // Annalen der Physik. 1916. Vol. 49. P. 769–822.
10. Логунов А.А., Лоскутов Ю.М., Мествиришвили М.А. Релятивистская теория гравитации. М.: Издательство МГУ, 1987. 272 с.
11. Mazúr E., Urbánek J. Space in Geography // GeoJournal. 1983. Vol. 7, № 2. P. 139–143.

12. Carnap R. An Introduction to the Philosophy of Science. New York : Dover Publications, INC, 1995. 300 p.
13. Heidegger M. Being and Time / J. Stambaugh., Trans. Albany : State University New York Press, 1996. 506 p.
14. Wittgenstein L. Tractatus Logico-philosophicus. 8th impression. London : Routledge & Kegan Paul, 1960. 216 p.
15. Husserl E. Phenomenology and the Crisis of Philosophy / Q. Lauer, Trans. New York : Harper & Row, Publishers, Inc., 1965. 201 p.
16. Husserl E. Logical Investigations. Vol. 1 / J.F. Findlay, Trans. London; New York : Routledge, 2001. 362 p.
17. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. New York : The Macmillan Company, 1968. 258 p.
18. Nenon T.J. Some Differences between Kant's and Husserl's Conceptions of Transcendental Philosophy // *Continental Philosophical Review*. 2008. Vol. 41, № 4. P. 427–439.
19. Seidel M. Relativism or Relationism? A Mannheimian Interpretation of Fleck's Claims About Relativism // *Journal for General Philosophy of Science*. 2011. Vol. 42. P. 219–240.
20. Breuer F., Roth W.-M. Subjectivity and Reflexivity in the Social Sciences: Epistemic Windows and Methodical Consequences [30 paragraphs]. Retrieved June 21, 2015, from Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0302258> (accessed: 28.01.21).
21. Sartre J.-P. Being and Nothingness / H.E. Barnes, Trans. New York : Washington Square Press, 1993. 859 p.
22. Minkowski H. Raum und Zeit // *Physikalische Zeitschrift*. 1909. Vol. 20. P. 104–111.
23. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // *Вопросы философии*. 2010. № 8. С. 23–29.

Sergey B. Kulikov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 25–33.

DOI: 10.17223/1998863X/59/3

PHILOSOPHY ON TIME IN THE NATURAL SCIENCES AND THE HUMANITIES FROM ANALYTICAL POSITIONS

Keywords: concept of time; relativistic physics; Theory of Relativity; analytic philosophy; unification of foundations.

This article aims at applying the approaches peculiar to analytic philosophy to the question about representation of the concept of time as a symbol which can reflect the bases of the modern natural sciences, social sciences and humanities. The main methods, which the author of this article uses, are speculative analysis and modeling. The symbolic meaning of the concept of time demonstrates preconditions for the organization of the bases of the natural sciences, and social and humanitarian knowledge as well. Judgments for the meaning of time reveal the essence of the problem in two aspects of discussion on the dissociation of the foundations in the modern philosophy of physics and the philosophical analysis of the humanities as well. 1) The formation of the image of human nature in contemporary philosophy reveals the special role of the concept of time in epistemology and philosophy of science. 2) This research reveals the perspective of understanding natural and cultural processes, which is based on the unification of branches of science. As a result, the research shows the basics of communication of the natural sciences with the social science, and humanitarian knowledge as well. This way, the problem of whether time is a natural process or it is only a human invention can be solved. In general, time is not exhausted by the meaning of either of the understandings, and acts as one of the artificial measures people apply. In the same way, the solution of another problem is reached: the modern discrepancy between separate bases of science decreases considerably, if not disappears completely.

References

1. Carnap, R. (1955) *Logical Foundations of the Unity of Science*. In: Neurath, O., Carnap, R. & Morris, Ch. (eds) *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1(1). Chicago: The University of Chicago Press. pp. 42–62.
2. Popper, K. (1982) *Quantum Theory and the Schism in Physics*. London: Hutchinson.

3. Bernstein, R.J. (1983) *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press.
4. Laudan, L. (1990) *Science and Relativism: Some Key Controversies in the Philosophy of Science*. Chicago: The University Chicago Press.
5. Jhingran, S. (2001) *Ethical Relativism and Universalism*. New Delhi: Motilal Banarsidass Publishers.
6. Fine, A. (2007) Relativism, Pragmatism, and the Practice of Science. In: Misak, C.J. (ed.) *New Pragmatists*. Oxford: Oxford University Press. pp. 50–68.
7. Sankey, H. (2012) Skepticism, Relativism and the Argument From the Criterion. *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 43(1). pp. 182–190. DOI: 10.1016/j.shpsa.2011.12.026
8. Hooker, C. (2011) Rationality as Effective Organization of Interaction and its Naturalist Framework. *Axiomathes*. 21. pp. 99–172. DOI: 10.1007/s10516-010-9131-y
9. Einstein, A. (1916) Die Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie. *Annalen der Physik*. 49. pp. 769–822.
10. Logunov, A.A., Loskutov, Yu.M. & Mestvirishvili, M.A. (1987) *Relyativistckaya teoriya gravitatsii* [Relativistic Theory of Gravity]. Moscow: Moscow State University.
11. Mazúr, E. & Urbánek, J. (1983) Space in Geography. *GeoJournal*. 7(2). pp. 139–143.
12. Carnap, R. (1995) *An Introduction to the Philosophy of Science*. New York: Dover Publications, INC.
13. Heidegger, M. (1996) *Being and Time*. Translated from German by J. Stambaugh. Albany: State University New York Press.
14. Wittgenstein, L. (1960) *Tractatus Logico-philosophicus*. 8th imp. London: Routledge & Kegan Paul.
15. Husserl, E. (1965) *Phenomenology and the Crisis of Philosophy*. Translated from German by Q. Lauer. New York: Harper & Row, Publishers, Inc.
16. Husserl, E. (2001) *Logical Investigations*. Vol. 1. Translated from German by J.F. Findlay. London; New York: Routledge.
17. Wittgenstein, L. (1968) *Philosophical Investigations*. New York: The Macmillan Company.
18. Nenon, T.J. (2008) Some Differences between Kant's and Husserl's Conceptions of Transcendental Philosophy. *Continental Philosophical Review*. 41(4). pp. 427–439. DOI: 10.1007/s11007-008-9089-2
19. Seidel, M. (2011) Relativism or Relationism? A Mannheimian Interpretation of Fleck's Claims About Relativism. *Journal for General Philosophy of Science*. 42. pp. 219–240. DOI: 10.1007/s10838-011-9163-z
20. Breuer, F. & Roth, W.-M. (2015) *Subjectivity and Reflexivity in the Social Sciences: Epistemic Windows and Methodical Consequences [30 paragraphs]*. [Online] Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0302258>. (Accessed: 21st June 2015).
21. Sartre, J.-P. (1993) *Being and Nothingness*. Translated from French by H.E. Barnes. New York: Washington Square Press.
22. Minkowski, H. (1909) Raum und Zeit. *Physikalische Zeitschrift*. 20. pp. 104–111.
23. Surovtsev, V.A. (2010) Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans [Analytical philosophy: general ideas and nuance]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 23–29.

УДК 51: 101.8

DOI: 10.17223/1998863X/59/4

В.М. Резников

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОСНОВАТЕЛЬНОЙ КРИТИКА УСЛОВИЙ КОЛМОГорова ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ?

В статье на примере теоремы Бернулли сформулированы требования к применению формальных результатов в частотной интерпретации теории вероятностей. Они включают определение теоретических величин, используемых в теореме на основе экспериментальных данных, и верификацию независимости данных. Показано, что эти требования более жесткие, по сравнению с требованиями в субъективистской интерпретации, поэтому критика в ней условий Колмогорова не является обоснованной.

Ключевые слова: частотная интерпретация, субъективистская интерпретация, теорема Бернулли, устойчивость частот, независимость.

Первое издание известной книги Колмогорова вышло на немецком языке в 1933 г., а на русском она была опубликована в 1936 г., в ней впервые была предложена аксиоматика теории вероятностей, принятая впоследствии математическим сообществом в 1938 г. [1]. Эта небольшая по объему монография являлась разноплановой; так, в ней кроме собственно аксиоматики и изложения основных результатов теории вероятностей были сформулированы некоторые идеи, предполагающие философский анализ, а также относящиеся к применимости теории вероятностей. Во-первых, Колмогоров обосновал значимость понятия независимости в этой теории, при этом он считал, что невозможно в рамках математики описать положения дел, для которых адекватны модели независимых экспериментов, и считал, что эта проблема относится к философии естествознания [1]. Во-вторых, он описал требования к вероятностям в контексте их приложений следующим образом:

«А. Можно практически быть уверенным, что если комплекс условий S будет повторен большое число раз n и если при этом через m обозначено число случаев, при которых событие A наступило, то отношение m/n будет мало отличаться от $P(A)$.

В. Если $P(A)$ очень мало, то можно практически быть уверенным, что при однократной реализации условий S событие A не будет иметь места» [1. С. 13].

Почему в этой небольшой монографии, посвященной теоретической математике, были сформулированы требования к применению математики? Колмогоров дал ответ на этот вопрос в другой работе, он писал, что успехи в основаниях математики заслонили собой значимую и независимую проблему ее применимости [2]. Отметим, что в период времени, начиная с момента издания книги, посвященной аксиоматике, до признания последней, неизвестны какие-либо критические замечания, относящиеся к аксиоматизации теории вероятностей. Другая судьба у условий применения теории вероятностей по Колмогорову. Если аксиоматика Колмогорова общеизвестна, то его требования к применению теории вероятностей непопулярны, и они не обсуждались

в современной литературе вплоть до появления публикаций Шейфера и Вовка [3, 4]. Так, в работе [3], посвященной истории создания аксиоматики, влиянию математических и философских идей на создание оснований теории вероятностей и на стиль изложения теории, также были проанализированы условия Колмогорова по применению теории вероятностей. Шейфер и Вовк описали рецепцию одного из требований Колмогорова известными математиками, его современниками: Борелем, Фреше, Леви и др. Шейфер и Вовк писали: «Борель, Фреше, Леви неоднократно подчеркивали, что требование А оказывается избыточным, так как оно выводимо на основании теоремы Бернулли, являясь заключением теоремы». Наша работа в основном посвящена исследованию убедительности критики условий Колмогорова в контексте частотной интерпретации, так как в контексте приложений он следовал Мизесу, основателю частотной интерпретации. Исследуемая в статье тематика связана с проблемой применимости математики и ее места в научном исследовании. Несмотря на значимость проблемы применимости математики и ее связь с не менее значимыми проблемами, такими как эффективность математики, понимание явлений природы на основе математики, им уделяется недостаточное внимание в литературе. Дело в том, что чистым математикам проблема приложений неинтересна, а философы, как правило, интересуются теориями, а не их применением. Как говорил известный специалист в области философии науки Кайберг, «только методологи и бизнесмены интересуются проблемой применимости математики» [5]. Уточним замечание Кайберга: проблемой применимости занимаются не только методологи, изучающие проблему применимости математики и ее место в научном исследовании, но и прикладные математики, участвующие в ответственных испытаниях, а также специалисты, принимающие решения на основе математики. Однако их публикации немногочисленны и разбросаны по специальным изданиям, поэтому проблема применимости оказывается актуальной. Так как критика требования Колмогорова основана на теореме Бернулли, поэтому в работе исследуются условия применимости теоремы.

Для дальнейшего изложения имеет смысл напомнить эту теорему.

Теорема Бернулли. Проводится n независимых испытаний события A , из них m экспериментов оказались успешными. Известно, что теоретическая вероятность появления события A в каждом эксперименте равняется $p(A)$, а m/n – это частота события A , ε – это точность вычислений. Тогда при бесконечном числе экспериментов выполняется следующее равенство:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} P(|m/n - p(A)| < \varepsilon) = 1. \quad (1)$$

Отметим, что значимость теоремы для развития теории вероятностей не вызывает сомнений. Так, например, известный математик Б.В. Гнеденко отмечал значимость исследования условий, при которых события происходят с единичной вероятностью. Современный математик Г. Шейфер писал, что теорема является мостом, связывающим азартные игры, основанные на ожидаемых выигрышах, с понятием вероятности [6]. В отличие от несомненной теоретической значимости теоремы ответ на вопрос о применимости теоремы не является в той же мере очевидным. Отметим, что историки математики показали, что свою теорему Я. Бернулли доказал еще в 1691 г., однако он не торопился с ее публикацией из-за недостаточного числа примеров, в которых

используется теорема. Теорема Бернулли составляет четвертую часть его книги, которая была опубликована уже после смерти автора в 1713 г. [7].

Почему Борель, Гадамер, Фреше, Леви и др. критиковали Колмогорова? Несомненным поводом являлось замечание Колмогорова о том, что в контексте приложений он в целом следует Мизесу [1]. Как известно, Мизес был основателем частотной интерпретации теории и последовательным критиком субъективистской интерпретации теории вероятностей [8]. Факт критики Колмогорова вполне понятен, так как большинство его оппонентов были субъективистами. Почему критиковали именно требование А на основе теоремы Бернулли? Ответ на этот вопрос связан с особенностями субъективистской интерпретации. В ней исследуются сингулярные, субъективистские или, как еще говорят, индивидуальные вероятности. Так, Борель, Гадамер, Леви связывали развитие теории вероятностей с исследованиями субъективистских вероятностей. Однако они признавали, что в науке ценятся объективные результаты, но это не является проблемой, так как, по их мнению, применение теоремы Бернулли приводит к объективизации результатов. Рассмотрим аргументацию субъективистов с общематематических позиций. Как известно, формальные науки являются консервативными, это означает, что если рассуждения основаны на истинных посылах и осуществляются формально корректно, тогда и заключение будет истинным, однако формальные науки не обеспечивают выводимости утверждений о свойствах объектов, которых не было в посылах. Для того чтобы оценить убедительность аргументации субъективистов в контексте достижения ими объективистских результатов на основе теоремы Бернулли с точки зрения сторонников частотной интерпретации, мы сформулируем требования к получению убедительных результатов в частотной интерпретации. Известно, что частотная интерпретация является эмпирической, и в этой традиции применение математики не начинается с чистого листа. Так, согласно эмпирической концепции, применению математики предшествует убедительное экспериментальное определение некоторого свойства А изучаемого объекта X [9]. Далее, если объекты X и Y связаны посредством удачно подобранного математического оператора F , тогда в определенных случаях объект Y : $Y = F(X)$ обладает тем же самым свойством А. Применительно к теореме Бернулли это означает, что если вероятность $p(A)$ изучаемого события A получена на основе устойчивых частотных характеристик и поэтому является объективной, тогда и заключение теоремы, которое определяет вероятность близости частотных характеристик события A и его вероятности $p(A)$, тоже имеет объективный характер. Таким образом, с точки зрения представителей частотной интерпретации, стратегия субъективистов, направленная на получение итоговых объективных вероятностей на основе применения теоремы, в которой теоретическая вероятность известна заранее или представляет собой степень уверенности, оказывается несостоятельной. Более того, возникает следующий вопрос: «А имели ли субъективисты право применять теорему с точки зрения частотного подхода?» Корректное применение формальных результатов в частотной интерпретации основано на учете базовых положений эмпиризма. В этой интерпретации имеет место доминирование эмпирических величин над теоретическими величинами, при этом последние априори не существуют. Теоретические величины существуют при определенных условиях, в частности, если соответ-

ствующие эмпирические величины демонстрируют специальные свойства, а именно, оказываются воспроизводимыми. Роль теоретических величин ограничена в качестве представительства эмпирических величин в формальных науках. Теперь перейдем к вопросу о формальных требованиях к применимости теоремы Бернулли в частотной интерпретации. Для того чтобы применить теорему, необходимо выполнение двух условий. Во-первых, определить теоретическую вероятность исследуемого события A , хотя в теореме она считается заданной, однако в эмпирической традиции теоретические величины неизвестны. Во-вторых, проверить, являются ли результаты наблюдений независимыми несмотря на то, что в теореме Бернулли они считаются независимыми, однако по отношению к конкретным данным это неизвестно, что предполагает формальную проверку их независимости.

В математической статистике изучают теоретические методы оценивания неизвестной вероятности события на основе ее частотных характеристик. Для некоторых ситуаций адекватен экспериментальный подход, например для определения искомой вероятности применительно к случайным процессам с неизменяющимися вероятностями, в частности для оценивания вероятности на основе результатов испытаний, связанных с теоремой Бернулли. Эти результаты представляют реализацию события, происходящего с одной и той же постоянной вероятностью, поэтому естественно полагать, что при большом числе испытаний частотные характеристики этого события оказываются маловариабельными и близкими друг другу по величине. Тогда, взяв в качестве вероятности одну из частот, получим, что требование Колмогорова о близости вероятности события и его частотных характеристик выполняется геометрически.

Теперь обратимся к верификации независимости результатов экспериментов, которая необходима для использования теоремы Бернулли. Однако сначала приведем необходимые определения, относящиеся к независимости.

Определение независимости для двух событий. Два события A и B независимы, если условная вероятность события A при условии B равна безусловной вероятности события A :

$$P(A / B) = P(A). \quad (2)$$

Обычно утверждение (2) записывают следующим образом:

$$P(A \cap B) = P(A) \times P(B). \quad (3)$$

Отметим, что если формула (2) некорректна, когда $P(B) = 0$, то формула (3) свободна от этого недостатка.

Для произвольного числа n событий $A_1, A_2, \dots, A_n$ условие для их независимости имеет следующий вид [1]:

$$P(A_{i_1}A_{i_2}A_{i_3}\dots A_{i_m}) = P(A_{i_1}) \times P(A_{i_2}) \times P(A_{i_3}) \times \dots \times P(A_{i_m}); \quad (4)$$

$$m = 1, 2, \dots, n; 1 \leq i_1 < i_2 < i_3 < \dots < i_m \leq n.$$

Отметим, что понятие независимости часто используется в теории вероятностей, так как ее применение чрезвычайно упрощает вычисления, однако формальную верификацию независимости сложно осуществить. Легко подсчитать, что для проверки независимости n событий общее число проверяемых комбинаций вероятностей равно $2^n - n - 1$, а чтобы их осуществить, необходимо знать $2^n - 1$ вероятностей. Так как в реальных приложениях чаще используется не теория вероятностей, а математическая статистика, поэтому уместно остановиться на исследовании независимости в рамках последней

дисциплины. Как известно, в математической статистике нет унифицированного определения независимости, проверка независимости носит контекстуальный характер. Так, например, если исследуемые случайные величины имеют нормальное распределение, тогда подходит верификация независимости с помощью коэффициента корреляции. Если две случайные величины имеют произвольное общее известное распределение, тогда для проверки их независимости адекватен критерий Пирсона χ^2 [10]. На первый взгляд, он подходит и для верификации независимости результатов испытаний, относящихся к теореме Бернулли, так как вполне допустимо считать, что результаты бросания монеты, представляющие собой последовательность гербов и решек, имеют биномиальное распределение. Однако критерий Пирсона проверяет независимость для двух случайных величин, представленных двумя группами данных, в то время как результаты эксперимента, связанного с теоремой Бернулли, представляют собой одну последовательность гербов и решек и фактически относятся к одной случайной величине. Возникает вопрос: «Как правильно выбрать две группы данных?» На основе содержательного анализа это невозможно выполнить, и в то же время для такого рода ситуаций не разработаны и обоснованные стандартные формальные правила выделения подпоследовательностей, поэтому критерий Пирсона не подходит. Мы не будем сейчас останавливаться на применении нестандартных подходов проверки независимости, отметим, что совсем непросто осуществить верификацию независимости.

В связи с трудностями верификации возникает естественный вопрос: «Почему не ограничиться содержательными, интуитивными подходами при принятии независимости?» Ответ был дан в интересной работе Эльясберга, в которой приведен пример, иллюстрирующий принципиальное различие между независимостью и минимальной связанностью [11]. Для дальнейшего изложения определим неформально несколько необходимых понятий, относящихся к математической статистике. Распределение случайной величины – это переменная, принимающая некоторые значения с определенными вероятностями. Коэффициент парной корреляции – это мера связи случайных величин. Дисперсия – это оценка вариабельности случайных величин. Пусть даны два множества случайных величин, мощность каждого равна тысяче, в первом множестве коэффициент парной корреляции равен 0,01, а во втором нулю, т.е. в последнем случайные величины независимы. Затем для каждого множества случайных величин вычисляется их сумма, и, наконец, для каждой полученной суммы вычисляется дисперсия. В результате оказывается, что дисперсия для суммы независимых величин на порядок меньше дисперсии слабовязанных величин [11], а если взять множества мощности 10 000, тогда дисперсии будут отличаться на два порядка. Данный пример наглядно объясняет, что использование множеств независимых случайных величин должно быть обосновано, особенно в случае их большой мощности.

После анализа условий применения теоремы в частотной интерпретации и описания принципиальных трудностей, возникающих при верификации этих условий, возвращаемся к требованиям о применимости математики в субъективистской интерпретации. В ней существует единственное требование к применению, а именно, вероятности изучаемых событий должны соответствовать аксиоматике теории вероятностей, в то же время определение

вероятностей и верификация независимости не являются обязательными, так как они считаются известными априори. Теперь у нас имеются основания для анализа критики условия Колмогорова субъективистами. Во-первых, на основе теоремы Бернулли, в контексте требований к применению математики в частотной интерпретации, субъективисты не только не могут получить гарантированные объективные результаты, но и даже просто приемлемые. Во-вторых, стиль применения теории вероятностей субъективистами, с точки зрения условий к применению математики в частотном подходе, не является легитимным. И более общий вывод: в целом критика субъективистами на основе применения теоремы Бернулли результатов, полученных в частотной интерпретации, оказывается несостоятельной. Итак, требование Колмогорова оказывается вне критики на основе применения субъективистской интерпретации. В связи с этим возникает естественный вопрос о корректности условия Колмогорова в рамках частотной интерпретации. Будем полагать, что на основе анализа проведенных экспериментов были определены частотные характеристики выпадения гербов, и они оказались устойчивыми, тем самым была определена теоретическая вероятность успеха, рассматриваемая в теореме. Кроме того, предположим, что на основе верификации было показано, что результаты экспериментов являются независимыми, и в этом случае применение теоремы оказывается легитимным. Тогда возникает вопрос: «Выводимо ли требование Колмогорова на основе обоснованного применения теоремы Бернулли?» Будем исходить из замечания Колмогорова о том, что в контексте приложений он в целом следует Мизесу [1]. Поэтому уместно напомнить определение теоретической вероятности у Мизеса. По Мизесу, теоретическая вероятность определяется как предел бесконечной сходящейся последовательности частот [8]. В реалистичном финитном варианте частотного подхода вероятность определяется на основе устойчивости частот, в этом случае вероятность – это центр сгущения частот, и близость вероятности и частот определяется геометрически, а не по вероятности. Отметим, что тогда требование Колмогорова оказывается следствием устойчивости частот, при этом устойчивость не следует ни из какой теоремы, а отражает характерную черту данных, относящихся к исследуемому феномену. Таким образом, условие Колмогорова является не заключением теоремы Бернулли, а предпосылкой применения теоремы в частотной интерпретации.

Фактически мы получили, что требование Колмогорова не оказывается избыточным. Существуют ли теперь какие-либо основания полагать, что Колмогоров мог ошибиться? Так, Шейфер и Вовк писали, что Колмогоров мог ошибаться, так как он никогда не отвечал на критику оппонентов [4]. Мы считаем, что он не отвечал на критику по прагматическим соображениям. Кроме того, историки отмечали, что отчасти ссылка на Мизеса была вызвана соображениями политкорректности [3]. В связи с последним критическим аргументом приведем два соображения. Во-первых, если условие Колмогорова сформулировано подлинным сторонником интерпретации Мизеса, тогда для критики нет никаких оснований. Во-вторых, А.Н. Колмогоров оказывается вне критики в той степени, в которой он в период времени от написания своей книги до принятия аксиоматики являлся сторонником эмпирической теории вероятностей.

Заключение

В работе показана значимость исследований условий применимости математики не только для ее корректного использования, но и применительно к методологическим проблемам, связанным с определением места математики в ее приложениях. На примере теоремы Бернулли показано, что основные сложности ее корректного применения вызваны верификацией независимости данных, к которым предлагается применить теорему. По нашему мнению, представляет значимость разработка понятия независимости как на общенаучном, так и категориальном уровне. Отсутствие такого рода результатов, как справедливо отмечал Колмогоров, тормозит развитие математики, в частности теории вероятностей. Кроме того, бесспорно, что понятие независимости представляет интерес и для философии, в частности, в контексте исследований онтологии, проблемы свободы воли и др. В известной литературе эта тема практически не представлена за исключением некоторых работ Ю.В. Сачкова [12].

Литература

1. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятностей. М. : Наука, 1974. 120 с.
2. Колмогоров А.Н. Теория вероятностей // Математика, ее содержание, методы и значение. Т. 2. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 397 с.
3. Shafer G., Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // Statistical Science. 2006. Vol. 21, № 1. P. 70–98. DOI 10.1214/088342305000000467
4. Shafer G., Vovk V. Probability and Finance It's Only a Game! New York : A Wiley-Interscience Publication, 2001. 414 p.
5. Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М. : Прогресс, 1978. 375 с.
6. Shafer G. The Significance of Jacob Bernoulli's Ars Conjectandi for the Philosophy of Probability Today // Journal of econometrics. 1996. Vol. 75, № 1. P. 15–32. DOI 10.1016/0304-4076(95)01766-6
7. Бернулли Я. О законе больших чисел. М. : Наука, 1986. 175 с.
8. Mises R. Mathematical theory of probability and statistics. New York : Academic Press, 1964. 694 p.
9. Алимов Ю.И. Альтернатива методу математической статистики. М. : Знание, 1980. 64 с.
10. Крамер Г. Математические методы статистики. М. : Мир, 1975. 648 с.
11. Эльсберг П.Е. Вычислительная информация. Сколько ее нужно? Как обрабатывать? М. : Наука, 1983. 208 с.
12. Сачков Ю.В. Вероятностная революция в науке (Вероятность, случайность, независимость, иерархия). М. : Научный мир, 1999. 144 с.

Vladimir M. Reznikov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: mathphil1976@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 34–41.

DOI: 10.17223/1998863X/59/4

IS CRITICISM OF KOLMOGOROV'S CONDITIONS OF USING MATHEMATICS SOUND?

Keywords: frequency interpretation; subjectivist interpretation; Bernoulli's theorem; stability of frequencies; independency.

The article studies the foundations of criticism offered by the followers of the subjective interpretation of probability theory, namely Kolmogorov's condition about the proximity of the theoretical probability and empirical frequencies in the context of using mathematics. They consider this requirement to be redundant as it is deducible on the basis of Bernoulli's theorem being its conclusion. In my opinion, the question of redundancy of this condition has not only a historical value,

but is also topical, because the inference about Kolmogorov's error is based on using Bernoulli's theorem and the problem of using mathematics does not receive adequate attention. To analyze the soundness of this criticism, I formulate the conditions of using Bernoulli's theorem in the frequency interpretation, because Kolmogorov remarked that regarding applications he followed Mises, the founder of the frequency interpretation. These conditions are: the correct use of the theorem presupposes estimation of the probability of success in research and verification of the independence of its results. I show that the verification of result independence is a hard problem, and, for this reason, the models of independent trials are usually accepted on informal foundations. I offer arguments in favor of the formal verification by means of Elyasberg's example. The example demonstrates that the dispersion of the sum of a thousand of independent random values differs from the dispersion of the sum of a thousand of weakly connected random values with a pair correlation coefficient 0.01 by more than one order. In contrast to the frequency interpretation, the requirements of using the subjective one are limited by accepting probability axioms only. Subjectivists believe that the probability of success in research and the independence of its results are known a priori. It appears that the using of the theorem by subjectivists does not guarantee objective results and, in fact, is not correct in the context of requirements to applications in the frequency interpretation. Thus, the criticism of Kolmogorov is not sound.

References

1. Kolmogorov, A.N. (1974) *Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostey* [Basic Concepts of Probability Theory]. Moscow: Nauka.
2. Kolmogorov, A.N. (1956) *Teoriya veroyatnostey* [Probability Theory]. In: Aleksandrov, A.D., Kolmogorov, A.N. & Lavrentiev, M.A. (eds) *Matematika, ee sodержanie, metody i znachenie* [Mathematics, its content, methods and meaning]. Moscow: USSR AS. pp. 52–284.
3. Shafer, G. & Vovk, V. (2006) The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe. *Statistical Science*. 21(1). pp. 70–98. DOI: 10.1214/088342305000000467
4. Shafer, G. & Vovk, V. (2001) *Probability and Finance: It's Only a Game!* New York: A Wiley-Interscience Publication.
5. Kyberg, H. (1978) *Veroyatnost' i induktivnaya logika* [Probability and Inductive Logic]. Translated from English by B.L. Likhthenfeld. Moscow: Progress.
6. Bernoulli, Ja. (1986) *O zakone bol'shikh chisel* [On the Law of Large Numbers]. Translated from German. Moscow: Nauka.
7. Shafer, G. (1996) The Significance of Jacob Bernoulli's Ars Conjectandi for the Philosophy of Probability Today. *Journal of Econometrics*. 75(1). pp.15–32. DOI: 10.1016/0304-4076(95)01766-6
8. Mises, R. (1964) *Mathematical Theory of Probability and Statistics*. New York: Academic Press.
9. Alimov, Yu.I. (1980) *Al'ternativa metodu matematicheskoy statistiki* [Alternative to the Method of Mathematical Statistics]. Moscow: Znanie.
10. Cramer, H. (1975) *Matematicheskie metody statistiki* [Mathematical Methods of statistics]. Translated from English. Moscow: Mir.
11. Elyasberg, P.E. (1986) *Vychislitel'naya informatsiya. Skol'ko ee nuzhno? Kak obrabatyvat'?* [Computational information. How much needed? How to process?]. Moscow: Nauka.
12. Sachkov, Yu.V. (1988) *Veroyatnostnaya revolyutsiya v nauke (Veroyatnost', sluchaynost', nezavisimost', ierarkhiya)* [Probabilistic Revolution in Science (Probability, Chance, Independence, Hierarchy)]. Moscow: Nauchnyy mir.

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/59/5

А.А. Танишина

КОМПУТАЦИОНАЛИЗМ, ИНФОРМАЦИЯ И СОЗНАНИЕ: НА ПУТИ К РЕШЕНИЮ «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ»

В статье рассматриваются основные теоретические положения компютационализма как подхода к решению проблемы сознания. Представлен краткий обзор истории возникновения и развития информационно-вычислительных идей в рамках когнитивных наук и философии сознания, а также отмечены основные концептуальные трудности, с которыми сталкиваются основанные на них теории; обсуждается критика компьютерной метафоры сознания Х. Патнэма, Д. Сёрла, Д. Чалмерса. Делается вывод о перспективности вычислительного подхода и необходимости дополнения его положений последними достижениями в области естественных наук и философии.

Ключевые слова: вычисление, обработка информации, «Китайская комната», «трудная проблема» сознания, двухаспектный принцип информации.

Понятия «вычисление» (англ. «computation») и «обработка информации» появились в когнитивистике в середине прошлого века в результате ее тесного взаимодействия с другими научными дисциплинами. Понятие вычисления, обозначающее некий процесс, позволяющий эффективно преобразовывать входные данные с помощью определенной алгоритмической процедуры, пришло в когнитивные науки из математики и логики: в 1930-е гг. его активно использовали в своих работах такие ученые, как А. Тьюринг, А. Чёрч и К. Гёдель, а уже в 1943 г. нейробиологи У. Маккалок и У. Питтс стали применять этот термин для характеристики различных аспектов мозговой деятельности. Понятие информации пришло в когнитивистику из инженерных наук, чему способствовали, в частности, труды мексиканского физиолога А. Розенблюта, американского математика Н. Винера и, конечно, инженера К. Шеннона, автора работы «Математическая теория коммуникации», в которой описывались основные принципы передачи информации по каналам связи и совокупность методов, позволяющих осуществлять вероятностные измерения ее количества¹. С тех пор термины «вычисление» и «обработка информации», ставшие практически взаимозаменяемыми в контексте рассуждений о мозге и сознании², являются центральными для многих когни-

---

¹ Некоторые историки науки утверждают, что понятие «информация» применительно к описанию нейробиологических процессов начал использовать еще британский физиолог Э.Д. Эдриан в своей работе 1928 г. «The basis of sensation» (см. [1. P. 925]). Однако свою формальную трактовку это понятие получило лишь в 1950-х гг.

² Безусловно, синонимичность данных терминов ставится некоторыми исследователями под сомнение. Так, один из современных сторонников компютационализма американский философ Г. Пичинини полагает, что обработка информации не обязательно подразумевает вычисление. Комбинация этих понятий в рамках единой концепции, считает Пичинини, не только делает ее концептуальный аппарат слишком неопределенным и расплывчатым, но и затрудняет ее сопоставление с другими смежными теориями. Проблема, считает исследователь, заключается как в непроясненности терминов «вычисление» и «обработка», так и в отсутствии четких границ между видами самой информации (см. [2, 3]).

тивных теорий, исследований по компьютерному моделированию интеллектуальных функций, а также аналитической философии сознания. Человеческий разум стал все чаще сравниваться с вычислительной машиной, чья функция заключается в получении информации из окружающей среды, ее обработке и использовании в целях управления. Но, несмотря на свою широкую распространенность, значение и употребление представленных понятий остаются не до конца проясненными: на сегодняшний день не существует единого мнения о том, какие именно физические состояния лежат в основе вычислительных процессов, являются ли данные процессы достаточным условием для появления мышления и возможно ли описать природу феноменального сознательного опыта в вычислительных терминах. Безусловно, на эти и другие вопросы пытались дать ответы многие ученые и философы, однако их теоретические построения нередко вступают в конфликт друг с другом, вследствие чего компьютеризационная установка теряет свое концептуальное единство.

Действительно, вычислительные теории сознания представляют собой группу достаточно разрозненных подходов, которые весьма сложно объединить рядом общих положений. Принято считать, что классический компьютеризационизм уподобляет наши когнитивные процессы вычислительной системе, а основные умственные способности, такие как рассуждение, принятие решений и т.п., – вычислениям, выполняемым абстрактной машиной Тьюринга¹. Иногда также отмечается, что идеи классического компьютеризационизма полностью основаны на так называемой «компьютерной метафоре», уподобляющей человеческий разум компьютеру; однако современные исследователи находят это утверждение ошибочным².

Одним из первых философов, применивших компьютеризационно-функциональный подход к решению проблемы мышления и разума, был американский логик Хилари Патнэм, автор идеи множественной реализуемости сознания, ставшей ключевой для всех последующих функционалистских концепций. В начале 1960-х гг. Патнэм начал разрабатывать теорию, призванную решить психофизическую проблему, чья основная трудность заклю-

---

¹ Отметим, что в данном случае сравнение с машиной Тьюринга необходимо принимать с оговорками. Во-первых, необходимо учитывать, что машина Тьюринга имеет бесконечный объем дискретной памяти, в то время как обычные биологические системы имеют ограниченный объем. Во-вторых, машина Тьюринга имеет центральный процессор, который работает последовательно, выполняя по одной инструкции за раз, и может получить доступ к той или иной ячейке лишь путем последовательного доступа к промежуточным ячейкам; по этой причине многие философы – сторонники компьютеризационизма полагают, что в случае мозговой деятельности возможно говорить о работе нескольких «процессоров». Наконец, происходящие в машине Тьюринга вычисления являются детерминированными, так как общее вычислительное состояние определяет последующее вычислительное состояние, в то время как для человеческого разума, скорее всего, характерны стохастические вычисления, в рамках которых существует лишь определенная вероятность того, что система перейдет из одного состояния в другое.

Таким образом, в рамках классического компьютеризационизма утверждается, что наша умственная деятельность представляет собой вычислительную систему лишь наподобие машины Тьюринга, что позволяет данному подходу отклоняться от некоторых ее ключевых формализмов.

² Как отмечает австралийский философ Д. Чалмерс, описание системы как «компьютера» непременно подразумевает программируемость данной системы. Однако у компьютеризационистов нет необходимости утверждать, что разум является программируемым только потому, что мы рассматриваем его как вычислительную систему в стиле Тьюринга (большинство машин Тьюринга не программируются). Таким образом, выражение «компьютерная метафора» подразумевает теоретические обязательства, которые не являются обязательными для компьютеризационизма [4].

чалась, по мнению философа, исключительно в лингвистическом и логическом характере составляющих ее вопросов. К подобным вопросам он относил, в частности, вопрос о приватности нашего субъективного опыта и вопрос об отождествлении ментальных и физических событий. Патнэм приходит к убеждению, что любой вывод, касающийся психофизической проблемы, можно получить и в отношении машин Тьюринга; даже если мы будем говорить о различии физических и ментальных состояний (структурных и логических состояний в случае машины), то этот вывод будет представлять исключительно словесное открытие (*verbal discovery*) [5. С. 36]. Однако вскоре философ признал данное утверждение неверным: Патнэм отмечает не только ряд технических трудностей, присущих подобному подходу, среди которых проблема недостаточной продуктивности машины Тьюринга, но и ряд концептуальных вопросов, касающихся применимости подобных машинных аналогий в философии. С одной стороны, как утверждает Патнэм, машины дали нам представление об исключительной важности идеи функциональной организации, с другой стороны, компютационалистские идеи чреваты радикальным редуccionизмом.

Американский философ и психоллингвист Джерри Фодор продолжил развитие идей классического компютационализма, сформулированных его учителем Х. Патнэмом. Фодор критиковал некоторые положения теории машинного функционализма, которая, по его мнению, не могла предоставить объяснение системного характера человеческой психики. Чтобы дополнить классический компютационализм, философ развил репрезентативную теорию сознания, согласно которой умственная деятельность представляет собой вычисления в стиле машины Тьюринга, производимые над языком мышления. Язык мышления (или Ментализ), в свою очередь, представляет собой, по Фодору, систему, состоящую из простых и сложных ментальных репрезентаций. Безусловно, для того чтобы репрезентативный компютационализм работал, философу было необходимо объяснить возникновение интенциональных и семантических качеств у данных ментальных репрезентаций. В своей книге «Психосемантика» Фодор отмечает, что интенциональность возникает там, где существуют репрезентации, каузально связанные с репрезентируемыми ими объектами из окружающей среды; семантическая интерпретация символов, как полагает философ, появляется в результате их каузальной связи с внешним миром [6]. Как нетрудно догадаться, интенциональность, понятая таким образом, может быть присуща не только живым организмам: философ отмечает, что компьютеры или роботы, снабженные сенсорными системами или аналогами органов чувств, будут также способны к каузальному взаимодействию с окружающими объектами и, следовательно, к их семантической репрезентации¹.

Одну из наиболее известных информационных теорий сознания с конца 1960-х гг. разрабатывает российский философ Д.И. Дубровский. Его концеп-

---

¹ Проблема семантизации информации поднимается и в работах американского философа Ф. Дретске, одним из первых построившим теорию натурализованной семантической информации, согласно которой информация и ее смысловое содержание существуют независимо от воспринимающего ее субъекта. Семантический натурализм Дретске основывается на четырех положениях: это, во-первых, положение о наличии каузальных отношений между объектом и его репрезентацией; во-вторых, наличие у организма информационных функций, отвечающих за репрезентацию; в-третьих, историческое развитие данных функций; в-четвертых, возможность их дальнейшего изменения [7].

ция основывается на двух исходных посылах: во-первых, всякая информация необходимо воплощена в каком-либо физическом носителе, выступающем в качестве ее кода, а само понятие информации трактуется как «содержание сообщения»; во-вторых, одна и та же информация может иметь различные кодовые воплощения (так называемый «принцип инвариантности», аналогичный принципу множественной реализации Х. Патнэма). Основываясь на данных положениях, философ принимает допущение, что явления субъективной реальности могут интерпретироваться как информация [8. С. 93], однако в качестве ментальных переживаний выступает лишь та информация, которая была подвергнута соответствующей обработке: «Для того чтобы информация приобрела форму субъективной реальности, необходимо, по крайней мере, двойное, или, лучше сказать, двухступенчатое кодовое преобразование: первое из них представляет информацию как таковую (которая пребывает пока „в темноте“), второе преобразование „открывает“ и тем самым актуализует ее для „самости“, делает доступной для оперирования и использования в целях управления» [9].

Главной альтернативой классического компьютеризма в 1980-х гг. стал компьютеризм коннекционистского типа, апеллирующий к нейронным сетям для объяснения мыслительной деятельности. Первые коннекционистские модели во многом опирались на разработки уже упомянутых У. Маккалока и У. Питтса, показавших, что искусственные нейронные сети способны решать задачи первопорядковой логики [10]; однако более подробно основные положения новой концепции были сформулированы лишь в 1986 г. членами Исследовательской группы по изучению параллельной распределенной обработки информации (PDP Research Group). Коннекционизм представлялся многим исследователям более биологически-правдоподобной моделью, не постулирующей дискретных вычислений над отдельными конфигурациями символов; по данной причине ученые предложили отказаться от метафоры машины Тьюринга, полностью заменив ее концептуальным аппаратом нейросетевой теории.

Итак, компьютеризм как подход к объяснению разума и сознания стал весьма популярным не только в аналитической философии, но и в рамках многих естественных наук. Однако некоторые исследователи полагают, что вычислительная метафора сильно упрощает наши представления о работе мозга: так, по мнению ряда ученых, вычислительные способности человека превосходят возможности любой машины Тьюринга¹. Другим аргументом против компьютеризма является отсылка к объяснительной тривиальности вычислительного подхода: данный довод связан с предположением, что любая физическая система осуществляет тот или иной вид вычислений и, следовательно, способна производить некоторые мыслительные операции. Подобное рассуждение приводит в качестве примера еще Х. Патнэм [12], а позже оно встретится во многих работах Д. Сёрла, утверждающего, что даже краску, в которую окрашены наши стены, можно интерпретировать как вы-

---

¹ Эту идею отстаивает, в частности, известный британский физик Р. Пенроуз, который в своей нашумевшей книге «Новый ум короля» утверждает, что некоторые низкоуровневые физические процессы, от которых зависит работа сознания, не могут быть описаны алгоритмически, и для понимания природы ментальности необходимо разработать новую теорию, основанную на достижениях квантовой физики [11].

числительную систему [13] и, чтобы избежать подобных следствий из компютационалистской установки, философам необходимо выработать некоторые общие теоретические положения, описывающие условия, при которых физическая система выполняет те или иные вычисления¹. Другой известный аргумент Д. Сёрла против компьютерной метафоры сознания представлен в знаменитом мысленном эксперименте «Китайская комната» [15], целью которого было показать, что реализуемые компьютерами программы сводятся к формальным синтаксическим операциям, не зависящим от смыслового наполнения используемых в данных операциях символов, в то время как человеческий разум всегда имеет дело с семантически-обусловленным ментальным содержанием². Сёрл также утверждает, что вычисление является процессом, чей ход полностью зависит от наблюдателя, а потому не может происходить сам по себе [16]. Схожий довод философ также использует в своей статье 2013 г. «Может ли информация объяснить сознание?», в которой он попытался опровергнуть теории, использующие информационный подход для объяснения феноменальных ментальных качеств [17]. Сёрл считает информацию явлением, зависящим от наблюдателя, т.е. изначально предполагающим существование ментальности, и, чтобы избежать замкнутого круга, полноценная философская теория сознания не должна апеллировать к информационным терминам.

Дополнительным доводом против компютационализма как функционалистской теории сознания³ является линия аргументации, изложенная австралийским философом Д. Чалмерсом: в своей нашумевшей работе «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории» автор термина «трудная проблема сознания» выдвинул пять знаменитых аргументов против логической супервентности ментального на физическом, опровергая таким образом все редукционистские теории сознания. Отрицая возможность объяснения феноменального аспекта сознательного опыта в структурно-функциональных терминах, философ ставит под сомнение все теоретические подходы, так или иначе основанные на классической компютационалистской установке.

Чалмерс, однако, отстаивает позицию, которую сам называет «минимальным компютационализмом»: данный подход базируется на утверждении, что в вычислительных терминах возможно описание основных паттернов

---

¹ Подобную задачу поставил перед собой Д. Чалмерс, предложивший считать, что физическая система выполняет вычисление, если формальная структура данного вычисления отражает каузальную структуру системы [14]. Данный подход, безусловно, требует дальнейшей доработки, однако многие ученые считают, что каузально-структурная трактовка компютационализма является весьма перспективной для когнитивных наук.

² Стоит отметить, что сам Сёрл понимал семантику в интерналистском ключе: утверждая, что человеческий разум имеет ментальное содержание, философ подразумевает независимость данного содержания от каузальных связей с окружающей средой. Очевидно, что упомянутые выше каузальные теории ментальных содержаний Д. Фодора и Ф. Дретске, использующие более широкое, экстерналистское понимание семантики, не могут претендовать на решение сформулированной Сёрлом проблемы.

³ Вопрос о том, являются ли все компютационалистские теории функционалистскими, остается сегодня открытым. Тем не менее большинство современных сторонников подобных теорий отстаивают функциональный подход к вычислительным системам. Например, американский философ Г. Пичинини полагает, что компютационализм должен основываться на следующих двух положениях: 1) вычислительные состояния определяются исключительно с точки зрения своих функциональных особенностей (а не семантических, к примеру); 2) вычислительные механизмы должны изучаться с помощью методов функционального анализа [18].

каузальной организации физической системы, а ментальность является организационным инвариантом, основанным на данных паттернах [4]. Чтобы примирить «минимальный компьютеризм» с доводами против логической супервентности феноменальных явлений на физических и избежать онтологического провала в объяснении, угрожающего классическому компьютеризму, Чалмерс развил так называемый двухаспектный принцип информации. Согласно данному принципу, информация в мире представлена как физически, т.е. объективно и независимо от наблюдателя, так и феноменально, т.е. субъективно. Последующее развитие двухаспектного принципа может, по мнению философа, идти по двум альтернативным маршрутам: первый заключается в признании повсеместности как информации, так и связанного с ней опыта, что приводит к панпсихизму; второй путь сводится к ограничению информации, с которым может быть связан феноменальный опыт¹. Ограниченная версия представляется более близкой идеям современного естествознания и может быть подкреплена догадками о роли интеграции информации для формирования феноменального опыта итальянского нейробиолога Д. Тонони [20], теорией скоординированных циркулярных сообщений биолога М. Черулло [21] и идеями некоторых других современных ученых. По этой причине дальнейшее развитие двухаспектной теории представляется весьма перспективным: аналитическая философия уже давно занимается поиском надежной метафизической базы для будущей теории сознания, и весьма вероятно, что подобной базой рано или поздно окажется какая-либо версия современного двухаспектизма².

Безусловно, даже при совмещении с двухаспектным принципом информации компьютеризм не решит все присущие ему концептуальные трудности: по-прежнему остаются открытыми вопросы о том, как связаны между собой процессы вычисления и обработки информации, каковы необходимые условия, при которых физическая система выполняет те или иные вычисления, какого рода информация может быть связана с ментальным опытом и т.д. Весьма вероятно, что ответы на данные вопросы будут в скором времени найдены в рамках естественных наук, среди которых компьютеризмские идеи остаются весьма популярными. Разумеется, в процессе взаимодействия этих наук с философией сознания необходимо избегать спекулятивных крайностей, столь присущих философским теориям, использующим информационно-вычислительный подход: так, информация вовсе не обязательно должна рассматриваться как фундаментальная онтологическая характеристика физического мира подобно массе или заряду, но она вполне может служить удобным эпистемологическим инструментом, позволяющим соотнести данные эмпирических наук с некоторыми метафизическими построениями. Ведь, вероятно, именно невозможность сопоставить научные достижения, объясня-

---

¹ Философ указывает на несколько возможных стратегий: это могло бы быть ограничение по способу обработки информации в системе, по способу усиления информации или посредством ограничения по типу причинности, реализованной в системе [19. Р. 301].

² Конечно, для доработки ограниченного двухаспектного принципа информации в полноценную философскую теорию необходимо разобраться с проблемой, связанной с его онтологией. Подходящими метафизическими основаниями могут быть как дуализм свойств с законосообразной связью между этими свойствами, так и информационный реализм, трактующий информационные пространства как онтологически фундаментальные. Однако данный вопрос требует особого рассмотрения в рамках отдельного исследования.

ющие функционирование когнитивной системы, с запросами современной философии и порождает проблему сознание–тело.

Литература

1. *Garson J.* The introduction of information into neurobiology // *Philosophy of Science*. 2003. № 70. P. 926–936.
2. *Piccinini G., Scarantino A.* Computation vs. Information processing: Why their Difference Matters to Cognitive Science // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2010. № 41. P. 237–246.
3. *Piccinini G., Scarantino A.* Information processing, computation and cognition // *Journal of Biological Physics*. 2011. № 37 (1). P. 1–38.
4. *Chalmers D.* A Computational Foundation for the Study of Cognition // *The Journal of Cognitive Science*. 2011. № 12. P. 323–357.
5. *Патнэм Х.* Сознание и машины / пер. Л.Б. Макеевой // *Философия сознания*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 23–53.
6. *Fodor J.* *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT/Bradford, 1987. 173 p.
7. *Dretske F.* *Knowledge and the Flow of Information*. MA: Massachusetts Institute of Technology, 1981. 350 p.
8. *Дубровский Д.И.* Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // *Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей*. М., 2007. С. 139–164.
9. *Дубровский Д.И.* Сознание и мозг: информационный подход к проблеме // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 4. С. 92–98.
10. *McCulloch W., Pitts W.* A Logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity // *Bulletin of Mathematical Biophysics*. 1943. № 5. P. 115–133.
11. *Penrose R.* *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 480 p.
12. *Putnam H.* *Representation and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. 136 p.
13. *Searle J.* Is the Brain a Digital Computer? // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1990. № 64. P. 21–37.
14. *Chalmers D.* Computational Foundation for the Study of Cognition // *Journal of Cognitive Science*. 2011. № 12 (4). P. 323–357.
15. *Searle J.* Minds, Brains, and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. № 3. P. 417–457.
16. *Searle J.* *The Problem of Consciousness* // *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 7–17.
17. *Searle J.R.* Can Information Theory Explain Consciousness? [Электронный ресурс] // *Hhimwich*. 2013. URL: <https://www.hhimwich.com/files/can-information-theory-explain-consciousness.docx> (дата обращения: 28.03.2019).
18. *Piccinini G.* Functionalism, Computationalism, and Mental States // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2004. № 35. P. 811–833.
19. *Chalmers D.* *The Consciousness Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press, 1996. 432 p.
20. *Tononi G.* Integrated information theory of consciousness: An updated account. // *Archives Italiennes de Biologie*. 2012. № 150. P. 293–329.
21. *Cerullo M.* Integrated Information theory: A promising but ultimately incomplete theory of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2011. № 18. P. 45–58.

Alexandra A. Tanyushina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: a.tanyushina@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 42–50.

DOI: 10.17223/1998863X/59/5

COMPUTATIONALISM, INFORMATION AND CONSCIOUSNESS: ON THE WAY TO SOLVING A “HARD PROBLEM”

Keywords: computation; information processing; Chinese room argument; “hard problem” of consciousness; double aspect principle of information.

Since the middle of the past century, the terms “computation” and “information processing” have been central to many cognitive theories, research on computer modeling of intellectual functions, and the analytic philosophy of mind. The human mind has become more and more like a computer that receives information from the environment and uses it for management purposes, and basic mental abilities such as reasoning, decision-making, etc. like computations performed by an abstract Turing machine. The computational approach was developed by such philosophers as Hilary Putnam, Jerry Fodor, and Fred Dretske; today it plays a significant role in the works of Gualtiero Piccinini, Daniel Dennett, David Chalmers, and others. However, there is still no consensus on what physical states are the basis of computational processes, whether these processes are sufficient for the emergence of thinking, and whether it is possible to describe the nature of phenomenal conscious experiences in computational terms; accordingly, some researchers criticize this approach. The main arguments against computationalism include the triviality argument, the Goedel incompleteness argument, the Chinese room argument, and others. As a functionalist theory, computationalism is also threatened by the so-called “ontological gap” in explanation, which stands in the way of solving the “hard problem” of consciousness formulated by Chalmers. To avoid this, the Australian philosopher introduced the double aspect principle of information, according to which information in the world is represented both physically, that is, objectively and independently of the observer, and phenomenally. Of course, even when combined with the two-dimensional principle of information, computationalism will not solve all its inherent conceptual difficulties. It is likely that the answers to the above questions will soon be found in the natural sciences, among which computational ideas remain very popular.

References

1. Garson, J. (2003) The introduction of information into neurobiology. *Philosophy of Science*. 70. pp. 926–936. DOI: 10.1086/377378
2. Piccinini, G. & Scarantino, A. (2010) Computation vs. Information processing: Why their Difference Matters to Cognitive Science. *Studies in History and Philosophy of Science*. 41. pp. 237–246. DOI: 10.2139/ssrn.1596330
3. Piccinini, G. & Scarantino, A. (2011) Information processing, computation and cognition. *Journal of Biological Physics*. 37(1). pp. 1–38. DOI: 10.1007/s10867-010-9195-3
4. Chalmers, D. (2011) A Computational Foundation for the Study of Cognition. *The Journal of Cognitive Science*. 12. pp. 323–357. DOI: 10.17791/jcs.2011.12.4.325
5. Putnam, H. (1999) *Filosofiya soznaniya* [Philosophy of Consciousness]. Translated from English by L.B. Makeeva. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 23–53.
6. Fodor, J. (1987) *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT/Bradford.
7. Dretske, F. (1981) *Knowledge and the Flow of Information*. MA: Massachusetts Institute of Technology.
8. Dubrovsky, D.I. (2007) *Soznanie, mozg, iskusstvennyy intellect* [Consciousness, Brain, Artificial Intelligence]. Moscow: Strategiya-Tsentr. pp. 139–164.
9. Dubrovsky, D.I. (2013) The Mind-Brain Problem: The Informational Approach. *Znanie. Po-nimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 4. pp. 92–98. (In Russian).
10. McCulloch, W. & Pitts, W. (1943) A Logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity. *Bulletin of Mathematical Biophysics*. 5. pp. 115–133.
11. Penrose, R. (1989) *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics*. Oxford: Oxford University Press.
12. Putnam, H. (1988) *Representation and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press.
13. Searle, J. (1990) Is the Brain a Digital Computer? *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 64. pp. 21–37.
14. Chalmers, D. (2011) Computational Foundation for the Study of Cognition. *Journal of Cognitive Science*. 12(4). pp. 323–357. DOI: 10.17791/jcs.2011.12.4.325
15. Searle, J. (1980) Minds, Brains, and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 3. pp. 417–457.
16. Searle, J. (2002) *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 7–17.
17. Searle, J.R. (2013) *Can Information Theory Explain Consciousness?* [Online] Available from: <https://www.hhimwich.com/files/can-information-theory-explain-consciousness.docx> (Accessed: 28th March 2019).
18. Piccinini, G. (2004) Functionalism, Computationalism, and Mental States. *Studies in History and Philosophy of Science*. 35. pp. 811–833. DOI: 10.1080/00455091.2004.10716572

19. Chalmers, D. (1996) *The Consciousness Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press.

20. Tononi, G. (2012) Integrated information theory of consciousness: An updated account. *Archives Italiennes de Biologie*. 150. pp. 293–329.

21. Cerullo, M. (2011) Integrated Information theory: A promising but ultimately incomplete theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 18. pp. 45–58.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/59/6

И.А. Асеева, В.Г. Буданов, А.В. Маякова

ОТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ К ОБЩЕСТВУ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ?

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с разработкой, апробацией и внедрением цифровых сервисов и технологий, повышающих социальную рискогенность в условиях изменяющегося мира под влиянием глобальных потрясений, в частности, пандемии коронавируса.

Ключевые слова: социоантропологическая система, цифровая антропотехносфера, риски цифровых технологий.

Современные технологические, информационные и социальные процессы, особенно бурно протекающие в актуальной ситуации растущей сложности и неопределенности, приводят к необходимости корректировки устоявшихся моделей поведения и форм коммуникации в различных социокультурных средах. Многие из этих процессов уже немыслимы вне цифровой реальности [1]. Информационно-сетевые технологии, модернизация коммуникационных гаджетов и программ, ситуация вынужденной дистанционной работы фактически переформатировали общество под цифровой порядок, добавили ранее неизвестные проблемы, связанные не только с новыми качественными возможностями и сложностью отбора и систематизации информации, обучением в удаленном режиме, но и появлением неоднозначных и еще неизученных психоментальных феноменов новой виртуальной и киберфизической реальности.

Актуальность вопросов, связанных с разработкой, апробацией, внедрением и применением цифровых сервисов и технологий, возрастает в условиях изменяющегося мира под влиянием тотальных потрясений, в частности, пандемии коронавируса. Социальная сфера, в самом широком смысле данного понятия, претерпевает глобальные изменения: локальная и тотальная самоизоляция, «закрытие» границ и территорий, дистанционный характер обучения, работы, покупок, предоставления услуг заставляют современную науку и технологии развиваться еще большими темпами, наращивая именно цифровую оболочку. В связи с этим функционирование всех социоантропологических систем становится невозможным вне цифрового формата, а значит, цифровые технологии являются уже данностью современного этапа цивилизационного развития. Несмотря на явную необходимость и подтвержденный положительный эффект, цифровые технологии имеют целый спектр реальных и потенциальных рисков и угроз, сопровождающих практически каждую

возможность, предоставляемую ими. Особенно ярко риски и угрозы проявляются при оценке долгосрочных перспектив, в частности, при стратегическом планировании и социогуманитарном прогнозировании.

Реальными и потенциальными рисками и угрозами развития и применения цифровых технологий могут являться:

- социальная деградация, разрушение процессов становления возрастной социализации и социальной взаимопомощи;

- формирование «цифрового» поколения, риски аутичности, утраты эмпатии и сочувствия, утраты способности к анализу информации и принятию решений, и передача этих функций искусственному интеллекту;

- сокращение количества рабочих мест, в том числе в сфере интеллектуального труда, транспорта и сфере обслуживания, досуговые вызовы и утрата экзистенциальных смыслов;

- цифровое мошенничество и распространение вредоносного контента;

- техническая, нормативно-правовая, этическая неподготовленность общества;

- недостаточная разработанность цифрового инструментария, угроза «утечки» информации, взлома, хакерских атак и пр.;

- сопутствующие риски, появление которых обусловлено изменением на основе цифровизации существующих ранее технологий, а также совершенствованием действующих ранее и генерированием новых моделей цифровых технологий и сервисов.

Современные исследования называют нашу эпоху «гиперинформационной». Например, по данным Facebook, пользователи ежедневно обмениваются 500 терабайтами информации, 300 млн фотографий, 2,7 млрд «лайков», а Google фиксирует 5,3 млрд запросов в день [2]. Однако количество данных совсем не коррелирует с качеством и важностью сохранения этой информации, с одной стороны, и фактической возможностью защитить личностную или государственно важную информацию – с другой. Кроме того, беспрецедентные объемы информации, которую приходится искать, осмысливать, отбирать и использовать, неминуемо приведут к изменению форм взаимодействия с этой информацией. Ученые отмечают, что обработка информации современным человеком переориентируется с понятийной на образную, с текста на картинку. Изменившаяся форма подачи и приема информации формирует феномен, получивший название «клипового мышления», «клипового сознания» [3], особенно у молодого поколения появляется склонность к принятию стремительных, неотрефлексированных решений, на основе первичных внутренних импульсов и эмоциональных впечатлений. Так, цифровые технологии усиливают возможности (и не только интеллектуальные), но они в использовании как «сапоги скороходы» или «летающий ковер» или «экзоскелет интеллекта»: умеешь пользоваться – получишь преимущества перед другими, не умеешь – либо погибнешь, либо покалечишься. Это риск и постоянный выбор между «властью» и «рабством», между «быть всем» и «не быть ничем» – сюжет, не раз прописанный в классической литературе. Подобная двунаправленность наблюдается и в юридической интерпретации методологического и инструментального аппарата больших данных. В качестве примера можно привести разницу позиций в данном вопросе двух оппонентов: Европы и Китая. Китай рассматривает развитие цифровых технологий, в

том числе большие данные как главную цель, некую кульминацию развития науки и технологий в целом, при этом сопутствующие риски и угрозы, в том числе по отношению к человеку и обществу, остаются «побочным эффектом». При этом держателем данных может быть только государство, в данном праве у него непререкаемая монополия. Европа же придерживается иного мнения на этот счет. Не случайно именно Европейским союзом был принят общий регламент по защите данных (GDPR – General Data Protection Regulation), а значит, в научной области остается неизменным приоритет социально-гуманитарной направленности и защищенности. Следовательно, возникает дилемма: развитие цифровых технологий – это Цель или Средство (в частности, для достижения цели эволюции социотехнического ландшафта). Если развитие ЦТ становится целью, а не средством достижения «высокой» цели, не возникнет ли утопия, угроза развития человеческой цивилизации? То есть маниакальное развитие ЦТ само по себе является риском, опасностью для общества. А. Генкин в докладе на круглом столе «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества» поднимает злободневные вопросы: где границы доступа общества в жизнь личности? Где защитная линия нашей приватности? По мнению докладчика, возникновение и широкое распространение систем социального рейтинга является одним из ответов на эти вопросы. Так, все сведения об индивиде кумулируются в единую систему данных, в итоге формируется рейтинг благонадежности каждого человека. Целью данного рейтинга является отбор личностей, которым необходимы или которым доступны те или иные общественные блага. В качестве примера снова вспомним Китай, в котором подобный социальный рейтинг закреплен и функционирует на государственном уровне, более того, является одной из стратегий успешного развития государства. В результате наиболее благонадежные лица имеют максимальные преимущества в социальной сфере, а менее благонадежные испытывают реальные затруднения. Таким образом, в современном обществе формируются новые принципы социального расслоения и неравенства [4].

Еще одна проблема, связанная с санкционированием проникновения в персональные данные, возникает при обсуждении приоритета личных или общественных интересов в ситуации, например, крупных эпидемий, таких как вирус Эбола, H1N1 или коронавируса COVID-19. Большинство государственных регламентов направлено на защиту общественного здоровья в ущерб сохранению тайны частной жизни. В условиях пандемии коронавируса китайцы выпустили приложение, позволяющее определить факт взаимодействия с зараженным человеком. Таким образом, постоянно ведется проверка перемещений каждого человека, соответственно, нарушается медицинская тайна – сведения о заболевших гражданах доступны заинтересованным лицам. При этом данное отслеживание «прикрыто» благой целью – недопущение распространения эпидемии и возникновения новых вспышек. В связи с этим применяется иной термин – контроль, который в отличие от слежки подразумевает как дальнейшее управление, так и защиту от «внешнего воздействия». Откровенно говоря, слежка, или отслеживание, мониторинг, пожалуй, является частью контроля. Стоит акцентировать внимание на том, что контроль без целевой положительной функции, без дальнейшего анализа и синтеза во благо общества является незаконной и преступной деятельно-

стью. И история развития цифровых технологий знает такие примеры. Проблема заключается в невозможности контролировать посторонние вмешательства в работу электронных медицинских приборов, таких как инсулиновые насосы, мониторы глюкозы, дефибрилляторы и т.п. В то время как для обеспечения безопасности компьютеров и смартфонов постоянно выпускаются специальные программы, для медицинских приборов такая задача изначально не ставилась, они ценились прежде всего за простоту, надежность и быстроту использования пациентами и лечащими врачами. Так, именно из-за возможности несанкционированного вмешательства в работу беспроводного стимулятора сердца вице-президента США Дика Чейни кардиолог не одобрил его использование [5].

С цифровизацией банковской и торговой сферы потребления и их сращиванием на основе скоринговых и скрининговых интересов связана угроза манипулирования данными, когда банки начинают собирать информацию о клиентской базе потенциальных заемщиков не только по социальным сетям [6], но и потребительской корзине клиентов с целью определения наиболее полного личного профиля возможного заемщика. На самом деле речь идет и о еще более полной информации, восстановленной по оплатам банковской картой в кинотеатрах, аптеках, медицинских учреждениях, вокзалах. Фактически это не только социально-психологический профиль, но и проблемы здоровья, культурных и политических предпочтений и другие факты личной жизни, которые легко восстанавливаются в таком расширенном скрининге, нарушая этические нормы вторжения в приватные пространства личности [7]. Фактически наши приватные данные, собранные полулегально через банковско-маркетинговый скрининг, все больше становятся товаром, что не может не вызывать чувства протеста.

Несмотря на угрозы, сопровождающие развитие цифровых технологий, сегодняшняя ситуация в мире диктует свои условия, в том числе связанные с развитием и применением цифровых технологий и сервисов. Транслируемая повсеместно фраза, которая стала уже «слоганом» настоящего – «мир уже не будет прежним», формирует не только настроения в обществе, но и новые условия существования человека и общества в изменяющемся мире. И обойтись без цифровых технологий в новых условиях будет невозможно. Переход фактически уже состоялся. Особенно остро встает вопрос о внедрении и применении цифровых сервисов в кризисных ситуациях, в рамках которых ограничено перемещение человека. И положительный эффект цифровизации в таких условиях очевиден. Однако общество не всегда находится в стадии кризиса. Существует точка зрения, что при спокойном течении жизни человека и общества тотально негативное применение благ цифровизации можно снизить до минимума. Но нам представляется, что это ошибочное представление. Механизм запущен, он постоянно находится в работе. И мы наблюдаем нежелательную статистику. По данным «Лаборатории Касперского», за 2019 г. 40% российских детей в возрасте до 10 лет почти постоянно находятся в сети, в возрасте 14–18 лет практически все подростки в мире 60–70% времени проводят онлайн [8]. И данная среда отнюдь не безопасна. Подрастающее поколение все чаще и чаще сталкивается с проблемами социальной коммуникации, социализации. При этом процесс происходит на фоне развития и все более глубокого внедрения цифровых сервисов и инструментов.

Подтверждением статистических данных является выступление научного руководителя Лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка, психотерапевта Андрея Курпатова на Всемирном экономическом форуме в Давосе в рамках делового завтрака Сбербанка. По мнению А. Курпатова, «то, что мы имеем сейчас, – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности» [9]. Каким же образом можно избежать так называемого цифрового аутизма? А. Курпатов предлагает простые и одновременно очень сложные для современного человека меры: цифровая гигиена и расширение реальных социальных связей. Вместе с тем современный человек проводит 8 часов в виртуальной реальности и лишь 2,5 часа в сутки тратит на личное общение [10. Р. 15], что приводит к постепенной утрате навыков социального взаимодействия, дисфункции дефолт-системы мозга.

Идея «цифровой гигиены» доктора Курпатова не нова, однако в современных реалиях актуальна и обязательна к применению. В 2018 г. вышла книга «Цифровая диета. Как победить зависимость от гаджетов и технологий» Дэниэла Сиберга, ставшая бестселлером в области психологии и «спасения» от цифровой зависимости [11]. Автор расписал в подробностях «цифровую диету», ключевым «продуктом» которой является «живое» общение, а ключевым методом не отказ, а умеренность в обращении с цифровыми сервисами и гаджетами. Д. Сиберг справедливо отметил, что отказаться от цифровых технологий общество уже не может, и в этом нет необходимости, поскольку цифровизация многих социотехнических задач существенно облегчает и упрощает жизнь современного человека. Однако быть удобным инструментом для решения текущих проблем и заменить саму жизнь человека – это разные вещи, которые нельзя ставить одновременно на чаши весов. Человеческая жизнь не должна и не может быть замещена цифровыми гаджетами и виртуальной реальностью, поскольку в таком случае мы говорим уже не о человеке, а о киборге. В связи с этим тотальный перевод социальных кластеров на «цифровые рельсы» губителен для всей социоантропологической системы.

Насыщение цифровыми технологиями основных социальных кластеров неотвратимо будет происходить под влиянием тотальной цифровизации. Однако резкие движения в этой области абсолютно противопоказаны. Это может привести к необратимым последствиям, которые поставят под угрозу жизнь и здоровье человека и общества. А значит, внедрение цифровых технологий должно происходить планомерно и постепенно, чтобы была реальная возможность не только оценить риски, но и научиться управлять ими. Только в таком случае имеется возможность сохранить и преумножить положительный опыт прошлого и снабдить его необходимым цифровым инструментарием. Ключевой аспект состоит именно в коррекции, а не в полной замене системы. Мы же сейчас можем наблюдать постепенное разрушение привычной системы социального устройства, в том числе социальных кластеров, и конструирование новой социальной сферы, которая имеет в качестве базиса именно цифровые технологии, которые, по сути, должны стать

инструментом-проводником в новый формат общества. Ярким примером, высветившим плюсы и минусы тотальной цифровизации, стало российское образование периода первой волны пандемии коронавируса. Цифровая среда из дополнительного обучающего инструмента превратилась в единственную образовательную среду, которая заменяет весь образовательный процесс. А в условиях пандемии коронавируса цифровизация образования особенно актуальна. В России и за рубежом образовательная деятельность на всех уровнях в период обострения пандемии была переведена в дистанционный формат. Практика виртуальной школы существует на базе цифровых платформ, работающих в условиях виртуальной реальности: Teaching, Cyberworlds/ Digital Studies, Public Anthropology. Однако особенностями данного перевода являются высокая скорость перевода, неподготовленность цифровых платформ, отсутствие необходимых технических средств, масштабность, отсутствие определенности в действиях и перспективах, отсутствие навыков работы с компьютером и интернетом, что логичным образом повлияло на качество образования.

Каждая цифровая технология (не только в аспекте социального кластера «Образование») может быть оценена в качестве рискогенного фактора для различных функциональных тел обобщенной телесности, что может быть еще одним пространством рискогенных критериев в построении социально-технологических ландшафтов [12, 13]. Следовательно, для поддержания функциональных статусов привычной конституции человека понадобятся серьезные компенсаторные практики, которые займут большое время в жизни личности и могут свести на нет многие преимущества, рекламируемые адептами цифровизации. Эти проблемы носят не столько технический, сколько антропологический характер и с особой остротой подчеркивают вечные экзистенциальные вопросы о смыслах и ценностях человеческой жизни.

Возможности и угрозы социального конструирования технологий цифровой реальности неразрывно связаны между собой и, к сожалению, не находятся в балансе. В связи с этим процесс внедрения цифровых технологий в социально-антропологическую сферу должен быть предсказуемым. Только при соблюдении этих условий будет возможность управлять рисками и угрозами, преумножая положительный эффект.

Обратим внимание на еще один важный аспект прививки повсеместной цифровизации в масштабе всей планеты. Согласно теории смены технологических укладов Кондратьева–Глазьева [14], их смены в экономике обычно сопряжены с серьезными конфликтами носителей новых и старых технологий в борьбе за рынки и производственные мощности, вплоть до крупных войн, в том числе торговых, между основными акторами мировой экономики. Наше время напоминает именно такую ситуацию с непримиримой торговой войной США и Китая в условиях глобального экономического кризиса. И если раньше экономические конфликты разрешались военным образом, то сегодня ускоренный переход к шестому цифровому технологическому укладу происходит фантастическими темпами за счет процессов самоизоляции миллиардов людей и почти всех стран в состоянии перманентной пандемии COVID-19. Когда люди всех возрастов вынуждены перейти на удаленный способ работы, получения образования, коммуникации, а капитализация простенькой цифровой платформы ZOOM для коллективных мероприятий в од-

ночась становится больше капитализации крупнейших авиаперевозчиков Boeing и Airbus, разрушаются национальные экономики и сложившиеся глобальные связи. Транснациональные цифровые гиганты Google, IBM и сетевые платформенные сервисы Alibaba и Amazon, наравне с Big Pharma, становятся основными выгодополучателями кризиса и законодателями нового цифрового образа посткризисного мира. Человек, живущий ранее преимущественно в умелых приходах природы и материальной техники, резко переходит в умелые виртуальной и дополненной реальности, сетевые миры цифровой коммуникации, получая цифровой стресс, тотальный контроль в приватной сфере и деформацию своей антропологической и социальной природы [15].

В связи с вышесказанным подчеркнем, что внедрение цифровых технологий в социальную реальность возможно лишь под контролем систем социотехнической экспертизы, в процессе постоянного мониторинга изменяющихся ландшафтов антропотехносферы [16], исключительно с приоритетом соблюдения законов, этических норм, прав личности и обоснованного блага общества. Развитие технотехники, разумеется, неизбежно определяет успешность той или иной цивилизационной стратегии, но и от гуманистических оснований человечества отказываться преступно, что и должен убедительно прояснять комплексный философский анализ сложных процессов в современной антропотехносфере.

Литература

1. *Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация* / В.И. Аршинов, М.В. Артеменко, И.А. Асеева, В.Г. Буданов, О.А. Гримов, Е.Г. Каменский, Н.А. Корневский, А.В. Маякова, В.В. Чекецов; отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2019. 212 с.
2. *Попытки* расчета количества информации на планете Земля // Nag.Ru. URL: <https://nag.ru/articles/article/101906/popitki-rascheta-kolichestva-informatsii-na-planete-zemlya.html> (дата обращения: 28.01.2021).
3. *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. М. : Академический проект, 2014. 399 с.
4. *Генкин А.С.* Выступление в рамках круглого стола «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества» // Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества Российской Федерации 2020. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/52561> (дата обращения: 28.01.2021).
5. *Clery D.* Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015, 30 January. Vol. 347, № 6221. P. 499.
6. *Hagel J., Armstrong A.* Net Gain: Expanding Markets Through Virtual Communities, Cambridge : Harvard Business Press, 1997. DOI:10.2307/1251808
7. *Lengare K.B.* Data ethics and its role in digital era // Review of Research. Vol. 7, issue 11. August 2018. P. 1–7.
8. *Лаборатория Касперского:* более половины российских родителей считают, что не только их дети, но и они сами проводят в сети слишком много времени // Kaspersky. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2019_laboratoriya-kasperskogo-bole-poloviny-rossijskih-roditeley-schitayut-cto-ne-tolko-ih-deti-no-i-oni-sami-provodyat-v-seti-slishkom-mnogo-vremeni (дата обращения: 28.01.2021).
9. *Курнатов А.В.* Личностная трансформация в цифровую эпоху. URL: <https://youtu.be/GbLclnu-QGc> (дата обращения: 28.01.2021).
10. *Signam A.* Well connected? The biological implications of ‘social networking’ // Biologist. Vol. 56, № 1. February 2009. P. 14–20.
11. *Сибберг Д.* Цифровая диета. Как победить зависимость от гаджетов и технологий / пер. с англ. И. Окунькова. М. : Альпина Паблишер, 2018. 207 с.
12. *Буданов В.Г.* Эскиз квантово-синергетических онтологий человека и общества // Философские науки. 2014. № 8. С. 101–110.

13. Budanov V.G., Aseeva I.A. Quantum-synergetic anthropology: on the borders of the new technological order // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2017 conference proceedings. Sofia, 2017. P. 565–574.

14. Глазьев С.Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54, № 3. С. 17–30.

15. Буданов В.Г., Асеева И.А. Дорожные карты антропотехносферы XXI века // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 5 (147). С. 120–127.

16. Буданов В.Г., Аришинов В.И., Асеева И.А. Антропологические ключи социотехнических ландшафтов. Ч. I: Психофизические и ментально-духовные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 4. С. 207–217.

Irina A. Aseeva, Southwest State University (Kursk, Russian Federation).

E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Vladimir G. Budanov, Southwest State University (Kursk, Russian Federation).

E-mail: budsyn@yandex.ru

Anna V. Mayakova, Southwest State University (Kursk, Russian Federation).

E-mail: berryannett@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 51–59.

DOI: 10.17223/1998863X/59/6

FROM DIGITAL TECHNOLOGIES TO A TOTAL CONTROL SOCIETY?

Keywords: socio-anthropological system; digital anthropotechnosphere; risks of digital technologies.

Modern technological, informational and social processes, especially rapidly occurring in the current situation of growing complexity and uncertainty, lead to the need to adjust the established patterns of behavior and forms of communication in various sociocultural environments. Many of these processes are already unthinkable outside of digital reality. The relevance of issues related to the development, testing, implementation and application of digital services and technologies is increasing in the changing world under the influence of total shocks, in particular the coronavirus pandemic. The social sphere, in the broadest sense of this concept, is undergoing global changes: local and total self-isolation, the “closure” of borders and territories, the remote nature of learning, work, shopping, and service provision force modern science and technology to develop at an even faster pace, increasing the digital shell. In this regard, the functioning of all socio-anthropological systems becomes impossible outside the digital format, which means that digital technologies are already given as a modern stage of civilizational development. Despite the clear necessity and proven positive effect, digital technologies have a range of real and potential risks and threats that accompany almost every opportunity they provide. Risks and threats are especially pronounced when assessing long-term prospects, in particular, in strategic planning and socio-humanitarian forecasting. Among the real and potential risks and threats, one can note social degradation; risks of autism; loss of empathy in the digital generation; reduced ability to analyze information and make decisions, and transfer of these functions to artificial intelligence; reduction in the number of jobs; technical legal, ethical lack of preparation of society; cyber crimes; etc. How can the risks of digital technologies be avoided or minimized? This is a deliberate introduction of “digital hygiene”, “digital diet”, the systematic and gradual introduction of new technologies so that there is a real opportunity not only to assess risks, but also to manage them. The authors emphasize that the introduction of digital technologies into social reality is possible only under the control of systems of socio-technical expertise, in the process of constant monitoring of the changing landscapes of the anthropotechnosphere, exclusively with the priority of observance of laws, ethical norms, individual rights, and the well-grounded welfare of society.

References

1. Budanov, V.G. & Aseeva, I.A. (eds) (2019) *Sotsiotekhnicheskiiy landshaft tsifrovoy real'nosti: filosofsko-metodologicheskiiy kontsept, ontologicheskie matritsy, ekspertno-empiricheskaya verifikatsiya* [Socio-technical landscape of digital reality: philosophical and methodological concept, ontological matrices, expert-empirical verification]. Kursk: Universitetskaya kniga.

2. Kusaykin, D. (2018) *Popytki rascheta kolichestva informatsii na planete Zemlya* [Attempts to calculate the amount of information on the planet Earth]. [Online] Available from: <https://nag.ru/article/>

les/article/101906/popyitki-rascheta-kolichestva-informatsii-na-planete-zemlya.html (Accessed: 28th January 2021).

3. Girenok, F.I. (2014) *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow: Akademicheskii projekt.

4. Genkin, A.S. (2020) *Vystuplenie v ramkakh kruglogo stola "Tsifrovaya transformatsiya: novye vyzovy i novye vozmozhnosti dlya obshchestva"* [Speech at the round table "Digital transformation: new challenges and new opportunities for society"]. Public Chamber of the Russian Federation. Report on the state of civil society in the Russian Federation 2020. [Online] Available from: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/52561> (Accessed: 28th January 2021).

5. Clery, D. (2015) Could your pacemaker be hackable? *Science*. 347(6221). p. 499.

6. Hagel, J. & Armstrong, A. (1997) *Net Gain: Expanding Markets Through Virtual Communities*. Cambridge: Harvard Business Press. DOI: 10.2307/1251808

7. Lengare, K.B. (2018) Data ethics and its role in digital era. *Review of Research*. 7(11). pp. 1–7.

8. Kaspersky Lab. (n.d.) *Laboratoriya Kasperskogo: bolee poloviny rossiyskikh roditeley schitayut, chto ne tol'ko ikh deti, no i oni sami provodyat v seti slishkom mnogo vremeni* [Kaspersky Lab: more than half of Russian parents believe that not only their children, but they themselves spend too much time on the Internet]. [Online] Available from: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2019_laboratoriya-kasperskogo-bolee-poloviny-rossiyskikh-roditeley-schitayut-chto-ne-tolko-ikh-deti-no-i-oni-sami-provodyat-v-seti-slishkom-mnogo-vremeni (Accessed: 28th January 2021).

9. Kurpatov, A.V. (n.d.) *Lichnostnaya transformatsiya v tsifrovuyu epokhu* [Personal Transformation in the Digital Age]. [Online] Available from: <https://youtu.be/GbLclnu-QGc> (Accessed: 28th January 2021).

10. Signam, A. (2009) Well connected? The biological implications of 'social networking'. *Bio-logist*. 56(1). pp. 14–20.

11. Siberg, D. (2018) *Tsifrovaya dieta. Kak pobedit' zavisimost' ot gadzhetov i tekhnologiy* [A Digital Diet. How to Beat Addiction to Gadgets and Technology]. Translated from English by I. Okunkov. Moscow: Al'pina Publisher.

12. Budanov, V.G. (2014) Outline of the Quantum Synergetic Ontologies of Man and Society. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 8. pp. 101–110. (In Russian).

13. Budanov, V.G. & Aseeva, I.A. (2017) Quantum-synergetic anthropology: on the borders of the new technological order. *The 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2017*. Conference proceedings. Sofia. pp. 565–574.

14. Glaziev, S.Yu. (2018) Otkrytie zakonomernosti smeny tekhnologicheskikh ukладov v TsEMI AN SSSR [Discovery of the regularities of changing technological structures in the CEMI of the Academy of Sciences of the USSR]. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 54(3). pp. 17–30.

15. Budanov, V.G. & Aseeva, I.A. (2017) Dorozhnye karty antropotekhnosfery XXI veka [Road maps of the anthropotechnosphere of the 21st century]. *Ekonomicheskie strategii*. 5(147). pp. 120–127.

16. Budanov, V.G., Arshinov, V.I. & Aseeva, I.A. (2020) Antropologicheskie klyuchi sotsiotekhnicheskikh landshaftov. Chast' I: Psikhofizicheskie i mental'no-dukhovnye aspekty [Anthropological keys of socio-technical landscapes. Part I: Psychophysical and mental-spiritual aspects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment – Proceedings of South-West State University. Series Economy. Sociology. Management*. 10(4). pp. 207–217.

УДК 130: 316.422: 316.324.8
DOI: 10.17223/1998863X/59/7

Н.М. Ковтун, Н.В. Венцель

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ УРБАНИЗИРОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН ПЕРИФЕРИИ И ПОЛУПЕРИФЕРИИ МИР-СИСТЕМЫ

В статье анализируется процесс ускоренной урбанизации как магистральной тенденции социального развития стран периферии и полупериферии мир-системы в условиях четвертой индустриальной революции. Рассматривается проблема концентрации финансовых капиталов, технологических инноваций, расширения рынков потребления в городском пространстве постиндустриального общества. Показаны риски стихийных миграций населения, концентрация в городах значительной массы безработных и как следствие расширение площади городских трущоб, рост уровня поляризации в доходах.

Ключевые слова: город, городские трущобы, социальное пространство, четвертая индустриальная революция, роботизация и диджитализация, безработица.

В современном постиндустриальном обществе города остаются центром сосредоточения как крупнейших технологических, инновационных, художественных достижений, так и средой концентрации широкого диапазона социальных рисков и проблем: стабильно возрастающего разрыва в доходах между разными социальными группами, увеличения площади городских трущоб, угрозы массовой безработицы и роста преступности, стихийных миграционных процессов и усиления экологических проблем.

В связи с этим трудно не согласиться с мнением американско-канадского исследователя Р. Флорида, что именно в текущем веке состоится крупнейшая волна урбанизации в истории человечества. Не менее 7–8 млрд людей переедут в города, размещенные прежде всего в развивающихся странах [1. С. 194]. По прогнозам международной организации ООН-Хабитат, количество жителей трущоб к 2030 г. вырастет до 2 млрд человек и к 2050 г. до 3 млрд при условии сохранения имеющихся тенденций урбанизации и роста разрыва между развитием стран центра мировой системы и ее периферии [2]. Прогнозируемый рост численности жителей трущоб выведет на качественно новый уровень проблему оказания образовательных и медицинских услуг, проблему роста детской смертности и социального отчуждения в этих районах.

Вследствие этого возникнет потребность в триллионах долларов капиталовложений для развития новых и обновления старых городов. Кроме этого, в условиях четвертой индустриальной революции (Industry 4.0) роботизация и автоматизация производства приведут к потере сотен тысяч и миллионов рабочих мест, прежде всего в городах, где сконцентрированы «старые» индустриальные мощности. Показательным примером таких трансформаций стал Детройт и другие города «железного пояса» США, на улицах которых уже сегодня без декораций можно снимать фильмы на эсхатологические мотивы. Закономерным следствием экономической деградации целых регионов станет массовая миграция населения из городов с устаревшей промышленностью в

регионы, где будут сконцентрированы качественно новые индустрии на основе роботизации, автоматизации и интернетизации. Одним из центров концентрации человечества могут быть и новейшие SMART-города.

В современном мире в едином временном отрезке сосуществуют урбанизированные пространства, которые одновременно содержат в себе характеристики разных типов общественного развития. С одной стороны, в мире существуют страны, которые в полной мере принадлежат к постиндустриальным обществам. Они успешно адаптируются к технологиям четвертой индустриальной революции (роботизации, автоматизации, диджитализации, интернетизации производства и сферы обслуживания). В этих странах технологический прогресс наиболее полно проявляется в феномене SMART-городов. К этой категории могут принадлежать города с довольно-таки давним историческим прошлым (Барселона, Бостон, Гонконг, Копенгаген, Сан-Франциско, Стокгольм и др.). Вместе с тем к ним относятся и строящиеся, качественно новые города – Сонгдо (Южная Корея), Искандер (Малайзия), Масдар (ОАЭ), Иннополис и Сколково (Россия) и др. Технологии Industry 4.0 в SMART-городах становятся основой для эффективного управления транспортом, логистической инфраструктурой, банковской системой, диджитализацией предоставления государственных услуг, формированием модернизированных технопарков и др. Для демаркации этих сообществ кроме определения «постиндустриальные общества» в разных методологических подходах активно используются и другие понятия – «развитые страны Запада», «страны золотого миллиарда», «страны ядра (центра) мировой системы» и др.

С другой стороны, в начале третьего тысячелетия значительная часть населения городов мира проживает в урбанизированных пространствах, которые синхронно содержат в себе характеристики как постиндустриальных, так и индустриальных и даже доиндустриальных обществ. Большинство из этих городов размещено в развивающихся странах. В разных сегментах социальной жизни и в разных локациях этих городов могут сосуществовать технологии постиндустриального общества (компьютерные технологии, доступ к интернет-технологиям в информационной сфере, диджитализация в банковской сфере) и отсутствие инфраструктуры уровня индустриальных городов (централизованной системы канализации и освещения, плановой застройки). Именно в таких урбанизированных пространствах современности значительная часть горожан проживает в трущобах в условиях тотальной бедности. Определение таких сообществ в современной социально-философской литературе соотносится с использованием таких понятий, как «развивающиеся страны», «страны третьего и четвертого мира», «страны периферии и полупериферии мировой системы» и др.

В настоящей статье авторами рассматривается непосредственное влияние технологий постиндустриального общества (уровня третьей и четвертой индустриальной революции) на социальное развитие городов в странах периферии и полупериферии мир-системы. Поднимается вопрос о связи процессов автоматизации, роботизации и диджитализации производства в этих странах с углублением масштабов экономических и социальных проблем (массовой безработицей, возрастающей социальной поляризацией населения, разрастанием трущоб, стихийными миграционными процессами). Кроме того, делается обоснованное предположение об ускорении технологического

отставания и социальной деградации городов периферии и полупериферии мировой системы в ситуации форсирования использования инноваций Industry 4.0 в развитых странах мира.

Цель статьи – анализ социальных рисков для бытия человека в современном урбанизированном пространстве стран периферии и полупериферии в условиях четвертой индустриальной революции.

Если еще в середине XX в. урбанизация рассматривалась преимущественно как положительное явление, которое способствует экономическому росту, то в начале XXI в. стало окончательно ясно, что стремительная урбанизация может иметь и отрицательные последствия для социального развития многих стран мира. Именно проблема разрастания городских трущоб в Африке и Латинской Америке в результате стремительной урбанизации рассматривается в работах английского исследователя С. Фокса. В его понимании появление и разрастание трущоб является прямым следствием «неожиданной модернизации». При этом большинство социальных проблем жителей трущоб объясняется исследователем демографическими, экономическими и институциональными факторами [3. Р. 191]. С. Фокс непосредственно связывает расширение площади трущоб в городах к югу от Сахары со становлением институтов постколониальной эпохи, попытками либеральных экономических реформ и концентрацией внешних инвестиций в добывающих отраслях экономики. Указанные выводы находят подтверждение и в работах американской исследовательской группы во главе с Р. Махабиром. Ее представители указывают, что трущобы возникают и продолжают расти именно в развивающихся странах. Особенно это касается регионов, которые стремительно урбанизируются на мировом юге [4]. Нелинейность развития этих регионов, их уникальные социальные и географические характеристики, отсутствие достоверных статистических данных о развитии трущоб серьезно затрудняют их системное изучение.

Динамика разрастания площади городских трущоб подтверждается выводами исследовательской группы ученых во главе с Дж. Фризенем, которые провели локализацию трущоб на глобальном уровне. Исходя из данных глобального дистанционного зондирования, ими было установлено, что большинство трущоб во всем мире (84,6%) размещено на ограниченной территории площадью между 0,001 и 0,1 км² [5. Р. 109]. На беспрецедентный рост городского населения в трущобах Индии указывает в своих работах и М. Джейн. Эти процессы, по ее мнению, сопровождаются появлением и разрастанием неформальных урбанизированных поселений, которые в Индии называют «переписными городами», в Китае – «городскими деревнями» и «поселками» – в Южной Африке [6]. Исследовательница акцентирует особое внимание на неспособности местных органов власти собственными силами решить сопутствующие социальные проблемы, прежде всего создать надлежащую инфраструктуру в неформальных урбанизированных поселениях.

Неудачи в попытках преодоления трущоб связываются исследователями с тем, что построенные на месте трущоб дома и квартиры недоступны для покупки их жителями в связи с недостаточным уровнем доходов. Вывод о прямой зависимости между большим внешним долгом и разрастанием трущоб минимум на 18% делает Б. Арима. Исследователь указывает и на то, что стремительная урбанизация остается ключевым фактором роста трущоб, по-

сколько увеличение городского населения лишь на 1% приводит в перспективе к росту площади трущоб на 1,8% [7]. На основе этого Б. Арима делает вполне обоснованный вывод, что во многих странах Африки к югу от Сахары фактически произошла урбанизация без развития или с ограниченным развитием.

В свою очередь, проблематика прогнозирования социальных последствий стремительной модернизации урбанизированного пространства в ситуации четвертой индустриальной революции нашла лишь частичное отражение в научной литературе. В связи с этим особого внимания заслуживает работа Р. Флорида «Кризис урбанизма. Почему города делают нас несчастными?» (2019), в которой раскрываются кризисные явления, сопровождающие нынешнюю фазу развития урбанизма [1]. При этом одним из ключевых факторов современного кризиса урбанизма американский исследователь называет постоянный рост трущоб в развивающихся странах.

Анализируя возможные тенденции развития человечества в результате стремительного распространения технологий четвертой индустриальной революции (роботизации, интернетизации, диджитализации производства), заметим, что стремительная урбанизация останется магистральной тенденцией социального развития. Масштабы новой волны урбанизации являются впечатляющими. Если до начала XIX в. городское население в мире составляло примерно 3%, то сегодня эта цифра составляет более половины всех жителей Земли. В перспективе в ближайшие десятилетия не менее 85% населения планеты будет проживать в городах.

Еще более впечатляющие данные о концентрации населения в современных мегаполисах. Если в 1800 г., согласно с данными Р. Флорида, в мире был всего один город, население которого составляло 1 млн человек, то в 1900 г. таких городов было уже 12. Эти тенденции только усиливаются в условиях постиндустриализма. На сегодня в мире насчитывается 28 городов с населением более 10 млн человек. Но в 2030 г., по обоснованным прогнозам, таких городов будет не менее 40 [1. С. 195]. Прогнозируется, что большинство из этих мегаполисов будет размещено в развивающихся странах. При этом социальное положение жителей этих городов нельзя будет назвать отпадным. Это связано и с тем, что в развивающихся странах с доминированием аграрно-сырьевого типа экономики жители мегаполисов столкнутся с вызовами четвертой индустриальной революции. Для потребления дорогих высокотехнологических товаров, произведенных в странах центра мир-системы, жители этих городов вынуждены будут работать гораздо больше, чем граждане развитых стран.

Указанные тенденции уже в полной мере проявляются в современном обществе. Так, аналитическая команда международного сервиса Picodi.com провела в сентябре 2019 г. сравнительный анализ соотношения цены нового iPhone 11 Pro со средней заработной платой в 48 странах мира. Было выяснено, сколько рабочих дней нужно трудиться в этих странах, чтобы купить новый телефон. Наименьший показатель был получен для Швейцарии – 4,8 дня. Для других стран были получены следующие данные: в США – 5,8 дня, в Австралии – 7,1 дня, в Дании – 10,6 дня, в Италии – 15,9 дня, в КНР – 30,4 дня, в России – 47 дней, в Индии – 66,7 дня. И больше всего для покупки iPhone 11 Pro нужно было работать в Украине – 96,7 дня [8].

Кроме возрастающего разрыва в доходах жителей разных городов мира прямым последствием четвертой индустриальной революции в сфере социального развития городов станет стремительная трансформация их рынка труда. В результате роботизации и диджитализации производства и сферы услуг в перспективе должны исчезнуть не только сотни «традиционных» профессий, но и целые сферы профессиональной активности людей. В условиях объективного отсутствия комплексных статистических данных по росту числа безработных вследствие роботизации и автоматизации производства необходимым есть обращение к данным, полученным на основании аналитического прогнозирования. Большинство аналитиков рынка труда сходятся в одном. Даже в короткой перспективе могут исчезнуть целые сферы занятости человека. Согласно данным Лаборатории машинного обучения в сфере финансов и организаций (LAMFO) Университета Бразилии (UnB), более 54% рабочих мест, занятых бразильцами, до 2026 г. будут заняты роботами. Исходя из прогноза роста безработицы в развитых странах мира, в США – 47%, а в странах Европы 59% рабочих мест будут заняты машинами. В других странах Латинской Америки будет потеряно еще больше рабочих мест, занятых людьми: в Уругвае – 63%, в Аргентине – 65%, в Гватемале – 75% [9]. Как видим, от потери рабочих мест больше всего пострадают развивающиеся страны, где значительная часть трудовых операций будет выполняться роботами.

Консалтинговые фирмы также дают довольно неутешительные прогнозы занятости людей в недалеком будущем. Прогнозируя развитие рынка труда, эксперты фирмы МакКинси сделали вывод, что к 2030 г. в мире от 400 до 800 млн рабочих мест могут быть заменены машинами [10]. Предвидя рост глобального потребления в 23 трлн долларов в 2030 г., эксперты этой фирмы отмечают, что в результате только роста доходов на потребительские товары можно будет создать от 250 до 280 млн новых рабочих мест. Дополнительные, от 50 до 85 млн, рабочие места будут созданы за счет более высоких расходов на здравоохранение и образование [Ibid.]. Впрочем, с ростом уровня внутреннего потребления новые рабочие места появятся прежде всего в городской среде развитых стран мира, где будут производиться товары с высоким уровнем добавленной стоимости. В странах периферии вероятность их появления остается очень низкой.

Ориентация экономик развивающихся стран на развитие аграрно-сырьевой сферы, основанной даже на частичном использовании технологий третьей и четвертой индустриальной революции, грозит им попаданием в «ловушку бедности». Первостепенной причиной отставания этих стран является необходимость импортировать из более развитых стран «высокотехнологическую дорогостоящую продукцию (технику, коммуникационные технологии, программное обеспечение и др.) со сверхвысокой добавленной стоимостью» [11. Р. 8]. В перспективе страны, где отсутствует высокотехнологичное инновационное производство, сосредоточенные на экспорте аграрной и сырьевой продукции с низкой добавленной стоимостью, обречены на постепенное сужение внутреннего рынка потребления и дальнейшее углубление экономической отсталости.

Показательным примером сочетания стремительной урбанизации и ориентации экономики на эксплуатацию сырьевого сегмента производства стала

ситуация с деградацией экономики и социальной сферы Венесуэлы. Пример этой страны свидетельствует о быстрой социальной деградации целых городских агломераций и регионов страны. В свое время ускоренные темпы развития Венесуэлы в результате открытия и использования огромных нефтяных месторождений в 50-е гг. XX в. привели к стремительной урбанизации страны и как следствие значительному дефициту жилья. «На сегодня, около 93% населения Венесуэлы проживает в городах. В столице страны Каракасе две трети населения живет в трущобах» [12]. Отсутствие соответствующих темпов строительства жилья привело к переполненности городских жилищных структур, самой известной из которых стал квартал *23 de Enero*, превратившийся со временем в самую масштабную трущобу Венесуэлы.

Стремительная урбанизация и рост экономической активности в Венесуэле, как и во многих других развивающихся странах, привели не только к росту доходов населения, но и к истощению природных ресурсов и как следствие деградации окружающей среды. Так, согласно выводам группы исследователей во главе с А. Мохаммедом Саудом, в период с 1971 до 2013 г. даже попытки использования в этом государстве альтернативных источников энергии еще больше усугубили деградацию окружающей среды, поскольку малые электростанции в Венесуэле заправлялись дизелем или газом. Ключевой причиной этого стало субсидирование правительством страны цены топлива, которая остается самой низкой в мире. В таких условиях цена топлива даже не покрывает себестоимости его производства [13]. Разрушительная ориентация государства на развитие углеводородной моноэкономики привела к тому, что в Венесуэлу стало экономически выгоднее завозить продукты питания и промышленные товары из других стран, чем развивать собственное производство. В результате в стране фактически разрушены собственные промышленные мощности и сельское хозяйство.

Отметим, что не только в Венесуэле, но и во многих развивающихся странах целые регионы с преимущественно сельским населением оказываются лишенными средств выживания из-за разрушения традиционных типов занятости, ориентированных на близлежащие города. Ускоренная урбанизация и непродуманные популистические решения венесуэльских властей спровоцировали разрушение традиционных экономических связей между городами Венесуэлы и сельскохозяйственной инфраструктурой близлежащих районов и как следствие быстрое обезземеливание мелких сельскохозяйственных производителей и разрастание крупных землевладений. Деструктивные последствия государственной политики в сфере сельского хозяйства проявились еще в период правления Уго Чавеса. Так, 22 февраля 2010 г. в Венесуэле было объявлено о создании Крестьянского ополчения, целью деятельности которого стала защита крестьян от преследований и убийств, совершенных парамилитарными формированиями крупных землевладельцев. При этом «более 300 крестьянских лидеров и активистов были убиты с момента введения закона о земледелии и развитии сельского хозяйства в 2001 г. и начала программы аграрной реформы» [14]. В целом ориентация на краткосрочную «экономическую целесообразность», уничтожение национального производства и как следствие разрушение внутреннего рынка потребления не только привели к деградации венесуэльских городов, но и поставили государство перед угрозой дезинтеграции.

Углубление экономического кризиса в Венесуэле в последние годы, рост бедности и реальная угроза голода привели к массовой миграции населения прежде всего из крупных городов. Согласно данным Международной организации миграции, за последние годы 3,4 млн граждан Венесуэлы стали беженцами, что составило около 12% населения страны. Только в течение 2018 г. в среднем 5 тыс. человек ежедневно оставляли Венесуэлу в поисках защиты или лучшей жизни [15]. Массовая миграция венесуэльцев привела к социальному кризису в местах концентрации беженцев в соседних государствах: Бразилии, Колумбии, Эквадоре и др. Значительное количество венесуэльцев направилось в города Колумбии, которая, по утверждению Ф. Рикерта, сама остается страной с одним из самых высоких уровней социального неравенства и бедности. В таких условиях почти половина колумбийцев лишена надлежащих условий труда и работает неофициально [16. Р. 296]. Впрочем, от массовой стихийной миграции венесуэльцев наиболее пострадали города и регионы Бразилии.

В начале 2018 г., по данным международных информационных ресурсов, в столице бразильского штата Рорайма, городе Боа Виста, сконцентрировалось больше 30 тыс. венесуэльцев, или 10% от его населения. Уже к концу года их количество удвоилось. В местном госпитале венесуэльцы составляли более 50% пациентов. В связи с прибытием беженцев количество экстренных вызовов полиции возросло на 1000%. Тысячи мигрантов проживали на улицах и готовы были работать за треть зарплаты бразильцев [17]. Кризис городской инфраструктуры Боа Виста усугублялся еще и тем, что Рорайма является самым бедным штатом Бразилии, а федеральное правительство не предоставило достаточной помощи для преодоления миграционного кризиса. Исходя из этого, стихийные неконтролируемые потоки беженцев, которые появляются в результате структурного экономического кризиса стран мировой периферии, могут легко разрушить инфраструктуру даже развитых городов, превратив их окрестности в трущобы с высоким уровнем преступности и бедности.

Социальная реальность первых десятилетий XXI в. свидетельствует, что для почти миллиарда жителей трущоб новейшая волна урбанизации обернулась, по справедливому выражению Р. Флорида, полным провалом. В Африке только 34% жителей городов имеют доступ к канализации, а более 2/3 жителей городов к югу от Сахары не имеют доступа к электричеству [1. С. 198]. Трущобы этих городов не просто переполнены сотнями тысяч обездоленных. Целые социальные группы и социальные сообщества в развивающихся странах периферии и полупериферии уже попали в циклическую «ловушку бедности». Несмотря на то, что стабильный рост народонаселения в развивающихся странах стимулирует постоянный спрос на жилье, именно социально-экономические факторы являются ключевыми причинами расширения трущоб. С одной стороны, стремительный рост городского населения является источником «избыточного спроса». С другой стороны, городская бедность приводит к «дефицитности спроса», ограничивая инвестиции в жилье [3. Р. 193]. Фактически разрастание трущоб происходит в результате «неожиданной модернизации», когда рост городского населения намного опережает темпы экономического и институционального развития.

Хотя в процентном соотношении, по данным ООН-Хабитат, количество жителей трущоб среди городского населения и уменьшилось с 46,2% в 1990 г. до 29,7% в 2014 г., в численном соотношении численность жителей трущоб в странах постсоветского лагеря и в странах, которые развиваются, увеличилось с 689 млн в 1990 г. до 791 млн в 2000 г. и 880 млн в 2014 г. [18. Р. 14]. Большинство из них проживает в городских трущобах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. Количество жителей трущоб примерно равняется численности населения развитых стран мира, прежде всего стран Западной Европы и Северной Америки. В условиях отсутствия роста уровня жизни и доходов граждан развивающихся стран, согласованных действий муниципальных органов власти и национальных правительств в сфере преодоления бедности количество жителей трущоб только возрастает. При этом в разных социокультурных зонах жители трущоб испытывают широкий диапазон форм сегрегации и стигматизации. На уровне идентификационных практик они получают наименование «жителей трущоб», «неофициальных поселенцев», «скутеров», «маскавотов» (в Восточной Африке), «парайкадистов» или «колоносов» (в Мексике), «окупасов» (в Испании, Чили и Аргентине), «фавеладос» (в Бразилии) [Ibid. Р. 13]. Эти термины содержат явные черты социального отчуждения и сегрегации, поскольку ключевыми сферами деятельности жителей трущоб, кроме подвоза воды и работы в сфере общественного транспорта, остается вывоз отходов и участие в преступных организациях.

Социальная значимость проблемы разрастания трущоб привела к разработке и попытке внедрения государственных программ по реинтеграции этих районов в экономическую и социальную инфраструктуру городов. Еще в 2009 г. в Индии было анонсировано начало амбициозной государственной программы по реинтеграции городских трущоб в течение пяти лет. Впрочем, уже через два года чиновники вынуждены были признать невозможность решения этой проблемы. Об угрозе разрастания масштабов трущоб и невозможности преодолеть эту проблему традиционными способами свидетельствует популярность экскурсий в эти городские районы. В июне 2019 г. туристический сайт *TripAdvisor* назвал экскурсию в трущобы Дхарави в Индии наиболее популярным туристическим маршрутом государства, поставив ее выше посещения Тадж-Махала. Эта экскурсия вошла в десятку лучших в категории «Опыт путешествий в Азии». При этом большинство из посетителей Дхарави являются гражданами Австралии, Великобритании и США [19]. Отметим, что трущобы Дхарави расположены в самом центре Мумбаи и в них проживает не менее одного миллиона человек. В целом распространение трущоб и рост бедности населения в ситуации стремительного роста населения указывают на неспособность правительств развивающихся стран к регулированию развития разных сегментов экономики, на несостоятельность их политики в сфере городского строительства, на неумение привлекать инвестиции и эффективно их использовать в сфере развития городской инфраструктуры.

Одним из эффективных способов нивелиации роста бедности и угрозы маргинализации населения в процессе адаптации городского социокультурного пространства к вызовам четвертой индустриальной революции как в странах периферии, так и в развитых странах может быть формирование «но-

вого среднего класса». В связи с этим особого внимания заслуживает идея Р. Флорида, что и правительственные органы, и владельцы роботизированных производств должны инициировать «преобразование низкооплачиваемых работ в сфере обслуживания на работу среднего класса» [1. С. 194]. Эта на первый взгляд фантастическая идея в ситуации Industry 4.0 приобретает свойства крайней необходимости, ведь в ближайшие десятилетия именно в сфере услуг, в диапазоне от медицины и образования до сферы массовых зрелищ будет сконцентрировано большинство рабочих мест, где будут заняты люди. Именно покупательная способность представителей этого «нового среднего класса» должна стать основой для сохранения и расширения рынка потребления товаров, произведенных на роботизированных и диджитализированных производствах. В таких условиях как никогда остаются актуальными слова Генри Форда о том, что монтажник на его предприятии должен получать такую заработную плату, чтобы иметь возможность купить автомобиль, который собирает.

Следовательно, в современном мире именно города, а не государства становятся центрами и движущими силами экономического роста, поскольку в ближайшие десятилетия не менее 85% населения планеты будет проживать в городах. Именно через призму развития городской среды следует рассматривать стратегии преодоления бедности и поляризации между доходами неимущих и состоятельных групп населения, роста уровня безработицы, эффективности энергопотребления, угрозы усугубления экологических проблем. Города могут стать как центром нивелирования указанных проблем, так и источником их нарастания и концентрации. Концентрация населения, с одной стороны, будет способствовать накоплению в городах значительного количества капиталов, технологических инноваций, расширению рынков потребления и социального прогресса. С другой стороны, именно в городах состоится концентрация населения, которое будет искать работу в ситуации ускоренной роботизации, автоматизации и диджитализации производства.

В результате углубления глобализационных процессов еще больше возрастают риски разрыва традиционных экономических связей между городскими агломерациями и сельскими районами, которые их окружают. Прямым следствием этих процессов станет массовая миграция населения в города. При стихийности этих процессов и невмешательстве государства в процесс перераспределения материальных и социальных благ, приобретенных в результате Industry 4.0, небольшая группа людей, владельцев роботизированных предприятий, сконцентрирует в своих руках непропорционально большую долю доходов. При этом большинство жителей городов могут быть поставлены на грань выживания. В таких условиях в городах и далее будут формироваться кластеры «концентрированного богатства и концентрированной бедности» (Р. Флорида).

Надежды на преодоление поляризации в доходах населения и угрозы разрастания кластеров бедности с помощью механизмов второй индустриальной революции (строительство дорог, железных дорог, мостов, развязок, небоскребов) в условиях четвертой индустриальной революции безосновательны и обречены на неудачу. В грядущие десятилетия наибольший уровень добавленной стоимости будет приносить продукция информационной сферы, прежде всего программное обеспечение. Эта продукция распространя-

ется в виртуальном пространстве, а не двигается по реальным автомобильным, железнодорожным или водным магистралям. Концентрация капиталов и добавленной стоимости в информационной сфере будет только усиливать тенденции роста неравенства как между государствами, так и между разными социальными группами. Следовательно, новые социальные вызовы урбанизации должны нивелироваться качественно другими мерами.

В перспективе нивелирование угроз новой волны урбанизации потребует гораздо большего уровня капиталовложений в развитие городов, чем человечество вкладывало в города во все предыдущие периоды. Решение этих проблем невозможно без задействования усилий как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Новейшая волна урбанизации и концентрации населения в городах и городских агломерациях стран периферии и полупериферии мир-системы обострит проблему недоступности жилья для подавляющего большинства населения города. С целью недопущения появления трущоб или их расширения правительства и органы городского самоуправления должны стимулировать строительство доступного жилья и установление приемлемых условий его аренды. Кроме того, концентрация значительного количества населения в крупных городах актуализирует необходимость расширения сети общественного транспорта и вероятного его перевода на бесплатную основу. В то же время сохранение социальной стабильности и нивелирования рисков роста уровня безработицы и бедности населения в результате роботизации и диджитализации невозможны без превращения работающих в сфере обслуживания в «новый средний класс», разработки и введения механизмов прогрессивного налогообложения роботизированных и диджитализированных производств, введения единого базового дохода.

Литература

1. *Флорида Р.* Криза урбанізму. Чому міста роблять нас нещасними. Київ: Наш формат, 2019. 320 с.
2. *UN-Habitat.* (2010). State of the Cities 2010-11 – Cities for All: Bridging the Urban Divide. UN-Habitat, Nairobi, Kenya. URL: <http://www.unhabitat.org/content.asp?cid=8891&catid=643&ty-peid=46&subMenuId=0&All Content=1> (accessed: 26.12.2019).
3. *Fox S.* The Political Economy of Slums: Theory and Evidence from Sub-Saharan Africa // World Development. Elsevier. 2014. Vol. 54 (C). P. 191–203. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.08.005. URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/wdevel/v54y2014icp191-203.html> (accessed: 28.02.2020).
4. *Mahabir R., Crooks A., Croitoru A., Agouris P.* The study of slums as social and physical constructs: challenges and emerging research opportunities // Regional Studies, Regional Science. 2016. 3:1. P. 737–757. DOI: 10.1080/21681376.2016.1229130 URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21681376.2016.1229130> (accessed: 11.02.2020).
5. *Friesen J., Taubenböck H., Wurm M., Pelz P.F.* Size distributions of slums across the globe using different data and classification methods // European Journal of Remote Sensing. 2019. 52: sup2. P. 99–111. DOI: 10.1080/22797254.2019.1579617. URL: https://elib.dlr.de/126724/1/Size%20distributions%20of%20slums%20across%20the%20globe%20using%20different%20data%20and%20classification%20methods_FINAL_published.pdf (accessed: 13.12.2019).
6. *Jain M., Sridharan N., Korzhenevych A.* From Informal to Inclusive Urbanization: Options for Funding the Transformation in India // Megacities and Rapid Urbanization. January. 2020. P. 118–134. DOI: 10.4018/978-1-5225-9276-1.ch006. URL: https://www.researchgate.net/publication/338299205_From_Informal_to_Inclusive_Urbanization_Options_for_Funding_the_Transformation_in_India (accessed: 15.11.2019).
7. *Arimah B.C.* Slums as expressions of social exclusion: Explaining the prevalence of slums in African countries. Nairobi, Kenya: United Nations Human Settlement Programme. 2001. URL: <https://www.oecd.org/dev/pgd/46986548.pdf> (accessed: 12.11.2019).

8. *Index iPhone 2019*. Наскільки легко купити новинку від Apple в 50 країнах світу. Вересень 23, 2019. URL: <https://www.picodi.com/ua/mozhna-deshevshe/index-iphone-2019> (accessed: 14.01.2020).

9. *54% dos empregos formais no Brasil estão ameaçados por máquinas*. URL: <https://epocanegocios.globo.com/Tecnologia/noticia/2019/02/54-dos-empregos-formais-no-brasil-estao-ameacados-por-maquinas.html> (accessed: 03.12.2019).

10. *Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and-wages*. November 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (accessed: 05.01.2020).

11. *Kovtun N.M., Ventsel N.V. Transitional Society in Modernization Conditions Challenges of Fourth Industrial Revolution // Zhytomyr Ivan Franko State University Journal. Philosophical Sciences: scientific journal*. Zhytomyr: Zhytomyr Ivan Franko State University Press, 2019. Vol. 1 (85). P. 5–16. DOI.10.35433/PhilosophicalSciences.1(85).2019. P. 5–16.

12. *10 facts about slums in Venezuela*. July 8, 2019. URL: <https://borgenproject.org/10-facts-about-slums-in-venezuela/> (accessed: 13.02.2020).

13. *Mohammed Saud M.A., Guo P., Haq Iu., Pan G., Khan A. Do government expenditure and financial development impede environmental degradation in Venezuela? // PLoS ONE*. 2019. 14(1): e0210255. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210255> URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0210255> (accessed: 22.02.2020).

14. *Venezuela Creates Peasant Militias, Enacts Federal Government Council*. URL: <https://venezuelanalysis.com/news/5150> (accessed: 13.02.2020).

15. *Venezuelan Outflow Continues Unabated, Stands Now at 3.4 Million*. Friday 22 February 2019. URL: <https://mailchi.mp/b1c9e7b1d3b2/venezuelan-outflow-continues-unabated-population-abroad-now-stands-at-34-million?e=f641c5fc10> (accessed: 12.02.2020).

16. *Rueckert Ph. Venezuelan Migrant Workers Struggle for Labor Rights in Colombia // NACLA report on the Americas*. 2019. Vol. 51, issue 3. P. 296–300. <https://doi.org/10.1080/10714839.2019.1650511>. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10714839.2019.1650511?src=recsys> (accessed: 05.01.2020).

17. *Как миллионы беженцев из Венесуэлы меняют облик континента*. 01.09.2018. URL: <https://naviny.by/article/20180901/1535802963-kak-milliony-bezhencev-iz-venesuely-menyayut-oblik-kontinenta> (accessed: 12.11.2019).

18. *Urbanization and Development: Emerging Futures*. World Cities Report 2016. (UN-Habitat). United Nations Human Settlements Programme. 2016. 264 p. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/WCR-2016-WEB.pdf> (accessed: 19.11.2019).

19. *Slum tours beat the Taj Mahal as India's most popular "experience"*. June 25, 2019. URL: <https://qz.com/quartz/1650968/slums-beat-taj-mahal-as-indias-most-popular-tourist-draw/> (accessed: 23.01.2020).

Nataliia M. Kovtun, Zhytomyr Ivan Franko State University (Zhytomyr, Ukraine).

E-mail: miller-melnik@ukr.net

Nataliia V. Ventsel, Zhytomyr Regional In-Service Teacher Training Institute (Zhytomyr, Ukraine).

E-mail: n.ventsel@ukr.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 60–72.

DOI: 10.17223/1998863X/59/7

SOCIAL RISKS OF MAN'S BEING IN THE MODERN URBANIZED ENVIRONMENT OF THE PERIPHERAL AND SEMI-PERIPHERAL COUNTRIES OF THE WORLD SYSTEM

Keywords: city; urban slums; social environment; Fourth Industrial Revolution; robotization and digitalization; unemployment.

Accelerated urbanization as the main tendency of social development of humankind in the conditions of the Fourth Industrial Revolution is analyzed. The article considers both the problem of financial capital concentration, technological innovation, expansion of consumer markets in the urban environment of post-industrial society and the risks of spontaneous population migration, the concentration of a significant number of the unemployed in cities and, as a result, the expansion of urban slum areas, increase in income polarization between the significant part of the urban population and the small group of owners of robotic and digitalized productions. The trend for the growth of

urban slums in recent decades is associated not only with insufficient investment in housing and infrastructure funds. It is positioned as a direct consequence of the uneven economic and social development of both different development regions of one country and uneven development of the world regions. In the situation of intensified urbanization processes associated with accelerated robotization and digitalization of almost all production and service areas, the risks of an even greater concentration of the population in cities are growing amid the growing shortage of jobs for people. As a result of deeper globalization processes, the risks of breaking traditional economic ties between urban agglomerations and rural areas surrounding them are even greater. A direct consequence of these processes would be a massive migration of the population to cities. It is argued that the latest wave of urbanization and concentration of the population in large cities and metropolitan areas would exacerbate the problem of accessible housing for the vast majority of the population. To prevent the emergence of slums or their expansion, national governments and municipal authorities should stimulate the construction of affordable housing and the establishment of acceptable rental conditions. Besides, the concentration of a significant number of people in large cities actualizes the need to expand the public transport network and its likely transfer to a free of charge basis. The authors associate maintaining social stability and mitigating the risks of a significant increase in unemployment and poverty as a result of robotization and digitalization of production with the transformation of service workers into a “new middle class”, the development and introduction of progressive taxation mechanisms for robotic and automated productions, and the introduction of a single basic income.

References

1. Florida, R. (2019) *Kriza urbanizmu. Chomu mista roblyat nas neschasnymi* [The Crisis of Urbanism. Why cities make us miserable]. Kyiv: Nash format.
2. UNO. (2010) *State of the Cities 2010-11 – Cities for All: Bridging the Urban Divide*. UN-Habitat, Nairobi, Kenya. [Online] Available from: <http://www.unhabitat.org/content.asp?cid=8891&catid=643&typeid=46&subMenuId=0&AllContent=1> (Accessed: 26th December 2019).
3. Fox, S. (2014) The Political Economy of Slums: Theory and Evidence from Sub-Saharan Africa. *World Development*. 54. pp. 191–203. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.08.005
4. Mahabir, R., Crooks, A., Croitoru, A. & Agouris, P. (2016) The study of slums as social and physical constructs: challenges and emerging research opportunities. *Regional Studies, Regional Science*. 3(1), pp. 37–757. DOI: 10.1080/21681376.2016.1229130
5. Friesen, J. Taubenböck, H. Wurm, M. & Pelz, P.F. (2019) Size distributions of slums across the globe using different data and classification methods. *European Journal of Remote Sensing*. 52(2). pp. 99–111. DOI: 10.1080/22797254.2019.1579617
6. Jain, M., Sridharan, N. & Korzhenevych, A. (2020) From Informal to Inclusive Urbanization: Options for Funding the Transformation in India. *Megacities and Rapid Urbanization*. January. pp. 118–134. DOI: 10.4018/978-1-5225-9276-1.ch006
7. Arimah, B.C. (2001) *Slums as expressions of social exclusion: Explaining the prevalence of slums in African countries*. Nairobi, Kenya: United Nations Human Settlement Programme. 2001. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/dev/pgd/46986548.pdf> (Accessed: 12th November 2019).
8. Anon. (2019) *Naskilki legko kupiti novinku vid Apple v 50 krayinah svitu* [How easy it is to buy a new product from Apple in 50 countries]. 23rd September. [Online] Available from: <https://www.picodi.com/ua/mozhna-deshevshe/index-iphone-2019> (Accessed: 14th January 2020).
9. Anon. (2019) *54% dos empregos formais no Brasil estão ameaçados por máquinas*. [Online] Available from: <https://epocanegocios.globo.com/Tecnologia/noticia/2019/02/54-dos-empregos-formais-no-brasil-estao-ameacados-por-maquinas.html> (3rd December 2019).
10. Manyika, J., Lund, S., Chui, M., Bughin, J., Woetzel, J., Batra, P., Ko, R. & Sanghvi, S. (2017) *Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and-wages*. November 2017. [Online] Available from: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (Accessed: 5th January 2020).
11. Kovtun, N.M. & Ventsel, N.V. (2019) Transitional Society in Modernization Conditions Challenges of Forth Industrial Revolution. *Zhytomyr Ivan Franko State University Journal. Philosophical Sciences*. 1(85). pp. 5–16. DOI: 10.35433/PhilosophicalSciences.1(85).2019.5-16
12. Laucello, C. (2019) *10 Facts about Slums in Venezuela*. 8th July. [Online] Available from: <https://borgenproject.org/10-facts-about-slums-in-venezuela/> (Accessed: 13th February 2020).

13. Mohammed Saud, M.A., Guo, P., Haq, I., Pan, G. & Khan, A. (2019) Do Government Expenditure and Financial Development Impede Environmental Degradation in Venezuela? *PLoS ONE*. 14(1): e0210255. DOI: [org/10.1371/journal.pone.0210255](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210255)
14. Jannicke, K. (2010) *Venezuela Creates Peasant Militias, Enacts Federal Government Council*. [Online] Available from: <https://venezuelanalysis.com/news/5150> (Accessed: 13th February 2020).
15. The UN Refugee Agency. (2019) *Venezuelan Outflow Continues Unabated, Stands Now at 3.4 Million*. 22nd February. [Online] Available from: <https://mailchi.mp/b1c9e7b1d3b2/venezuelan-outflow-continues-unabated-population-abroad-now-stands-at-34-million?e=f641c5fc10> (Accessed: 12th February 2020).
16. Rueckert, Ph. (2019) Venezuelan Migrant Workers Struggle for Labor Rights in Colombia. *NACLA report on the Americas*. 51(3). pp. 296–300. DOI: 10.1080/10714839.2019.1650511
17. Anon. (2018) *Kak milliony bezhentssev iz Venesuely menyayut oblik kontinenta* [How Millions of Refugees from Venezuela are Changing the Face of the Continent]. 1st September. [Online] Available from: <https://naviny.by/article/20180901/1535802963-kak-milliony-bezhencev-iz-venesuely-menyayut-oblik-kontinenta> (Accessed: 12th February 2019).
18. UNO. (2016) *Urbanization and Development: Emerging Futures*. World Cities Report 2016. (UN-Habitat). United Nations Human Settlements Programme. 2016. [Online] Available from: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/WCR-2016-WEB.pdf> (Accessed: 19th November 2019).
19. Anon. (2019) *Slum Tours Beat the Taj Mahal as India's Most Popular "Experience"*. 25th June. [Online] Available from: <https://qz.com/quartz/1650968/slums-beat-taj-mahal-as-indias-most-popular-tourist-draw/> (Accessed: 23rd January 2020).

УДК 316.752.4

DOI: 10.17223/1998863X/59/8

В.И. Красиков

«ХЕЙТЕРЫ» В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 20-011-31650.

В статье предпринята попытка выявления и типологизации наиболее резонансных «групп ненависти», существующих в настоящее время в Рунете. В итоге разработан категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ; установлены адресования их интернет-распространения; сопоставлены их общие и отличные признаки; определена шкала их социальной вредности.

Ключевые слова: маскулисты, радфемы, скулшутеры, тролли, А.У.Е., догхантеры.

В последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении другими важнейшими аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного. Такими, как гендерный, возрастной, личностно-психологический и др. Их роднит с политическими формами радикализма интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей. Отличает же – отсутствие определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества, группы приобрели, особенно в последнее время, большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Уже имеются отдельные работы, описывающие некоторые радикальные неполитические сообщества в Рунете [1–6], однако отсутствуют аналитические и систематизирующие исследования, критериально обосновывающие самостоятельное качество данного феномена – в отличие от явно политизированных и протестных интернет-сообществ.

Целью данного исследования является разработка критериев и типологии современных форм неполитической радикальной активности (групп ненависти) в цифровом пространстве Рунета. Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение ряда задач. Сначала, полагаем, следует определиться с методологией исследования, включающей в себя выбор и обоснование ключевого концепта-критерия, с помощью которого можно очертить направления и границы поиска соответствующего эмпирического материала в интернете. Это позволит получить необходимый массив информации, анализ которого приведет к отсеиванию известной его части – для формирования гомогенного состава, более точно подходящего исходной цели исследования. Следствием подобного анализа будет формулирование дополнительных критериев, которым должны отвечать отобранные интернет-

объединения. В итоге мы сможем остановиться на ряде групп, которые могут считаться типичными выразителями того явления, которое и стало фокусом усилий нашего поиска и определительной работы.

Как видно из представленных задач, их реализация потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования.

К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ (разработка основного и дополнительного критериев отбора материала, составление тезауруса); критический дискурс-анализ – исследование изменений дискурса, выводы о модальностях коммуникативного поведения и преобладающих его темах (выявление паттернов активности групп); комплексно-процессуальный метод – исследование лингвистических особенностей субкультурных языков, их модификаций; метод сравнительно-психологического и типологического анализа.

Методы эмпирического исследования, используемые здесь, это: сбор материала при помощи общих (Google) и специальных поисковых программ [7], информационно-поискового тезауруса; анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности, в частности контент-анализ (программа «TextAnalyst»).

Количество определений ненависти необъятно. И это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера [8]: это «глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется (а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции (б) чувствами удовольствия от неудач объекта». Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией ненависти основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Так, другие исследователи либо не указывают все в целокупности эти важные характеристики, а по отдельности [9], либо включают в определения «ненависти» мало проясняющие метафоры (типа «крайний гнев, отвращение» и т.п. [10. С. 166]).

Особенность нашего исследования – в поиске и анализе активности тех специфических групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которым мы их выделяем, ненависть как основообразующее для них начало – это стержень и смысл их существования. На первом плане у них не политика, религия, этнос, спорт (футбольные фанаты) или же свобода информации (хакеры), а интенсивное желание поражения в правах своего противника и самоутверждение посредством этого. Причем желание это является самодостаточным, а не есть аспект или же следствие общей мировоззренческой, политической позиции: как расизм или антисемитизм – в виде своего рода «приложения» или же эмоционально-враждебного фона в деятельности правых радикалов.

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с использованием как общих поисковиков (Google), так и специальных программ на базе социальных сетей (преимущественно «ВКонтакте», отчасти: Twitter, «Одноклассники», YouTube) в феврале–апреле и в июле–октябре 2020 г.

Как выяснилось, ненависти в интернете и социальных сетях очень много. Это буквально море, в котором можно утонуть. Однако существуют, как вы-

яснилось, интернет-сообщества, которые либо могут довольно интенсивно пользоваться риторикой ненависти, либо быть заподозрены в таковой, не являясь все же «группами ненависти». Об этом следует сказать несколько проясняющих слов.

Ну, прежде всего, было бы странным не сказать о мизантропии и мизантропических сайтах, претендующих на ненависть ко всем людям (человечеству в целом) – в качестве так сказать «жизнеобразующей философии». Гуляет по интернету даже специальный термин, как это часто бывает, русский англицизм, их обозначающий: «пиллхейтеры». По слову «ненависть» «ВКонтакте» можно найти 191 группу. Правда, действительно мизантропичны не все, много около расистских, около нацистских объединений или же объединенных ненавистью по конкретным поводам (к «Дому-2», гопникам, бюрократам, коррупционерам, пробкам и др.). Однако все же 10–20% пабликов – точно законченные мизантропы (к примеру, «Ненависть. <https://vk.com/public236823364017> участников).

Запрос по слову «мизантропия» дал более однородные сообщества (30 групп), типа «Записки Мизантропа» (<https://vk.com/public545854752276> участников) или «Грязные мизантропы» (<https://vk.com/club439564110> участников) с часто довольно откровенным скоморошеством: «давно я что то не наведывался, вы... куски мяса, если вы за этот день хотя бы в уме не намочили ничьи кишки на люстру – день прошел зря, вы помните?» (здесь и далее приводятся названия и цитаты из Рунета с сохранением авторской лексики, грамматики и пунктуации. – *Авторы*).

Ну и по «дружественным» ссылкам можно выйти на меланхоличные «Депрессяшки» (<https://vk.com/depressyashki>) с впечатляющими 78 тыс. подписчиков, плюс филиалами в «Телеграмм» и «Твиттере». Или также родственный паблик «Каждый умирает в одиночку» (https://vk.com/jeder_stirbt_allein1444 подписчика).

После знакомства с их контентом, однако, убеждаешься все же в их общей социальной безвредности, несмотря на весь этот буффонадный hate-speech. Здесь присутствует скорее безвредная «чистая» ненависть, трансформирующаяся в едкий сарказм и могильный юмор, потому и без больших последствий для объекта ненависти, ибо он здесь огромен, включая в себя всех, кто сильно раздражает, а таких не только много, но и они постоянно калейдоскопически сменяют друг друга. Потому жало ненависти тупит, часто обращаясь на себя самое же.

Футбольные фанаты, многочисленные сообщества которых также отличимы эскападами, живут все же спортом, не ненавистью. Как и некоторые национально-культурные интернет-сообщества неполитического характера, имеющие зачастую явственные аспекты ненависти к другим этническим группам, которые все же не являются для них определяющими.

Отдельно стоит проблема фейковых сообществ типа так называемых «групп смерти», вызвавших большой медийный резонанс, родительские треволения и даже пристальный исследовательский интерес [11–13]. Знакомство с материалами вызывает много вопросов, прежде всего относительно субъектности подобных пабликов.

Что собой представляют все эти «f57 Suicide 18+», «Белый кит», «Разбуди меня в 4.20», «I cut myself», «Скорби Душа Моя», «Некрес Психес», «Ин-

сайдеры», «Море Китов» – параллельно с сотнями их клонов? Содержание однотипно: психodelика, шок-контент, таинственность, многозначительность, раздача номеров на смерть, тематические игры с загадками. Кто не отгадывал, что значат странные символы, тот должен был сымитировать самоубийство, опубликовав прощальный пост. Ясно, что некоторые могли воспринять эти игры всерьез, что крайне печально. Однако главное здесь в том, что в этих группах отсутствовала, как правило, совместно формируемая на основе ценностно-смыслового консенсуса общая повестка – и дискуссий, и самих объединений. Многие исследователи согласны с мнением, что это скорее ролевые игры модераторов (под псевдонимами Филипп Лис, Мирон Сетх, Адам Бер, Ева Рейх и др.) с прицелом на хайп, где дети, подростки – скорее манипулируемые. Подобные игры типа «нетсталкинга» эксплуатируют традиционно существующие у младших подростков практики ритуального испытания страхом. В отличие, кстати, от других молодежных интернет-сообществ, о которых речь пойдет далее.

Наконец, еще о некоторых группах, которым вменяется некая негативная энергетика, но также не являющихся по сути своей группами ненависти. Это так называемые «падонки». Их субкультура, целиком связанная с интернетом, привлекла к себе массовое внимание, прежде всего за счет специфической формы сетевого общения: намеренного искажения правописания и постоянного вызывающего использования обесцененной лексики. «Речевой портрет» падонка дополняет подчеркнутый интерес к «низким» темам, связанным с насилием, сексом, отправлением физиологических потребностей (основные ресурсы в Рунете: Ресурс Удава. URL: <http://udaff.com/>; Литпром. На страже духовности. URL: <http://litprom.ru/>). Основой падоночества как контркультурного феномена полагают сочетание внутренней независимости от социума при внешнем приспособлении к нему. Исследователи определяют «креативы» падонков как форму «мужской» протестной литературы [14].

Также это сообщество пранкеров (Prank.Ru: Официальный пранк-сайт России. URL: <https://prankru.net/>), находящих особую прелесть в телефонных и интернет-розыгрышах, в некой «мирной» и даже идеологически мотивированной [15] разновидности троллинга, о котором речь впереди.

Однако ни падонков, ни пранкеров невозможно отнести к группам ненависти. Они не ненавидят остальных в виде каких-то особых групп людей (разве что конформизм, обывательщину, банальность, корпоративное рабство, худшие формы социальной власти). Может, они изрядно издеваются, ерничают, но вряд ли ненавидят.

Подлинными же группами ненависти, объединяющимися действительно на основе сильнейшей профильной эмоции против определенных категорий других людей, были выявлены, в итоге, по наличию в их названии слов-маркеров, соответствующих их лексике: «маскулизм», «альфа», «мужское движение» (государство, путь, территория и т.п.), «инцелы», «феминизм», «чайлдфри», «женское движение» (власть, революция и т.п.), «сестринство», «пацаны», «братва», «шмары», «гопота», «жизнь вора», «ненавижу школу», «уничтожим школы», «убить училку», «троллинг», «антизоофашизм», «реалистическая зоозащита» и др.

Следует сказать, что условия поиска подобных групп изменились в последние два года – из-за политики блокировок Роскомнадзора, предпринявшего ме-

ры борьбы против них. Он, по сути, вывел из легального оборота интернет-лейблы, прямо указывающие на профиль объединений, успевших дискредитировать себя в сравнении с более ранними исследованиями этих групп. Такие слова, как «скулшутинг», «а.у.е.», «догхантер» и некоторые другие, бывшие ранее маркерами этих сообществ, сейчас просто табуированы в легальном интернет-обороте, что в известной степени затруднило поиск. Потому пришлось использовать косвенные слова уже второго смыслового эшелона.

В итоге были выявлены «кусты» подобных групп, относящихся к какой-то общей категории, численность подписчиков, с особым указанием наиболее массовых из них, установлены особенности коммуникативной активности этих деструктивных объединений.

Также описанный процесс сбора эмпирического материала привел к возможности сформулировать *дополнительные критерии* для выявления групп ненависти: устойчивое и четко однозначное адресование ненависти; самостоятельность (субъектность) и дееспособность большинства; относительная стабильность смысловой тематики во времени (при возможной частой смене адресов), массовость. Это сообщества с какой-то совместно обсуждаемой платформой, общими мемами, устоявшимися объединительными образами, стилями мышления.

Под заданные критерии удалось выявить следующие характерные типы современных интернет-сообществ, которые можно отнести к «группам ненависти» неполитической ориентации:

- маскулисты, и примыкающие к ним инцелы;
- радфемы, радикальные феминистки;
- тролли (хейтеры);
- сообщества криминализованной молодежи («а.у.е.» и др.);
- скулшутеры (колумбайнеры);
- догхантеры.

Остановимся на них более подробно.

Отношения полов, как известно, амбивалентны. Известной части людей, особенно молодежи, часто не удается найти удовлетворительные отношения с противоположным полом. И интернет-коммуникации создают невиданные ранее возможности для их объединения в особые сообщества с явно радикальными взглядами, которые часто могут переходить в соответствующее радикальное уже офлайн-поведение.

Так, это *интернет-сообщества, выступающие в защиту мужчин* против неравноправного их положения в сравнении с женщинами и манипуляций со стороны последних.

До интернетовского формата они возникли в 60–70 гг. XX в. на Западе – в контексте реакции на победоносное шествие феминизма. С появлением интернета они получают и здесь устойчивую прописку (<https://avoicefor-men.com/>), также довольно быстро были воспроизведены и в Рунете.

Их основные современные интернет-локации.

Судя по нашим данным, основная часть мужских сообществ радикальной направленности¹ пребывает в социальной сети «ВКонтакте», хотя надо иметь

---

¹ Следует особо оговорить, что предметом нашего рассмотрения является только традиционалистская часть российских маскулистов (но самая большая по численности среди других), именно которую и можно отнести к группам ненависти. Кроме того, есть «галитаристы» и «левые».

в виду, что, как правило, у каждого из них есть десятки двойников, а также филиалы в основных интернет-каналах (Telegram, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram). Ключевыми словами для поиска групп «ВКонтакте» были: «мужской», «маскулист», «альфа», «патриархат», «инцел» и др.

Еще в апреле 2020 г. явным лидером среди них был паблик («Мужское государство» <https://m.vk.com/patriarchat>, 160 тыс. подписчиков) во главе с медийно известным Владиславом Поздняковым, получившим условный срок за разжигание ненависти.

Далее это «1337 cons» (https://m.vk.com/godnota_txt), пост с 113 до 126 тыс. подписчиков. Куст объединений под лейблом «Альфа» (имеется в виду альфа-самец): «Alpha. Настоящий мужчина» (<https://m.vk.com/truealfa>), пост с 45 до 70 тыс.; «ALPHA MEMES» (<https://vk.com/mansmemes>), 22 тыс. подписчиков и еще два сайта «ВК» – «Альфа Основа» и «Альфа Новости». Паблик «Тыжемужик. Не мужил – не служик». (https://m.vk.com/kokoko_man_must), рост с 60 до 62 тыс. подписчиков. Объединение «Мужское Движение» (<https://vk.com/mensrights>), 36 тыс. подписчиков в июле. Паблик «Национал-патриархат» (<https://m.vk.com/natiopat>), 33 тыс. подписчиков в апреле, в июле заблокирован. YouTube-канал «Руслан Галяев. Мужское движение» (<https://www.youtube.com/user/RuslanGalyaevMusic>), 30 тыс. подписчиков в августе. Паблик «Мужской Путь» (https://vk.com/mans_way2018), 22 тыс. подписчиков в июле. Телеграмм-«Канал белых патриархальных угнетателей». (<https://t.me/tg1337const>), 20 тыс. подписчиков в июле, «Противоядие / Мужское счастье», (https://vk.com/antidote_for_man), 10,5 тыс. подписчиков. Им несть числа, более мелкие по составу: «Территория свободных мужчин», «Эгалитарное мужское движение», «Маскулист», «Разумный Маскулизм» и т.п.

У многих из них есть свои структуры, многочисленные региональные отделения, оппозиционное отношение к власти, однако главный их враг – «реальный матриархат в стране».

Противостоят маскулистам не менее решительные представители противоположного пола – *радикальные феминистки (радфемы)*. От вполне почтенных суфражисток и либеральных феминисток их отличают именно радикальные, если не сказать «экстремистские» взгляды.

Основные современные интернет-локации радфемов.

Они имеют интернет-сайт «Информационный портал женского освободительного движения», российский филиал международного (<http://womemation.org/?s=%D0%9A%D0%94-16>), с большими информационными ресурсами и с сопровождающим обширным тезаурусом их ключевых терминов-паттернов – с соответствующими идеологическими разъяснениями. Основные площадки групп радикальных феминисток, как и остальных групп ненависти, находятся все же в социальной сети «ВКонтакте», которая в наибольшей степени по своей организации является площадкой свободного онлайн-общения и консолидации. Ключевыми словами для поиска групп «ВКонтакте» были: «феминизм», «чайлдфри», «сестринство», «женская» и др.

Наиболее крупная найденная нами здесь группа «#Щастьебытьженой», глубоко разочарованных в браке женщин (https://vk.com/prelesti_braka), 29 тыс. подписчиц. По запросу «чайлдфри» (жизнь без детей – это радость) 20 групп от 17 тыс. («Чайлдфри» <https://vk.com/public37299503>). По слову «феминизм» –

29 пабликов от 4 тыс. подписчиц (<https://vk.com/public7879643>), «Proud of Being a Womyn» (https://vk.com/proud_of_being_a_womyn). Есть также Telegram-канал «Женская власть» (https://tgrm.su/channels/blogs/vlast_zh), 31 тыс. подписчиц. Контент подобных групп сводим к ненависти, выраженной в крайне обесцененной лексике – к «мужлишкам», «рептилоидам», «плодячкам» и распирающей гордости за свою уникальную идентичность.

Помимо сексуально-половой тематики, определенную группу людей, имеющих выраженные нарциссически-психопатические и садистические наклонности, сильно занимает троллинг. Онлайн-троллингом называют речевую провокацию с целью эскалации коммуникативного конфликта. Причем троллям нужен не сам по себе конфликт, сколько агрессивное самоутверждение и подавление других. Многие источники датируют зарождение троллинга в 80–90 гг. XX в.

Интернет-тролли стали образовывать собственные сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов. Казалось бы, негласным правилом троллинга является виртуальная анонимность, и мы полагали, что могут быть сложности в их исследовании и выявлении конкретных интернет-сообществ троллей. Но все оказалось проще.

Похоже, Роскомнадзору не хватает времени на всех, блокируют тех, кто либо прямо связан с политикой, либо вызывает общественный резонанс. Здесь же в основном сводят личные счеты, помимо, конечно, троллинга коммерческого (астротурфинга). Ключевыми словами для поиска групп троллей «ВКонтакте» были: «троллинг», «флейминг», «кибербуллинг», «анонимус», «mr. Freeman» и др.

Тролли, как оказалось, особо и не скрываются. По прямому запросу «троллинг» в названии сообщества только в Москве нашлось 100 групп: число подписчиков, в которых от тысячи до 10 подписчиков, причем 15 актуально действующих в этом году. Это целая субкультура – со своими понятиями, ценностями и даже философской рефлексией (на тему самоопределения и категоризации троллей).

Ожидаемо, и так оно и есть, что контент подобных групп сводим к коммуникации, выраженной сплошным матом, приправленной шок-контентом довольно низкого уровня¹. Однако какого-то адресного вектора ненависти нет, похоже на похабщину, которой упиваются подростки, общаясь между собой в подворотне, шалея от вседозволенности и своей «крутизны».

Если в отношении так сказать «простых гражданских» троллей образ «подворотни», использованный в предыдущем предложении, является скорее метафорой, то по отношению к *группам молодежи, сторонникам так называемых «блатных» ценностей и образа жизни* это точная характеристика.

Генезис блатной культуры, основанной на своих столпах-носителях – «ворах в законе», возводят к концу XVII – началу XVIII в. Однако вышла из состояния маргинальности она в годы сталинских репрессий, когда значительная часть населения прошла через лагерь. Были созданы своя мораль, свой кодекс поведения и даже своя незатейливая «философия». Уличные хулиганы (гопники), подростковые банды всегда были, так сказать, «резервом»

---

¹ Анонимность, отсутствие хоть каких-то самоидентификационных идей, кроме *лулза* (удовольствия от страдания жертв троллинга), позволяет некоторым исследователям [16] называть троллей мем-культурой.

криминального подполья в любом обществе, в том числе и у нас. И с появлением киберпространства, социальных сетей молодые люди из известных слоев общества и местностей стали сбиваться в аналогичные подворотням виртуальные группы.

Причем эти группы не локальны, а хорошо скоординированы, существуют, так сказать, в «большом» Рунете в виде довольно тематически разработанного интернет-сайта «Быдла. NET» (http://bidla.net/forum/topic_8338/), с почти 9 тыс. зарегистрировавшихся. В отличие от просто настенных фотообъявлений, здесь нечто уже вроде «концепции».

Однако все же основное количество молодежи, так сказать, «гопнической направленности» пребывает в социальных сетях. Ключевыми словами для поиска групп «ВКонтакте», ориентирующихся на воровскую культуру, были: «пацаны», «братва», «гопота», «воры (жизнь ворами)», «ненавидим мусоров», «шмары» и др.

Наибольшее количество названий групп (2170), причем лишь по Москве, связано так или иначе со словом «пацаны». Кроме нескольких десятков объединений поклонников известного сериала, все же большая часть представлена молодежью, ориентированной на воровские ценности. Они актуально действуют и быстро прирастают. Причем впечатляет число подписчиков; так, у группы с мелодраматическим названием «Душа пацана» (<https://vk.com/public33009863>) – их 517 тыс.

Другой популярный бренд – «братва», с ним в Москве представлено 987 групп: от 5 600 подписчиков в «топовой» группе «Будни пацана» (https://vk.com/budni_pazana), причем все группы именно «приблатненные». Содержащих в названии «воры» – 275 групп, «гопота» – 77 групп, «шмары» – 36 групп, «жизнь ворами» – 20 групп.

Их контент сводится к картинкам с «пацанскими мудростями», фотографиям люксовых машин и полуобнаженных девушек. Иногда можно встретить цитаты из блатных песен, видео о ворах в законе и жизни на зоне.

История *скулшутинга* начинается 20 апреля 1999 г., когда американские подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили бойню в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Тогда были убиты 13 человек, еще 23 получили ранения, сами убийцы застрелились. Феномен «Колумбайна» во многом объясняется целым комплексом факторов, которые вкуче создали некий культ с большой примесью подросткового романтизма непонимания, неприкаянности и мелодрамы мести. Это образы самих террористов: черные плащи, очки. Голливудский сюжет: травля одноклассниками, непонимание со стороны родителей и часовая сладостная месть расстрела, записанный на любительскую камеру прощальный ролик и самоубийство. Кстати, снято порядка десятка фильмов о ненависти в школе, в том числе и под влиянием истории Харриса и Клиболда. Не хватало лишь мощного звукового ряда – и он появился в 2010 г., когда инди-поп-группа «Foster the People» выпустила песню (клип) «Pumped Up Kicks», разошедшуюся тиражом в 4 млн копий, ставшую, по сути, гимном культа с припевом: «Вам лучше бежать, лучше бежать быстрее моей пули». Наконец, появилась и литература: дневниковые записи самих убийц.

Проблемы всюду одни, и глобализующийся мир воспроизводит единые паттерны. В России произошло более 10 случаев совершения *скулшутинга* по образу последователей преступников из Колумбайна, из них наиболее массо-

вым стал расстрел 17 октября 2018 г. в Керчи в местном политехническом колледже, когда восемнадцатилетний студент Владислав Росляков убил 21 человека, ранив 60. Совершение преступления напоминало убийство в Колумбайне (использование взрывчатых веществ, подражание одному из скулшутеров Колумбайна, самоубийство в библиотеке и др.).

Ключевыми словами для поиска подобных групп «ВКонтакте» были: «ненавижу школу», «убить учителя», «сжечь школу» и др. По запросу «ненавижу школу» обозначились 417 групп с составом от 2 578 участников в топе до 36 внизу списка. По запросу «убить училку»: 15 групп от 291 до 15 участников. По запросу «Убей учителя»: 19 групп, от 281 до 10. По запросу «ненавижу учителей»: 25 групп от 218 до 10 участников. По запросу «сожжем школу»: 16 групп от 736 до 10 участников. По запросу «уничтожим школы»: 29 групп от 205 до 10. Правда, контент подобных открытых сообществ, к тому же у многих не актуальный, а прошлых лет функционирования, вряд ли можно признать экстремистским. По большей части это инфантильный юмор школьников или же рекламные объявления репетиторов.

Наконец, специфическая интернет-субкультура, так же, как и «группы смерти», получившая большой медийный резонанс, чем ранее упомянутые, это так называемые *догхантеры*. Сразу поясним, что в группы ненависти они попали не потому, что ненавидят бродячих собак, а потому, что питают сильную нелюбовь (взаимную) к радикальным представителям зоозащиты (зоофилам, по терминологии догхантеров).

Первые догхантеры появились в разделе «Пневматика» форума отечественных любителей оружия (www.guns.ru), затем возникли самостоятельные сайты и форумы, группы в социальных сетях: «ВКонтакте» и «ЖЖ», которые в большинстве своем во второй половине десятых годов были либо заблокированы, либо «заморожены».

Однако пришло, по-видимому, новое поколение догхантеров, которые усвоили советы дедушки Крылова и стали выражаться более политкорректно – в русле борьбы против радикализма, позиционируя себя как антизоофашизм. Это сегодня интернет-сообщества типа: «Зоорадикалам – НЕТ!» (<https://www.facebook.com/groups/www.zooradical.net/>), 1,9 тыс. участников; «Трибуна защиты животных» (<http://www.animalsprotectiontribune.ru/>); «Движение реалистической зоозащиты. Пять свобод» (<http://forum.real-ap.ru/>); «Зоогуманизм. Независимый просветительский журнал» (<https://zoohumanism.com/>); «Зоошиза в агонии» (<https://vk.com/club192568236>).

Пора подвести итоги и сделать выводы из проведенного исследования.

Получены следующие *результаты* (установлены факты):

1. На основе анализа соответствующего контента социальных сетей и интернет-аккаунтов – при помощи разработанного тезауруса – выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной «хейтерской» симптоматикой. Из этой совокупности (11) по уточненным дополнительным критериям к «группам ненависти» отнесены шесть: «маскулисты» (традиционалисты), «радфемы» (радикальные феминистки), «тролли», «а.у.е.», «скулшутеры» и «догхантеры».

2. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети «ВКонтакте».

3. Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик.

На основании последнего получены следующие *выводы*.

Подтверждена исходная гипотеза исследования о том, что имеется ряд сходных интернет-объединений неполитического характера, отличающихся вызывающе опасным для социума признаком. Это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию «обидчиков».

Особенно это характерно для гендерных групп (маскулистов и радфемов) и групп подростков («а.у.е.» и скулшутеров). Так, неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения с молодыми женщинами и мужчинами, дворовыми и школьными хулиганами универсализуются, становятся вмененной атрибутикой всей противопоставляемой категории, а именно «плохих» женщин и мужчин, «не наших ребят» («быдла», «школоты»). Так формируются и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Несколько отличный источник образования ненависти у двух остальных групп: троллей и догхантеров. Если унижения и неудачи гендерных и подростковых групп все же проистекают в общем и, как правило, из экзистенциально-возрастных особенностей молодежи (юношеская идеалистичность, резкие эмоциональные перепады, не сложившаяся еще рациональность и пр.), то этого нельзя сказать о троллях и догхантерах. Они люди уже достаточно прагматичные, хладнокровные и рациональные. Тем, вероятно, объяснима и их анонимная неуязвимость. Вместе с тем это люди, повзрослевшие скорее физически, научившиеся скрываться, однако так и оставшиеся подростками в культурном отношении: у них слабо интериоризованы важнейшие социальные чувства ответственности и эмпатии.

Другой общий признак – это попытка переkreить традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою «новую свободу». Гендерные группы стремятся освободиться от «тирании» противоположного пола, а реально установить свой новый контроль. Для троллей свобода – синоним самодурства, для скулшутеров – апокалиптического ресентимента, для криминализованной молодежи – «сумеречная зона» понятий преступного мира, для догхантеров – освобождение от фундаментального запрета культуры на убийство.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни для презентации, другие для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального единения. Подобная «бухгалтерия» нужна для «нормализации» своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни, для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Далее для них являются общими ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания «врага».

Другие явно общие черты у них в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах. Отличия – в степени развитости символики, зависимой от степени офлайн-присутствия групп.

Наконец, можно умозаключить, на основе сопоставления, что из шести групп ненависти четыре из них уже определенно стали субкультурами. Это, прежде всего, гендерные: маскулисты и радфемы, которые имеют устойчивую демографическую базу своего воспроизводства – молодых мужчин и женщин, часть которых неизбежно получает свой фрустрационный опыт в общении с противоположным полом. А поскольку поколения постоянно обновляются, т.е. на подходе всегда все новые и новые, то их база постоянна, что обеспечивает им устойчивость воспроизводства. Следует ожидать интенсификацию процессов их субкультурного строительства.

То же можно сказать и о сообществах криминализованной молодежи. Здесь также можно говорить о стабильности условий их воспроизводства – до тех пор, пока существуют, прежде всего, социально уязвимые семьи и депрессивные регионы. Можно предположить, что если качественно изменится отечественная социальная политика, то база молодежного хулиганства резко сократится.

Тролли как субкультура достаточно бурно развивается, но только в электронном пространстве: в силу ее принципиальной анонимности и индивидуалистичности. Это же ставит границы ее дальнейшего развития: отсутствие совместного поиска ценностно-мировоззренческого консенсуса (в том числе и офлайн) делает субкультуру рыхлой и плюралистичной, временно объединяющей в себе очень разных людей. И она сильно зависима от изменений условий и правил игры в киберпространстве (новые формы общения, модерации и т.п.), а также от непредсказуемых здесь процессов смены поколений (old тролли не испытывают чувств преемства к новым, тем более в отсутствие офлайн).

Субкультура догхантеров также носит довольно аморфный характер: во-первых, из-за крайне неблагоприятного их общественного паблисити; во-вторых, из-за принципиальной ситуативности проблемы, их породившей, при решении которой исчезнет объединительная почва.

Наибольшие затруднения вызывают анализ и оценка субкультуры скулшутеров. С одной стороны, у них уже существуют своя символика, мифология, музыка, воспроизводимые независимо от особенностей культур или местных социально-экономических условий. С другой же – она существует, как и тролли, в основном в онлайн, а крайне молодой, эмоционально-нестабильный, мировоззренчески незрелый и текучий состав делает их перспективы малоопределенными.

Наконец, определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к трем категориям. Это поведенчески-девиантные («тролли»), создающие в основном эмоционально-психологические, нравственные проблемы своему доступному окружению, но не причиняющие реального социального вреда. Далее, это социально-вредоносные группы (маскулисты, радфемы и догхантеры), уже причиняющие социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей. И к экстремистским отнесены две из рассмот-

ренных («а.у.е.» и скулшутеры) – из-за систематичности применения физического насилия, наличия массовых жертв.

Литература

1. *Sest N., March E.* Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.038>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886917304270?via%3Dihub> (accessed: 07.08.2020).
2. *Клименко Н.С.* «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 59–62.
3. *Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н.* АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.
4. *Картов В.О.* Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 442–446.
5. *Изунов С.А., Зарецкий В.В., Шамарова Е.Ю.* Сайты аугодеструктивного содержания в русскоязычном сегменте интернет // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18, № 4. С. 75–82.
6. *Каптыгина Т.П.* Догхантинг как социально опасное психологическое явление на современном этапе развития российского общества // Психология: проблемы практического применения (II): материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013. С. 25–42.
7. *Поиск* Топ-групп ВКонтакте. URL: <https://vktoppost.ru/> (дата обращения: 08.08.2020).
8. *Оксфордский* толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М. : Вече, АСТ, 2002. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm> (дата обращения: 11.08.2020).
9. *Байковский Ю.В., Самойлов Н.Г., Алёшичева А.В.* Экстремальная психология: словарь терминов. М. : АГСПА, 2018.
10. *Военно-психологический* словарь-справочник / под общ. ред. Ю.П. Зинченко. М. : ИД Куприянова : Общество психологов силовых структур, 2010. 592 с.
11. *Петров А.И., Смирнова О.С., Чумак Б.Б.* Анализ контента социальной сети на примере квестовой игры суицидального характера, направленной на детей и подростков // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5, № 6. С. 16–19.
12. *Архипова А., Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е.* «Группы смерти»: от игры к моральной панике. М. : РАНХиГС, 2017. 26 с.
13. *Брябрина Т.В., Гиберт А.И., Штрахова А.В.* Опыт контент-анализа суицидальных высказываний в сети интернет лиц с различным уровнем суицидальной активности // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Психология. 2016. Т. 9, № 3. С. 35–49.
14. *Радченко Д.А.* «Падоночество»: социальный феномен и языковая игра // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 504–525.
15. *Алексеевский М.* «Возьми трубку и зажги мир!»: молодежное сообщество пранкеров в России // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 401–439.
16. *Филлинс У.* Краткая история троллинга. Антисоциальная сеть. URL: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovaniya/101988/ (дата обращения: 21.08.2020).

Vladimir I. Krasikov, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation).

E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 73–86.

DOI: 10.17223/1998863X/59/8

“HATERS” IN THE RUSSIAN SEGMENT OF THE INTERNET

Keywords: movement for men; radical feminists; school shooters; trolling; A.U.E.; dog hunters.

The author believes that his article is relevant because it explores new forms of non-political radical ideas on the Russian Internet. The object of the research is the main manifestations of non-political activity of a destructive orientation. Its aim is to classify and determine the degree of social harmfulness of this activity. The author employed methods of both empirical and theoretical analysis. The theoretical methods were category-criterion analysis, critical discourse analysis, typological analysis, complex-procedural and comparative psychological methods. The empirical methods were

the collection of material using general and special search programs and an information retrieval thesaurus, and the analysis of textual material and products of communication. First, the author developed a set of criteria for identifying non-political radical Internet communities. As a result, the author received a large array of empirical information, which he then ordered and conceptualized according to previously developed criteria. The novelty of the research consists in the development of criteria and a classification of the scantily explored forms of non-political radicalism in the Russian Internet. The author developed a category-criterion apparatus for identifying Internet communities that can be classified as “hate groups”, identified the addresses of their Internet distribution, and, finally, determined the scale of social harmfulness of such communities. The author hopes that the materials of the article may be of interest to social scientists and governmental managers, as well as to specialists in security problems.

References

1. Sest, N. & March, E. (2017) Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Difference*. 119. pp. 69–72. DOI: 10.1016/j.paid.2017.06.038
2. Klimentko, N.S. (2017) “Childfree” and “Yazhemat” as Bipolar Categories of Modern Femininity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 40. pp. 59–62. (In Russian).
3. Menyaylo, D.V., Ivanova, Yu.A. & Menyaylo, L.N. (2019) AUE – kriminal'noe molodezhnoe dvizheniye: sushchnost' i sposoby rasprostraneniya [AUE – Criminal Youth Movement: Essence and Methods of Distribution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3. pp. 107–111.
4. Karpov, V.O. (2018) Cult Of Columbine: Main Reasons for School Shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Kazan Law Institute of MIA Russia*. 9(4). pp. 442–446. (In Russian). DOI: : 10.24420/KUI.2018.49.27.001
5. Igumnov, S.A., Zaretsky, V.V. & Shamarova, E.Yu. (2018) Sayty autodestruktivnogo soderzhaniya v russkoyazychnom segmente internet [Sites of Self-destructive Content in the Russian-speaking Segment of the Internet]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov – Mental Health of Children and Adolescent*. 18(4). pp. 75–82.
6. Kapytina, T.P. (2013) Dogkhanting kak sotsial'no-opasnoe psikhologicheskoe yavlenie na sovre-mennom etape razvitiya rossiyskogo obshchestva [Doghunting as a Socially Dangerous Psychological Phenomenon at the Present Stage of Development of Russian Society]. *Psikhologiya: problemy prakticheskogo primeneniya (II)* [Psychology: Problems of Practical Application (II)]. Proc. of the International Conference. Chita, June 2013. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 25–42.
7. Anon. (n.d.) *Poisk Top-grupp VKontakte* [Search for Top VKontakte groups]. [Online] Available from: <https://vktoppost.ru/> URL: (Accessed: 8th August 2020).
8. Rebera, A. (ed.) (2002) *Oksfordskiy tolkovyy slovar' po psikhologii* [Oxford Dictionary of Psychology]. Translated from English. Moscow: Veche, AST. [Online] Available from: <https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm> (Accessed: 11th August 2020).
9. Baykovsky, Yu.V., Samoylov, N.G. & Aleshicheva, A.V. (2018) *Ekstremal'naya psikhologiya: slovar' terminov* [Extreme Psychology: Glossary of Terms]. Moscow: AGSPA.
10. Zinchenko, Yu.P. (ed.) (2010) *Voенно-psikhologicheskii slovar'-spravochnik* [Military Psychological Dictionary]. Moscow: ID Kupriyanova: Obshchestvo psikhologov silovykh struktur.
11. Petrov, A.I., Smirnova, O.S. & Chumak, B.B. (2017) Analiz kontenta sotsial'noy seti na primere kvestovoy igry suitsidal'nogo kharaktera, napravlennoy na detey i podrostkov [Analysis of the Content of a Social Network using the Example of a Suicidal Quest Game Aimed at Children and Adolescents]. *International Journal of Open Information Technologies*. 5(6). pp. 16–19.
12. Arkhipova, A., Volkova, M., Kirzyuk, A., Malaya, E., Radchenko, D. & Yugay, E. (2017) “Gruppy smerti”: ot igry k moral'noy panike [“Groups of Death”: from Game to Moral Panic”. Moscow: RANEPА.
13. Bryabrina, T.V., Gibert, A.I. & Shtrakhova, A.V. (2016) Opyt kontent-analiza suitsidal'nykh vyskazyvaniy v seti internet lits s razlichnym urovnem suitsidal'noy aktivnosti [Content Analysis of Suicidal Internet Statements of People with Different Suicidal Activity Levels]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Psikhologiya*. 9(3). pp. 35–49.
14. Radchenko, D.A. (2009) “Padonochestvo”: sotsial'nyy fenomen i yazykovaya igra [“Padonochestvo”: a Social Phenomenon and a Language Game]. In: Martynova, M.Yu. (ed.) *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]. Moscow: RAS. pp. 504–525.
15. Alekseevsky, M. (2009) “Voz'mi trubku i zazhgi mir!”: molodezhnoe soobshchestvo prankerov v Rossii [“Pick up your phone and light the world!”: The youth community of pranks in

---

Russia)]. In: Martynova, M.Yu. (ed.) *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* [Youth Subcultures of Moscow]. Moscow: RAS. pp. 401–439.

16. Phillips, W. (2013) *Kratkaya istoriya trollinga. Antisotsial'naya set'* [A Brief History of Trolling. Antisocial Network]. Translated from English. [Online] Available from: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovanija/101988/ (Accessed: 21st August 2020).

УДК 81*27; 81*246.3
DOI: 10.17223/1998863X/59/9

Е.А. Найман

СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена семиотическим механизмам формирования социального значения. В работе произведен анализ индексальности при помощи иконического отношения, создающего идеологический фокус данной проблемы. Кроме того, показана динамика перехода индексальных порядков: от исторической дифференциации, стилистического сдвига к стереотипизации. Выявлены границы применения теории индексальности к анализу социального значения.

Ключевые слова: индексальность, иконизация, индексальное поле, косвенный индекс, социальное значение, индексальный порядок, регистрирование, языковая идеология.

Введение

Теория социального значения необыкновенно обширна и будучи предметом заботы многих наук включает в себя анализ механизмов означивания и смысловой интерпретации различных культур, сообществ, личных историй, социальных институтов и отношений. Культурные ценности и нормы, власть и статус, стереотипы и конфликты – все это принадлежит сфере социальных значений. В последнее время многие науки интересуются лингвистическим аспектом социального значения, признавая за языком ключевую роль в обеспечении важнейших областей социальной и культурной жизни. Современная социология, антропология, социальная психология, философия признают конститутивную силу языка в структурировании социальных категорий и социальной жизни в целом, а потому зачастую для своей аналитической активности выбирают лингвистическое направление. Несмотря на то, что сугубо языковедческие дисциплины, как правило, лучше других подготовлены к анализу социального значения, этот потенциал, к сожалению, реализуется далеко не в полной мере. И прежде всего это относится к социолингвистическому знанию, которое обязано соответствовать высокому уровню сложности современных социальных взаимодействий.

Тем не менее необходимо отметить, что одно из важнейших направлений теоретизирования в социолингвистике последних лет – систематический анализ «социального значения» в языке. При этом наиболее продуктивное рассмотрение этого вопроса осуществлялось при помощи семиотической теории Ч. Пирса, чье понятие «индексальности» находится в сердцевине лингвистических и философских подходов современной прагматики.

Понятие «индексальность» за последние годы превратилось в основное средство анализа взаимоотношения между языковыми формами и социальными значениями, сосредоточив внимание исследователей на особенностях социальной оценки коммуникативной практики, а также ее идеологических и политических импликациях. Кроме того, индексальные отношения интересны в плане общего описания процессов социального и ситуативного субъек-

тивного дискурсивного позиционирования. Укорененные в пространственно-временном контексте речевого акта, индексальные знаки служат указателями крайне важных аспектов социального мира. При этом следует подчеркнуть, что индексальный процесс, возникающий на всех уровнях языковой структуры и использования, имеет решающее значение для конструирования идентичности, поскольку целый язык или какая-либо его характеристика способны выступать индексом социальной идентичности говорящего и типичных форм его деятельности. Необходимо отметить, что для социолингвистики наибольший интерес в языке представляет не изначально присутствующая индексальность, а целенаправленно или спонтанно возникающая во временном и социальном контексте и определяющая динамическое напряжение всей общественной жизни. В целом можно сказать, что индексальность играет важнейшую роль в формировании социолингвистического знания, используемого компетентными (социализированными) акторами при означивании и интерпретации.

Методология

Нужно подчеркнуть, что в анализ социального значения наиболее существенный вклад внесли вариационистские исследования У. Лабова, теория индексальности М. Сильверштейна, работы по языковой идеологии С. Гал и Д. Ирвайн и исследования по индексации гендера Э. Окс. Отправными методологическими точками данной статьи стали понятия «enregisterment» А. Ага, «иконизации» С. Гал и Д. Ирвайн, «прямого» и «косвенного» индекса Э. Окс, «индексального поля» П. Эккерт, «индексального порядка» М. Сильверштейна и «stance» А. Яффе. По нашему мнению, только собранные воедино перечисленные подходы дают возможность более глубокого понимания природы социального значения в языке.

Любопытно заметить, что ряд западных лингвистов (Окс, Коупленд, Белл и др.) считают, что современные рассуждения по поводу социального значения восходят к отечественным критикам и философам М. Бахтину и В. Волошинову, чей подход подчеркивает социальную конструкцию письменной и устной формы языкового поведения. Согласно их мысли, большая доля высказывания (устного или письменного) содержит уникальную социальную историю и социальное будущее. Голоса говорящего / пишущего и других акторов смешиваются в сообщении и становятся частью социальных значений, индексируемых внутри него. Такая критическая перспектива создает исследовательскую парадигму изучения отношения языка и социальных категорий (гендера, класса, возраста, этничности), при которой сама социальная категория способна генерировать собственное множество голосов.

В центре внимания статьи оказывается вопрос: каковы семиотические механизмы, посредством которых языковые формы получают индексальное значение? При ответе необходимо, во-первых, проследить процесс индексальности в языке, т.е. выявить механизмы объединения индексального значения и языковой формы. Во-вторых, произвести анализ индексальности при помощи иконического отношения, создающего идеологический фокус проблемы. В-третьих, показать динамику перехода индексов одного порядка в другие. Кроме того, преследуется цель обозначить методологические про-

блемы и границы, связанные с применением теории индексальности к анализу социального значения.

При этом обосновывается значимость контекстуально-перформативного подхода к исследованию социальных значений, способного объяснять процессы языкового конструирования социальной идентичности. Данный подход основан прежде всего на конститутивных отношениях между языком и социальными категориями, при которых языковые формы способны индексировать социальные значения, которые, в свою очередь, конституируют значения социальных категорий.

Индексальность и индексальное поле

Люди всегда пытаются установить связь между языковыми формами и социальными процессами. Языковые формы и даже целые языки могут выступать для них индексами конкретных социальных групп. Следует напомнить, что индексальные отношения – это семиотическая операция сопоставления двух сущностей или событий, при которой одно является причиной другого. Знак индексален в силу фактической смежности с обозначаемой вещью. Когда мы слышим гром, то зачастую видим молнию, дождь и почерневшее небо, а потому звук грома вызывает ожидание бури. Точно так же, если мы слышим особое произношение слова в тесной связи с определенным видом одежды, набором социальных обстоятельств или деятельности, то оно вполне способно создавать социальную идентичность. Индексальность же – это процесс, в результате которого и возникают индексальные отношения, указывая на то, что говорящие воспринимают языковые формы как показатели социального контекста, где их использование приобретает определенный смысл.

Индексальность тесно связана с понятием «дейксис», когда говорящие должны определить конкретное, контекстуальное значение каждого «я», «это» или «скоро», на которое указывают эти слова в момент их произнесения. Однако лингвистические антропологи утверждают, что все языковые формы, не только дейктические слова, являются индексами, т.е. воспринимаются носителями языка как признаки, указывающие на конкретный контекст, определяющий их значение. Например, местоимения или звания являются прототипическими референциальными индексами, имеющими заданные социальные значения, выражая природу социальных иерархий в обществе.

Главная особенность индексальности состоит в том, что связь знака и его объекта находится в прямой зависимости от социальной, временной и пространственной позиции говорящего или пишущего. Социальная индексация свидетельствует о том, что все языковые характеристики, начиная от единичного звука, набора лексических единиц, фраз, грамматических закономерностей и заканчивая целым стилем или особенностями дискурса, могут вызывать в сознании членов речевого сообщества стереотипные социальные характеристики и контексты употребления. Это означает, что в момент их употребления индивиды осознанно способны создавать абрис социального события, показывая свое отношение к нему. Формальность в голосе, например, может указывать на восприятие говорящим события как официального или индексировать ироническое отношение к происходящему. Употребление

вернакулярных форм может быть знаком напористости в одном контексте и дружелюбия – в другом.

Чувствительность аудитории к социальной позиции говорящего зависит от ее способности распознавать стереотипный оттенок языковых характеристик, которая, в свою очередь, обусловлена процессами социализации (дом, школа, рабочее место), где языковые формы прочно закреплены за определенными ценностями. Согласно Элинор Окс, «социализация – это и есть процесс приписывания ситуативных, т.е. индексальных значений (например, временной, пространственной, социальной идентичности, социального акта, социальной деятельности, аффективных или эпистемических значений) определенным языковым формам» [1. Р. 410]. В данном случае социальная индексация будет обусловлена статистически высокой частотой употребления языковых форм. Иными словами, частота моделей использования дает возможность говорящему воспринимать данную черту как значимую и устанавливать индексальную связь между ней и внешней характеристикой.

Исходя из того, что траектории социализации различаются, лингвистические особенности имеют множественные и даже конкурирующие социальные значения. Например, использование диалектов часто рассматривается одной группой как признак общительности и корпоративности, а другой – необразованности и уродливости речи. В то время как одни группы оценивают стандартный язык как изящный, другие связывают его с высокомерием и чванством.

Известны исследования Барбары Джонстоун в Питтсбурге [2], когда одни и те же языковые формы у определенной группы людей в одних контекстах ассоциируются с необразованностью, неаккуратностью или речью рабочего класса, а в других – с городской идентичностью. На футболках и кружках, встречающихся во многих частях англоязычного мира, содержатся диалектные слова, которыми гордятся большинство жителей города. К примеру, одной из наиболее характерных особенностей питтсбургского английского является слово, обозначающее второе лицо множественного числа. Хотя в стандартном английском такого местоимения не существует, в некоторых вариантах английского оно присутствует (например, «y'all» в южноамериканском английском). В Питтсбурге местоимение «yinz» («вы») адресуется группе людей от двух до бесконечности. И несмотря на стигматизацию, оно красуется на футболках, превращая местный языковой вариант в продукт потребления и гордости горожан за региональный диалект.

Кроме всего, социальные значения могут эволюционировать, как это было со многими стандартными языками, которые ранее ассоциировались с определенным регионом, а затем стали «нейтральными». Таким образом, социальная индексальность языковой переменной или стиля может быть многомерной, изменчивой и противоречивой. Она имеет то, что Пенелопа Эккерт называет «индексальным полем» – «полем потенциальных значений..., каждое из которых может быть активировано при ситуативном использовании переменной» [3. Р. 461]. Понятие «индексальное поле» указывает на широкий диапазон социальных значений переменной, поскольку она необязательно должна быть привязана к единственному значению. Зачастую одна языковая форма может индексировать для разных людей нечто совершенно противоположное. В частности, у говорящего может быть иное социальное значение

переменной, чем у слушателя. Таким образом, всевозможные лингвистические формы постоянно пропитываются разнообразными значениями. В результате индексальный порядок не является линейным, а развивается с течением времени в нескольких направлениях, порождая набор значений. Эти значения в каждый конкретный момент, временной период и составляют индексальное поле.

К примеру, датские лингвисты утверждают, что языковые ресурсы, которые ранее ассоциировались в основном с датским языком иммигрантов, в настоящее время становятся символом городского стиля речи [4. Р. 126]. А. Ага сообщает об аналогичном процессе для стиля RP в Британии. Если в XVI в. это был относительно неизвестный речевой стиль малочисленной элиты юго-восточной Англии, то в XVIII и XIX вв. он постепенно становится «нейтральным», идеальным речевым стилем для всего британского общества, а затем вновь превращается в символ класса.

Индексальность, иконичность и идеология

Каким образом индексальные значения приписываются языковым формам? Ответ удивительно прост: люди учатся «слышать» индексальный смысл языковых форм, когда им говорят об этом, и продолжают делиться своими мыслями об индексальных значениях до тех пор, пока рассказывают о них друг другу. В связи с этим в результате металингвистических операций, сами члены сообщества становятся источником речевой регулярности. Если говорить конкретнее, то связь между лингвистической формой и индексальным значением способна возникать в процессе межличностного взаимодействия.

В результате такой метакоммуникации, разговора о разговоре, рассуждений участников интеракции о языковых формах и их использовании возникают регистры, где связь между языковой формой и социальным фактором выглядит прочной и стабильной. Этот процесс известный лингвист Асиф Ага назвал «орегистриванием» (enregisterment). Согласно Ага, «регистры являются культурными моделями действий, связывающими различные знаки с типами людей, межличностными отношениями и видами поведения» [5. Р. 145]. При этом создается устойчивая связь языковой формы и контекста (регистр), а также с идентичностью говорящего или географическим фактором (социальные диалекты, региональные диалекты). Понятие «орегистривание» относится ко всем оценочным действиям, посредством которых множество языковых ресурсов ассоциируется с социальной ценностью (например, «элегантные», «из Москвы», «городские», «деревенские» и т.д.), что приводит к культурному признанию этой связи в качестве особого регистра или стиля.

Такие оценочные действия весьма разнообразны. Во-первых, они могут содержать языковые высказывания, непосредственно описывающие регистр и связанные с ним ценности, в форме исправлений («Не говори так», «Не употребляй этих слов» и т.д.) или обобщений («Когда ты так говоришь, то похож на москвича»). Во-вторых, оценивание может осуществляться через высказывания, скрыто выражающие отношение к индексальным значениям языковых форм при отсутствии их описания. Примерами могут служить различные виды речевой стилизации. И, наконец, в-третьих, возможна невербальная семиотическая деятельность (смех по поводу чужого акцента или произношения). Здесь важно подчеркнуть обязательный фактор оценочного

поведения, поскольку любое использование лингвистических ресурсов предполагает представление об их контекстуальной адекватности. Кроме того, оценочное поведение должно быть регулярным, иметь устойчивый эффект, чтобы люди могли распознавать комбинацию лингвистических и внелингвистических признаков в качестве регистра или стиля. Существенным является и то, что такие оценки всегда оказываются идеологическими, т.е. обусловленными взглядами сообщества на «хорошее», «цивилизованное» или «привлекательное» поведение, служащими для разграничения социальных групп и легитимизации их неравенства.

В этой связи необходимо обратиться к исследованиям Сьюзан Гал и Джудит Ирвайн по анализу индексального процесса посредством понятия «иконизация», представившим проблему социального значения в идеологическом ракурсе [6]. Данное понятие тесно связано с «enregisterment» Ага, поскольку предлагает пирсовское семиотическое объяснение этого процесса.

Индексальное отношение свидетельствует о фактической смежности знака и реальности, а иконический знак за счет подобия, будучи образом реальности, максимально с ней смешивается. Выше уже отмечалось, что в рассуждениях о социальном значении наиболее важным является процесс превращения индексальных ассоциаций в столь устойчивые и конвенциональные, что они становятся регистрами или стилями. Согласно Гал и Ирвайн, этот процесс осуществляется за счет «иконизации», при которой знаки воспринимаются тождественными своим объектам. Семиотический процесс иконизации есть идеологическая репрезентация языковой черты как формально подходящей группе, с которой она связана. Этот процесс создает иллюзию еще более неизбежной связи между ними, чем индексальная связь.

В результате иконизации для некоторых членов сообщества индексальные знаки выглядят как существенные, необходимые и «естественные» указатели различных социальных типов. Иконизация стирает ситуативные, случайные, политические связи между языковой практикой и социальным миром. Определенные языковые варианты считаются картиной сущностных или природных свойств социальных групп. Соответственно, утверждается мотивированная (несмотря на условность и историчность) связь между языковыми средствами и социальной группой. Люди верят, что использование какого-либо акцента или языкового ресурса несет в себе «объективное» значение «необразованного» говорящего или человека «низкого социального класса». И в этом смысле иконизация осуществляет натурализацию связи языка и социального мира, когда условный знак (символический, по существу) воспринимается *как если бы* икона (естественная связь) или индекс (объективная связь). Таким образом, мы можем сказать, что индексальность создает идеологию. В конечном итоге процесс индексализации выглядит как потенциальный путь к иконизации. При формировании идентичности индексальность серьезно полагается на идеологические структуры, поскольку связи между языком и идентичностью укоренены в культурных убеждениях по поводу характеристик индивидов, использующих определенные виды языка.

С. Гал приводит яркий пример иконизации, обращаясь к Сенегалу. В XIX в. перед европейскими лингвистами, работавшими в этой африканской стране, стояла задача занести на карту границы этнических групп и языков. Все три языка – фула, волоф и серер – настолько смешивались и пересекались в речи

жителей страны, что не соответствовали четкому территориальному распределению. Тем не менее они были тесно связаны с религиозной и политической организацией сенегальского общества. Фула – язык исламской ортодоксии, а серер, наоборот, ассоциировался с сопротивлением исламу и сохранением местных доисламских религиозных практик. Исламские клерикалы говорили, что говорящий на серер не попадет в рай. В политическом же аспекте доминировал волоф – язык политической администрации. Европейские лингвисты интерпретировали эту региональную ситуацию с точки зрения воображаемой истории расовых взаимоотношений и исторических завоеваний. Считалось, что коренное черное население было примитивным и не знало никакой социальной организации, кроме семьи. Ислам же, благодаря завоеваниям, привнес государственную организацию, а его представители интеллектуально превосходили местное население. В результате были созданы следующие идеологические конструкции языков: фула называли «нежным» языком, а его носителей – «интеллигентными» людьми. Фулаговорящие считались «высшей» расой, поскольку привнесли «наилучшую» религию и иерархическую социальную организацию. Говорящие на волоф – менее интеллигентны, а серер считали «простым» языком, а носителей – «примитивными» людьми. При этом высокая морфологическая сложность этого языка не принималась в расчет. Другими словами, разницу в языках лингвисты рассматривали как иконическое отображение различий в менталитете, истории и социальной организации членов сообщества. А поскольку лингвистическая идеология – целостное видение, то элементы, не вписывающиеся в его структуру, либо игнорируются, либо искажаются.

В рамках лингвистической идеологии языковые средства как будто бы отражают культурные образы людей, их деятельности и психологии. Собственно, за счет этого люди самоопределяются относительно воображаемых или реальных «других». «Другие» выглядят однородными, их языковое поведение существенно упрощается, а язык рассматривают как прямое отражение личностных свойств. Языки отражают контрастные отношения между группами, и эти интегративные отношения лежат в основе идеологических конструкций, идеологических представлений языковых практик.

Лингвистические идеологии иногда всплывают в открытых дискуссиях о языке, но чаще остаются невысказанными и бессознательными. В большинстве случаев члены сообщества едва ли догадываются об их существовании. Эти идеологии «натурализованы», т.е. представляют собой общезначимые взгляды на язык и общество, воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее они могут иметь серьезные социальные и политические последствия – от индивидуальной дискриминации до вооруженных конфликтов.

Индексальный порядок

Индексальный процесс был предметом пристального внимания антрополога и лингвиста Михаила Сильверштейна, выделившего три порядка индексальности [7]. Во многом его концепция пересекается с концепцией У. Лабова, выступившего родоначальником теории социального значения в лингвистике в середине 60-х гг. Позвольте проследить все три порядка индексальности как последовательные шаги регистрации социального значения.

Следует начать с групповой дифференциации, когда группа (или индивид) обретает идентичность согласно социальной оценке членов самой группы и представителей других групп сообщества. Суть оценки состоит в том, что общество определяет социальную позицию группы с точки зрения ее престижа и статуса. При этом группа может иметь какие-либо языковые отличия от других групп, что создает контраст между речью ее представителей и остальными членами сообщества. Языковые формы, выражающие эти различия, были названы Лабовым «индикаторами», а Сильверштейном – «индексальностью первого порядка».

Индикаторы – это языковые формы, чье использование коррелирует с социодемографической идентичностью (регион, класс, гендер). Однако носителям языка корреляция не заметна, поскольку «все так говорят». Эти языковые формы люди просто неосознанно последовательно употребляют независимо от того, где и с кем говорят. Именно поэтому индикатор не чувствителен к стилистическому сдвигу. Однако статистическая частота использования языкового варианта может служить основой групповой дифференциации. По существу, только лингвист знает об индикаторах, а для остальных они не представляют интереса, и члены сообщества не используют эту корреляцию при интерпретации речи других людей или определения социальной идентичности. Сам индикатор – это ключ к социальной информации, но ему свойственна нейтральность (ни «хороший», ни «плохой»). Любопытно, однако, что индикатор может просто показывать статистически различное употребление между группами (одна языковая форма больше используется взрослыми, рабочими, женщинами и т.д.), не наделяя языковую форму обязательным социальным значением. Для того чтобы она его обрела, необходима языковая оценка.

И вот на каком-то историческом этапе отличительная речевая черта группы может привлечь внимание. После того как эта особенность замечена, ее можно будет извлечь из лингвистического окружения и рассматривать как индекс данной группы населения. В то же время члены других групп начинают использовать эти языковые формы, чтобы сигнализировать о потенциальной причастности к ней или ее ценностям. Лабов называл такие языковые переменные «маркерами», а Сильверштейн – «индексальностью второго порядка».

Маркеры отличаются от индексов тем, что всегда осознаются и последовательно употребляются в том или ином стиле. Люди осознают маркеры по причине их прочной связи с социальной группой и стилем речи. В большинстве своем языковые формы – это маркеры, индексы второго порядка, оцениваемые и подверженные стилизации. Достаточно мало языковых переменных остается на уровне индикаторов, поскольку индексальность первого порядка является предпосылкой индексальности второго порядка.

Следует отметить, что как только языковая переменная начинает оцениваться, то непременно становится предметом стилового сдвига. Это объясняется тем, что люди, осознавая языковую черту социально значимой, немедленно начинают сдвигать свой речевой стиль в ее направлении или же перестают ее использовать. Все здесь определяется местом, которое занимает группа в социальной иерархии общества, использующая эту форму. Если группа высокостатусная, то дает престижную модель для членов сообщества

в отношении правильности, корректности, и те будут сдвигать свою речь в направлении языковых форм этой группы. Этот феномен Лабов назвал «гиперкоррекцией сверху». Кроме того, высокостатусная группа может заимствовать языковые формы извне сообщества (из других речевых сообществ, обладающих высоким престижем). Если же группа низкостатусная, то ее языковым формам тоже могут подражать, потому что они выражают местные, локальные, групповые ценности, которыми люди могут гордиться. Но чаще случается, что их сообщество начинает осуждать и со временем они исчезают.

Некоторые лингвистические переменные становятся предметом повышенного внимания, комментариев или критики. Лабов назвал такие формы «стереотипами», а Сильверштейн – «индексами третьего порядка». Стереотип – языковая форма, подверженная открытому социальному комментарию (возвеличиванию или осуждению).

Языковые стереотипы – это характеристики, которые мы ожидаем услышать от человека, потому что полагаем, что он должен их использовать в своей речи. Допустим, сообщество полагает, что члены группы А – «грубые» люди. Следовательно, все остальное их поведение будет оцениваться негативно. Если люди из группы А курят трубку, то все, курящие трубку, также будут «грубыми». Другими словами, поведение, характеризующее людей из группы А, будет оценено также плохо. Все то же самое и относительно языка. Если «грубые» люди используют языковые формы в своей речи, то эти формы будут «грубыми». Например, негативное отношение к языку рабочего класса определяется негативным отношением к данной группе.

Теорию Сильверштейна прекрасно иллюстрируют классические исследования в области социального значения Джонстоун в Питтсбурге (штат Пенсильвания), где она совместно с университетскими коллегами в середине 2000-х гг. проследила социальную историю местного диалекта сквозь призму всех трех индексальных порядков – исторической дифференциации, стилистического сдвига и стереотипизации.

В Питтсбурге – постиндустриальном городе США – по разным историческим причинам можно услышать многочисленные нестандартные английские формы. До 1960-х гг. использование этих форм могло быть связано с образом «человека из Питтсбурга», и они чаще встречались в мужской речи, чем женской. Однако большинство питтсбуржцев не замечали этих корреляций и не связывали их с идентичностями. Лишь начиная с 60-х гг. большинство членов сообщества обратили на них внимание благодаря метапрагматической деятельности, сделавшей их значимыми. Это происходило в конкретных контекстах: устройство на работу, требующую «правильной» речи; возвращение из отпускных путешествий с рассказами про реакцию на их речь чужих людей; чтение газетных статей, описывающих странности местного диалекта.

Именно с этого момента жители города начали варьировать употребление вернакулярных форм в зависимости от коммуникативных целей. Они используют их, когда пытаются звучать более «регионально», непринужденно или подражая речи рабочего класса. Другими словами, на этом этапе локальные особенности стали функционировать как индексы второго порядка, пройдя процедуру «enregistered». Языковые формы установили прочную

связь с идентичностями, а потому человек, использующий их, показывает свою приверженность ценностям рабочего класса или просто провоцирует преподавателей английского языка. В этом смысле индекс первого порядка может появиться в самых разнообразных идеологических измерениях, т.е. стать частью различных регистров. Соответственно, члены сообщества, соответственно их классовым, образовательным или гендерным характеристикам, могут употреблять данные языковые ресурсы с различной целью, а также по-разному их оценивать в момент произношения. К примеру, женщины воспринимают вернакуляры как признаки уродливой, неряшливой речи и необразованности говорящего, располагая их на противоположном конце идеологического полюса языковой правильности. Мужчины же оценивают местные формы как знаки солидарности и брутальности.

Кроме того, одни и те же языковые характеристики могут начать использоваться в рамках новой идеологической схемы. Например, по причине того, что определенные варианты у жителей Питтсбурга коррелируют с рабочим классом и маскулинностью, то со временем они превратились в индексы «настоящего» горожанина. Идеологический формат здесь таков: подлинны питтсбуржцы – это мужчины из рабочего класса. Именно поэтому люди, стремящиеся создать ощущение таковых, с готовностью используют данный регистр. Языковые формы, получившие новые значения, могут быть квалифицированы как стереотипы, т.е. индексы третьего порядка. Этот процесс «орегистривания» может продолжаться бесконечно. К примеру, если люди из других населенных пунктов будут связывать города, где используют данные диалекты, с постиндустриальным «Ржавым поясом» (Rust Belt), а города, не имеющие их, с новой инновационной экономикой, то языковые формы Питтсбурга получат новое индексальное значение еще на одном идеологическом уровне.

Субъективные позиции и косвенные индексы

Пожалуй, наибольшей проблемой применения теории индексальности к анализу социальных значений является необходимость постоянно избегать интерпретации языковых форм как прямых индексов социальной идентичности. В данном контексте возникает требование более тщательного изучения лингвистических признаков с позиции оценки говорящими самого взаимодействия и его участников. Такую линию исповедуют лингвисты (Яффе, Окс), исследующие субъективную позицию («stance») актора при выборе стиля, оценки формы или содержания своего высказывания, выстраивании отношения с другими собеседниками и происходящими событиями. Как отмечает Александра Яффе, «все языковые системы, индексируемые позициями, встроены в политическую, социальную, идеологическую и культурную сферы деятельности. Таким образом, все индивидуальные акты, характеризующие позиции, по определению являются косвенными индексами этих сфер и играют опосредующую роль в процессах идентификации» [8. Р. 13]. В этом смысле понятие социолингвистической позиции является перформативным, поскольку рассматривает идентичности как дискурсивный конструкт, а не как стабильные и постоянные сущности.

Таким образом, социальная идентичность может пониматься как совокупность позиций, занимаемых в течение времени. «Stance» есть ничто иное,

как дискурсивное позиционирование перед аудиторией. К примеру, выбор говорящим вернакулярных форм при обращении к вышестоящему может выражать его напористую и самоуверенную позицию, а может служить намеком на то, что «я – свой, местный», если авторитету об этом уже известно. В этой перспективе языковые (совместно с нелингвистическими) характеристики приводят к целому ряду мгновенных и мимолетных результатов процесса взаимодействия. Если же позиции принимаются многократно, становясь рутинными, то превращаются в индексы более постоянной индивидуальной или групповой идентичности.

Роль субъективных позиций в индексальном аспекте языковых практик с наибольшей убедительностью показала Элинор Окс в ее исследованиях по «индексации гендера». Американская исследовательница расширяет понятие индексальности, доказывая, что связь между языковой формой и социальной идентичностью не является прямой и непосредственной. По мысли Окс, языковые структуры связаны с социальными категориями косвенно, через довольно сложную цепочку семиотических ассоциаций. Лишь немногие (если таковые вообще имеются) языковые формы индексируют единственную социальную идентичность.

Работая в области гендерных исследований, Окс вводит понятие «косвенного индекса» гендера. По сути, «субъективная позиция» Яффе есть форма косвенной индексальности Окс. Зачастую определенные языковые формы считаются прямыми индексами мужской или женской речи. Однако это не значит, что их используют только мужчины или женщины. Они могут быть связаны с рядом других социальных значений. Например, вернакулярная форма может индексировать маскулинность, но такой индекс будет косвенным, поскольку его употребляют представители обоих полов. В связи с этим многие языковые формы связаны с социальной категорией (гендером, например) через их использование в различных речевых актах (приказах, просьбах и т.д.), связь с определенными аффективными состояниями (неуверенности, самоуверенности и т.д.) или дискурсивными действиями (публичное выступление, утешение расстроенного человека и т.д.). Другими словами, знание о том, как язык связан с социальной категорией, основано на понимании того, как используются те или иные языковые формы для выполнения определенной прагматической работы. Следовательно, лучший способ понять значение языковой формы – это понять то, каким образом члены сообщества проявляют себя в тех или иных обстоятельствах, речевых актах или дискурсивных действиях. В этом плане языковые формы словно сами «наполняются» социальной категорией или социальным образом.

Как отмечает Окс, «многие языковые характеристики, которые в литературе изначально связывались либо с мужчинами или женщинами, имеют свое основное социальное значение в отдельной аффективной позиции» [9. Р. 341]. Лингвист приводит пример, когда языковые формы, считающиеся мужскими и женскими, имеют социальные значения, связанные с аффективными состояниями. В японском языке есть частицы, которые ставятся в конце предложения и показывают оценку говорящим всего предложения. Эти частицы зачастую являются гендерными. Например, использование «*ze*» рассматривается как «мужское», а «*wa*» – как «женское». Однако же эта связь между частицей и полом носит вероятностный характер. Не все мужчины и не всегда

используют частицу «ze» и далеко не всегда все женщины ее избегают. Окс показывает, что в действительности «ze» является прямым индексом уверенной позиции, а «wa» – прямым индексом позиции замешательства. Частица «ze» усиливает высказывание, а частица «wa» его существенно смягчает. Поскольку открытое выражение уверенности в японском обществе связано с маскулинностью, а выражение неуверенности связано с женственностью, то лингвистические формы «ze» и «wa» являются соответственно косвенными индексами мужского и женского. Когда кто-либо в Японии хочет говорить мягко и нежно, как женщина, то использует в конце предложения «wa», а если хочет звучать, как мужчина, то должен употреблять «ze». Предпочтительное распространение «ze» в мужской речи определяется культурными нормами, связанными с состоянием уверенности. И частота частицы «ze» в мужской речи японцев будет отражать культурные нормы (предписывающие, что так положено мужчинам), а не их биологическую мужскую природу. Следовательно, эти нормы не отражают пол, а формируются благодаря социальным конвенциям и открыты для обсуждения.

К примеру, рассмотрим вопросительное предложение. В ряде концепций эта языковая форма является индексом женской речи, демонстрируя ее неуверенное состояние. Якобы женщины пытаются постоянно проверять свое мнение или прояснять какие-то факты. Однако вопрос имеет множество функций. Он не только является способом получения информации, но в разных видах дискурсивной активности может быть прямым индексом вежливого внимательного отношения к собеседнику или поддержания беседы. Поэтому не может быть единого распределения вопросов по социальным группам в речевом сообществе. Использование «смягчающих» языковых форм в речевых актах приказа или требования – не прямой индекс женственности, а субъективная позиция, принимаемая целым рядом менее влиятельных людей в обществе, включая как женщин, так и мужчин. Тем не менее в рамках политических и идеологических процессов эти индексальные отношения «натурализуются» и рассматриваются как прямой индекс социальной идентичности.

В 90-е гг. усилиями Окс формируется контекстуально-перформативный подход, суть которого состоит в том, что индивиды могут сами активно вовлекаться в конструирование своих социальных позиций. Гендерные роли человека могут изменяться в течение жизни. И как женщины, так и мужчины сами способны формировать свои гендерные позиции в зависимости от истории их жизни. Главный вопрос созвучен вопросу Остина: что делают мужчины и женщины при помощи слов? Гендер – не фиксированный атрибут личности, а нечто, возникающее через повторяющиеся перформативные практики. Подход Окс выходит за рамки традиционных корреляций между языковыми переменными и социальными идентичностями как фиксированными и стабильными категориями. Вначале внимание аналитика обращается на позиции субъекта и отношения, которые проявляются через формы разговора, а на втором уровне анализа он выясняет, каким образом они статистически и / или стереотипически отображаются на языковых системах («акцент», «диалект», «язык», «смешанные коды») или категориях дискурса (регистр, жанр, дискурс).

Заключение

В традиционной социолингвистике (вариационизме) социальные категории напрямую связывались с языковыми формами членов сообщества. Знание о способе связи языка с социальной категорией состояло в перечне корреляций языковой формы и группы использующих их людей. Человек употребляет какую-либо форму, потому что он представитель рабочего или среднего класса, мужчина или женщина, молодой или пожилой. Однако язык не просто отражает социальную категорию; формы языка выступают средством определения человеком своей идентичности. Если раньше полагали, что языковой вариант – это простое отражение социальной категории, то в настоящее время считается, что сами люди, входящие в эту категорию, своим лингвистическим и нелингвистическим поведением определяют ее значение. Традиционная социолингвистика утверждала, что люди говорят определенным образом, потому что они *такие*, а современный подход провозглашает: люди таковы, потому что *так говорят*. Человек использует один вариант чаще другого не потому, что он мужчина, а потому что, говоря так, он *конституирует* себя в виде образца мужественности. Большинство языковых ресурсов индивиды могут использовать весьма креативно ради позиционирования себя тем или иным способом.

Люди не автоматически исполняют заученное в процесс социализации, а строят свою речь с учетом сложной сетки социальных значений. Уровень вариативности их поведения чрезвычайно высок: в смешанных и однополых компаниях, неформальной и формальной обстановке, при исполнении различных ролей реализация какого-либо социального типа поведения будет весьма различной. Таким образом, контекстуально-перформативный подход на основе теории индексальности видится наиболее перспективным методологическим средством анализа социального значения.

Литература

1. Ochs E. Linguistic resources for socializing humanity // Rethinking linguistic relativity / eds. J. Gumperz, S. Levinson. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 407–437.
2. Johnstone B., Andrus J., Danielson A.E. Mobility, indexicality, and the enregisterment of “Pittsburghese” // Journal of English Linguistics. 2006. Vol. 34. P. 77–104.
3. Eckert P. Variation and the indexical field // Journal of Sociolinguistics. 2008. Vol. 12 (4). P. 453–476.
4. Madsen L.M. ‘High’ and ‘low’ in urban Danish speech styles // Language in Society. 2013. Vol. 42. P. 115–138.
5. Agha A. Language and social relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
6. Irvine J.T., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation // Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities / ed. P.V. Kroskrity. Santa Fe, New Mexico : School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
7. Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life // Language and Communication. 2003. Vol. 23. P. 193–229.
8. Jaffe A. Introduction: The Sociolinguistics of Stance // Stance. Sociolinguistic Perspectives / ed. A. Jaffe. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 3–29.
9. Ochs E. Indexing gender // Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon / eds. A. Duranti, Ch. Goodwin. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 335–358.

Evgeny A. Naiman, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: enyman17@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 87–100.

DOI: 10.17223/1998863X/59/9

SEMIOTIC MECHANISMS OF SOCIAL MEANING FORMATION IN LANGUAGE

Keywords: indexical order; indexical field; indexicality; enregisterment; social meaning; indirectly index; iconization; language ideology.

This article focuses on the semiotic mechanisms of social meaning formation. In contemporary sociolinguistics, the concept of indexicality has been a central means of studying the relationships between language forms and social meanings. The semiotic mechanisms are based on the process of indexicality, through which language forms acquire indexical meanings. The methodological sources are the theories of: language ideology (S. Gal, J. Irvine), indexing gender (E. Ochs), “orders of indexicality” (M. Silverstein), and also the concepts “enregisterment” (A. Agha), “indexical field” (P. Eckert), “stance” (A. Jaffe). I argue that, taken together, these approaches constitute a framework for understanding the problem of social meaning in language in a systematic way. The article analyses indexicality with the help of the iconic relation, which creates the ideological focus of the problem. In addition, the dynamics of transition of indexical orders are shown: from historical differentiation, stylistic shift to stereotyping. The limits of the application of indexicality theory to the analysis of social meaning are revealed. At the same time the significance of contextual-performative approach to the study of social meanings, which uses the concept “indirect indexicality”, is substantiated. This approach is based on constitutive relations between language and social categories, in which language forms are capable of indexing social meanings, which, in their turn, constitute meanings of social categories.

References

1. Ochs, E. (1996) Linguistic resources for socializing humanity. In: Gumperz, J. & Levinson, S. (eds) *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 407–437.
2. Johnstone, B., Andrus, J. & Danielson, A.E. (2006) ‘Mobility, indexicality, and the enregisterment of “Pittsburghese”’. *Journal of English Linguistics*. 34. pp. 77–104. DOI: 10.1177/0075424206290692
3. Eckert, P. (2008) Variation and the indexical field. *Journal of Sociolinguistics*. 12(4). pp. 453–476. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x
4. Madsen, L.M. (2013) ‘High’ and ‘low’ in urban Danish speech styles. *Language in Society*. 42. pp. 115–138. DOI: 10.1017/S0047404513000018
5. Agha, A. (2007) *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Irvine, J.T. & Gal, S. (2000) Language ideology and linguistic differentiation. In: Kroskrity, P.V. (ed.) *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press. pp. 35–83.
7. Silverstein, M. (2003) Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 23. pp. 193–229.
8. Jaffe, A. (2009) Introduction: The Sociolinguistics of Stance. In: Jaffe, A. (ed.) *Stance. Sociolinguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. pp. 3–29.
9. Ochs, E. (1992) Indexing gender. In: Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 335–358.

УДК 314/316

DOI: 10.17223/1998863X/59/10

Л.А. Пашина

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ГЕРОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЗНАНИЯ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается становление научного интереса к исследованию языкового опосредования феномена старения. Анализируются причины востребованности геронтолингвистического знания, приводятся доводы, обосновывающие его актуальность. Описываются основные направления исследования связи языка и процесса старения, а также существующие интерпретации термина «геронтолингвистика». Демонстрируется тот факт, что геронтолингвистика становится междисциплинарной областью, аккумулирующей усилия всего корпуса геронтологического знания.

Ключевые слова: геронтолингвистика, старение, геронтология, языковое старение, языковое здоровье пожилых людей, благополучие языковой жизни пожилых людей.

Массовое постарение населения является актуальной проблемой современности, требующей полноценного осмысления и нахождения путей ее преодоления. Этот вызов времени может стать как неразрешимой трудностью в развитии общества, так и новой возможностью в его эволюционировании. Одним из конструктивных ресурсов для преодоления наличных обстоятельств видится формирование единого геронтологического знания, которое, с одной стороны, может послужить основой для построения эффективной государственной политики в отношении пожилых людей, а с другой – может способствовать созданию комплексной системы управления процессом старения. На современном этапе развития научного знания эта возможность во многом еще не была реализована в силу различных факторов, например таких, как разобщенность наук, исследующих старение, также по причине многомерности феномена старения и разной степени изученности его сторон (биологической, хронологической, психологической, социальной, лингвистической), вследствие осознания реляционной природы социальной и психологической сторон процесса старения, а также некоторых других причин [1].

Первые попытки научного осмысления проблемы старения относятся к концу XIX в., когда пионерами геронтологического знания стали биология и медицина, надолго утвердившие естественнонаучный взгляд на рассмотрение природы этого феномена. Позднее в рамках биодетерминистского подхода началось изучение когнитивных нарушений при физиологическом старении организма человека. Именно тогда язык впервые оказался в поле интереса геронтологического знания: с его помощью производилось описание языковых нарушений при нейродегенеративных заболеваниях, сопровождающих процесс старения.

Начиная с 1940-х гг. в Америке и с конца 1950-х гг. в Европе активность разработки этой области знания во многом явилась реализацией государственных императивов в областях социальной политики, экономики, здравоохранения и образования, работавших на опережение в вопросах разрешения

проблемы нарождающегося демографического кризиса в условиях перехода к стареющему обществу. С целью системного осмысления феномена старения была предпринята попытка конституирования геронтологии в качестве широкой дисциплинарной парадигмы, которая на начальном этапе включила в себя все знание естественных наук о процессе старения. Ранняя геронтология транслировала дефицитарные представления о старости, акцентируя внимание лишь на том факте, что неотъемлемым атрибутом последнего жизненного этапа является снижение физиологических и когнитивных возможностей человеческого организма, чем поддерживалось однозначно пессимистическое отношение к этому этапу жизни.

Позднее в рамках расширения компетенции геронтологии были созданы первые профессиональные геронтологические организации, одной из ведущих задач которых явились разработка многоаспектного исследования проблемы старения, поиск альтернативных естественнонаучному геронтологическим подходов. В результате осмысление проблемы старения получило широкое научное освещение, оказавшись в фокусе интереса многих дисциплин, например таких, как социология, политология, экономика, социальная демография, психология, педагогика, культурология, антропология, этнография, философия и др. Постепенное усложнение понимания природы феномена старения дало возможность создания конкурентной парадигмы взглядов – начала формироваться система идей, раскрывающая возможности «активного», «успешного», «здорового», «продуктивного» старения [2–7]. Также важными открытиями на пути исследования процесса старения стали артикулирование его социально-конструктивистской природы, а также осознание широких возможностей, возникающих при изучении его лингвистической стороны, ведь именно эффективная коммуникация во многом определяет благополучие и качество жизни человека, его здоровье.

Если попытаться соотнести степень изученности различных сторон процесса старения, то окажется, что именно его лингвистическая сторона долго не становилась предметом системного исследования. При этом анализ геронтологической проблематики часто проводился в том числе и с помощью наблюдений за языком, но подобный интерес к языку можно было бы назвать инструментальным. В первые десятилетия развития геронтологического знания еще не возникало осознания того, что язык – это эффективный инструмент, раскрывающий многие стороны природы старения, что результаты анализа связи языка и процесса старения имеют высокий эвристический потенциал в области исследования и решения многих проблем, связанных со старением.

За последние три десятилетия многие науки, исследующие старение, обратились к внимательному изучению его языкового измерения, пытаются глубже понять взаимосвязи между языком и старением, языком и здоровьем, языком и различными контекстами его употребления, языком и его пожилыми носителями. Сформировалось множество геронтолингвистических направлений, акценты которых очень разнообразны. Основными векторами исследований связи языка и процесса старения можно назвать следующие:

1) анализ взаимосвязи процесса старения и языка посредством фиксации и описания нарушений / изменений коммуникативных и когнитивных спо-

собностей, сопровождающих старение (М.Л. Альберт, К.А. Бейлз, Д. Берк, Х.Е. Гамильтон, А.В. Кажиняк, Л.К. Облер, Е. Райан, Х.К. Улатовска);

2) изучение лексики, описывающей феномены, связанные со старением, а также паралингвистических коррелятов старения (И.С. Блинова, К.А. Бурнаева, Т.С. Валиева, К.А. Власова, Л. Гебхарт, Т. Камата, С. Кемпер, Д. Кинетт, Н.В. Крючкова, Л.Б. Никитина, Л.А. Рэмиг, Х. Хэлфриш);

3) исследование последствий влияния на язык и языковую коммуникацию глобального постарения населения; в рамках этих исследований рассматриваются такие вопросы, как «старение языков» (их трансформация), изменение языковых форм и норм, изменение особенностей межпоколенческой коммуникации, снижение скорости языковых изменений, феминизация старости; язык анализируется с точки зрения лексических, семантических, синтаксических, прагматических изменений в ходе старения его носителей (П. Бакхаус, Ф. Инуэ, Н. Н. Лантюхова, Д. Эйчисон);

4) исследование речевого регистра, традиционно используемого в общении с пожилыми людьми (в англоязычной литературе это понятие номинируется как *elderspeak*, *infantilizing talk*, *patronizing talk*, *problematic intergenerational communication*, *secondary babytalk*; в российской науке это явление обозначается с помощью таких терминов, как геронтное общение, старческая речь, речь пожилых людей (людей старшего поколения), язык старости, инфантильная речь, вторичный детский лепет): описание его отличительных черт, характерных для него дискурсивных конструкций, анализ причин и последствий их использования (А.Р. Бауэр, Д. Билби, Д. Боден, Л. Вудс, Х. Джайлз, Б. Грин, Е. Райан, Дж. Каупланд, Н. Каупланд, С. Кемпер, Р. Крогер, Й. Мацумото, А.М. Уилльямс, Дж.М. Уиманн, Т. Харден, К. Хенвуд);

5) исследование стереотипов, описывающих старение, таксономия их видов, причин формирования, последствий актуализации, а также анализ результатов воздействия подобных стереотипов на пожилых людей, изучение влияния стереотипов на здоровье в течение позднего периода жизни, изучение феномена самостереотипизирования, формулирование теорий, объясняющих причины актуализации возрастных стереотипов, определяющих особенности протекания процесса старения (Д.Л. Боннесен, Х. Джайлз, Т. Гартска, Дж. Каупланд, Н. Каупланд, Б. Леви, Б. Мейснер, Ж. Мотнер, Э.Б. Райан, М.Л. Хаммерт, К. Хенвуд);

6) исследование особенностей стереотипического изображения пожилых людей в СМИ, в художественной литературе, в рутинной речи (И.А. Бельцова, Л. Берман, Л. Гебхарт, Й.Б. Жанг, И.В. Карапетьян, В. Иланн-МакИвэн, Д.Ф. Нассбаум, Д.Д. Робинсон, А. Рой, И.В. Салимьянова, Т. Скилл, И. Собковска-Эшкрофт, К. Тимм, Э. Уилльямс, Д. Харвуд, Н. Шираиши, Е.В. Шляхтина); анализ влияния просмотра ТВ на языковую деятельность пожилых людей (Н.А. Линдстром, В. Иленне, Э. Уилльямс, Д. Харвуд);

7) исследование дискурсивного измерения старения как транслятора социальных норм и практик пожилого возраста, где характеристики дискурса рассматриваются как параметры качества институциональной среды и отношений, которые в ней обсуждаются (К. Грейнджер, У. Гудикунст, М.Э. Елютина, С. Макони, Й. Мацумото, Дж. Нассбаум, Дж.М. Уиманн, Т. Хамагучи, М.Л. Хаммерт, Э.Е. Чеканова);

8) исследование связи культуры, коммуникации и старения, особенностей формирования идентичности в пожилом возрасте, отражаемой в использовании языка и создаваемой им (Х. Джайлз, В. Иланн-МакИвэн, Дж. Каупленд, Н. Каупланд, С. Кемпер, Н. Кинг, М. Кэллен, А. Кэмерон, Л. Ллойд, М. Макнамара, Х. Ота, Л. Печчиони, Дж. Сеймур, Р. Смит, Л. Спаркс, Д. Твигг, М.Р. Трисси, Дж.М. Уиманн, Д. Фили, Ч.-Х. Чен);

9) исследование дискурса противоборства со сложившимися возрастными стереотипами, анализ темы возрастной дискриминации, эйджизма (П. Баххаус, Х. Гайлз, Й. Йошика, Т. Каласанти, Н. Каупланд, Д. Каупланд, Ф. Ньюселл, Д. Печчеи, Э. Соренсен, Э. Ферхерст, М. Усами);

10) исследование связи старения, коммуникации и гендерной проблематики (К. Андерсон, С. Вествуд, Д. Жермин, Л.Х. Кларк, А. Коротченко, М. Крукшанк, Й. Мацумото, С. Соден, Д. Твигг, Дж. Холмс, С. Холмс, Л.Р. Хэтч).

Если попытаться увидеть наиболее общие интенции в исследовании связи старения и языка, то перед нами предстанут две магистральные области интереса: первая анализирует связи языка, процесса старения и здоровья, вторая направлена на раскрытие социально-конструктивистской природы языка.

Рассмотрение даже вышеперечисленных направлений исследования процесса старения в его опосредовании языком указывает на то, что изучение лингвистического измерения старения обладает феноменально высоким эвристическим и практическим потенциалом. Попробуем сформулировать основные причины актуальности изучения лингвистической стороны процесса старения.

Во-первых, язык является эффективным инструментом диагностирования возрастных нейродегенеративных заболеваний, а также адекватным инструментом описания языковых и коммуникативных особенностей, проявляющихся при подобных расстройствах. Так, в мировой медицине для диагностирования некоторых нейродегенеративных заболеваний, для измерения языковых изменений в процессе старения, сопровождаемого деменцией, получили широкое применение шкалы-опросники MoCA и DKAS.

Во-вторых, признана высокая роль адаптирующей коммуникации в повышении качества жизни, в том числе и пожилых людей. Языковая адаптация может иметь различные цели: может быть формой аккомодации к возрасту (в частности, к старости), к болезни, к необходимому лечению. Направления исследований адаптивной коммуникации также варьируются, например, могут изучаться рутинные коммуникативные характеристики и практики пожилых людей с целью увеличения эффективности межпоколенческой коммуникации. Но к настоящему времени наиболее широко разработаны правила и стратегии адаптирующей коммуникации в области здравоохранения (healthcare communication): исследования медицинского дискурса с акцентом на изучении особенностей общения «доктор – пожилой пациент» (например, сформулированы правила взаимодействия с пожилыми людьми в целом, с пожилыми людьми, имеющими определенные когнитивные / функциональные заболевания); также областью активного интереса является коммуникация пожилых пациентов между собой; кроме того, детально проработаны специальные языковые практики, используемые в онкологии и паллиативной медицине для выстраивания благоприятных отношений, в том числе с

пожилыми пациентами и их родственниками, для улучшения результатов лечения).

В-третьих, язык является плодотворным инструментом исследования языковых способностей людей раннего и среднего возрастов с целью ранней диагностики степени вероятности развития возрастных нейродегенеративных заболеваний и их раннего предупреждения.

В-четвертых, себя зарекомендовали специальные лингвистические методики, используемые для терапии различных форм подобных расстройств (например, методы освоения новых языков).

В-пятых, еще одной важной стороной исследования языка явилось раскрытие его социально-конструктивистской функции. Следствием массового постарения населения, увеличения средней продолжительности жизни и удлинения периода относительно здоровой старости является переформулирование представлений о заключительном этапе жизненного пути, трансформирование отношения к этому периоду жизни, к пожилым людям. Эти представления отражаются в языке, транслируются посредством него, поэтому использование потенциала и силы языка в связи с изменяющимися историческими реалиями, требующими существенных изменений в традиционных представлениях о старости и старении, играет крайне важную роль.

В целом для создания системы эффективного управления процессом старения необходимо применение всего имеющегося геронтологического знания, в том числе раскрывающего особенности лингвистической стороны процесса старения.

Акцентируя внимание на предмете нашего исследования, среди последствий массового постарения мы особо можем указать на то, что численность пожилого населения увеличивается, удлиняется средняя продолжительность жизни, повышается качество жизни в позднем возрасте, изменяется отношение к совместному проживанию с родителями, младшие поколения все реже заботятся о старшем поколении, в результате институционализированная жизнь для пожилых людей становится все более распространенной практикой. Не случайно первые исследования социального контекста связи языка и старения были предприняты именно в рамках институциональных учреждений: в начале 1990-х гг. появилась серия социолингвистических исследований, проведенных в домах престарелых. В этих работах был произведен анализ «elderspeak», а также дискурсивных конструкций старости, где дискурс явился способом раскрытия социальных проблем в сфере ухода за пожилыми людьми [9, 10]. Н. Каупланд, Д. Каупланд, С. Макони в своих работах показали интерактивность межпоколенческого общения с участием пожилых людей, ученые акцентировали внимание на том ранее не обсуждавшемся обстоятельстве, что пожилые люди могут не только приспосабливаться, но и сопротивляться языковым изменениям, инициировать их [11. P. 58]. Так, стало развиваться наблюдение за социально-психологическим контекстом использования языка: в рамках прикладной лингвистики зародилась социолингвистика старения – одна из первых областей постоянного интереса к социально-психологической связи языка и старения, занимающаяся прояснением того, что есть социальное старение и как оно отражается в языке, как говорят представители разных возрастов, каковы особенности повседневного коммуникативного поведения пожилых людей, как язык используется ими в

разнообразных контекстах, каковы типичные дискурсивные практики позднего жизненного периода, какие потенциально важные закономерности существуют в межпоколенческой коммуникации.

В целом усилия первоначальных исследований в рамках социолингвистики старения были направлены на выявление универсальных закономерностей старения, опосредуемых языком. Позже появилось множество работ, проблематизирующих однозначность ранее полученных выводов: исследователи культур и языков Африки, Китая и Японии показывали, что полученные ими данные входят в диссонанс с уже ставшими традиционными объяснительными моделями социально-языковой стороны межпоколенческой коммуникации. Так, например, С. Макони и К. Грейнджер, следуя пионерским разработкам Н. Каупланда и его коллег, первыми начали проводить социальные исследования связи языка и процесса старения в культурных средах Африки, что привело их, с одной стороны, к осознанию одномерности многих более ранних выводов, полученных в рамках социолингвистики старения, изначально опиравшейся на европейско-американский культурный контекст и традицию, с другой стороны, к осознанию необходимости эволюции области анализа социально-языкового измерения старения, необходимости расширения его дисциплинарных границ и компетенции ради развития знания, рожденного в рамках прикладной лингвистики, но остро нуждающегося в трансформации для постижения сути своего предмета – природы процесса старения. Кроме того, содержание понятий старости и старения начало неизбежно переформулироваться вслед за трансформирующейся реальностью.

В научной терминологии появилось понятие «геронтолингвистика», которое в первом приближении, следуя его этимологии, описывает научную область, исследующую языковую сторону процесса старения. Одно из первых его употреблений принадлежит немецкому лингвисту Х.П. Лютьену, который в 1978 г. писал о необходимости создания области лингвистики, предназначенной для исследования языкового поведения пожилых людей [12. Р. 91; 13. Р. 84]. Также он предложил ввести понятие «этатоллингвистика», имея в виду под ним исследование межпоколенческих вербальных интеракций [Ibid.]. Можно заключить, что этими терминами Х.П. Лютьен описывал лингвистическую область знания, предназначенную для поиска оптимальных условий языкового межпоколенческого взаимодействия с участием пожилых людей. По прошествии времени началось академическое становление этого поля исследований, которое продолжается и по настоящее время: до сих пор сосуществуют несколько интерпретаций этого термина, задающих как его различную дисциплинарную принадлежность, так и по-разному определяющих границы данной области знания, сферу ее компетенции – либо как области прикладной лингвистики, либо как междисциплинарной области знания.

Первая интерпретация допускает три толкования. Во-первых, геронтолингвистика может быть рассмотрена как трансформировавшаяся в своих пределах социолингвистика старения, с одной стороны, делающая акцент на исследовании социально-языковой стороны старения, а с другой – анализирующая преимущественно особенности институционального межпоколенческого дискурса с участием пожилых людей. Подобное понимание геронтолингвистики можно найти у П. Бакхауса, К. Грейнджер, С. Макони.

В 1997 г. в статье «Геронтолингвистика в Южной Африке» С. Макони заявил о необходимости конституирования геронтолингвистики, которую он описал как «работу в области языка и старения» [11. Р. 63]. В более поздней, совместной с К. Грейнджер статье «Сравнительная геронтолингвистика», посвященной анализу особенностей общения с пожилыми людьми, находящимися в условиях институционального ухода, авторы указали, что в центре исследования этой науки находятся такие темы, как лингвистический анализ выражения отношений власти между персоналом и резидентами домов престарелых; изучение роли лингвистической вежливости и эффективности концепции П. Браун и С. Левинсона в обеспечении, подтверждении, согласовании неравных властных отношений и особенностей общения с пожилыми людьми; выявление коммуникативных стратегий, эндемичных для институционального дискурса в общении с пожилыми людьми, а также контекстуализация этих стратегий в условиях различных культур; поиск стратегий, гармонизирующих институциональную коммуникацию в учреждениях по уходу за пожилыми людьми [14]. Этому же пониманию геронтолингвистики близок и П. Бакхаус, на взгляд которого, она включает в себя исследование языкового взаимодействия между персоналом и жителями домов престарелых с точки зрения трех тем: особенностей институциональной беседы, роли лингвистической вежливости и особенностей общения с пожилыми людьми [8].

В статье 2017 г. «От „языка пожилых людей“ к геронтолингвистике: социолингвистические мифы» С. Макони трактует геронтолингвистику как «внимательный социолингвистический анализ языка старения, как более искушенный взгляд на исследование языка старения, чем это может дать традиционная социолингвистика» [15. Р. 380].

Во-вторых, к геронтолингвистике, в ее более широкой трактовке, может быть отнесена часть прикладной лингвистики, посвященной изучению тем, относящихся к проблеме старения: во-первых, изучение лексики, описывающей феномены, связанные со старением, а также исследование особенностей концептуализации лексико-семантического поля «старость», во-вторых, исследование последствий влияния на язык глобального постарения населения, в-третьих, рассмотрение явления старения языков (эволюция языковых форм и норм, трансформация характера межпоколенческой коммуникации, снижение скорости языковых изменений), в-четвертых, анализ нарождающегося явления феминизации старости, в-пятых, изучение синтаксических особенностей письменной речи лиц позднего возраста, формирование корпуса письменных текстов лиц пожилого и старческого возрастов (Ш. Асахи, П. Бакхаус, И.С. Блинова, О.В. Бахмет, Ф. Иноуэ, Й. Йошиока, Ф. Кулмас, Т. Кэрролл, Н.Н. Лантюхова, С.А. Рузметов, М. Усами).

В-третьих, геронтолингвистика призвана заниматься языковыми проблемами пожилых людей с целью поддержания их здоровья. Эта позиция в последние годы становится крайне популярной. Так, Я. Сугатани пишет о том, что «это новая исследовательская область лингвистики, имеющая высокий потенциал применения в коммуникации по уходу за пожилыми людьми» [12. Р. 91]. В сферу ее интересов входят такие темы, как эйджизм, межпоколенческая коммуникация, межкультурная коммуникация, лингвистическое изучение тем гендера и сексуальности в их связи с феноменом старения, изучение особенностей коммуникации в сфере ухода, базовых стратегий речевой /

коммуникативной аккомодации, а также коммуникативной компетентности и речевых / коммуникативных расстройств в группе пожилых людей [12. P. 92].

В целом, все три толкования схожи в том, что генетически и методологически геронтолингвистика является частью области языковых исследований, но с каждым годом эта дисциплинарная закреплённость становится все более условной, поскольку исследование старения требует всеохватывающей междисциплинарности. Как заметила японский исследователь Я. Сугатани, «проблема понимания широты границ компетенции геронтолингвистики зависит от понимания границ геронтологии» [Ibid.], поскольку, с одной стороны, эти области являются сообщающимися, а с другой стороны, растущее понимание взаимосвязи процесса старения и языка до сих пор позволяет делать все новые открытия.

Вторая интерпретация термина «геронтолингвистика» подразумевает междисциплинарное знание, находящееся на пересечении интересов геронтологии и лингвистики, направленное на изучение языкового старения пожилых людей и поддержание их языкового здоровья и благополучия. Подобный взгляд на геронтолингвистику может быть найден, например, в статьях таких ученых из Китая, как Ж. Ыан, Г. Ыин «Геронтолингвистика и ее перспективы в области здравоохранения в провинции Шаньдун» [13], Л. Хуанг и К. Жу «Прагматические исследования в геронтолингвистике: перспективы, методы и темы» [16].

Л. Хуанг и К. Жу пишут о том, что ядром геронтолингвистики является изучение закономерностей и факторов деградации прагматических коммуникативных характеристик пожилых людей как с нормальным, так и с патологическим старением. Но в перспективе предметные границы этой системы знаний должны расширяться.

В статье Ж. Ыан и Г. Ыин дается подробный обзор наличного состояния геронтолингвистического знания и причин его востребованности с точки актуальных демографических проблем Китая. Авторы пишут о том, что, столкнувшись с мощными вызовами современности, КНР начала проводить стремительное государственное планирование в сфере развития структуры здравоохранения.

В Китае с 1953 г. практикуется составление и неукоснительная реализация пятилетних планов социально-экономического развития. Последним был принят 13-й план национального развития (2017–2022 гг.), который преимущественно ориентирован не столько на экспансивное развитие экономики, сколько на внедрение инноваций и развитие 10 стратегических для достижения благоденствия Китая отраслей промышленности, включая здравоохранение. Самыми большими социальными проблемами для КНР были названы урбанизация и постарение населения. Действительно, Китай является страной с самой большой численностью пожилого населения в мире: в 2000 г. число пожилых людей в возрасте старше 60 лет составляло 126 млн, в 2019 г. их численность составила 253 млн (18,1%), а к 2050 г., возможно, вырастет до 484 млн (34%) [13. P. 81].

Дополнительное беспокойство у руководства КНР вызывает тот факт, что по сравнению с развитыми странами процесс быстрого постарения в Поднебесной заметно опережает процесс экономического развития. И увеличение доли пожилого населения непомерно увеличит расходы всего общества

на пенсии, медицинское обслуживание, уход, социальное обеспечение. В связи с чем грядет изменение структуры рабочей силы, которое повлияет на стабильность и безопасность развития страны, ее промышленной и финансовой системы. В качестве попытки преодоления приближающегося демографического кризиса было принято два решения, определяющих ближайшее развитие Китая: формирование «серебряной экономики», ориентированной на внутренний спрос, где одной из важных переменных будет являться растущий уровень потребления товаров и услуг пожилыми людьми, и создание системы управления старением, которая продлит ожидаемую продолжительность здоровой жизни пожилого населения, повысив ее качество.

Начиная с 2017 г., когда генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул необходимость активизирования научных исследований старения, в КНР была развернута мощная государственная политика по реализации стратегии формирования здоровой нации, органично включившая в себя претворение в жизнь стратегии здорового и продуктивного старения населения [13. Р. 79]. С этого момента на уровне государства был принят ряд решений, способствовавших эффективному развитию индустрии здоровья, медицинской промышленности, здравоохранения и связанных с ними отраслей, поддерживающих высокий уровень здоровья и повышающих качество жизни стареющего населения.

В Китае геронтолингвистика находится на стадии зарождения, и активный интерес на первоначальном этапе проявляется к поиску и формированию комплексного знания, дающего понимание связи языка, процесса старения и здоровья, к знанию, дающему возможность продлить этап здорового и активного старения нации, опираясь на понимание языковых экспликаций старения. Хотя опора на социально-конструктивистский потенциал языка в деле управления старением нации также декларируется.

Геронтолингвистика становится междисциплинарной областью, объединяющей усилия многих наук, исследующих феномен старения. В Китае она возникает во многом следуя за политической волей и императивами современности, включая в себя все то знание, что имеет отношение к языку и старению, и может стать эффективным инструментом адаптации к стареющему обществу.

Еще в 1997 г. С. Макони писал о необходимости формирования геронтолингвистического знания, указывая на сложности, которые возникают на этом пути: междисциплинарность очень важна, но ее сложно добиться, поскольку для полноценного диалога представителей разных наук необходимо общее понимание ими основных феноменов [11. Р. 63]. Геронтолингвистика будет возможна, когда представители различных наук придут к единому пониманию ее основ, ведь взаимный интерес еще не является гарантией успешной интердискурсивности [17. Р. 480]. В Европе, Америке и Японии идеи геронтолингвистики артикулированы и исследуются уже несколько десятилетий, находясь в состоянии уточнения своих дисциплинарных границ, методов, основных тем и предмета, в КНР за последние несколько лет началось стремительное конституирование единого корпуса этой области знания, с акцентом на той его части, которая дает возможности управления процессом старения, продления его здорового периода. Китай одним из первых начинает формировать геронтолингвистику с целью осуществления основных импера-

тивов государственной политики, направленных на достижение процветания Поднебесной: преодоления разрушительной силы демографического вызова посредством реализации стратегии здоровой и продуктивной старости, одним из залогов которой объявляется языковое благополучие пожилых людей.

Литература

1. Пашина Л.А. Сложности формирования единого геронтологического знания // KANT. 2020. № 4 (34). С. 291–296.
2. Cavan R.S., Burgess E.W., Havighurst R.J., Goldhamer H. Personal adjustment in old age. Chicago (IL) : Science research associates, 1949.
3. Havighurst R. Successful Aging // Processes of Aging / ed. by R. Williams, C. Tibbitts, W. Donahue. New York : Atherton, 1963. P. 299–320.
4. Palmore E.E. Predictors of Successful Aging // The Gerontologist. 1979. Vol. 19, № 5. P. 427–431.
5. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful // Science. 1987. Vol. 237, № 4811. P. 143–149.
6. Walker A. Why involve older people in research? // Age and ageing. 2007. Vol. 36, № 5. P. 481–483.
7. Kalachea A., Kickbusch I. A global strategy for healthy ageing // World Health. 1997. № 4. July–August. P. 4–5.
8. Backhaus P. Care, control, and communication: Linguistic interaction between staff and residents in a Japanese nursing home for the elderly. German Institute for Japanese Studies. Tokyo, 2006. 24 p.
9. Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, society and the elderly. Oxford : Basil Blackwell, 1991. 220 p.
10. Coupland J., Coupland N., Giles H., Wiemann J. My life in your hands: Processes of self-disclosure in intergenerational talk // Styles of discourse / ed. by N. Coupland. London : Croom Helm, 1988. P. 201–253.
11. Makoni S.B. Gerontolinguistics in South Africa // International journal of applied linguistics. 1997. Vol. 7, № 1. P. 57–65.
12. Sugatani Y. Geronto-linguistics and care communication // 의료커뮤니케이션 (Medical Communication). 2008. Vol. 3, № 2. P. 91–101.
13. Yan Z., Yin G. Gerontolinguistics and Its Prospect in the Health Care Industry in Shandong // US-China Education Review. 2020. Vol. 10, № 2. P. 79–88.
14. Makoni S., Grainger K. Comparative Gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom // Journal of Social Issues. 2002. Vol. 58, № 4. P. 805–824.
15. Makoni S. B. From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths // The Oxford Handbook of Language and Society / ed. by O. García, N. Flores, M. Spotti. Oxford University Press, 2017. P. 369–380.
16. Huang L., Zhu Q. Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics // Journal of East China Normal University. Philosoph, 2019. Vol. 51, № 6. P. 129–137.
17. Grainger K. Communication and the institutionalized elderly // Handbook of communication and aging research / ed. by J.F. Nussbaum, J. Coupland. Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 479–497.

Lyudmila A. Pashina, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: lapash@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 101–111.

DOI: 10.17223/1998863X/59/10

THE CONSTITUTION OF GERONTOLINGUISTICS PARADIGM AND ITS CONTEMPORARY PROSPECTS

Keywords: gerontolinguistics; aging; gerontology; language aging; language health of the elderly; well-being of the elderly's linguistic life.

The article considers the formation of scientific interest in the study of language mediation of the phenomenon of aging. The reasons for the demand for gerontolinguistic knowledge are analyzed, and the arguments justifying its relevance are given. A brief excursion into the history of scientific research on aging is made, but the focus is on its linguistic aspects. The natural sciences were the first to study the aging process, which formed the biomedical paradigm of its consideration. Later, gerontology was constituted as an attempt to form a broader view and a deeper understanding of the ontology of aging. As a result, new areas of research on this phenomenon have emerged: social, psychological, economic, political, and cultural perspectives. The formation of a systematic interest in the language side of aging occurred later than others, but the emergence of gerontolinguistics brought awareness of its high heuristic and practical potential both in understanding the ontology of aging and in applying the knowledge gained to implement the strategy of active and healthy aging. The article considers the main vectors of research on the relationship between language and the aging process, and presents the existing interpretations of the term “gerontolinguistics”. It is shown that gerontolinguistics is becoming an interdisciplinary field that accumulates the efforts of the entire body of gerontological knowledge aimed both at maintaining the language health of the aging population and at implementing the strategy of active and healthy aging in the transition to a hyper-age society.

References

1. Pashina, L.A. (2020) The complexities of formation of coherent gerontological knowledge. *KANT*. 34(4). pp. 291–296. (In Russian).
2. Cavan, R.S., Burgess, E.W., Havighurst, R.J. & Goldhamer, H. (1949) *Personal Adjustment in Old Age*. Chicago, IL: Science research associates.
3. Havighurst, R. (1963) Successful Aging. In: Williams, R., Tibbitts, C. & Donahue, W. (eds) *Processes of Aging*. New York: Atherton. pp. 299–320.
4. Palmore, E.E. (1979) Predictors of Successful Aging. *The Gerontologist*. 19(5). pp. 427–431.
5. Rowe, J.W. & Kahn, R.L. (1987) Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 237(4811). pp. 143–149. DOI: 10.1126/science.3299702
6. Walker, A. (2007) Why involve older people in research? *Age and Ageing*. 36(5). pp. 481–483. DOI: 10.1093/ageing/afm100
7. Kalachea, A. & Kickbusch, I. (1997) A global strategy for healthy ageing. *World Health*. 4. July-August. pp. 4–5.
8. Backhaus, P. (2006) *Care, control, and communication: Linguistic interaction between staff and residents in a Japanese nursing home for the elderly*. Tokyo: German Institute for Japanese Studies.
9. Coupland, J., Coupland, N., Giles, H. & Wiemann, J. (1988) My life in your hands: Processes of self-disclosure in intergenerational talk. In: Coupland, N. (ed.) *Styles of Discourse*. London: Croom Helm. pp. 201–253.
10. Coupland, N., Coupland, J. & Giles, H. (1991) *Language, Society and the Elderly*. Oxford: Basil Blackwell.
11. Makoni, S.B. (1997) Gerontolinguistics in South Africa. *International Journal of Applied Linguistics*. 7(1). pp. 57–65. DOI: 10.1111/j.1473-4192.1997.tb00104.x
12. Sugatani, Y. (2008) Geronto-linguistics and care communication. *의료커뮤니케이션 (Medical Communication)*. 3(2). pp. 91–101.
13. Yan, Z. & Yin, G. (2020) Gerontolinguistics and Its Prospect in the Health Care Industry in Shandong. *US-China Education Review*. 10(2). pp. 79–88. DOI: 10.17265/2161-6248/2020.02.003
14. Makoni, S. & Grainger, K. (2002) Comparative Gerontolinguistics: characterizing discourses in caring institutions in South Africa and the United Kingdom. *Journal of Social Issues*. 58(4). pp. 805–824. DOI: 10.1111/1540-4560.00291
15. Makoni, S.B. (2017) From elderspeak to gerontolinguistics: sociolinguistics myths. In: Garcia, O., Flores, N. & Spotti, M. (eds) *The Oxford Handbook of Language and Society*. Oxford University Press. pp. 369–380.
16. Huang, L. & Zhu, Q. (2019) Pragmatic Studies in Geronto-linguistics: Perspectives, Methods and Topics. *Journal of East China Normal University. Philosoph*. 51(6). pp. 129–137. DOI: 10.16382/j.cnki.1000-5579.2019.06.014
17. Grainger, K. (2000) Communication and the institutionalized elderly. In: Nussbaum, J.F. & Coupland, J. (eds) *Handbook of Communication and Aging Research*. Lawrence Erlbaum Associates. pp. 479–497.

УДК 130.2+37.012

DOI: 10.17223/1998863X/59/11

Н.П. Суханова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАНИЯ: ЭКСПАНСИЯ КОНЦЕПТА ЗАБОТЫ О СЕБЕ

В статье предпринимается анализ понятия «пайдейя» как образования и воспитания человека, реализуемого посредством овладения человеком культурой, добродетелью и универсальным знанием. Рассматриваются концепции образования как возвышения индивида ко всеобщему. Исследуется понимание субъекта образования сквозь призму концепта заботы о себе как общей установки отношения к себе и совокупности практик. Делается вывод о том, что забота о себе означает заботу о выстраивании собственной личности, преобразовании себя, формировании себя в качестве субъекта образования.

Ключевые слова: образование, субъект образования, философия, культура и ценности, забота о себе, индивид и индивидуальность, гуманизм.

В современной системе образования, являющейся основой формирования личности, прослеживаются тенденции трансформации субъекта образовательного процесса. Для культуры информационного общества характерно размывание индивидуального, субъектного начала. Система образования, существуя в обществе и отвечая вызовам своего времени, предъявляет требования к образовываемому субъекту в качестве нормативов, сводящихся к технологиям передачи и усвоения знаний. История педагогики и образования, неразрывно связанная с философией, демонстрирует нам традиции понимания образования как восхождения человека к его сущности, погружения в мир культуры. Осмысление субъекта образования посредством анализа концепта заботы о себе позволяет обнаружить траектории выхода из кризисной ситуации, в которой находится образование.

Проблема осмысления субъекта образования необходимо обращает к проблеме категориальной очерченности понятия «субъект современного образования». Разрешение данной проблемы предполагает детальное рассмотрение трансформации субъекта образования в истории педагогической и философской мысли. Использование герменевтического метода в исследовании позволяет наиболее полно изучить проблему трансформации субъекта образования, установить специфику и значение концепта заботы о себе. Принципы герменевтического анализа находят отражение в интерпретации текстов, их истолковании.

Многочисленными исследователями фиксируется утрата в современном образовании гуманистических традиций, образования и воспитания как добродетели, заботы о нравственном самосовершенствовании. Е.В. Бакеева рассматривает принцип заботы о себе как условие обретения целостности бытия человека, поставленного перед фактом пересечения множественных измерений его жизнедеятельности [1]. Заботу о себе посредством проблемы «осмысляющего мышления» в современной образовательной практике классического университета изучает Е.З. Бахтиярова [2]. Для В.К. Пичугиной и

В.Г. Безрогова переход к «сети», т.е. образовательным платформам, мобильным приложениям, инфографике, предполагает иные правила в построении образовательного диалога «я – другой» и обновленные диапазоны «заботы» с целью сохранения собственной идентичности и обретения в культуре собственного «я» [3]. В.М. Розин через заботу о себе выстраивает необходимость формирования каждым человеком индивидуального сценария развития собственной жизни [4]. В пространстве социального, где господствует культ гламура и процветает отчуждение индивида от собственного «я», практика заботы о себе осознается А.В. Тимирясовой и Е.Л. Яковлевой как возможность выхода из ситуации кризиса [5].

Именно посредством воспитания возможно осуществление связи педагогики и философии. Педагогическая цель позволяет образованию не утратить системность [6]. Воспитательный процесс на сегодняшний день существует обособленно, классическое древнегреческое представление пайдейи нивелируется, а в образовании сегодня нам предлагают усматривать лишь механизм по передаче и совершенствованию знаний, которые были накоплены предшествующими поколениями. Результатом такой образовательной деятельности является формирование нравственно неукорененных субъектов, не заботящихся о себе, не способных к принятию социально ответственных решений.

Начиная с эпохи античности, в культуре прослеживается систематическое осмысление проблем воспитания и образования. Для древнегреческих философов понятие «пайдейя» означает образование и воспитание человека, понятое как преобразование посредством овладения человеком культурой, добродетелью и универсальным знанием. Предполагается возвращение особой духовно-нравственной жизни, здесь культура есть главное богатство человека и человек здесь служителю культуры. Диалоги Платона «Государство» и «Протагор» представляют пайдейя в качестве смысла жизни человеческой души, а также государства, в котором будет правильное воспитание [7]. Пайдейя служит Платону для выстраивания оценки высокой государственной морали как фундамента силы государства.

Воспитанию отводится особая роль, поскольку оно должно быть уравновешивающим власть с высокой культурой жителей полиса. Идеальное государство нельзя построить без воспитания нравственности. Философский дискурс подвергает анализу понятие «пайдейя», видя в нем необходимую составляющую политической практики. Аристотель привносит в понимание пайдейя представление о том, что существуют два пути в науке – путь образования и путь научного познания. Выявляя в понимании пайдейя познавательный компонент, Аристотель развивает содержание этого понятия в отношении способности строить правильные высказывания. В древнеримской традиции формируется понятие человечности *humanitas*, М. Хайдеггер выстраивает линию к *humanitas* от пайдейя в трактате «Письмо о гуманизме» [8]. Негуманным будет человек, по М. Хайдеггеру, «отпавший от своей сущности», гуманизм есть культивирование человечности, обращение нас из мира сегодняшнего к миру античному с выдвиганием пайдейя на передний план. Так понятое образование обращает нас к человеку в его целостности и прямо противоположно пониманию образования как технологий передачи знаний и компетенций.

Образование как два процесса, как встречное движение в концепции Г.В.Ф. Гегеля осуществляется через подъем индивида к надиндивидуальному знанию. Индивиду предстоит собственными усилиями совершенствовать себя, никто за него этого не сделает, и природой это в него не заложено, индивид должен сам творить себя. Л.А. Микешина считает, что гегелевская трактовка природы образования позволяет ответить на вопрос о том, каковы должны быть особенности образования, чтобы сделать возможным «социализацию человека и гуманизацию общества» [9. С. 229]. Образование понимается немецким философом как движение встречного характера, что означает приобщение человека к образованию объективно посредством погружения в историю образования, субъективное приобщение возможно, поскольку человек пропускает опыт прошлого через самого себя. В своем произведении «Феноменология духа» Г.В.Ф. Гегель по этому поводу написал о том, что образование для конкретно взятого человека заключается в добывании того, «что находится перед ним, поглощает в себя свою неорганическую природу» [10. С. 25].

Образование, категориально заданное через отчуждение природного бытия, направленное к возвышению человека ко всеобщему, позволяет говорить об индивиде в качестве «Я», в качестве субъекта образования. Представленное понимание субъективности раскрывает себя в культуре и истории, науке и нравственности, конечно, в творчестве и профессии. Для субъективности, обладающей способностью образовывать себя, характерно соотношение с бытием всеобщности. Гегелевское понимание субъективности трудно вообразить вне мира образованности, являющегося необходимым условием ее подлинного настоящего бытия и необходимого ей для цели отчуждения от природного бытия. Только образование может сделать человека духовным существом, и в этом его главное предназначение. Понятие культуры нетождественно понятию образования и понимается значительно шире. Образование невозможно вне культуры, образование можно рассматривать как путь к овладению культурой. Обращаясь к содержанию образования, мы привычно оперируем категориями «знания», «умения» и «навыки», но прежде всего образование есть культура человека, получившая свое выражение в том числе через данный категориальный ряд. Человек погружается в культуру задолго до того, как он узнает правила таблицы умножения и правила грамматики. Культура формирует личность со всеми вытекающими отсюда нюансами.

Образование как возвышение ко всеобщему характерно для концепции С.И. Гессена, автора книги «Основы педагогики. Введение в прикладную философию». Целью образования являются культурные ценности, приобщиться к которым в процессе образования необходимо каждому человеку. Образование выступает как выразитель культуры индивида. Овладевая образцами культуры, человек образует себя, самообразование происходит в опоре на образцы, выработанные в культуре многими поколениями людей. Образовывая себя, человек не просто копирует сложившиеся культурные образцы, но развивает их в собственном направлении, образование есть не просто трансляция культурного опыта, но развитие и культивирование нового. Так понятая культура выступает как образование, «овладение всеобщим знанием, исторически отобранными образцами деятельности и социального общения» [11. С. 25].

Культура неисчерпаема, она характеризуется в качестве индивидуально-го, сознательно заданного самосовершенствования, а значит, и образование по своей сути неисчерпаемо в отношении к индивиду. Человек образовывается затем, чтобы раскрыть в себе свое подлинное «Я». Образование здесь есть постоянный процесс, именно образование способствует вычленению уникальности, особенности человека. Для того чтобы обрести свою уникальность, стать настоящим самим собой, отличным от всех других, человеку необходимо подняться в «сверхиндивидуальную целостность человечества» [12]. Конечно, процесс образования будет неисчерпаемым при такой установке, возможно, это благо для человека, поскольку в течение всей жизни можно открывать что-то новое и источником и вдохновителем этого нового является сам человек. Человеческое бытие невозможно без образования, нет гарантии разрешения вопроса его личной образованности полностью, человек является субъектом образования постоянно.

Не обходит стороной вопрос значения подъема ко всеобщности М. Шелер, написавший по этому поводу трактат «Формы знания и образование», где под образованием понимается «образ совокупного человеческого бытия» [13. С. 21]. Образованное бытие субъекта задается через понятие «микрокосм». Для человека, стремящегося к образованию, это означает желание быть микрокосмосом, находиться в поиске сопричастности ко всему в окружающем мире. От идеи образования также тянется нить к идее гуманизации, и позиция М. Шелера состоит в том, что именно образование создает настоящего человека, только так может быть раскрыто его подлинное бытие. Более того, человеку предназначено пройти путь образования, это и есть его главная задача, уникальная в своем роде. Конечно, М. Шелер не понимает под образованием конкретную специализацию, подготовку для будущей карьеры, это было бы очень узкое понимание. Не ради профессии человеку предстоит пройти путь образования, наоборот, образование есть самоцель и любая учебная деятельность «существует для образования, лишенного всех внешних «целей» [Там же. С. 32].

Для информационного общества образование и все с ним связанное находится в приоритете. Духовно-информационное пространство можно считать основным и системообразующим в человеческой жизни [14]. «Каждый человек является создателем своего пространства образования, которое является составной частью единого пространства современного образовательного кластера» [15. С. 62]. Будучи стратегическим ресурсом государства, система образования в то же время крайне зависима от происходящих в обществе экономических и политических преобразований. «Академический капитализм» привел к тому, что образование и научные исследования больше не самоцель, цель теперь в наращивании «монетарного капитала академического или университетского предприятия» [16. С. 4]. Виртуальная реальность привносит новые представления о ценностях образования. Мы наблюдаем массовизацию образования и культуры в целом, произошедшие перемены созвучны изменениям, случившимся «в „жизненном мире“ „массового“ человека при переходе от индустриального общества к информационному» [17. С. 687]. В современной культуре первые позиции занимают информация, скорость и количество ее подачи. Отношение к субъекту образования также меняется, и феноменология Э. Гуссерля прокладывает путь к последующему

ее пониманию, провозгласив тезис о «смерти субъекта» и констатируя кризисность субъект-объектных отношений [18].

В современном образовании оформляется дискурс, продуцируемый отношением к концепту, появившемуся в эпоху античности и именуемому «забота о себе». Следует отметить, что принцип «заботы о себе» имеет тенденции стать системообразующим в вопросах самоопределения личности, на что обращается пристальное внимание в монографии Г.В. Иванченко [19]. В истории философской мысли концепт «заботы» обстоятельно исследуется М. Хайдеггером. Человеческое бытие, его целостность философ задает как заботу. Вопросая о том, на чем основана человечность (*humanitas*), М. Хайдеггер обращает нас к существу человека: «На что же еще направлена „забота“, как не на возвращение человека к существу?» [8. С. 195]. Гуманизм проистекает из раздумий и заботы о том, как сделать человека человеческим и дистанцироваться от бесчеловечности и негуманности, когда человек отпадает от своей подлинной сущности. Забота неотъемлема от бытия человека, забота не может занимать человека какое-то определенное время и отступать на задний план, поскольку забота постоянна, она присутствует всегда, можно сказать, что забота задает человеческую онтологию. Забота в данном понимании имеет всеобщий характер.

Новый поворот в отношении понимания субъекта образования делает М. Фуко в исследовании «Герменевтика субъекта» [20], обращаясь к заботе о себе как к общей установке отношения к себе и как к совокупности практик. Выясняя причины выдвигания на первый план концепта заботы, М. Фуко в качестве отправной точки анализирует диалог Платона «Апология Сократа», где Сократ призывает афинян заботиться о себе, беречь себя, не забывать себя, не пренебрегать собой, заботясь о деньгах и славе: «а о разумности, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять» [21. С. 20]. Забота о себе в философии Сократа связана с педагогикой, надо заботиться о себе не только в молодости, но постоянно, поскольку никакая педагогика, какой бы замечательной она ни была, не сможет заменить человеку заботу о себе. Человеку предстоит заботиться о себе в течение всей его жизни, в зрелом возрасте тоже. «Образование понимается здесь онтологически как перманентный поиск и обретение образа себя» [22. С. 155].

Принцип заботы о себе становится событием мысли и признаком западной культуры. М. Фуко фиксирует появление этого культурного феномена как особо значимого для «современного способа быть субъектом» [20. С. 22]. Забота не является абстрактным принципом или призывом к самопознанию, она есть насущная потребность, выражаемая в деятельности, в практике работы над собой, изменении себя. Заботясь о самом себе, человек и обретает себя самого, в этом состоит отличие человека от любого другого живого существа. У животного нет никакой необходимости образовываться, становиться кем-то другим, отличным от себя прежнего. Человеку невозможно обойтись без заботы о себе, поскольку он наделен сознанием и рефлексией, позволяющими ему вести трансцендирующее существование [23]. Человек образовывается в течение всей своей жизни, можно сказать, что заботиться о себе и значит заботиться о своем образовании, самообразовании, преобразовании себя. Заботясь о себе, человек встает на путь формирования субъекта образования, выстраивает себя как личность.

Современный мир, где мы наблюдаем растворение человеческой личности, не может и не должен быть понимаем как природа или социум. Современный мир уже не является культурой в своей начальной форме, культурой как «второй природой». Существенным признаком современной культуры будет техническая мощь, а в том, что касается ее движущей силы, – это информация вместе со средствами ее производства и потребления. Происходит формирование языковой информационной культуры. Философская рефлексия, отвечающая вызовам этой культуры, обращается к категориям «текст», «дискурс», с целью демонстрации границы между разными мирами, где, с одной стороны, находится уже ушедший неспешный мир с культурой слова, а с другой стороны, мы видим очень динамичный, разноликий мир, где культура текста не просто доминирует, но являет себя повсюду, демонстрируя свою универсальность.

На сегодняшний день не актуально рассмотрение образования как подготовительного, предварительного этапа в человеческой жизни, поскольку образовательный процесс длится в течение всей профессиональной карьеры человека, и, характеризуя субъекта современного образования, мы можем сказать, что он является постоянно образующимся субъектом. Образование как возвышение ко всеобщему выражается посредством отвлеченности субъекта от собственных интересов и желаний с тем, чтобы осуществить рефлексии и подъем ко всеобщему. Образование, позволяющее индивиду возвыситься до всеобщего, есть не что иное, как возвышение индивида над собой и погружение в мир культуры, языка, текста.

Современная культура, потерявшая сущность человека, актуализирует принцип заботы о себе. Человек постоянно трудится, изменяя и улучшая себя, создавая нового себя. Философия как «забота о себе», как труд преобразования себя призвана быть проводником в преодолении кризиса субъекта образования. Человеку приходится постоянно учиться жить в современном мире, и здесь принцип заботы о себе должен быть востребован со всей очевидностью.

Литература

1. *Бакеева Е.В.* «Забота о себе» как способ обретения целостности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 93–101.
2. *Бахтиярова Е.З.* Проблема «осмысляющего мышления» как «заботы о себе» в технологической цивилизации // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сборник статей и материалов международной научной конференции / отв. ред. Г.И. Петрова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 165–170.
3. *Пичугина В.К., Безрогов В.Г.* Образование и забота о себе в эпоху метамодерна // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2015. № 3 (38). С. 116–128.
4. *Розин В.М.* Концепция «заботы о себе»: философская, научная, художественная и авторская версии // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 50–56.
5. *Тимирязова А.В., Яковлева Е.Л.* Культура и образование как забота о себе современной личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 69–73.
6. *Запесоцкий А.С.* Философия образования и проблемы современных реформ // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 24–34.
7. *Платон.* Государство // Платон. Диалоги: пер. с древнегр. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2001. С. 35–382.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

9. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории. М. : Эксмо, 2007. 876 с.
11. Газман О.С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М. : МИРОС, 2002. 296 с.
12. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 370 с.
13. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 490 с.
14. Рудакова Е.Н. Влияние глобализации на государственную политику России в сфере образования // Социально-гуманитарные знания. Научно-образовательное издание. 2012. № 6. С. 69–83.
15. Суханова Н. П. Современная образовательная стратегия: обучение навыкам эффективного мышления // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 1. С. 59–63.
16. Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма» // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.
17. Зотов А.Ф. Современная западная философия: учебник. М. : Высш. шк., 2001. 784 с.
18. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М. : Академический проект, 2009. 489 с.
19. Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. М. : Смысл, 2009. 304 с.
20. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
21. Платон. Апология Сократа // Платон. Диалоги: пер. с древнегр. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2001. С. 7–32.
22. Осаченко Ю.С. Образовательная практика как забота о себе: от концепта к мифу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 154–158.
23. Боффо В. Преподавание как забота о себе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 10–19.

Natalya P. Sukhanova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: konfngi@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 112–120.

DOI: 10.17223/1998863X/59/11

TRANSFORMATION OF THE SUBJECT OF EDUCATION: EXPANSION OF THE CONCEPT OF SELF-CARE

Keywords: education; subject of education; philosophy; culture and values; self-care; individual and individuality; humanism.

Education is a rather conservative public institution; however, the challenges of the time require a revision of the concept of the subject of education. The article reflects on the problem of transformation of the subject of education. The technogenic civilization leads to the erosion of the individual, subjective principle, and this clearly shows in the history of philosophical thought. The culture of the information society, the essential sign of which will be technical power and the driving force will be information, manifests itself through the formation of a linguistic information culture. The leisurely world with the culture of the word confronts the dynamic and diverse world of information. The history of pedagogy and education represents the tradition of understanding human education as a person's ascent to their essential principle, as their immersion in the world of culture. The ancient Greek concept of *paideia* is considered as a person's education and upbringing realized through a person's mastering culture, virtue and universal knowledge. There is a line to *humanitas* from *paideia*, humanism is understood as the cultivation of humanity, our appeal from the today's world to the ancient world with the advancement of *paideia*. Attention is focused on the understanding of education through an appeal to a person in their integrity, as opposed to the understanding of education as a technology for transferring knowledge and competencies. The concepts of education as an individual's elevation to the universal are analyzed. Attention is also focused on the impossibility of education outside of culture, education is seen as a way to master culture. Forming oneself, a person not only copies the given cultural patterns, carries out the translation of cultural experience, but also builds new structures. Through education, a person moves towards the disclosure of their true "Self".

Education, understood as an ongoing process, helps isolate a person's uniqueness. The inexhaustibility of the educational process implies the constant presence of a person in the status of the subject of education. The author studies the understanding of the subject of education through the prism of the concept of self-care as a general attitude towards oneself and as a set of practices. Caring for oneself is not understood as an abstract principle, but as an urgent need of a person, which finds its expression in the practice of working on oneself, changing oneself. It is concluded that a person cannot do without taking care of oneself, as they are endowed with consciousness and reflection. To take care of oneself means to take care of one's education and self-education, self-transformation, a person forms oneself as a subject of education, builds oneself up as a person.

References

1. Bakeeva, E.V. (2018) Care of the self as a way of achieving wholeness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 42. pp. 93–101. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/9
2. Bahtiyarova, E.Z. (2018) Problema “osmyslyayushchego myshleniya” kak “zaboty o sebe” v tekhnogennoy tsivilizatsii [The problem of “meaningful thinking” as “taking care of yourself” in a techno-genetic civilization]. In: Petrova, G.I. (ed.) *“Zabota o sebe” kak obrazovatel'naya praktika sovremennogo klassicheskogo universiteta* [“Care of the self” as an educational practice of a modern classical university]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 165–170.
3. Pichugina, V.K. & Bezrogov, V.G. (2015) Education and care of the self in metamodern and metamodernism. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya – St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 3(38). pp. 116–128. (In Russian). DOI: 10.15382/sturIV201538.116-128
4. Rozin, V.M. (2017) The Concept of “Taking Care of Yourself”: Philosophical, Scientific, Artistic and Author's Versions. *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*. 7. pp. 50–56. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0625.2017.7.23596
5. Timiryasova, A.V. & Yakovleva, E.L. (2017) Kul'tura i obrazovanie kak zabota o sebe sovremennoy lichnosti [Culture and education as self-care of a modern personality]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 1. pp. 69–73.
6. Zapesotskiy, A.S. (2013) Philosophy of Education and the Problems of Modern Reforms. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 24–34. (In Russian).
7. Plato. (2001) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 35–382.
8. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
9. Mikeschina, L.A. (2002) *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [The Philosophy of Knowledge. Polemic Chapters]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Hegel, G.V.F. (2007) *Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii* [The phenomenology of the spirit. Philosophy of history]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
11. Gazman, O.S. (2002) *Neklassicheskoe vospitanie: ot avtoritarnoy pedagogiki k pedagogike svobody* [Non-classical education: from authoritarian pedagogy to pedagogy of freedom]. Moscow: MIROS.
12. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
13. Sheler, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Featured Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis.
14. Rudakova, E.N. (2012) Influence of globalization on a state policy of Russia in education. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge. Scientific and Educational Edition]. 6. pp. 69–83. (In Russian).
15. Sukhanova, N.P. (2020) Modern educational strategy: skill training in effective thinking. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 25(1). pp. 59–63. (In Russian). DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(1).59-63
16. Gorokhov, V.G. (2010) How the science and scientific education during the epoch of “the academic capitalism” are possible?. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 3–14. (In Russian).
17. Zotov, A.F. (2001) *Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Contemporary Western Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola.

-
18. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One]. Translated from German. Moscow: Akademicheskii prospekt.
19. Ivanchenko, G. V. (2009) *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost'* [Caring for the Self: History and Modernity]. Moscow: Smysl.
20. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Given at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
21. Plato. (2001) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: AST; Kharkov: Folio. pp. 7-32.
22. Osachenko, Y.S. (2018) Educational practice as care of the self: from concept to myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 42. pp. 154–158. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/16
23. Boffo, V. (2015) Teaching as care for self. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*. 4(99). pp. 10–19. (In Russian).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 12.125

DOI: 10.17223/1998863X/59/12

В.В. Ахматов

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О ПРОБЛЕМЕ ЗЛА, ГРЕХА И СВОБОДЫ

В статье рассматриваются проблема зла, греха и свободы в контексте русской религиозно-философской мысли, ее фундаментальные основы. Автор попытался выявить сходства и различия между восточным ортодоксально-христианским и русским религиозно-философским подходами к разрешению данной проблемы. Актуальность представленного исследования определяется тем, что проблема зла, греха и свободы раскрывает причины общественных и социальных конфликтов. Цель работы: показать важность и актуальность духовно-нравственной и эсхатологической проблематики. Ключевые слова: грех, зло, свобода, добро, нравственность, смерть, спасение, София, Ungrand, эсхатология.

В последнее время мы все чаще замечаем эволюцию явлений социального и общественного насилия, экстремизма и терроризма. Они обращают наше внимание на проблему зла, греха и свободы. Различные религиозно-философские традиции предлагают разнообразные варианты анализа данной проблемы. Попробуем рассмотреть особенности осмысления этих феноменов в русской религиозно-философской традиции.

Русская религиозно-философская мысль в некоторых своих аспектах коррелируется с ортодоксальным, восточно-христианским пониманием данной проблемы. При исследовании данной проблемы допустимо остановиться на следующих темах русской религиозно-философской мысли, когнитивно сопоставимых с восточно-христианской религиозно-философской традицией:

1. Русская религиозно-философская мысль подобно восточно-христианской антропологии (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Исаак Сирий) в основном исходит из первоначальной поврежденности («падшести», греховности) мира и человека из того, что «вкусение плодов познания добра и зла свидетельствует как о греховности человека, так и об обретении им опыта свободы» (С.А. Левицкий) [1].

2. В отдельных положениях, следуя за ап. Павлом и св. Григорием Нисским, русская религиозно-философская мысль отмечает ключевой апостольский момент духовно-нравственной жизни человека – свободный отказ от добра и отступничество от Божественной любви [3, 4].

3. В работах некоторых русских религиозных философов (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, В. Несмелов, П. Флоренский, Л. Шестов) существенным аспектом зла является то, что насколько оно негативно, настолько оно стремится маскироваться под добро. Будучи негативным и иррациональным, зло и грех

обладают силой и могуществом, рационально непостижимым потенциалом развития.

4. Если, соглашаясь с Вл. Лосским, назвать «эту нерешительность в восхождении к добру «свободой воли»», которая «породила некое новое состояние, новый экзистенциальный модус во зле», то с точки зрения восточно-христианской антропологии и русской религиозно-философской мысли ему необходимо должен быть положен некий эсхатологический предел [2]. Поэтому для русской религиозно-философской мысли (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, П. Флоренский и др.) важен момент не только становления зла и греха, момент начала его развития, его сущность, но и конечная (эсхатологическая) его судьба. По словам Г. Флоровского, «в нарастающем нравственном беспокойстве все определеннее обозначаются метафизические мотивы, все резче выступает вопрос о последнем смысле» [7].

Исходя из того, что «мир свободным актом мировой души отпал от Божества», Вл. Соловьев с необычайным напряжением поставил проблемы свободы, добра и зла. В своем «Оправдании добра» Вл. Соловьев утверждал: «Всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убедительность или внешняя авторитетность, оставалось бы бессильным и бесплодным, если бы не находили для себя твердых точек опоры в самой нравственной природе человека» [9. С. 122]. Истинным началом Добра он полагал Бога, а силу и непобедимость его выводил из действительного воскресения Христа.

Там же он пишет, что необходимо «сознательно и разумно делать добро». Это становится возможным только тогда, когда человек верит в добро, «в его объективное, самостоятельное значение в мире», «в нравственный порядок, в Провидение, в Бога». Для того «чтобы слушаться этих внушений разума, нужно верить в него, верить, что добро... не есть субъективная иллюзия, что оно имеет действительные основания, или выражает истину, и что эта истина велика и превозмогает» [Там же. С. 195].

Следовательно, отступничество от добра сознательно идет против внушений разума, а сам отступник не верит в «объективное, самостоятельное значение в мире» добра, «в нравственный порядок, в Провидение, в Бога», «что оно имеет действительные основания, или выражает истину». Он верит в то, что добро есть иллюзия. Для того чтобы этому противиться, нужны сильная воля и сильный дух.

Однако «сильная воля может быть злою» [Там же. С. 161]. Например, успешными религиозными деятелями бывают «не только люди, преданные духовной гордости, лицемерию и тщеславию, но и прямо злобные, коварные и жестокие эгоисты» (об этом же у Ф. Ницше в «Генеалогии морали», «По ту сторону добра и зла»).

Для практического осуществления добра, любви, человечности в реальной жизни и приобретения ими подлинно нравственного значения необходимо, чтобы человек имел сильный дух, но не злой, а добрый, соединенный с положительным, благожелательным отношением к другим существам. Такой человек никого не обидит, никому не причинит страдания, не навредит, потому что носит на себе «печать правды и милости» [Там же. С. 173–175].

Со всей остротой Вл. Соловьев обозначил следующий вопрос. Может ли «при полном и отчетливом знании добра» «разумное существо оказаться настолько к нему не восприимчивым, чтобы безусловно и решительно его

отвергнуть и принять зло)? Вл. Соловьев предполагал такое состояние чем-то «безусловно иррациональным», а такой иррациональный акт, удовлетворяющим точному понятию безусловной свободы воли, или произволу. Он усматривал возможность его решения в «самых темных глубинах метафизики». Решение его он считал одной из главных задач нравственной философии, которая «предполагается метафизическим вопросом о свободе воли». Разрешить окончательно его Вл. Соловьеву оказалось не под силу [9. С. 120].

«...злая воля, злое желание, злая, злобная страсть. Дело не в ошибках: поправить всякие ошибки ничего не значит; в истории и даже в мире, в сложении его, в корнях его лежит и всему присуща злая, безобразная воля: Каин, Дьявол, Люцифер. Вот с чем не могли справиться народы и разбивались целые цивилизации. Это – метафизическое зло мира...», – писал В.В. Розанов [11. С. 334].

Прот. В. Зеньковский пишет, что Соловьев не отвергает свободы воли, но добро у него «не является прямым предметом произвольного выбора» («этот выбор бесконечно определен», а «понятию безусловной свободы воли отвечает, по Соловьеву, понятие чисто иррационального акта»). Если мы не восприимчивы к добру, то по причине иррационального фактора. То есть «свобода проявляется лишь при выборе зла» и в нравственных действиях ее нет, а наиболее полно она проявляется именно «в отвержении нравственных начал», любви, человечности в отступничестве от них [12. С. 70].

Несмотря на противоречивость, парадоксальность и некоторую незавершенность философских воззрений (например, это касается утверждений независимости этики от религии и метафизики, совместимости этики с разумно-идейным детерминизмом, методологической и метафизической двойственности «метафизики всеединства», философии пола и любви, учения о «душе мира» и «софии»), Вл. Соловьев отметил механизмы отступничества от добра. Оно происходит из «дурной воли», намеренно злоупотребляющей чем либо для своих целей. Дурное свойство воли он определяет как противоречащее должному. Должное же есть то, что ниже нас, что подобно нам, что выше нас. Проявление дурной воли выражается в чем-либо постыдном, обидном или нечестивом. Свобода этой дурной воли, «свобода от нравственности сама является злом или порождением зла» [9. С. 222–223].

Безнравственность, греховность Вл. Соловьев практически связывает с отступничеством от добра как от должного. Среди главных аспектов отступничества от добра как должного Вл. Соловьев отмечал: 1. Не все желают того, что должно. 2. Не все желающие добра оказываются способными одолеть ради него дурные стремления своей природы. 3. Немногие люди, достигшие победы добра в самих себе бессильны победить своим добром то зло, в котором лежит весь мир. Он заметил несовпадение, внутреннее противоречие между нравственным добром (оно оказывается благом только мысленным, идеальным, но неосуществимым и недействительным) и реальным благом (осуществимым, действительным) и фактически поставил проблему неосуществимости добра и его бессилия [Там же. С. 226–227]. Это неизбежно наводит нас на мысль об относительности категории добра как действительной константы падшего мира, возникшей в нем, неизбежно натыкающейся в своей экзистенции на реалии этого мира и теряющей в его витальности свою абсолютность.

Вл. Соловьев называл отступника «достоверно законченный злодей». Его путь он определял как «путь увековеченной смерти», «вечного зла и смерти», «мнимо сверхчеловеческий» (т.е. не подлинно человеческий), «осуждаемый стыдом». На этом пути неизбежны: 1) отказ-отречение от добра, любви, человечности и всего того высокого и прекрасного, что присуще от природы человеку; 2) нравственная пассивность и безнравственная активность; 3) необходимость казаться чем-то, а не становиться чем-то (например, казаться добрым, справедливым, честным, а не являться таковым по сути) [9. С. 71–73]. Само отступничество он характеризует как раздробленность психофизического, утрату человеком целостности, уходящую в эсхатологию, находящую в ней окончательное разрешение. Отказ от веры в действительность сверхчеловеческого Добра и отступничество от него он определяет как потерю человеком своего нравственного достоинства и отречение им от самого смысла своего бытия («зверочеловечество»). При этом психологически отступник, имеющий неестественную и естественную склонность ко злу, не признающий добро как должное, отталкивая призывы добродетели как чуждые и враждебные, отвергает нравственные требования любви, человечности как лишённые практической пользы, витального смысла и не осуществимые. Его: «Я почти всегда рассасывается на видимость Я... становится единственной формой Я, ... симптомом порока» [11].

Само «Добро» Вл. Соловьев несколько платонически абсолютизирует, определяя его как действительное, совершенное единое, заключающее в себе все. По Вл. Соловьеву, разум развивает изначально присущую ему идею добра. Можно предположить, что именно разум развивает приобретенную и усвоенную им идею зла, греха активно может способствовать их эволюции, ведущей их к некоей эсхатологической точке мнимого торжества, за которой неизбежно должен следовать их конец, гибель, распад и упразднение на фоне «торжества добра», «воплощения божественной идеи» в мире.

Н. Бердяев, следующий во многом за Вл. Соловьевым, исходит в своих философских построениях из того, что «земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загипнотизировал человека», «обольщен был человек», «не заметил безумия своего», «в природном порядке, в жизни человеческого рода все подчинено закону тления». Он указывает на трагедию, происходящую в глубинах бытия. Мир, заболевший от греха, подпавший закону тления и необходимости, он сравнивает с помещением больницы. Абсолютный центр и смысл бытия потеряны, подлинное бытие подменено «призрачной феноменальностью». Ложный критицизм, объективизм морали и науки, натуралистическое материалистическое созерцание, солипсизм и субъективный идеализм не спасает человека от иррационального и рационального зла, «от трагедии пустой свободы, от ужаса субъективного произвола в самом дорогом и святом». Бердяев, критикуя позитивистский подход, отмечает невозможность с его помощью понять происхождение и значение времени и пространства, законов логики и всех категорий, так как он «исходит не из первичного бытия», а из «вторичного больного уже сознания». В связи с этим Бердяев остро ставит эсхатологический вопрос «о смысле мировой истории, религиозном соединении судьбы личности и судьбы вселенной». Он указывает на острую необходимость «понять смысл истории мира», «провиденциальный план творения», «оправдать

Бога в существовании того зла, с которого началась история». Это невозможно сделать без рассуждения над темой «происхождения зла в мире, о предмирном грехопадении и об искуплении». Он оригинально подчеркивает то, что «страшное преступление», в котором «все и все участвовали» и «за него ответственны», произошло «вне времени, в вечности» («грехопадение совершилось предвечно и предмирно»). «Познание добра и зла отравило человека», породив в нем непонимание и неприятие страдания, с этим связанного, боязливость и страх человека перед Богом и самим собой и раскрывающейся перед ним бездной небытия, рабство злу и рабство добру. Бердяев вновь возвращает нас к проблеме добра. Он считает, что оно не имманентно Богу, так как Бог есть Сверхдобро. Желая «оправдать Бога», он, следуя Беме, связывает учение о свободе с понятием *Ungrund* (некое внебожественное, вневременное состояние, в котором возникла свобода), тем самым удаляясь от православного святоотеческого понимания ее природы.

В центр своей гносеологии Бердяев ставит «идею греха как источника всех категорий», которая дана нам «до всех категорий, до всякого рационализирования», «переживается вне времени и пространства, вне законов логики, вне этого мира». Конкретно-религиозным первоисточником для философии грехопадения он считает Библию, отмечая при этом, что в ее рассказе о грехопадении (мифологическом и символическом) «нет ясной грани, отделяющей то, что во времени, от того, что вне времени». Он связывает учение грехопадения первых людей с учением о «мировой душе», указывая на «не полную истину» библейского рассказа, не повествующего о том, как «отпала от бога мировая душа, носительница соборного единства творения». Это стало возможным по причине ее женственности и «пассивной восприимчивости как к добру, так и ко злу». Тайну этой «женственности» он определяет как «тайну греха», которая связана со свободой. Вследствие этого все и все свободно стали участниками и виновниками преступления богоотступничества, не исключая «даже былинки». Тайну свободы греха Н. Бердяев называет иррациональной. Основу совершенства добра он полагает «в свободе, в свободной любви к Богу, свободном соединении с Богом», связывая «этот характер совершенства и всякого добра» с эсхатологической неизбежностью мировой трагедии [14. С. 171].

Во многом следуя Вл. Соловьеву и остро полемизируя с И. Ильиным, Н. Бердяев актуализирует проблему относительного и несовершенного «злого добра», действующего через полицейско-административное принуждение, угрозу и насилие и не достигающего «злыми» средствами своих «благих» целей [15]. Он считал, что «есть фатум зла, т.е. фатальные его последствия, но не существует фатума добра. Зло подчинено необходимости, добро обращено к свободе и есть свобода». Отсюда его мысль, созвучная каппадокийцам, приходит к осознанию необходимости преобразования мира не только Божественной волей («путем насильственного акта»), но при непосредственном свободном и творчески-активном человеческом участии («человек должен преобразить мир, преобразить с Богом, т.е. делать богочеловеческое дело»). Бердяев соглашается с тем, что существует свобода добра. Но существует и свобода зла, попущенная Богом [Там же]. Он разделяет «свободу, полученную от добра» и «свободу в принятии и осуществлении добра». Так же, как и в пра-

восславной религиозной традиции, у Бердяева добро не есть отвлеченное понятие, оно «есть сам Христос, Его Личность». Во имя этого добра и этой Личности, полноценно воплотившей его, «очень легко признаются» справедливыми, считаются «проявлением любви какие угодно истязания живого конкретного человека». Именно «во имя осуществления добра» признаются допустимыми средства, совершающие насилие над человеком и истребляющие его. Такое «злое добро» помогает нам приблизиться к более глубокому пониманию греха как некоей апостасии, раскрывающейся во всей своей силе и могуществе, которое способно выразить себя в явлениях духовно-нравственного, политического, социального, правового насилия и произвола. Отсюда «всякий моральный акт есть акт победы свободы над необходимостью, божественной человечности над природной бесчеловечностью». В связи с этим находится эсхатологическая проблема несовершенного юридически-законнического понимания идеи воздаяния и конца мира, насильственно-принудительный элемент в историко-культурном христианстве.

С. Франк предполагал, что поврежденная грехопадением «...личность человека как самостоятельного субъекта сознания и воли утрачивает свою связь с той глубочайшей своей основой, в которой она есть лоно божественного начала, – или эта связь ослабевает, ... и в известной мере является как чистая потенциальность, т.е. как бесформенность, хаос, чистая незавершенность, готовность ко всему» [16. С. 274]. Он исходил из того, что «из всех религиозных понятий грех есть наиболее очевидная, как бы бросающаяся в глаза реальность» [14. С. 291–292]. Для него не суть важно, как называть неискоренимую «кривизну» человека, укорененную в его метафизической природе – «грехом» или «моральным злом». Важно то, что грех вопреки нежеланию его замечать имеет некую метафизическую силу или реальность, и исконному существу христианского сознания присуще острое восприятие этой реальности.

Согласно Франку, грех имеет две области своего обнаружения: 1) он «ближайшим образом сознается как недолжное, неправильное в наших поступках, в нашем поведении, в нашем отношении к людям»; 2) более тонкое нравственное сознание указывает на то, что «грех коренится в нас... глубоко, – что даже при внешне правильном поведении, при воздержании от нравственно-недопустимых, дурных действий, мы можем быть повинны... – в неправильном состоянии или строе самой нашей души, нашей внутренней духовной жизни» [16. С. 304–305]. Он полагает первородный грех условием всех проявлений конкретной греховности и определяет его как некую недостаточность, дефективность, отсутствие надлежащей напряженности духовной силы. Говоря о грехе, С. Франк отмечает что, несмотря на его первопричинную слабость, он обнаруживает в действии огромную, могущественную силу. Это важно для понимания феномена отступничества как не только внешнего, но главным образом внутреннего явления душевно-духовной жизни человека. С. Франк указывает ряд тонких антиномичных моментов в понимании проблематики греха и свободы. Исходя из Сократовского утверждения «никто не грешит добровольно», он поясняет, что причина совершения греха не только интеллектуалистична, но заключена «в слабости волевого существа». «Он есть не выражение нашей свободы, а выражение нашей несвободы – нашей плененности». Он соглашается с Кантом в том, что человек

творит зло умышленно, т.е. сознательно его желая («радикальное зло»), но не свободно, а вынужденно («под влиянием слепой страсти, порабащающей его, т.е. лишаящей его свободы»).

Далее С. Франк раскрывает внутренний механизм этого явления – при умышленном совершении злого действия «сама мысль, само сознание его насквозь пронизаны порабащающей его страстью» [16. С. 276, 284–285]. Постепенно С. Франк приходит к пониманию ложности идеи первоначальной свободы выбора греха («смещения источника греха со свободой воли как самоопределения»), антиномичности и рациональной неразрешимости проблематики греха и свободы в рамках только ортодоксии («само это учение как таковое содержит глубокую и правильную мысль... Но господствующее, популярное объяснение этого искажения... совершенно мнимо») [Там же. С. 285–286]. По замечанию прот. В. Зенковского, «к библейско-христианской позиции в этом вопросе Франк относится отрицательно. Глубочайшая идея христианской антропологии о „первородном грехе“ совершенно ему чужда, он ее не понимает и не вмещает ее». Отсюда и его отчасти Бемевские выражения относительно зарождения зла из «несказанной бездны, которая лежит как бы на пороге между Богом и «не-Богом»» [12. С. 468].

Утверждая некий аморализм природы (признавая при этом «надтреснутость» единства), ее принципиальное равнодушие к добру и злу, он логически приходит к дуалистической философской рефлексии (проблеме несогласованности идеи Бога как Святыни и потому как Спасителя с имманентным морально-духовным несовершенством космической жизни), возвращая нас к гностическим умозрениям и построениям [14. С. 331–332]. Но В.В. Зеньковский подметил, что «когда Франк подошел к теме зла, он, по существу, отступил перед ней: „Мы стоим здесь перед абсолютно неразрешимой тайной, ...теодицея в рациональной форме невозможна, и сама попытка ее построения не только логически, но и морально и духовно недопустима». По С. Франку, «объяснить зло – значило бы обосновать и тем самым оправдать зло... обосновать зло – что означило бы показать его внутреннюю необходимость или неизбежность – уже значило бы оправдать его». «Зло зарождается из несказанной бездны (!), которая лежит как бы на пороге меду Богом и „не-Богом“, – пишет В.В. Зеньковский [12. С. 467–468]. Таким образом, проблема греха и зла, замыкаясь в линиях метафизики всеединства, остается у С. Франка неразрешимой.

«...пока этот мир стоит твердо и в мире с самим собою, не выступая из пределов своей природы, пока в нем ни одно существо не восстает против другого и не разрывает тех уз любви, которыми все связал Художник – Творческое Слово, до тех пор он соответствует своему названию и подлинно есть мир (космос) и красота несравненная, до тех пор ничего нельзя представить себе славнее и величественнее его. Но с прекращением мира... и мир (космос) перестает быть миром (космос)...», положительно утверждает В.И. Попов. Он указывает, что, по слову св. Григория Богослова, этот высший порядок может нарушиться, «когда в мире вещество возмутится само против себя и, готовя разрушение своим смятением, станет неукротимым...» [17]. Если предположить, что любовь является одним из важнейших онтологических основ мироздания, то проясняется вся трагичность отступничества от нее. Корень этих явлений лежит в нелюбви к добру и в любви ко злу.

Свящ. Павел Флоренский считал, что – «при наличности злой воли, воли извращенной и осатанелой, стремящейся ко злу ради зла, ищущей его как такового, – воли, отрицающей Бога ради отрицания и ненавидящей Его только за то, что Он – Любовь... при наличности «любви ко злу»... душа клянет самое прощение Божие, отрицает и не приемлет его», т.е. отрицает и не приемлет Высшее Добро. «Никогда люди, – говорит Паскаль, – не делают зла так много и так охотно, как тогда, когда делают его сознательно». П. Флоренский приводит слова Платона о том, что самое опаснейшее «глубочайшее невежество... если нет любви к тому, что мы почитаем добрым и прекрасным, но господствует к ним ненависть, если любим и боготворим то, что сами признаем порочным и несправедливым». Это состояние нередко становится «всегдашним противоречием познанию, мнениям, рассудку, сим властям, назначенным человеку самой природою» [18. С. 215–216, 715–716].

Люди, заразившиеся подобным состоянием, по словам В.В. Розанова, «исключительно отвратительны». Их проступки есть «действительно злодейства в душе». Они имеют особый «вкус к злодейству», с которым может соперничать лишь «вкус к добродетели юноши и мужа, рыцаря и оруженосца» [11. С. 202]. Они отступают от добра, любви, человечности, отрицая их онтологическую сущность, перестают верить в них, следовать им. «Если зло состоит в отрицании добра, то само собою понятно, что для его происхождения необходимо, чтобы кто-либо отверг состояние добра, т.е. отверг тот самый порядок, который изначала был установлен Богом как вечный, разумный закон для жизни тварей. Но чтобы отвергнуть этот закон, нужно иметь разум и свободу, потому что кто производит замену одного состояния другим, тот обязательно должен руководиться в этом случае какими бы то ни было разумными соображениями, которые, с одной стороны – оправдывают для него эту замену, с другой – служат побудительными причинами к ее выполнению; иначе поступать невозможно и немислимо», считает Несмелов [6]. Это должно быть разумное существо, наделенное даром или правом выбора. Отсюда вопрос о выборе зла, ненависти, отступничестве от добра и любви в русской религиозной философии становится вопросом о свободе, воле, творчестве, спасении и победе над иррациональным и рациональным злом. Он приобретает значение первоценностного и первопричинного, абсолютного, вселенского и эсхатологического. По словам Г. Флоровского, «философия спасения мира от зла, его нравственного совершенствования не будет ли именно нашей особой философией? От самой красоты мы ждем „спасения“, от истины тоже» [7].

С.Н. Булгаков, приписывая первоначальному творению «потенциальную и актуализирующуюся софийность, первожданную в своей доброте», называет это состояние мира «безгрешной потенциальной софийностью» а саму землю именует «метафизической», на которой мог произрасти Эдем. Он отмечает некую незавершенность сотворенного, его эсхатологическую потенцию, имеющую совершиться в будущем. Грехопадение он называет «духовной и космической катастрофой», «сдвинувшей мир с его прямого пути». Причиной возникновения зла и греха Булгаков считал наличие некоей темной, немой основы мира *ничто*. Он наделяет ее возможностью актуализации и вмешательства в судьбы мира. Она вышла из своей потенциальности, актуализировалась, стала ощутимой, породив зло и грех. Отрицая актуальность

ничто как принципиальную основу мироздания. С.Н. Булгаков отмечает ее возможность «ворваться в осуществленное уже мироздание, прослоиться в нем как хаотизирующая сила». Мир в результате становится «хаокосмосом». Эта возможность зла и греха «была заранее дана в мироздании». Благость и Любовь «смирились» перед этим. Он использует материальное сравнение неразделенности материальных объектов от тени, которая появляется всегда при наличии света и не отделима от них. Божественная «любовь попускает вместе с тварной свободой» и «своеволие ничто». Актуализация ничто полагает начало развития этого ничто, которое остается в сути своей небытием. Отсюда в мире «изначальная тоска и злоба», отравленная небытием, «мировая скорбь», «вражда всех со всеми», «неискренность и фальшь (в самом глубоком, последнем смысле)» метафизического пессимизма, метафизическая и физическая смертность, тяга к греховному, тварному жизнеутверждению, доходящая до самоубийственности [20. С. 405–406, 407].

Односторонне следуя за отцами и учителями восточного христианства, С.Н. Булгаков отмечает то, что наши «прародители жили в детском неведении добра и зла» и «могли бы вовсе миновать опыт зла». Грехопадение следует считать актом свободы, чуждой всякого насилия и принудительности. Суть соблазна он определяет как предпочтение знания «послушанию, источнику истинного положительного ведения». Говоря философским языком, змей завлек их «на путь притязательной, себялюбивой множественности», он «звал их стать не на самом деле богами» (так как они осознавали, что Бог един), а стать «как боги», соблазнил возможностью «иметь все для себя, как бы от себя» (сущность искушения и грехопадения он понимал в Августиновском духе) [Там же. С. 408]. Все это оказалось реально осуществимым благодаря освобожденному ничто, «прорвавшемуся в мир, окружившего всякую тварь ледяным холодом одиночества, разъединило всеединое и центростремительную силу превратила в центробежную». Бытие стало отравленным, потеряло положительную силу бессмертия, утратило «софийность», но приобрело эсхатологическую потенцию и целеустремленность. Отсюда эсхатологическая задача, по С.Н. Булгакову, – «вновь возратить этой земле ее софийную силу в «жизни будущего века»» через «уже благую и радостную», но по своим масштабам «космическую катастрофу». Здесь С.Н. Булгаков, все более замыкаясь на софиологии, не соглашается с Вл. Соловьевым (приписывающим грехопадение то мировой душе, то Адаму) в том, что грехопадение могло совершиться в душе мира и в божественной Софии, в «Начале». Он поясняет, что грехопадение могло совершиться только «в *нижем* центре софийной жизни, в творении с его онтологическим центром – человеком». Далее у него следует разбор проблемы зла. Он пытается преодолеть соблазн ее манихейского, дуалистического решения. Следуя св. Василию Великому и каппадокийцам, он утверждает, что «зло, как таковое, не могло быть создано благим и любящим Творцом», «не может иметь в себе бытия или самостоятельного источника жизни». Оно – «*не есть*», которое не означает полное отсутствие. Отсюда у С.Н. Булгакова следует возвращение к проблематике «ничто», которое наделяется различными онтологическими и космическими атрибутами и потенцией – первовещества, из которого сотворен мир, «темной основы, пассивного, послушного начала, изнанки, а не лицевой стороны бытия», вызванной к бытию «тварной свободой», «косвенно получившей

жизнь», «силу вредить», ставшей злом, которое есть «паразит бытия». Оно приобретает свойства «многочастности», «многоликости», «многообразности». Оно получает экзистенциальный статус «космического начала», глубоко укореняется в антропологической природе, как «злая воля в человеке». С.Н. Булгаков описывает его и философскими терминами – «отторженность от всеединства, внесофийность, или антисофийность», «заклочение себя в невидимую, но непроницаемую оболочку *ничто*», прибавляя уже известные нам по православным источникам «самость и себялюбие», «происшедшее затемнение сознания» [20. С. 409, 487–489].

Для обоснования вышеперечисленных положений С.Н. Булгаков привлекает мощнейший аппарат суждений по данной проблематике, разработанный видными учителями и отцами Православной церкви (Климент Александрийский, Ориген, св. Афанасий Великий, св. Василий Великий, св. Григорий Нисский, св. Дионисий Ареопагит, св. Максим Исповедник). После ознакомления с ним становится очевидным логическая несостыкованность стройных систем великих мыслителей с философскими построениями С.Н. Булгакова, замкнутых на неправославной софиологии, неправославном мистическом учении о «ничто» и пр. Эти взгляды привели отца Сергия к конфликту с Московской Патриархией и резкой критике со стороны видных религиозных мыслителей. Прот. Г. Флоровский отмечает влияние на о. Сергия Вл. Соловьева в учении о Софии («в нем он встречается и с Флоренским»), «Кантовского трансцендентализма в самой постановке религиозно-философской проблемы в „Свете Невечернем“», Шеллинга, неоплатоников. Несколько запоздалыми, вторичными и как бы оправдывающимися выглядят у С.Н. Булгакова критические замечания по поводу дуалистических и неоплатонических решений проблемы зла, так как не вполне четко обозначаются те тонкие, едва уловимые грани соприкосновения этих философских систем с христианской религиозно-философской трактовкой. Несмотря на это, обозначаются такие вопросы, как сопоставление всего существующего с происходящим или не происходящим из него злом (или благо производит зло и материю, в которой оно укоренилось, или существуют два начала, подчиненные одному высшему, одно из которых – злое производит материю со злой природой, и отсюда все неприятности). Отец Сергий отмечает, что конечной целью зла и сатаны является «полное воплощение в человека, антихриста», так как «победа над человеком является и победой над всем миром».

Конечной целью Творца мироздания, по отцу Сергию, Булгакову неизменно остается спасение всего творения, преображение и обожение, имеющее ярко выраженный оригенов апокатастасийный оттенок и софиологическую трактовку. На пути преодоления зла (в том, что оно «было вызвано к жизни, сказалась самоотверженная любовь Божия и безмерное божественное смирение») и возрастания, «осуществления в себе подобия Божия» С.Н. Булгаков отмечает необходимость найти человеку в себе свое существо только силою любви, «жертвуя своей ипостасью». Законом жизни для человека должны стать «мудрость цельности и цельность мудрости – *целомудрие*, которое есть одновременно и условие, и следствие любви», «путь чистой и достойной половой жизни (преодоление разнообразных форм „блуда, гетеризма и сексуальных эксцессов“ через брак или аскезу)» [Там же. С. 483–484, 491].

Для Л. Шестова «„миф“ о грехопадении... есть подлинное откровение, „величайшая тайна“». Он считал, что «библейская философия много глубже и проникновеннее современной философии» и что «сказание о грехопадении не придумано евреями, а досталось им одним из тех способов, о которых вы ничего не узнаете из новейших теорий познания». Не принимая Кантовскую «автономию разума» и называя ее «тиранией разума», он утверждает, что «все наводит на мысль, что либо в самом мироздании не все благополучно, либо наши подходы к истине поражены в самом корне каким-то пороком». «Человек, свободный от тех ограничений, которые выпали на нашу долю (в силу грехопадения), не подозревал бы того, что есть истина и ложь, есть добро и зло, он пребывал бы в истине и в добре». В противном случае человек обречен на вечный поиск Бога, моральную борьбу, которая может привести его к «свободе не только от моральных оценок, но и от вечных истин», к полной апостасии. Он приходит к выводу о том, что «именно в этической сфере... как раз и начинается уклонение от свободы (именно в этом, по Шестову, и состояло грехопадение), и надо искать корень тех извращений в разуме, которые затмили перед нами путь к подлинной реальности» и увели нас от нее [12. С. 371–374].

В этической сфере «человек выдвигает в разуме не его творческие озарения, а его остановку не неизменном и необходимом». В результате «подлинное бытие ускользает от нашего сознания». Пламенно проповедуя религиозную философию, построенную на вере и Откровении, Л. Шестов эсхатологически предчувствовал, что «Страшный суд... есть величайшая реальность», и жизнеутверждал антисекуляризм [Там же. С. 375–377].

Вопрос свободы выбора человека по отношению к добру и злу с глубокой древности получил статус проклятого и запутанного. Например, «вопрос о взаимоотношении человеческой воли и божественной воли упирается в вопрос о взаимоотношении между Абсолютным бытием и бытием относительным, частным». Поэтому Левицкий считал, что прав Вл. Соловьев, когда он говорит: «Свобода воли – вопрос, который, при объективной логической постановке, сводится к общему вопросу об истинном отношении между индивидуальным существом и универсальным или о степени и способе зависимости частного бытия от всеобщего». С его точки зрения, «вопрос этот сразу же обнаруживает свой антиномический характер», поскольку «христианская религия утверждает как всемогущество и всеведение Божие, так и свободу человеческой воли». Отсюда становится очевидным, что «без последнего условия невозможно, по-видимому, признавать нравственную ответственность человека за его грехи». Следовательно, «сам смысл нравственности покоится на идее нравственной вменяемости человека». Но возникает вопрос: «как примирить всемогущество Божие и свободу человека?» [1].

В начале XX в. вопрос свободы воли широко обсуждался в контексте философской полемики, пытавшейся абстрагироваться от церковного догматизма и с учетом новейших достижений философской мысли определить природу, происхождение и сущность свободы. Эта загадка человеческой природы, упирающаяся в ряд антиномий, еще ждет своих внимательных исследователей. Ее разрешение не входит в задачу нашего исследования. Какова бы ни была природа свободы, ее истоки, метафизика, позитивные и негативные проявления, одно можно сказать уверенно – она мучает человека,

задает ему вопросы и требует их разрешения, т.е. действительно существует, побуждая его мыслить и действовать, делать выбор. «Интеллектуальная совесть христианских мыслителей, болевших этой проблемой, раздиралась мучительными противоречиями между тезисом и антитезисом, утверждением Божьего всемогущества при отрицании человеческой свободы... – утверждением человеческой свободы при ограничении Божьего всемогущества» [1]. Именно в этом выборе, согласно христиански ориентированным концептам и сигнификатам, и проявляется весь трагизм свободы, как свободы выбора зла, греха, становления на пути отступничества.

По словам С. Левицкого, «человек имеет свободу противиться истине – но тогда-то он и теряет свою положительную свободу, ибо начинает поклоняться лжи. Когда же наш разум возвышается до познания истины (хотя бы „низких истин“, то он обретает реальную положительную свободу, хотя бы это познание „приумножало скорбь“». Он же полагал, что «в силу радикальной испорченности нашей природы мы выбираем нередко не лучшие, а худшие возможности», отвергая Сократический путь добра [Там же].

По Л. Шестову, неизбежно для нас возникает необходимость и возможность существования противоположного пути, «пути добра», – «...категорический императив, обязанность служить добру, как добру, то самое, что когда-то Левин после мучительных сомнений отверг как антижизненный, ложный принцип. Теперь же для гр. Толстого этот принцип дороже всего. „Служить добру“ – для него это не только бремя, а облегчение от бремени». Он же в своей работе «Добро в учении Толстого и Ницше» отмечал, что «Достоевский точно во всех своих сочинениях (исключая отчасти особенно рекомендуемых гр. Толстым „Записок из мертвого дома“) никогда не забывает учить добру» [22]. И действительно, некоторые из персонажей Ф.М. Достоевского являются истинными носителями добра и не отступают от его ценностей. Это Алексей Карамазов и старец Зосима («Братья Карамазовы»), студент Шатов («Бесы»), князь Мышкин («Идиот») и др.

Ф.М. Достоевский пророчески описал многочисленных отступников от духовного и бытийного добра. В «Сне смешного человека» вначале он дает развернутую и фантазмагорическую картину отступничества прошлого и будущего: «Они... полюбили ложь и познали красоту лжи», «атом лжи проник в их сердца и понравился им». Затем «сладострастие», «ревность», «жестокость», «кровь». Это разъединило их. Они «полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением». «Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности». Став «преступны», они «изобрели справедливость». Впоследствии это привело к поклонению ложным идеям и желаниям в храмах и сделало людей такими, что «каждый возлюбил себя больше всех», «стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других; и в том жизнь свою полагал». В результате «...святая кровь лилась на порогах храмов» [23. С. 393–395]. Здесь мы неизбежно сталкиваемся с двумя основными типами духовно-нравственной апостасии – господским и рабским. «Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтоб те помогли им давить еще слабейших, чем они сами», писал о таком рабстве Ф.М. Достоевский [Там же. С. 394]. «Господская» апостасийная бесчеловечность и жестокость нередко предьявляет свои права

под благовидными предложениями, подкрепляет свои действия цитатами из Библии (Лк. 19, 27), провозглашает будущие высокие (в том числе метафизические и эсхатологические) цели и задачи, для выполнения которых без крови и слез не обойтись, утилитаристски оправдывая их. Внутри же себя она утверждает, что добро и человеколюбие не существенно, недействительно, бесполезно и бесперспективно, ограничено и не имеет будущего бессмертия. Не случайно Иван Карамазов торжественно заявлял, «что на всей земле нет решительно ничего такого, чтобы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество – не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие... для каждого частного лица... не верующего ни в бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении». «Нет добродетели, если нет бессмертия» [24. С. 79–80]. На этой грани проявляется ненавистный для Достоевского тип «инквизитора» как врага Христового («Легенда о великом инквизиторе», «Дневник писателя»).

У Достоевского множество исторически достоверных литературных примеров злодеев-отступников. Среди них такие персонажи, как Ставрогин (лидер – идейный вдохновитель), Верховенский (организатор), Федька (религиозно-философствующий преступник-исполнитель), Иван Карамазов (философствующий идеолог), Смердяков (философствующий убийца и самоубийца), Свидригайлов (философствующий негодяй).

Смердяков говорит об отступничестве как о этической норме: «...никакого опять-таки, по-моему, не было бы греха и в том, если бы отказаться... от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие... я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут греха и не будет» [Там же. С. 145].

Среди героев Достоевского выделяется религиозный тип с изменчивой ориентацией (Шатов, Кириллов, Лебедев). Этот тип в творчестве Ф.М. Достоевского отчасти становится применим к характеристике русского народа – «...развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят богом его смрадный грех и поступает он худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает, умиленно плачет» [Там же. С. 334, 354].

Русские религиозные философы в основном согласны в том, что подлинный путь добра – это путь творческий, благодатный, этико-эсхатологический, чуждый мертвому законничеству и моральному доктринерству.

Выводы:

– в попытке осмысления проблематики возникновения и развития зла, греха и свободы русская религиозно-философская мысль исходит из иудео-христианского концептуального дискурса;

– русская религиозно-философская традиция испытала на этом пути несколько сильных влияний: 1) восточно-христианской религиозно-философской традиции (александрийской (Климент, Ориген, Афанасий Великий, Ди-

дим Слепец); ариопагитической (Дионисий или Псевдодионисий Ареопагит, Максим Исповедник); каппадокийской (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский); сирийско-египетской аскезы (Макарий Египетский, Исаак Сирий и др.); 2) иудейской пантеистическо-неоплатонической мистики (Каббала); 3) западно-европейской (в частности, немецкой) мистической традиции (М. Экхарт, Э. Сведенборг; Я. Беме); 3) теософии (синтез: герметизм, гностицизм, пантеизм, неоплатонизм, восточный религиозно-мистический синкретизм); 4) западно-европейской философской мысли (Спиноза, Паскаль, Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте, Руссо, Шопенгауэр, Ницше и др.);

– в процессе этих сложных взаимодействий русская религиозно-философская мысль подтвердила изначальную поврежденность мира и человека и эсхатологическую эволюцию этой поврежденности, но отошла от иудео-христианского концептуализма в понимании проблемы происхождения зла, греха и свободы (проблематика «ничто», «ангранда»; софиология; метафизика свободной воли и греха; аскетика; полемика с детерминизмом и др.);

– в результате русская религиозно-философская мысль пришла к пониманию рациональной неразрешимости проблемы зла, греха и свободы, но основательно подтвердила необходимость и важность изучения данной проблематики для этики и духовно-нравственной жизни человека;

– особенно глубоким и интересным является этико-эсхатологическое направление русской религиозно-философской мысли, которое в основном коррелируется с восточно-христианской религиозно-философской традицией (Климент, Ориген, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Дидим Слепец, Исаак Сирий) и ориентировано на осмысление универсальных проблем судеб мира и человека, спасения и гибели, добра и зла.

Литература

1. *Левцкий С.А.* Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. 512 с. URL: <https://religion.wikireading.ru/143303> (дата обращения: 05.01.2018).
2. *Лосский Вл.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/ocherk-misticheskogo-bogoslovija-vostochnoj-tserkvi/6 (дата обращения: 05.01.2018).
3. *Несмелов В.И.* Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни // Наука о человеке. Казань: Центральная типография, 1905. Т. I. URL: http://www.odinblago.ru/nauka_o_cheloveke1/ (дата обращения: 05.01.2018).
4. *Несмелов В.И.* Происхождение в мире зла и условия возможности спасения // Наука о человеке. Казань: Центральная типография, 1906. Т. II. URL: http://www.odinblago.ru/nauka_o_cheloveke2/ (дата обращения: 05.01.2018).
5. *Добросельский П.В.* О происхождении человека, первородном грехе и искусственном зарождении // Очерки православной антропологии. М.: Благовест, 2008. 491 с.
6. *Несмелов В.И.* Догматическая система св. Григория Нисского. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nesmelov_Viktor/dogmaticeskaja-sistema-svjatogo-grigorija-nisskogo/4_4 (дата обращения: 05.01.2018).
7. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/07.html> (дата обращения: 05.01.2018).
8. *Соина О.С.* От этики непротивления – к философии права (современная версия старого спора) // Человек. 1999. № 4–5. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/SOINA1.HTM> (дата обращения: 05.01.2018).
9. *Соловьев Вл.* Оправдание добра. М., 2012. 656 с.
10. *Соловьев Вл.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 347 с.
11. *Розанов В.В.* Опавшие листья. М.: АСТ: Астель, 2011. 383 с.

12. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д : Феникс, 1999. Т. II. 544 с.
13. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с. URL: <https://studfiles.net/preview/6131759/> (дата обращения: 05.01.2018).
14. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М. : АСТ МОСКВА, 2010. 319 с.
15. *Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра // Путь. № 4. URL: <http://www.odinblago.ru/path/4/6/> (дата обращения: 05.01.2018).
16. *Франк С.* Реальность и человек. М., 2007. 382 с.
17. *Попов В.И.* Христианская любовь, как истинное основание и цель человеческой жизни // Христианское чтение. 1906. № 11. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Popov-VI/hristianskaya-lyubov.pdf> (дата обращения: 05.01.2018).
18. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2012. 905 с.
19. *Платон.* Полное собрание сочинений в одном томе. Девятая тетралогия. Законы, или О законодательстве. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2013. Кн. третья. 1311 с.
20. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 2001. 672 с. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/> (дата обращения: 05.01.2018).
21. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. URL: http://www.odinblago.ru/etika_egosa/7#7 (дата обращения: 05.01.2018).
22. *Шестов Л.* Добро в учении графа Л.Н. Толстого и Фридриха Ницше. URL: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (дата обращения: 05.01.2018).
23. *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома. Рассказы. Сон смешного человека. Фантастический рассказ. М. : Советская Россия, 1983. 416 с.
24. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. I–III. Часть первая. Книга первая // Собрание сочинений: в 15 т. Л. : Наука, 1991. Т. 9. 697 с.
25. *Walls J.L.* The Oxford Handbook of Eschatology. Oxford University Press, 2007. 744 p.
26. *Langston D.* Medieval Theories of Conscience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/conscience-medieval/> (accessed: 05.01.2018).
27. *Parry R.* Ancient Ethical Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/ethics-ancient/> (accessed: 05.01.2018).

Vsevolod V. Akhmatov, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: maryatirsa@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 121–137.

DOI: 10.17223/1998863X/59/12

THE PROBLEM OF EVIL, SIN AND FREEDOM IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL TRADITION

Keywords: sin; evil; freedom; good, morality; life; death; salvation; Sophia; Ungrand; eschatology.

The relevance of the presented research is determined by the fact that eschatological premonitions in Russian religious and philosophical thought reveal the future of the problem of good and evil. The problematic of the phenomena of evil, sin and freedom, studied in the context of religious and philosophical discourse, contributes to a more in-depth analysis of the ontological causes of social conflicts and violence phenomena, since it draws our attention to the spiritual and moral phenomenon of free apostasy from spiritual and existential good. The church legal concepts and definitions of evil, sin and freedom, too concentrated on the external ascetic forms of morality, do not give a complete picture and do not reveal the full depth and multidimensionality of this phenomenon. The phenomena of evil, sin and freedom, if they are not reduced only to the manifestations of church normative ethics and the signs that qualify the rejection of its attitudes, are a deep and multifaceted phenomenon of an individual's spiritual and moral life, which has a direct impact on culture and society. Existing in the context of Judeo-Christian discourse, this phenomenon can be characterized not only by external and internal apostasy from traditional spirituality. It often becomes a dangerous and hypocritical form of apostasy from all existential good, love, humanity in general, that is, it acquires a certain global significance. The general directions in the approaches of Russian religious philosophers to the topic of eschatology are revealed. The aim of the work is to show the importance and relevance of spiritual and moral issues, issues of choosing good and evil for deepening modern philosophical discourse in the direction of preventing interreligious and social conflicts, and phenomena of violence,

extremism and terrorism. The article examines the problem of evil, sin and freedom in the context of Russian religious and philosophical thought. Various views of Russian religious philosophers on the main issues related to this problem are presented. The spiritual, moral and eschatological aspects of Russian religious and philosophical thought, general directions in the approaches of Russian religious philosophers to the themes of evil, sin and freedom are revealed. The comparability and incomparability of the ideas of Russian religious thinkers with Eastern Christian traditionalism are revealed. Russian religious and philosophical thought came to an understanding of the insolubility of the problem of evil not only in the context of the church ascetic world outlook; it thoroughly confirmed the necessity and importance of a person's spiritual and moral life. The eschatological direction of Russian religious and philosophical thought is mainly correlated with the Eastern Christian cultural tradition and is focused on understanding the universal problems of the fate of the world and man, salvation and death, life and death, good and evil. Having found itself outside the church-legal, religious-philosophical understanding, this phenomenon acquired large-scale development prospects, rebelling against the spiritual and moral foundations of human life. It has become not only an external, but also an internal characteristic of a person. This is confirmed by the extraordinary development of the phenomena of violence, extremism and terrorism. These processes again turn our attention not to the external forms of evil, but to its deepest essence. Hence, it becomes necessary to transfer the analysis of the problems of evil, sin and freedom from the church-legal, cultural-historical and prophetic sphere to the spiritual, moral and ethical sphere.

References

1. Levitsky, S.A. (1995) *Tragediya svobody* [The Tragedy of Freedom]. Moscow: Kanon. [Online] Available from: <https://religion.wikirea-ding.ru/143303> (Accessed: 5th January 2018).
2. Lossky, Vl. (n.d.) *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskiy/ocherk-misticheskogo-bogosloviya-vostochnoj-tserkvi/6 (Accessed: 5th January 2018).
3. Nesmelov, V.I. (1905) *Nauka o cheloveke* [Science of Man]. Vol. 1. Kazan: Tsentral'naya tipograpfiya. [Online] Available from: http://www.odin-bлаго.ru/nauka_o_cheloveke1/ (Accessed: January 2018).
4. Nesmelov, V.I. (1906) *Nauka o cheloveke* [Science of Man]. Vol. 2. Kazan: Tsentral'naya tipograpfiya. [Online] Available from: http://www.odin-bлаго.ru/nauka_o_cheloveke2/ (Accessed: 5th January 2018).
5. Dobroselsky, P.V. (2008) *O proiskhozhdenii cheloveka, pervorodnom grekhe i iskusstvennom zarozhdenii* [On the origin of man, original sin and artificial birth]. Moscow: Blagovest.
6. Nesmelov, V.I. (n.d.) *Dogmaticheskaya sistema sv. Grigoriya Nisskogo* [The dogmatic system of St. Gregory of Nyssa]. [Online] Available from: http://azbyka.ru/otechnik/Nesmelov_Viktor/dogmaticheskaya-sistema-svjatogo-grigoriya-nisskogo/4_4 (Accessed: 5th January 2018).
7. Florovsky, G. (n.d.) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/07.html> (Accessed: 5th January 2018).
8. Soina, O.S. (1999) *Ot etiki neprotivleniya – k filosofii prava (sovremennaya versiya starogo spora)* [From ethics of non-resistance to philosophy of law (modern version of the old dispute)]. *Che-lovek*. 4–5. [Online] Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/SOINA1.HTM> (Accessed: 5th January 2018).
9. Soloviev, Vl. (2012) *Opravdanie dobra* [Justifying Good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm.
10. Soloviev, Vl. (2007) *Tri razgovora o voyne, progressse i kontse vsemirnoy istorii, so vklucheniem kratkoy povesti ob Antikhriste i s prilozheniyami* [Three conversations about war, progress and the end of world history, with the inclusion of a short story about the Antichrist and with appendices]. Moscow: AST: AST Moskva: Khranitel'.
11. Rozanov, V.V. (2011) *Opavshie list'ya* [Fallen leaves]. Moscow: AST: Astel'.
12. Zenkovsky, V.V. (1999) *Istoriya russkoy filosofii*: v 2 t. [History of Russian Philosophy: In 2 vols]. Vol. 2. Rostov on Don: Feniks.
13. McIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in the Theory of Morality]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga. [Online] Available from: <https://studfiles.net/preview/6131759/> (Accessed: 5th January 2018).
14. Berdyayev, N.A. (2010) *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow: AST MOSKVA.

15. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Koshmar zlogo dobra* [A nightmare of evil good]. Put'. 4. [Online] Available from: <http://www.odinblago.ru/path/4/6/> (Accessed: 5th January 2018).
16. Frank, S. (2007) *Real'nost' i chelovek* [Reality and Man]. Moscow: Respublika.
17. Popov, V.I. (1906) *Khristianskaya lyubov', kak istinnoe osnovanie i tsel' chelovecheskoy zhizni* [Christian love as the true foundation and goal of human life]. Khristianskoe chtenie. 11. [Online] Available from: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Popov-VI/hristianskaya-lyubov.pdf> (Accessed: 5th January 2018).
18. Florensky, P. (2012) *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadsati pis'makh* [Pillar and the statement of truth. The experience of Orthodox theodicy in twelve or twenty letters]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt: Gaudemus.
19. Plato. (2013) *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome. Devyataya tetralogiya. Zakony, ili o zakonodatel'stve* [Complete Works in One Volume. Ninth Tetralogy. Laws, or about Legislation]. Translated from Ancient Greek. Moscow: AL'FA-KNIGA.
20. Bulgakov, S.N. (2001) *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening light. Contemplation and speculation]. Moscow: Folio, AST. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/> (Accessed: 5th January 2018).
21. Vysheslavtsev, B.P. (n.d.) *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of the Transformed Eros]. [Online] Available from: http://www.odinblago.ru/eti-ka_erosa/7#7 (Accessed: 5th January 2018).
22. Shestov, L. (n.d.) *Dobro v uchenii grafa L.N. Tolstogo i Fridrikha Nitsshe* [Goodness in the teachings of Count L.N. Tolstoy and Friedrich Nietzsche]. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (Accessed: 5th January 2018).
23. Dostoevsky, F.M. (1983) *Zapiski iz mertvogo doma. Rasskazy. Son smeshnogo cheloveka. Fan-tasticheskiy rasskaz* [The House of the Dead. Stories. The Dream of a Ridiculous Man. A Fantastic Story]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
24. Dostoevsky, F.M. (1991) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works. In 15 vols]. Vol. 9. Leningrad: Nauka.
25. Walls, J.L. (2007) *The Oxford Handbook of Eschatology*. Oxford University Press.
26. Langston, D. (2015) Medieval Theories of Conscience. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/conscience-medieval/> (Accessed: 5th January 2018).
27. Parry, R. (2014) Ancient Ethical Theory. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/ethics-ancient/> (Accessed: 5th January 2018).

УДК 167

DOI: 10.17223/1998863X/59/13

С.Е. Овчинников

ОПИСАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

В статье исследуется проблема соотношения количественных и качественных методов в социологии. Вслед за Г. Блумером мы полагаем, что разрыв между указанными методами возникает вследствие неопределенности социологических понятий, но при этом критически рассматриваем приводимое им решение. Вместо этого предлагается использовать аналитический подход А. Данто, который применяется им для описания философии истории, но, по нашему мнению, с незначительными изменениями может быть применен и в социологии.

Ключевые слова: концептуальный анализ, методология социальной науки, качественный подход, аналитическая философия.

Введение

Постановка физического эксперимента необходимым образом связана с описанием его контекста, а именно, теории, которую исследователь проверяет, и набором теорий, на которые он опирается. Но верно ли это для социологической науки? Достаточно беглого взгляда на крупные социологические исследования (скажем, на те, что приведены на сайте ВЦИОМ или Левада-Центра), чтобы понять, что они опираются на статистику и не привлекают, по крайней мере явно, к формированию «аналитических отчетов» никакую социологическую теорию¹. В то же время теоретические работы по социологии редко обращаются к статистике. Эта проблема не нова. Г. Блумер отмечал разрыв между теорией и практикой в социологии еще в 1954 г., а в качестве главной его причины выделял невозможность формирования дефинитивных² социологических понятий: «Я пытался определить главный источник неполноценности (социологии). Он состоит в трудности приведения социальной теории в тесную и самокорректирующуюся связь с ее эмпирическим миром, чтобы ее предположения относительно этого мира могли проверяться, улучшаться и обогащаться данными этого мира. Эта трудность, в свою очередь, сосредоточена в понятиях теории, поскольку понятие – это основа связи с этим миром, или ворота в него. Неопределенность в понятиях блокирует или препятствует контакту с эмпирическим миром и оставляет теорию в пределах мира воображаемого» [2. Р. 9]. Иными словами, практика социологии имеет

---

¹ В разделе «Методология» аналитических отчетов отражена, как правило, статистическая методология (см., например, [1]).

² То есть таких, которые для каждого класса задают определенный набор свойств, по которым объект может быть отнесен к данному классу.

дело с обыденными, а не специально сконструированными для познания понятиями, что ограничивает ее описательными теориями, в то время как требуется теория объяснительная¹.

Сегодняшняя ситуация не слишком отличается от описанной Г. Блумером. Разрыв между полевым исследованием и теорией на современном этапе развития социологии преобразуется в дихотомию между количественными и качественными методами: «...для познания „системных“ проблем (социальных институтов как систем) необходимо знание, основанное на количественных данных, их объяснении и формулировке в виде категорий, абстракций. Для познания опыта, переживаний, чувств конкретных людей, их практики – второго ряда проблем – необходимо знание, основанное преимущественно на понимании и интерпретации» [3. С. 13]. Из сказанного можно заключить, что существует представление качественной методологии как «другой» или «параллельной» по отношению к количественной. Но возможно ли познавать социальные системы, не обращаясь к индивидуальному опыту и *vice versa*? Дело представляется таким образом, что объяснительные модели, имплицитно присутствующие в количественной социологии, верифицируются при помощи обращения к конкретным социологическим ситуациям, а концептуализация определенной ситуации зависит от априорной по отношению к ней объяснительной модели, причем последние, как правило, являются контингентными. Таким образом, мы придерживаемся мнения, что должна существовать единая методология, охватывающая как количественные, так и качественные аспекты социальной реальности.

Количественные методы в целом не вызывают особых трудностей, поскольку представляют собой искусство составления опросов и статистической обработки их результатов, неясность возникает на уровне качественных объяснений, последователи которых углубляются в методологические споры. Должна ли методология быть холистской или индивидуалистской? Нужно и возможно ли понимать социологическое действие? Понимание или объяснение является целью социологии? Список можно продолжать. Объединяет эти вопросы то, что все они являются внутренними концептуальными проблемами социологии. В то же время концептуальный анализ может быть применен непосредственно к предметам социологической реальности. Другой аспект обозначенной проблемы заключается в том, что «задача исследования требует как наблюдения, так и передачи результатов анализа этого наблюдения другим» [4. Р. 24], но методология качественного исследования не может быть выражена явным образом до его начала, поскольку «процесс сбора данных никогда не может быть объяснен во всей полноте, потому что эти „полевые истории“ сами являются частью социального процесса, который в своем ежеминутном и ежедневном опыте не поддается повторению» [Ibid.], иными словами, правила изменяются прямо во время игры.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается дихотомия между качественной и количественной социологией, а с другой – они взаимозависимы. Как уже отмечалось, Г. Блумер был одним из первых, кто обратил внимание

---

¹ Под описательными теориями мы, вслед за А. Данто, понимаем такие теории, которые стремятся описать некоторые структуры событий (в случае аналитической философии истории – исторических), а под объяснительными – теории, целью которых является причинное объяснение этих событий.

на концептуальную проблематику социологии. Он также предложил решение указанной проблемы, которое состоит в том, что мостом между практикой и теорией социологии должен стать анализ традиционных понятий социологии, таких как культура, личность, социальный институт, нормы, ценности и т.д. В данной работе мы в целом разделяем подход Г. Блумера, но критически рассматриваем способ, посредством которого он предлагает формировать социологические понятия. Этот способ состоит в сенсбилизации (*sensitizing*), т.е. в некотором ослаблении формальных требований к понятиям. Вместо сенсбилизации можно использовать аналитический подход к философии истории А. Данто, который, по нашему мнению, с незначительными коррективками применим и к социальной науке.

Герберт Блумер. Что не так с социологией?

Г. Блумер разделяет общепринятую точку зрения на роль понятий в научном исследовании. Научная теория соотносится с эмпирической реальностью посредством понятий. Последние задают класс свойств, обнаружив которые в опыте, исследователь может подвести данный опыт под понятие, тем самым создав представление объекта внутри теории. Проблема же социологии заключается в том, что ее понятия «удивительно расплывчаты» [2. Р. 5]. Это приводит к тому, что для социологической теории почти невозможно проверить истинность ее импликаций, поскольку довольно трудно однозначно соотнести понятия теории с фактами. Столь же проблематично устанавливать связь между самими понятиями, что приводит к всевозможным логическим ошибкам. Таким образом, туманность понятийного аппарата затрудняет кумулятивное развитие теории, в результате возникает множество полностью противоречащих друг другу подходов. С одной стороны, социологи, использующие сугубо количественные методы, а с другой – отрицание возможности социологической науки вообще [5].

В качестве инструмента, позволяющего избежать расплывчатости понятий в социологии, могут использоваться дефинитивные определения, которые однозначно указывают на те признаки, которыми должен обладать объект для его включения в данный класс. Г. Блумер приводит в качестве примера такого определения коэффициент интеллекта, но выражает скепсис относительно полезности подобных концептов для социологического исследования. Его критика дефинитивных определений вкратце сводится к тому, что, поскольку изолированное эмпирическое содержание рассматривается как конституирующее понятие, то его невозможно использовать для познания чего-то, что лежит за пределами этого понятия, что лишает дефинитивные определения эвристической силы [2. Р. 6]. Более того, сказать, что «интеллект есть коэффициент интеллекта», означает либо размывание дефинитивного определения, либо отбрасывание наших интуиций по поводу интеллекта, которые не укладываются в схемы IQ-тестов. Вместо дефинитивных Г. Блумер предлагает понятия «сенсбилизующие», которые «дают общее чувство референции и руководство для работы с эмпирическими случаями» [Ibid.]. Они не позволяют однозначно осуществить процедуру подведения факта под понятие, но задают интуиции, в рамках которых можно оценивать релевантность данного факта. Иными словами, понятие должно рассматриваться не с точки зрения теоретических критериев, а как объясня-

ющее некоторую практику. Необходимость такого ослабления требований к понятиям оправдывается природой социальной реальности, в рамках которой не существует повторяющихся событий, т.е. каждый социальный факт в некотором смысле уникален, и именно эта уникальность представляет особый интерес для социолога.

Можно выделить два недостатка в данном подходе. Первый, который отмечает и сам Г. Блумер, заключается в том, что поскольку сенсibiliзирующие понятия основаны на чувствах, а не на объективных свойствах, то возникают затруднения для передачи понятий другим исследователям. Механизм передачи таких понятий по существу повторяет передачу того, что М. Полани называет неявным знанием [6]. Это приводит к тому, что достижения той или иной социологической школы не выходят за ее пределы. Преодоление этого плачевного состояния требует нахождения баланса между теоретическим знанием, полученным «из книг», и практическим, полученным «в поле». В естественной науке такой баланс есть, поскольку практическое (или неявное) и теоретическое знание сосуществуют и в целом можно утверждать, что первое является подчиненным относительно второго. Попытка рассматривать все понятия как часть неявного знания только усугубит ситуацию, поскольку задает антиинтеллектуальный, в смысле Г. Райла, тренд, т.е. такой, в рамках которого практическое знание рассматривается независимо от теоретического.

Второй недостаток связан с уникальностью социальных явлений и соответствующей гибкостью понятийного аппарата социологии. Идея уникальности, вероятно, берет начало в работах Г. Зиммеля и, в частности, в его утверждении о том, что индивиды, которые придают смысл социальному действию, всегда обобществлены лишь частично: «...некоторыми своими сторонами человек не входит в общество как его элемент, и это образует позитивное условие того, что другими сторонами своего существа он таким элементом является: характер его обобщественности обусловлен или сообусловлен характером его необобщественности» [7. С. 517]. Можно было бы ответить, что предметом социологии являются только уже целиком обобщественные элементы взаимодействия, но ясно, что этого недостаточно: «из этих традиционных предметов общественной науки реальной жизни общества, как она дана нам в опыте, не составить. Здесь требуются бесчисленные промежуточные взаимодействия, еще не ставшие прочными надындивидуальными образованиями, но показывающие общество *in status nascens*» [8. С. 71]. Следовательно, хорошо было бы иметь возможность постоянной корректировки понятийного аппарата. Именно такую цель преследует Г. Блумер, вводя сенсibiliзацию, но, представляется, что подобным ходом он не достигает заявленной цели. Чем менее формализовано понятие, тем сложнее изменить его, чтобы включить конкретный, уникальный случай. Более того, главной добродетелью количественных методов признается их успешность в противостоянии субъективности исследователя, но сенсibiliзация только увеличит напряжение в противоречии между качественным и количественным исследованием, поскольку сделает социологические понятия более субъективными и менее поддающимися критике внутри сообщества ученых.

По нашему мнению, нужно, наоборот, сделать социологические понятия более точными. Формализованные понятия лучше поддаются критике и кор-

рекции и поэтому являются более подходящими для целей социологии, нежели сенсibiliзирующие, и в то же время ими легко делиться с другими исследователями. Проблема, таким образом, состоит в том, какой путь избрать для уточнения понятий. Обратимся к методологии, которую Р. Карнап называет экспликацией. Она заключается в замене изначально более туманного понятия (экспликанды) более точным (экспликатором). Требуется, чтобы экспликатор обладал сходством с экспликандом и большей, по сравнению с экспликандом, точностью, простотой и продуктивностью: «при экспликации цель состоит не просто в перефразировке определяемого в прямой синонимии, но вообще-то в усовершенствовании определяемого посредством очищения или дополнения его значения. Но даже экспликация, хотя она и не является простым отчетом о предсуществующей синонимии между определяемым и определяющим, тем не менее основывается на других предсуществующих синонимиях. Проблему можно рассмотреть следующим образом. Любое требующее экспликации слово включено в какие-то контексты, которые, как совокупное целое, достаточно ясны и точны для того, чтобы их можно было использовать; и цель экспликации – сохранить использование этих привилегированных контекстов, пока уточняется использование других контекстов» [9. С. 28–29]. Например, «красный цвет» может быть эксплицирован при помощи замены на «свет длиной волны ~700». Ясно, что данный экспликатор может быть использован практически во всех контекстах, где мы обычно используем слово «цвет»¹, но при этом факт наличия света с определенной длиной волны может быть установлен с большей точностью и вообще не требует наличия наблюдателя, в то время как разговор о цветах ограничивается чувственными ощущениями. Подобная замена в естественных науках требует специального эмпирического исследования вида: «когда мы наблюдаем красный цвет, то оказывается, что это свет с определенным диапазоном длин волн».

Приводимая Г. Блумером критика дефинитивного понятия интеллекта как коэффициента, вычисленного путем тестирования, на самом деле является аргументом не против дефинитивных определений как таковых, а скорее против некорректного построения отдельно взятого определения. Например, критический тезис, связанный с тем, что IQ не покрывает множество случаев употребления понятия «интеллект», можно было сформулировать следующим образом: «Коэффициент интеллекта не может быть экспликатором интеллекта, поскольку не выполнено требование сходства с экспликандом». Проблема социологических понятий, таких как интеллект, состоит в том, что их контекст значительно шире чувственных ощущений, таких как цвет и прочих, на которые опирается естественная наука. Но тем не менее можно декомпозировать сложное понятие интеллекта на различные способности решать определенные типы задач. Например, способность анализировать геометрические преобразования или находить сходства в сложных фигурах, которая традиционно используется в IQ-тестах, может быть дефинитивным определением некоторого «пространственного интеллекта», а способность управлять своим внутренним состоянием – определением «эмоционального интеллекта». Получив набор различных экспликаторов, в дальнейшем можно составить экспликатор (или несколько) для интеллекта вообще.

¹ Кроме разве что особого разговора об индивидуальном восприятии цвета или квалиа.

Аналитический подход Артура Данто

Теперь рассмотрим роль, которую понятия могут играть в социологическом исследовании с точки зрения аналитической философии. Как отмечалось ранее, подразумевается, что количественный подход имплицитно содержит в себе некоторые концептуальные установки. Последние, как правило, получены в результате качественного исследования. Но поскольку эти установки довольно неоднозначны, то те описательные теории, которые являются конечной целью количественного исследования, не конгруэнтны объяснительным теориям, лежащим в основе соответствующего качественного подхода. Например, мы знаем, что если люди достаточно недовольны, то они могут выйти на баррикады. Соответствующий опрос общественного мнения может провести индикацию среднего уровня недовольства и заключить, ожидаются ли волнения. Но совершенно очевидно, что средний уровень недовольства может превышать теоретический порог, при этом улицы останутся пустыми, например, за счет того, что недовольство должно быть не только высоко, но и распределено определенным образом среди населения. Соображения последнего вида не могут быть получены непосредственно в процессе опроса, таким образом, ошибочный вывод не связан с недостатком изначальных данных для количественного описания. Можно представить, что в результате полевых исследований социология получила в свое распоряжение описание всех возможных социальных фактов. Ясно, что на этом задача социологии не будет завершена. Потребуется распределение этих фактов по классам для последующего отнесения новых фактов к этим классам и для объяснения взаимодействия между классами, т.е. потребуется объяснительная теория. Таким образом, следует согласиться с А. Данто в том, что «...сначала нужно дать истинное описание некоторого события, а уж потом объяснять его» [10. С. 16]. В этом заключается центральная идея аналитической философии истории, которую мы хотим адаптировать к социологической науке.

Задача объяснения в целом ясна. В соответствии с номологической схемой К. Гемпеля, объяснить – значит подвести под закон или, более точно, связать при помощи закона данное социальное явление с некоторым прошлым социальным явлением. Как и в истории, значение социального факта определяется в ряду других фактов, т.е. во времени. Но значение исторического события связано с будущими относительно него событиями, а значение социального – с прошлыми. Скажем, значение танца шамана для вызова дождя определяется предшествующими практиками этих танцев и отношением к нему членов общества, а значение Октябрьской революции определяется теми историческими событиями, к которым она привела. Следующей важной методологической установкой является то, что объясняются описания, а не сами явления: «Пока нет явного или подразумеваемого из контекста описания, нет смысла требовать объяснения названного явления... Совершенно неясно, что означает требование: „Объясни этот лист бумаги!“», до тех пор, пока не подразумевается, так сказать, какое-то его описание, например, то, что он белый, или находится здесь, или запачкан вареньем» [Там же. С. 104]. Здесь нам потребуется исследование описаний. Их особенность заключается в том, что некоторые из них могут быть объяснены в рамках схемы К. Гемпеля, а

некоторые нет, и, более того, А. Данто заключает, что любое явление может быть описано так, чтобы допускать номологическое объяснение. Мы воспроизведем приводимый им пример, который демонстрирует различные описания одно и того же действия: «Во время последнего *fete national monagasque*, улицы, как и следовало ожидать, были украшены флагами Монако. Но рядом с ними можно было видеть американские флаги. Можно удивиться и спросить, почему это именно американские флаги вывешены вместе с флагами монегасков, а не флаги каких-нибудь других стран, например, Англии, Франции или Германии? Здесь чувствуется потребность в объяснении, по крайней мере, двух вещей: наличие американского флага рядом с национальным флагом и отсутствие флагов других стран. Нам могут дать вполне правдоподобное объяснение: князь Монако женат на американке... Действительно, при таком описании нет закона, связывающего эти два события, однако при подходящем новом описании каждого из этих событий достаточно легко представить закон, который и допускает это новое описание, и сам допустим с его точки зрения. Более того, благодаря новому описанию мы можем сформулировать наше объяснение в виде дедукции. Вот три разных описания события:

А. Монегаски вывесили американские флаги рядом со своими национальными флагами.

В. Монегаски чествовали княгиню американского происхождения.

С. Представители одной нации чествовали княгиню иной национальной принадлежности» [10. С. 210].

Последнее описание приводит нас к законоподобному¹ объяснению, а именно, что княгинь иной национальности обычно дополнительно чествуют. Итак, аналитический метод в социологии состоял бы в том, что необходимо сформулировать описания для двух состояний фрагмента социальной реальности и некоторый законоподобный переход от одного к другому. Для наглядности это можно выразить так: x есть F в момент времени t_1 и x есть G в момент времени t_2 , где $t_2 > t_1$. Чтобы воспользоваться данной тривиальной схемой, потребуется два описания (F и G) и понятие (x), отсылающее к социальному явлению. В вышеуказанном примере F – это вывешивание флагов Монако во время праздника, G – это вывешивание флагов Монако и США, а x – это национальный праздник.

Наиболее проблематичным в данном подходе является эпистемический статус социологических понятий. Насколько оправдано изучение таких явлений, как национальные праздники *per se*, если в действительности они представляют собой сумму индивидуальных установок конкретных людей и именно с познания этих установок должно начинаться социологическое исследование? Так же, как Б. Рассел считает объекты реальности логическими конструкциями из чувственных данных, аналитический подход к социологии предлагает представлять социальные понятия логическими конструкциями из индивидуальных установок и, более того, «вполне может быть, что только посредством верификации с помощью наблюдения определенных предложений, говорящих о конкретных людях, мы способны подтвердить предложе-

---

¹ Мы используем термин «законоподобный», потому что, в отличие от естественных законов, которые должны приводить к объясняемым явлениям с необходимостью, социальные или исторические законы являются скорее вероятностными.

ния, говорящие о социальных системах» [Там же. С. 125]. Но все индивидуальные установки не могут быть известны исследователю. В таком случае познание национальных праздников заключается, во-первых, в знании по знакомству с по крайней мере некоторыми установками относительно праздников и наций, а во-вторых, в знании по описанию логической структуры понятия «национальный праздник». Эта логическая структура формируется в рамках количественного исследования. Таким образом, в аналитическом подходе количественное и качественное исследования дополняют друг друга, а не являются параллельными методологиями. Необходимы как статистическое исследование индивидуальных установок, так и формирование логической абстракции и ее формализация, чтобы в результате получить социологическое понятие. Далее последнее подвергается корректировкам путем построения дедуктивных следствий и их соотнесения с качественными наблюдениями.

Заключение

В целом следует согласиться с Г. Блумером, что проблема дихотомии между качественными и количественными методами в социологии обусловлена неясностью ее понятийного аппарата. Но решение, которое он предлагает, заключающееся в сенсibilизации понятий, т.е. в отнесении их к практическому или неявному знанию, вместо традиционного теоретического рассмотрения, только усугубляет ситуацию. Мы же, напротив, считаем более продуктивным аналитический подход к социологической науке, который позволяет формализовать понятийный аппарат. Данный подход берет начало в классической аналитической философии Б. Рассела и Р. Карнапа, а его применение к философии истории демонстрирует А. Данто. Поскольку историческая наука во многом разделяет проблематику социологии (по нашему мнению, она фактически является социологией, обращенной назад во времени), то подход А. Данто применим и к последней. Идея использования концептуального анализа в социологии, конечно, не нова, но, по нашему мнению, его следует применять не к внутреннеметодологическим вопросам социологии, а к предметам социальной реальности. В этом отношении анализ играет двоякую роль. Во-первых, он выступает в качестве инструмента для сбора первичных данных и, во-вторых, в качестве метода построения и критики социологических понятий.

Литература

1. Волков Д., Гончаров С. Участие России в работе Совета Европы и Европейского суда по правам человека // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/25/uchastie-rossii-v-rabote-soveta-evropy-i-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka-2/> (дата обращения: 25.06.2020).
2. Blumer H. What is wrong with social theory? // *American sociological rev.* 1954. Vol. 19, № 1. P. 3–10.
3. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М. : Добросвет, 1998.
4. Vidich A., Lyman S. Qualitative methods, their history in sociology and anthropology // *Handbook of qualitative research* / ed. by N.K. Denzin, Y.S. Linkoln. Newbury Park, CA : Sage, 1994. P. 23–44.
5. Hutchinson P., Read R., Sharrock W. There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch. Aldershot : Ashgate, 2008.
6. Polanyi M. *The Tacit Dimension*. Chicago : University of Chicago Press, 1966.

7. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. / под ред. С.Я. Левита. М. : Юрист, 1996.
8. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1994. Т. 0, № 2. С. 65–81.
9. Куайн У.В. О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–49.
10. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-пресс, 2002.

Stepan E. Ovchinnikov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Step.Ovch@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 138–147.

DOI: 10.17223/1998863X/59/13

DESCRIPTION AND EXPLANATION IN THE SOCIAL SCIENCES IN THE FRAMEWORK OF ARTHUR DANTO'S ANALYTICAL PHILOSOPHY

Keywords: conceptual analysis; methodology of social science; qualitative methods; analytic philosophy.

The article explores the problem of the relationship between quantitative and qualitative methods in sociology. Since the quantitative approach claims to identify the structure of sociological reality and the qualitative one to identify causal relationships, it is proposed to consider this problem in the context of the relationship between description and explanation. Following Herbert Blumer, I believe that the gap between these methods arises due to the uncertainty of sociological concepts, but, at the same time, I critically consider the solution he proposes. The latter consists in the sensitization of concepts, which implies that the concept should not be considered from the point of view of theoretical criteria, but as explaining some practice. In my opinion, this leads to difficulties in disseminating concepts within the scientific community, and also does not allow them to be corrected in order to bring them into accordance with practice. Instead, it is proposed to use the analytical approach of Arthur Danto, which he uses to describe the philosophy of history, but with minor changes it could be applied in sociology. At the first stage it is necessary to formulate a description of a sociological phenomenon that allows a nomological explanation in the framework of Carl Hempel's scheme. Danto's central idea here is that any phenomenon can be given such a description (although it may be hard to find). Further, using formalized concepts, which are logical constructions from individual attitudes, an explanation of this phenomenon is compiled by including it in a line of other phenomena already described. As a result, conceptual analysis plays a dual role in the social sciences. On the one hand, it helps to formulate correct descriptions of phenomena, and, on the other hand, it acts as a tool for explaining them.

References

1. Volkov, D. & Goncharov, S. (2019) *Uchastie Rossii v rabote soveta Evropy i evropejskogo suda po pravam cheloveka* [Russia's participation in the work of the Council of Europe and the European Court of Human Rights]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2019/10/25/uchastie-rossii-v-rabote-soveta-evropy-i-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka-2/> (Accessed: 25th June 2020)
2. Blumer, H. (1954) What is wrong with social theory? *American Sociological Review*. 19(1). pp. 3–10. DOI: 10.2307/2088165
3. Semenova, V. V. (1998) *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: introduction in humanitarian sociology]. Moscow: Dobrosvet.
4. Vidich, A. & Lyman, S. (1994) Qualitative methods, their history in sociology and anthropology. In: Denzin, N.K. & Lincoln, Y.S. (eds) *Handbook of Qualitative Research*. Newbury Park, CA: Sage. pp. 23–44.
5. Hutchinson, P., Read, R. & Sharrock, W. (2008) *There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch*. Aldershot: Ashgate.
6. Polanyi, M. (1966) *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press.

7. Simmel, G. (1996) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Yurist.
8. Filippov, A. F. (1994) *Obosnovanie teoreticheskoy sotsiologii: vvedenie v kontseptsiyu Georga Zimmelya* [Justification of theoretical sociology: introduction to the theory of Georg Simmel]. *Sotsiologicheskij zhurnal – Sociological Journal*. 2. pp. 65–81. (In Russian)
9. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a logical point of view: 9 Logico-Philosophical Essays]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
10. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O. V. Gavrishina. Moscow: Ideya-press.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/59/14

А.П. Глухов, Ю.М. Стаховская

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ В ФОКУСЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда РФФИ, проект «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения» (№ 18-011-00225А, 2018-2020).

В статье анализируется феномен межпоколенческого цифрового разрыва в области социально-медийных коммуникаций. На основании данных полевых исследований описываются различия профилей цифровых компетенций поколений, выявляются источники трансляции социально-сетевых компетенций, тематизируются социально-сетевые практики межпоколенческого сотрудничества, в том числе в формате менторства и опекуна, и практики пассивного противостояния через добровольную платформенную сегрегацию и миграцию.

Ключевые слова: межпоколенческий цифровой разрыв, цифровая грамотность, социально-сетевые коммуникации.

Введение

Цифровой разрыв как новое преломление старой проблемы социального неравенства в последнее десятилетие стал предметом пристального внимания и рефлексии как западных [1], так и российских исследователей [2]. За короткий срок исследовательские подходы и фокус видения проблемы значительно эволюционировали. Если на ранних этапах осмысления цифровое неравенство интерпретировалось прежде всего как физическая невозможность в силу ограниченности средств воспользоваться инфраструктурой цифровых коммуникаций – устройствами (РС, планшетами, девайсами) и сетями (wi-fi), то со временем цифровой разрыв все более стал осмысляться в терминах неравного доступа к цифровым компетенциям и различий в уровне цифровой грамотности, а также вытекающего отсюда ограничения жизненных шансов эффективного функционирования в цифровой экономике.

Исследователи выделяют несколько уровней-этапов усугубления цифрового неравенства: на первом уровне разрыв существует в области доступности материально-технических средств обеспечения цифровой коммуникации; на втором уровне проявляется неравенство в компетенциях эффективной организации цифрового общения; на третьем уровне цифровой разрыв интерпретируется как неравенство шансов социального продвижения и качества жизни, обусловленное различиями в использовании цифровых технологий [3].

Можно предположить, что на сегодня цифровой разрыв накладывается на поколенческий конфликт, существующий между молодежью, прошедшей

процесс социализации в цифровом мире, и старшими, менее адаптированными к новой цифровой реальности.

Особенности поколенческих различий в социальных практиках и коммуникации, начиная с концепции «цифровых аборигенов и иммигрантов» М. Пренски [4] и теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува [5], описываются с помощью использования концептов поколений X, Y и Z [6] и на основе различий в коммуникационных привычках и паттернах поведения. Не вдаваясь в дискуссии относительно научной верифицируемости данных понятий, разбора критических контраргументов [7], отметим, что различие между поколениями «отцов и детей» в плане пользовательских привычек в интернете и цифровых коммуникационных навыков является самоочевидным. Мы в нашей статье используем дихотомию доцифровое / цифровое поколения, понимая под первыми людей старшего и пожилого возраста, родившихся и прошедших первичную социализацию в доцифровую эпоху (поколение X и ранее), а под вторыми – молодежь, с детства и юности живущую в мире цифровых коммуникаций (поколения Y и Z).

На пересечении концептуальных подходов цифрового неравенства и поколенческой коммуникативной дифференциации возможна тематизация проблемы цифрового поколенческого разрыва, давно являющегося предметом публицистических словесных интервенций, но редко становящегося объектом научного дискурса и эмпирических исследований. При сужении фокуса рассмотрения до отслеживания особенностей социально-сетевое поведение цифрового и доцифрового поколений в области использования социальных медиа концептуальные и эмпирические лакуны становятся еще очевиднее.

Цифровой межпоколенческий разрыв: различия в профилях социально-сетевых цифровых компетенций, поколенческие социально-коммуникативные практики сотрудничества и сегрегации

Коммуникативный разрыв поколений, связанный с различными практиками организации и использования социальных медиа, стал одним из фокусов комплексного исследования социально-сетевой коммуникативной культуры цифрового поколения [8]. Целью статьи является выявление различий в профилях цифровых компетенций, анализ механизмов трансляции цифровой грамотности и платформенной отстройки как проявлений цифрового поколенческого разрыва. В качестве определяющего методологического подхода мы использовали принцип зеркальной взаимной оценки представителями цифрового / доцифрового поколений цифровых компетенций и пользовательского поведения друг друга. В исследовании преобладало использование качественных методов: в частности, были проведены две параллельные фокус-группы: одна – с «цифровыми „иммигрантами“» – старшим поколением, представленным преподавателями вузов и школьными учителями «Сетевые и цифровые коммуникации с представителями цифрового поколения: я – «иностронец» или чувствую себя «как дома?»» (15 респондентов от 39 до 63 лет), другая – с представителями цифрового поколения – учащимися вузов и старшеклассниками – на тему «Что меня раздражает и кажется неприемлемым в сетевых коммуникациях старшего поколения?» (11 респондентов от 18 до 20 лет). Дополнительно были проведены полуструктурированные интер-

вью с бакалавриантами и магистрантами различных университетов России, а также преподавателями вузов, таких как НИ ТГУ, НИ ТПУ, РГПУ, СПГУ, ВШЭ, КемГУ, МФТИ, НГУ, СПбГИКиТ (возраст респондентов – от 18 до 28 лет). Качественная аналитика была дополнена проведением стандартизированного социологического опроса студентов томских вузов (ТГУ, ТГПУ, ТПУ, ТУСУР, ТГАСУ и СибГМУ), обучающихся на различных направлениях подготовки бакалавриата и магистратуры; размер выборки составил 312 респондентов, опрос проходил в on-line формате, выборка носила целевой характер на основе добровольного рекрутирования и степени доступности респондентов. Все полевые исследования, несмотря на пандемию, осуществлялись on-line во второй половине 2020 г.; стандартизированный опрос в формате on-line был проведен в сентябре–октябре 2020 г.

Полевые исследования позволили выявить ряд межпоколенческих различий как в профилях цифровых компетенций, так и в траекториях развития социально-сетевой коммуникативной грамотности, а также способах ее интериоризации применительно к пространству социальных медиа. Анализируя межпоколенческие различия в профилях социально-сетевых компетенций и способах цифровой социализации и цифрового образования, можно отметить следующее:

1. Представители цифрового поколения обладают высокой (возможно, завышенной) самооценкой в отношении уровня владения цифровыми коммуникационными техниками и инструментами; они не испытывают затруднений в организации сетевого виртуального взаимодействия. Доцифровое поколение более критично в своей самооценке и расценивает степень развития цифровых навыков и умений как среднюю, понимая недостаточность и необходимость их развития в области социальных медиакоммуникаций.

2. Оба поколения заявляют о наличии определенного дисбаланса в уровнях цифровой грамотности и наличии цифрового разрыва, возможно, преодолимого. Как отмечает одна из респонденток, *«разница в уровне цифровой грамотности между поколениями, конечно, ощущается, но не критично»* (Н.Н., учитель школы) (сохранена стилистика респондента).

Респонденты – представители «доцифрового» поколения отмечают высокое развитие у цифрового поколения цифровой грамотности, выраженные установки на использование инноваций при отсутствии критичного отношения к сетевому контенту. Респонденты-старшие указывают на излишнюю сетевую доверчивость, нарушение языковых норм и беспечность в вопросах безопасности, свойственные молодежи: *«представители младшего поколения в меньшей степени могут критично относиться к доступной в Сети информации, использовать нормативно диктуемые теми или иными платформами лингвистические жанры, а также обеспечивать безопасность своего онлайн присутствия»* (Н.Н., учитель школы) (сохранена стилистика респондента). Еще один упрек, звучащий в высказываниях респондентов постоянным рефреном, касается чрезмерной онлайн-открытости и откровенности в самопрезентации цифрового поколения, граничащей с «цифровым эксгибиционизмом»: *«слишком активно молодежь афиширует свою личную жизнь в Сети»* (И.Ф., учитель), *«вся личная жизнь напоказ»* (Л.Т., учитель) (сохранена стилистика респондентов).

3. Представители цифрового поколения довольно высоко оценивают навыки старших в области обеспечения цифровой безопасности и критического отношения к информации. Так, отвечая на вопрос о приоритетности тех или иных компетенций социально-сетевой цифровой грамотности, заданный в ходе стандартизированного социологического опроса, респонденты-студенты на первое место поставили лингвистическую компетентность (42,7%), далее следовали информационная компетентность (31,3%) и компетенция безопасности (28%) (табл. 1).

Таблица 1. Вопрос 17. Как Вам кажется, какие из социально-сетевых компетенций НАИБОЛЕЕ развиты у старшего поколения (Ваши родители, старшие родственники, бабушки и дедушки, старшие учителя и преподаватели)?

Вариант ответа	Доля, %
Информационная (фильтрация контента)	31,3
Самопрезентационная (умение «подать» себя в сети)	25
Участия в комьюнити (умение создавать и участвовать в сообществах, управлять своими контактами)	24,7
Лингвистическая (создавать и транслировать сообщения различного типа – текстовые, графические, аудио-, видео)	42,7
Безопасности (понимать угрозы, сохранять приватность и персональную информацию)	28
Никакие	2
Другое	4,8

Собственно, навыки самопрезентации и коллаборирования, создания и управления виртуальными комьюнити и контактами оценивались респондентами не столь высоко. Старшим не хватает «полноты использования интерфейса соцсети, открытости к новым контактам, психологической устойчивости к критике в соцсетях, навыков публичного общения и создания контента» (цитата из ответа на открытый вопрос). Многие представители доцифрового поколения не понимают ценности сетевой самопрезентации (что подтверждается данными из интервью самих учителей и преподавателей), системно не формируют свой имидж в сетях. Респонденты также отмечают низкий уровень развития навыков редактирования любых форматов контента (прежде всего, мультимедиа), консервативное сопротивление и медленное освоение новых цифровых инструментов и площадок.

4. Агентами цифровой социально-сетевой социализации крайне редко оказываются учителя и родители, гораздо чаще в качестве источников повышения цифровой грамотности в детско-юношеские годы респонденты-студенты ретроспективно называют сверстников, специальные форумы и чаты, известных блогеров, родственников-сверстников (старшие сестры и братья), онлайн-курсы (табл. 2).

Таблица 2. Вопрос 11. Источниками повышения моих сетевых компетенций в детстве и юности были?

Вариант ответа	Доля, %
Сверстники	83,2
Известные блогеры	24,9
Старшие братья и сестры	26,5
Родители и старшие родственники	18,1
Учителя, школьные уроки	12,3
Специальные форумы и чаты	31,3
Блоги и вебинары	14,2
Онлайн-курсы	9,7
Другое	3

Описывая трансляцию цифровых навыков и цифровой грамотности, мы выделяем такой феномен, как «реверсивное наставничество», когда младшие и старшие родственники обмениваются компетенциями и тонкостями эффективного общения в социальных медиа. В отношении пожилых людей нередкими внутри семей являются практики «цифрового опекунства / иждивенчества», когда внуки и дети ведут за них персональные аккаунты и осуществляют коммуникации через Госуслуги, Сбербанк-онлайн, связывают их через сети с родственниками и знакомыми, живущими в других городах. Так, почти половина респондентов (47,1%) при ответах на вопрос о наставничестве в отношении старших родственников в области организации социально-сетевых коммуникаций отмечают, что помогли им в создании полноценного профиля в сети и наполнения персонального аккаунта, 60,8% респондентов обучали старших работе с интерфейсом конкретной социальной платформы или мессенджера (табл. 3).

Таблица 3. **Вопрос 16. Вам когда-либо приходилось прививать старшим (родителям, старшим родственникам, бабушкам и дедушкам) следующие навыки коммуникации в социальных сетях?**

Вариант ответа	Доля, %
Работы с информацией, фильтрации контента или распознавания фейков	40,5
Работы с интерфейсом конкретной социальной платформы или мессенджера	60,8
Создания полноценного профиля в сети и наполнения персонального аккаунта	47,1
Зачисления во френды друзей, управления контактами и создания бесед, пабликов и мероприятий, вебинаров	35,3
Создания и распространения текстовых, графических, аудио-, видеосообщений	38,6
Социально-сетевой безопасности (знания об угрозах приватности, сохранения персональной информации)	34
Управления доступом к информации о себе за счет настроек приватности	21,6
Другое	4,9

5. Как показывают данные полевых исследований, наряду с межпоколенческим сотрудничеством в области цифровой социализации, можно уверенно говорить о частичной платформенной межпоколенческой добровольной сегрегации как проявлении поколенческого цифрового разрыва и осознанного желания общаться в «своем» кругу. Часть респондентов-представителей цифрового поколения обвиняют самих старших в неспособности освоить новые платформенные коммуникационные решения и пользовательском консерватизме: «они все в *Вотсапе* сидят как в консервной банке, им они нормально овладели, но *ВК* и *телега* (*Telegram*. – Примеч. автора) для них – бесполезные сервисы. Это все оттого, что информацию они черпают не из интернета в целом, а где-то 50/50 из телевизора и *Вотсапа*» (цитата из ответа на открытый вопрос) (сохранена стилистика респондента). Но, как показывают данные интервью, молодежь и подростки сами, с целью создания психологически комфортной, откровенно-конфиденциальной среды общения и недопущения взрослых как «чужаков», освоили практики перманентной поколенческой кроссплатформенной миграции как способа коммуникативной отстройки от старших. В ответах на вопрос о причинах ухода на разные социально-сетевые коммуникативные площадки больше половины респондентов соглашались с аргументами о желании следовать молодежи «коммуникативной моде» (52,9%) и ее добровольной сегрегации с целью ограничить круг общения «своими» – сверстниками (51,3%) (табл. 4). Возможно, отчасти в

этом кроется причина взрывной популярности и коммуникативного «хайпа» среди молодежи, последовательно сменявших друг друга в плане «модности» таких сетевых коммуникационных площадок, как «ВКонтакте», Instagram, Telegram, а в последнее время Tik-Tok.

Таблица 4. Вопрос 15. Почему, по Вашему мнению, представители разных поколений, молодежь и старшие (поколение родителей, бабушки и дедушки) предпочитают общаться в сети на разных площадках (например, молодежь, чаще, – в «ВКонтакте», Instagram, Telegram, старшие – в «Одноклассниках», Facebook, WhatsApp)?

Вариант ответа	Доля, %
Более компетентная молодежь использует платформы с более сложным и продвинутым интерфейсом	26,1
Молодежь постоянно переходит на передовые модные платформы, а старшие не поспевают за ними в силу своего консерватизма	52,9
Младшие и старшие сами интуитивно сегрегируются по платформам, чтобы общаться со своим поколением в комфортной психологической среде	51,3
Те или иные платформы сами изначально нацелены на определенный поколенческий срез, как, например, «Одноклассники» – на старших, а «ВКонтакте» – на молодежь	44,2
Другое	2,1

Заключение

На основании результатов проведенного исследования можно говорить о наличии субъективно ощущаемого сторонами межпоколенческого цифрового разрыва. Он проявляется как в приоритетности и сравнительно лучшем развитии разных типов социально-сетевых цифровых компетенций (разном профиле цифровой грамотности) у поколения молодежи и у старших, так и в стремлении сегрегироваться друг от друга (формат пассивной конфликтности) путем миграции на различные социально-сетевые платформы. Исследователь Ито Мизуко вместе со своими коллегами по этнографическому исследовательскому проекту изучения сетевых практик молодежи подчеркивает ситуацию платформенной сетевой коммуникативной изолированности молодежи: «...сетевые паблики предоставляют молодежи пространство относительной автономии, пространство, где они могут участвовать в обучении и формировании репутации в контексте общения на равных, в основном вне досягаемости контроля со стороны учителей, родителей и других взрослых, имеющих над ними властный авторитет» [9. Р. 339–340]. Как утверждает Ито Мизуко, навыки сетевой коммуникации и цифровая грамотность хотя и требуют от подростков и молодежи целенаправленных усилий по своему овладению, но по большей части транслируются вне сферы формального образования и институциональной социализации.

Одновременно с поколенческой конфликтностью развиваются практики межпоколенческого сотрудничества в области цифровых коммуникаций и социально-сетевой социализации; при этом наставничество часто носит «перевернутый» характер, когда младшие выступают в отношении старших, и особенно пожилых, в качестве менторов и опекунов, адаптирующих их к коммуникации в цифровом мире.

На основании эмпирических исследований намечаются новые контуры концептуализации цифрового поколенческого разрыва как динамического единства сетевого коммуникативного сотрудничества (с элементами менторства и опекунов со стороны младших в рамках семейных сообществ) и се-

тевого коммуникативного обособления (на основе добровольной платформенной сегрегации).

В более широком теоретическом и временном контексте теории диффузии инноваций межпоколенческий цифровой разрыв обречен на постепенное сглаживание, однако сегодня он выступает в качестве одного из культурно-поколенческих маркеров, отделяющего «своих» от «чужаков». Само фрагментарное квазииспользование или полное «не-пользование» (digital disengagement) [10] социально-сетевых платформ является не столько следствием социально-экономического неравенства и депривации, сколько производным от комплекса консервативных культурно-психологических установок и пользовательского протеста старшего поколения. Проблематика различий в поколенческих профилях социально-сетевых цифровых компетенций, межпоколенческой платформенной отстройки и «коммуникативной моды», межпоколенческого сотрудничества и наставничества в области социально-сетевой социализации до сих пор остается terra incognita и нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

1. *van Deursen*. The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality // *International Journal of Communication*. 2017. Vol. 11. P. 452–473.
2. *Добринская Д.Е.* Цифровой разрыв в России: особенности и тенденции // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. С. 100–119.
3. *Van Dijk Jan. A.G.M.* The evolution of the digital divide: The digital divide turns to inequality of skills and usage // *J. Bus, M. Crompton, M. Hildebrandt, & G. Metakides (Eds), Digital enlightenment yearbook*. Amsterdam: IOS Press, 2012. P. 57 – 75.
4. *Prensky Marc*. Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. NCB University Press, 2001. Vol. 9 (5). URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed: 28.11.2020).
5. *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997.
6. *The state of Gen Z 2018*. Research presented by: The Center for Generational Kinetics (GenHQ.com). 2018. URL: <https://genhq.com/generation-z-research-2018/> (accessed: 28.11.2020).
7. *Giancola Frank*. The Generation Gap: More Myth than Reality // *Human Resource Planning*. 2006. Vol. 29 (4). P. 32–37.
8. *Культура сетевых коммуникаций и цифровая грамотность: коллективная монография / А.П. Глухов, М.Н. Бычкова, И.В. Гужова и др.; под ред. А.П. Глухова*. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. 106 с.
9. *Mizuko Ito*. Hanging out, messing around, and geeking out : kids living and learning with new media / Mizuko Ito.p. cm. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series in Digital Media and Learning. 2010. Massachusetts Institute of Technology.
10. *Kuntsman A*. Paradoxes of Digital dis/engagement: a pilot study (concept exploration): Seed project final report / A. Kuntsman, E. Miyake. URL: <https://drive.google.com/file/d/1CztV3DErtqwl5LRtuW3DaR11XQ7g-K/view> (accessed: 28.11.2020).

Andrey P. Glukhov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Yulia M. Stakhovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: juliasstahovsky@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 148–155.

DOI: 10.17223/1998863X/59/14

THE DIGITAL DIVIDE IN THE FOCUS OF INTERGENERATIONAL COMMUNICATION

Keywords: intergenerational digital divide; digital literacy; social networking.

The preamble analyzes discourse on understanding the digital intergenerational divide. The key approaches to the conceptualization of this concept through the prism of socioeconomic and generational approaches in foreign and Russian research discourse are considered. There is a lack of approaches to the analysis of the features of social network behavior of digital and pre-digital generations, their cooperation and conflict in the use of social media. A new conceptualization of the digital generational divide is proposed as a dynamic unity of network communication cooperation (with elements of mentoring and patronizing from the younger ones within family communities) and network conflict isolation (based on voluntary social platform segregation). Based on the assessments and opinions of representatives of the digital generation, identified as a result of a series of field studies within the framework of a research project dedicated to the study of the network culture of the digital generation, generational differences in the profiles of digital competencies are identified, the mechanisms of digital literacy transmission and platform adjustment are analyzed as manifestations of the digital generational divide. In particular, there is a high self-assessment of the level of development of digital competencies on the part of young people and criticality in relation to their digital skills of elders, the presence of a subjective awareness of the digital intergenerational gap on the part of the respondents. Based on the method of mirror mutual assessment by representatives of digital/pre-digital generations of digital competencies and user behavior of each other, the corresponding competence deficits of each generation are identified. The extra-institutional nature of the social network cyber socialization is determined, when its key agents are peers and bloggers, rather than parents and teachers. With regard to the broadcast of digital skills, the phenomenon of “reverse mentoring” and the practice of “digital patronizing/dependence” are described, when grandchildren and children lead their personal accounts for the elderly and carry out online communications with government institutions. Partial platform intergenerational voluntary segregation is analyzed as a trend of “communicative fashion”, a way of communicative detachment from elders and a manifestation of the generational digital divide.

References

1. Van Deursen, A., Helsper, E., Eynon, R. & Van Dijk, J. (2017) The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality. *International Journal of Communication*. 11. pp. 452–473.
2. Dobrinskaya, D.E. (2019) Defining the digital divide in Russia: key features and trends. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5. pp. 100–119. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06
3. Van Dijk, J.A.G.M. (2012). The evolution of the digital divide: The digital divide turns to inequality of skills and usage. In: Bus, J., Crompton, M., Hildebrandt, M. & Metakides, G. (eds) *Digital enlightenment yearbook*. Amsterdam: IOS Press. pp. 57–75.
4. Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. NCB University Press. 9(5). [Online] Available from: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (Accessed: 28th November 2020).
5. Strauss, W. & Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. New York: Broadway Books.
6. The Center for Generational Kinetics (GenHQ.com). (2018) *The state of Gen Z*. [Online] Available from: <https://genhq.com/generation-z-research-2018/> (Accessed: 28th November 2020).
7. Giancola, F. (2006) The Generation Gap: More Myth than Reality. *Human Resource Planning*. 29 (4). pp. 32–37.
8. Glukhov, A.P., Bychkova, M.N., Guzhova, I.V., Okushova, G.A. & Stakhovskaya, Yu.M. (2019) *Kul'tura setevykh kommunikatsiy i tsifrovaya gramotnost'* [Culture of Networked Communications and Digital Literacy]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Mizuko, I. (2010) *Hanging out, messing around, and geeking out: kids living and learning with new media*. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Series in Digital Media and Learning. Massachusetts Institute of Technology.
10. Kuntsman, A. (n.d.) *Paradoxes of Digital dis/engagement: a pilot study (concept exploration)*. Seed project final report. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/1CztV3DErtqwvl5L5RtuW3DaR1lXQ7g-K/view> (Accessed: 28th November 2020).

УДК 316.454: 004.622
DOI: 10.17223/1998863X/59/15

С.А. Кузнецов, А.Ю. Карпова, А.О. Савельев

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ ПЕРЕКРЕСТНЫХ СВЯЗЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ УЛЬТРАПРАВЫХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31583.

В статье представлен анализ современных исследований и методов, направленных на автоматизированное обнаружение экстремистских сообществ, в частности – автоматизированное обнаружение перекрестных связей сообществ социальной сети. В качестве перспективного метода автоматизированного обнаружения перекрестных связей пользователей ультрарадикальных сообществ, в частности ультраправых, предлагается использование существующих парсинговых сервисов.

Ключевые слова: радикализация, социальная сеть, ультраправое сообщество, парсинг, web mining.

В последнее десятилетие охват социальных сетей в интернете радикальными группами расширился и предоставляет воинствующим экстремистам широкие возможности для рекрутинга новых adeptов, выстраивания цепочек взаимодействий, распространения противоправного контента [1]. В частности, экстремистские организации все чаще используют технологии таргетинга – совокупность подходов, направленных на выделение целевой аудитории внутри сообщества, для привлечения новых членов [2]. Недавние исследования показывают, что инструменты вовлечения наиболее эффективны в начале экстремистской деятельности, в фазах радикализации и рекрутинга [3]. Радикальные группы используют свободную и открытую природу интернета для формирования онлайн-сообществ и распространения литературы, учебных материалов в социальных сетях, для которых, в отличие от традиционных средств массовой коммуникации, не существует эффективного инструментария регулирования содержания. Экстремистские организации занимаются направленным таргетингом, рекрутируя новых участников на социальных сайтах, таких как Facebook, «ВКонтакте», и радикализованных веб-форумах, в том числе в рамках отдельных сообществ YouTube, 4chain, 8chan, Gab [4].

Анализ открытых источников по тематике исследования выявил устойчивый, растущий с течением времени интерес исследователей к автоматизации процесса сбора, предварительной обработки, анализа и интерпретации содержания интернет-ресурсов для изучения процесса радикализации. Следует выделить следующие проекты в рассматриваемой области:

а) общетематические исследования процесса радикализации и создания моделей радикализации [5–12];

б) узкотематические исследования различных идеологических платформ радикалов, индивидуальной и групповой динамики мобилизации на совершенные насильственных инцидентов [13–20];

в) создание баз данных по инцидентам, связанным с активностью радикалов и экстремизмом PIRUS [21–23];

г) изучение инструментов анализа данных социальных сетей [24–27].

Таким образом, имеет место факт растущего с течением времени интереса исследователей к автоматизации процесса сбора, предварительной обработки, анализа и интерпретации содержания интернет-ресурсов с целью прогнозирования процесса распространения деструктивного, противоправного контента и радикализации молодежи; прогнозирования инцидентов экстремистской и террористической направленности. Противодействие распространению идеологии терроризма, насильственного экстремизма, а также выявление противоправного контента является ключевой задачей нового Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. Несмотря на значительный прогресс в области контент-анализа интернет-ресурсов, отсутствуют единый комплексный подход к реализации превентивных мер по пресечению распространения деструктивного контента в социальных медиа, и инструменты, позволяющие оперативно выявлять такого рода контент. В частности, инструменты для выявления информации распространяемой ультраправыми радикальными организациями.

Методы автоматизированного обнаружения ультрарадикальных сообществ и перекрестных связей между ними будут полезны для предварительной проверки текстовых документов, уменьшая нагрузку на аналитиков в сфере информационной безопасности [28]. Перекрестные связи – пользователи, являющиеся участниками одновременно хотя бы одного радикального и студенческого сообщества. Использование автоматизированных или полуавтоматических инструментов сбора данных, основанных на анализе содержания текстовых сообщений форумов или веб-сайтов, где обмениваются крайними мнениями, потенциально позволяет оперативно выявить планирование инцидента. Такого рода инструменты полезны аналитикам правоохранительных органов при поиске «цифровых следов» радикалов.

Ультраправые, ультралевые, исламистские онлайн-сообщества представляют собой распространенные типы насильственных экстремистских групп, которые действуют с конкретной целью – воздействие на общественное мнение или разжигание политической нестабильности [29]. Радикальная группа, организующая подстрекательские, но мирные протесты, или политически мотивированный человек, участвующий в гражданском неповиновении, не считаются насильственными экстремистами. Чтобы классифицировать их как насильственных экстремистов, надо идентифицировать их намерения, такие как пропаганда, продвижение, мобилизация на совершение конкретных насильственных инцидентов. Насильственный экстремизм рассматривается как «поощрение, оправдание или поддержка совершения насильственного действия для достижения политической цели, идеологических, религиозных, социальных или экономических целей» [30]. Основная опасность онлайн-радикализации заключается в ее способности быстро «заражать» большие онлайн-сообщества деструктивным контентом.

Анализ современного состояния исследований в данной области позволяет сделать следующие выводы:

1. Большая часть исследований посвящена тому, как воинствующие экстремистские группы используют сайты социальных сетей, а также онлайн-

дискуссионные форумы для рекрутинга и мобилизации на совершение насильственных действий.

2. Компьютерный анализ социальных сетей является одной из наиболее актуальных областей исследований. Основной исследовательской задачей является выявление организационной структуры сетей.

3. Попытки профилировать отдельных пользователей с использованием методов интеллектуального анализа текста являются довольно успешными, примеры тому репозитории, созданные на базе консорциума START, университета Мэриленда: PIRUS, BAAD, IVEO, TEVUS и др. [31].

Потребность в инструментах автоматизированного обнаружения деструктивного контента и радикальных сообществ привела к росту интереса к методам анализа так называемого контента «темной паутины» (Dark Web). Под «темной паутиной» понимается информация, полученная, как правило, с интернет-источников, в рамках которых взаимодействуют экстремисты [32]. Проблема в том, что «темные сети» имеют динамическую природу, и соответствующим образом усложняются задачи по сбору, предварительной обработке, хранению и анализу данных.

Задача сбора информации из социальных сетей, даже при наличии ограничений, устанавливаемых владельцами ресурсов, является к настоящему моменту частично решенной, благодаря разработкам и совершенствованию методов web mining. Нерешенными остаются задачи повышения качества формализации поисковых параметров, например словаря триггерных слов и выражений, под решаемые задачи и точности установления корреляционной зависимости между значениями различных параметров [33].

Наличие некачественных метаданных увеличивает сложности и технические проблемы для сбора данных и лингвистического анализа, увеличивает количество «ложных» срабатываний. Это связано с тем, что пользовательские данные содержат «шум» – флуктуацию значений признаков, описывающих процесс, неправильную грамматику, слова с ошибками, интернет-сленг, аббревиатуры, многоязычный текст, неформальные языковые выражения и т.п.

Применение методологии оценки сходства профилей для выявления экстремистских групп основано на линейном и обобщенном регрессионном моделировании и представляет собой набор инструментов для применения к данным, которые получены в форме наблюдений (именованных групп) по переменным (признакам и поведению групп), чтобы выявить сеть отношений между группами на основе их атрибутов и поведенческого сходства.

Был поставлен исследовательский вопрос – каким образом можно в оперативном режиме проводить мониторинг радикализации студентов, не обладая собственной инфраструктурой мониторинга социальных сетей. Изучая вопрос автоматизации обнаружения ультраправых сообществ в социальных сетях, была сформулирована гипотеза о том, что существуют автоматизированные парсинговые сервисы, позволяющие сотрудникам службы безопасности университета проводить мониторинг социальной сети для определения количества студентов из официальных студенческих сообществ, подписанных на радикальные сообщества, а также использование данных сервисов позволит корректировать программу профилактических мероприятий управления по режиму безопасности университета в рамках выполнения Комплексного плана противодействия экстремизму и терроризму на 2019–2023 гг. В данной

работе рассматривается только информация, находящаяся в свободном доступе в сети интернет. В качестве экспериментальной площадки была выбрана социальная сеть «ВКонтакте». Фокус нашего внимания направлен на ультраправые сообщества. Ультраправые (alt-right) движения, сообщества в зарубежной исследовательской практике чаще всего рассматривают как политический блок, который стремится объединить деятельность нескольких различных экстремистских движений или идеологий. Несмотря на то, что alt-right распространился в международном масштабе, его центр влияния находится в Соединенных Штатах и берет свое начало от Ричарда Спенсера, известного белого националиста, который ввел в оборот термин «alt-right». Ряд различных типов ультраправых отождествляют себя, идентифицируют или мимикрируют под белых националистов. Региональные движения могут иметь совершенно разные приоритеты и острые проблемы, но в то же время разделяют основные идеи белых националистов. Всплеск инцидентов, совершенных ультраправыми группами, наблюдается в последние несколько лет, и исследователи фиксируют экспоненциальный рост количества сообществ такого рода [34, 35].

Парсер – это сервис, который позволяет выявлять и анализировать целевую аудиторию, как правило, для интернет-коммерции. Например, можно найти промпосты, которые конкуренты используют в рекламе, посмотреть, какие из них наиболее популярны. С помощью парсера можно найти тех, кто разместил целевые аудио- и видеофайлы, или получить информацию о количестве лайков, комментариев, репостов и т.п. При этом имеются различные фильтры для сортировки сообществ или пользователей: по интересам, вероисповеданию, количеству контента.

В рамках исследования были рассмотрены 13 общедоступных парсеров для социальной сети «ВКонтакте»: «Гамаюн», CleverTarget, TargetoLOG, MarkFinder, BorstchPetarget, «Лимботаргет», «Барков», PepperNinja, RetargetSexy, SegmentoTarget, TargetHunter 3.0, «ЦереброТаргет», Starcomment.

Специфика работы указанных парсеров в следующем:

- наличие возможности поиска сообществ с аналогичной целевому сообществу аудиторией;
- количество подписчиков и количество пересечений с исходным сообществом социальной сети отображается в абсолютных величинах и процентном соотношении;
- наличие возможности формирования целевой аудитории (список пользователей, состоящих в трех и более целевых сообществах);
- определение лидеров мнений в рамках целевых сообществ – пользователей, обладающих наибольшим количеством подписчиков;
- наличие возможности параметризованного поиска целевой аудитории: по ключевым словам; являющихся участниками нескольких аналогичных сообществ; активных по отдельным постам и т.д.;
- привязка геолокационных данных основана на многоступенчатой оценке данных из разных источников, а не только информации из профиля пользователя;
- категория интересов в профиле пользователя формируется механизмами социальной сети на основе того, куда пользователь заходит, что кликает и т.д.

Для решения поставленной задачи были проанализированы вовлеченность сообщества в радикальные ультраправые группы, а также перекрестные связи между ними и студенческими сообществами, выбранными в качестве экспериментальных. На первом этапе работы был проведен экспертный отбор сообществ с выраженной ультраправой идеологической платформой. В выборку попало тридцать сообществ. На втором этапе с помощью парсинговых сервисов «Барков», Reper.ninja и Target Hunter выявлены пересечения между сообществами по подкатегориям:

- поиск пересечений всех ультраправых групп (выбранных для эксперимента) с отдельно взятым студенческим сообществом;
- поиск пересечения выявленных участников ультраправых сообществ со студенческими.

Обобщенная схема автоматизированного обнаружения перекрестных связей сообществ социальной сети приведена на рис. 1. По этическим соображениям радикальные и студенческие сообщества обозначены как РС и СС соответственно. На третьем этапе работы были сегментированы выявленные перекрестные связи и проведено аналогичное тестирование через другие парсеры для сравнения результатов.

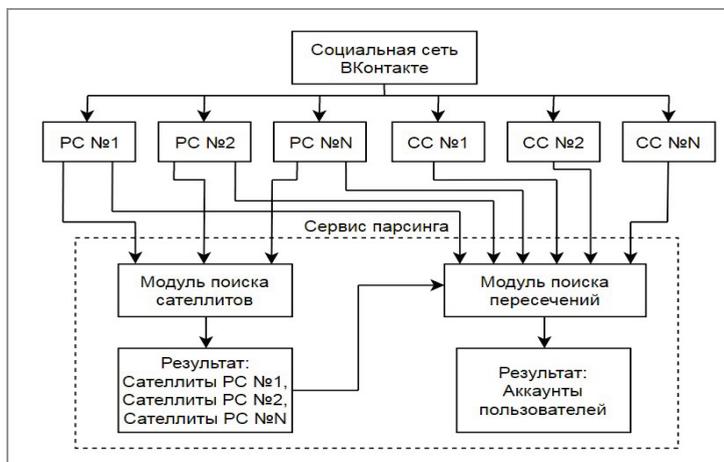

Рис. 1. Обобщенная схема автоматизированного обнаружения перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ социальной сети

Чтобы дать некоторое представление о том, как проводилось исследование, и сравнить производительность каждого парсера, опишем этапы сегментирования и перекрестной проверки. Статистика, представленная в этом разделе, основана на агрегированных результатах.

Последовательность поиска и обнаружения перекрестных связей:

1. Через сервис «Барков» в разделе «Состоящие в нескольких группах» вводятся группа СС № 1 и все выбранные ультраправые группы. Задается значение параметра «состоящих в не менее чем N сообществах одновременно», равное 2.

2. Предыдущую операцию продолжаем для разных количеств сообществ, увеличивая каждый раз на одно, и записываем каждый результат в отдельный файл.

3. Далее через сервис TargetHunter в разделе «Инструменты – Пересечение баз», вводим Аудитория-1: СС № 1, Аудитория-2 – список ссылок пользователей из каждого файла по пересечению. Получаем результат – участники, состоящие в группе СС № 1 и в группах ультраправых с количеством пересечений не менее заданного числа. Выполняем данную операцию для каждого файла.

4. Так как сервис «Барков» позволяет искать пересечения пользователей, состоящих в количестве сообществ «не менее чем», необходимо обработать полученный результат, убрав пользователей, находящихся одновременно в разных пересечениях. Правильный результат у большего количества пересечений.

5. Предыдущие операции повторяем для сообщества СС № 2.

6. Повторяем те же операции в другом парсинговом сервисе. Сравниваем результат. По итогам тестирования – результат сравнения обнаруживает набор со значительной точностью.

В качестве эксперимента были выбраны два крупных студенческих сообщества СС № 1 и СС № 2 с количеством подписчиков 22 000 и 1 600 соответственно, наиболее полно представляющих студенческую аудиторию университета. Экспертом были выбраны наиболее активные радикальные ультраправые сообщества, их количество составило 30. Фильтрация от ботов предусматривается средствами парсингового сервиса.

Далее по предложенному алгоритму были найдены пользователи, состоящие в радикальных ультраправых сообществах. Также были найдены пользователи, состоящие одновременно в нескольких радикальных ультраправых сообществах. Визуализация полученных результатов приведена на рис. 2.

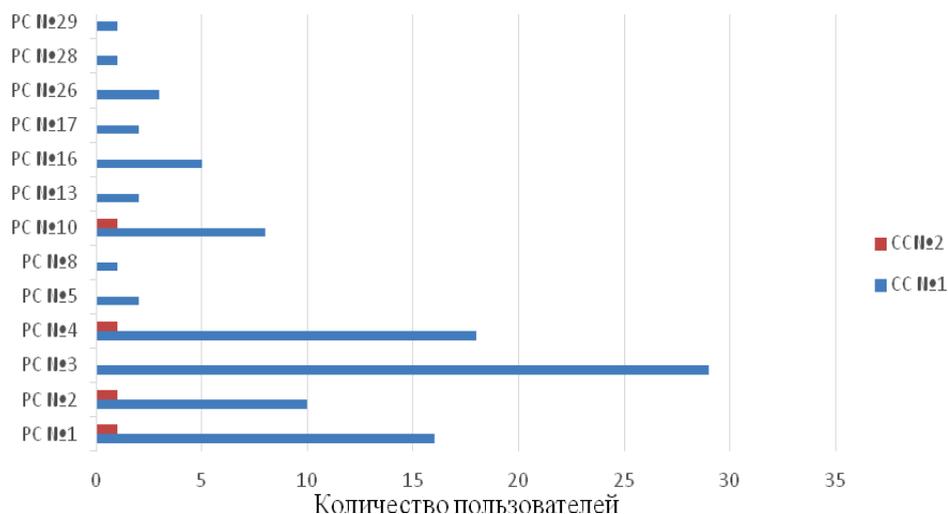

Рис. 2. Гистограмма пересечения сообществ СС и РС

Для радикальных ультраправых сообществ, которые не указаны на рис. 2, пересечения не обнаружены.

Также были найдены пользователи, состоящие одновременно в нескольких радикальных ультраправых сообществах. Результаты показаны на рис. 3.

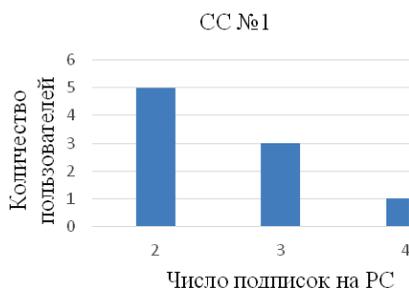

Рис. 3. Гистограмма одновременного нахождения пользователей в разных РС

На рис. 3 отображена информация для пользователей, находящихся одновременно в двух и более радикальных ультраправых сообществах. В сообществе СС № 2 пользователей, состоящих в более чем в 1 РС, на момент проведения исследования не выявлено.

Заключение

Результаты, представленные в этой статье, подтверждают вывод о том, что автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей радикальных ультраправых сообществ в социальной сети является достижимой целью.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что данный подход расширяет возможности исследователей, не имеющих собственной инфраструктуры мониторинга и анализа социальных сетей с целью изучения процесса радикализации.

Проверив эффективность нашей гипотезы через парсинговые сервисы для реальных условий, мы продемонстрировали, что такие инструменты автоматизированного обнаружения будут четко вписываться в рабочий процесс групп по анализу информации.

Однако исследование показало, что различные парсинговые сервисы на аналогичные запросы предоставляют отличные друг от друга результаты. Поскольку внутренняя логика работы этих сервисов является скрытой, однозначно указать причину несовпадения результатов не представляется возможным. Также следует отметить, что, хотя существующие решения могут быть использованы в качестве инструментов выявления целевых сообществ в социальных сетях, предоставляемые ими функции не являются достаточными при решении задач выявления деструктивных идеологических платформ и могут применяться лишь на начальных этапах соответствующих социологических исследований.

Таким образом, актуальной и все еще нерешенной является задача разработки программного инструментария автоматизации социологических исследований на основе данных, извлекаемых из социальных сетей. В настоящее время научная группа ТПУ проводит тестирование разработанного специализированного парсера под вышеобозначенные задачи.

Литература

1. Overbey L.A, McKoy G., Gordon J., McKittrick S. Automated sensing and social network analysis in virtual worlds // Intelligence and Security Informatics (ISI). IEEE, Vancouver, BC, Canada, 2010. P. 179–184.

2. *Lakomy M.* Let's Play a Video Game: Jihadi Propaganda in the World of Electronic Entertainment, *Studies in Conflict & Terrorism*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1057610X.2017.1385903?scroll=top&needAccess=true#aHR0cHM6Ly93d3cudGFuZGZvbmxpbmUuY29tL2RvaS9wZGYvMTAuMTA4MC8xMDU3NjEwWC4yMDE3LjEzODU5MDM/bmVIZEFjY2Vzc210cnVlQEBAMA==> (accessed: 30.10.2019).
3. *Torok R.* Developing an explanatory model for the process of online radicalization and terrorism // *Security Informatics*. 2013. Vol. 2, № 1. P. 1–10. DOI: 10.1186/2190-8532-2-1
4. *The New York Times.* Zeynep Tufekci. How Everyday Social Media Users Become Real-World Extremists. March 10, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/10/opinion/sunday/youtube-politicsradical.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> (accessed: 28.07.2019).
5. *Borum R.* Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36.
6. *McCauley C., & Moskaleiko S.* Understanding political radicalization: The two-pyramids model // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72, № 3. P. 205–216.
7. *Neumann P.R.* Old and New Terrorism. Cambridge: Polity Press, 2009.
8. *Braniff W.* Recasting and Repositioning CVE as a Grand Strategic Response to Terrorism. START (November). 2017. URL: <https://www.start.umd.edu/news/recasting-and-repositioning-cve-grand-strategic-response-terrorism> (accessed: 18.12.2018).
9. *Hamm M., Spaaij R.* Lone wolf terrorism in America: Using knowledge of radicalization pathways to forge prevention strategies. Final grant report to NIJ. 2015. URL: www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/248691.pdf (accessed: 11.05.2018).
10. *Raab J., Milward H.B.* Dark Networks as Problem // *Journal of Public Administration research and Theory*. 2003. Vol. 13, № 4. P. 413–439.
11. *Gerdes L.M.* Illuminating Dark Networks: The Study of Clandestine Groups and Organizations (New York: Cambridge University Press, 2015);
12. *Krebs V.* Mapping Networks of Terrorist Cells // *Connections*. 2002. Vol. 24. P. 43–52.
13. *Fact Sheet: Far-Right Fatal Ideological Violence against Religious Institutions and Individuals in the United States: 1990-2018.* URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf (accessed: 05.03.2019).
14. *Application of a Profile Similarity Methodology for Identifying Terrorist Groups that Use or Pursue CBRN Weapons.* Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-19656-0_5 (accessed: 04.02.2019).
15. *Kruglanski A.W., Fernandez J.R., Factor A.R., Szumowska E.* Cognitive mechanisms in violent extremism. 2018. Elsevier. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008> (accessed: 11.02.2019).
16. *Kruglanski A.W.* Violent radicalism and the psychology of prepossession. *Social Psychological Bulletin*, 2018. 13(4), Article e27449. URL: <https://doi.org/10.32872/spb.v13i4.27449> (accessed: 25.01.2019).
17. *Langman P.* Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders // *American Behavioral Scientist*. 2018. Vol. 62, № 2. P. 210–228.
18. *Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C.* Contagion in Mass Killings and School Shootings // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10, № 7. P. e0117259. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259> (accessed: 25.01.2019).
19. *Caiani M., Wagemann C.* Online networks of the Italian and German extreme right // *Information, Communication & Society*. 2009. Vol. 12:1. P. 66–109. DOI: 10.1080/13691180802158482
20. *Southern Poverty Law Center.* Hate & Extremism. URL: <https://www.splcenter.org/> (accessed: 08.03.2019).
21. *START 2017.* Overview: Profiles of Individual Radicalization in the United States-Foreign Fighters. URL: <https://www.start.umd.edu/> (accessed: 15.02.2019).
22. *Project 2018–2020 «A Multi-Level Approach to the Study of Violent Extremism»*, Investigators: Gary LaFree, Michael Jensen, STAR (accessed: 02.03.2019).
23. *Project 2018–2019 «Social Media Influencers: Re-domaining Fashion Industry Forecasting to Anticipate Online Extremist Radicalization»*, Investigators: Barnett S. Koven, Ramon F. Brena, START (accessed: 02.03.2019).
24. *Cohen K., Johansson F., Kaati L., Mork J.C.* Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26. P. 246–256.

25. Xie D., Xu J., Lu T.-C. Automated Classification of Extremist Twitter Accounts Using Content-Based and Network-Based Features, 2016. IEEE International Conference on Big Data. P. 2545–2549.
26. Gilani Z., Kochmar E., Crowcroft J. Classification of Twitter Accounts into Automated Agents and Human Users // Proceedings of the 2017 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining 2017. P. 489–496.
27. Pennebaker J.W., Booth R.J., Boyd R.L., Francis M.E. Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015. 2015. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates (www.LIWC.net) (accessed: 23.01.2019).
28. Yang M., Kiang M., Chen H., Li Y. Artificial immune system for illicit content identification in social media // J. Am. Soc. Inf. Sci. Technol. 2012. Vol. 63, № 2. P. 256–269. DOI: 10.1002/asi.21673
29. START Research. Where the Extremes May Touch: The Potential for Collaboration Between Islamist, Right- and Left-Wing Extremists. URL: <https://www.start.umd.edu/research-projects/where-extremes-may-touch-potential-collaboration-between-islamist-right-and-left> (accessed: 28.07.2019).
30. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36.
31. Карпова А.Ю. Механизмы индивидуальной радикализации в процессе самоорганизации молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики: сборник / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. Сер.: Демография. Социология. Экономика. М., 2019. С. 69–81.
32. Fu T., Abbasi A., Chen H. A focused crawler for dark web forums // J. Am. Soc. Inf. Sci. Technol. 2010. Vol. 61, № 6. P. 1213–1231.
33. Карпова А.Ю. Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 159–181.
34. START Fact Sheet. October 2018. Far-Right Fatal Ideological Violence against Religious Institutions and Individuals in the United States: 1990–2018. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf
35. Smith A.G. How Radicalization to Terrorism Occurs in the United States: What Research Sponsored by the National Institute of Justice Tells Us. National Institute of Justice / NIJ.ojp.gov (accessed: 28.07.2019).

Sergey A. Kuznetsov, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ksall1@tpu.ru

Anna Yu. Karpova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: belts@tpu.ru

Aleksey O. Savelev, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sava@tpu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 156–166.

DOI: 10.17223/1998863X/59/15

AUTOMATED DETECTION OF ULTRA-RIGHT COMMUNITIES' CROSS-LINKS IN A SOCIAL NETWORK

Keywords: radicalization; social network; ultra-right community; parsing; web mining.

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31583.

In the last decade, the coverage of social networks on the Internet by radical groups has expanded and provided militant extremists with many opportunities to recruit new adherents, build chains of interactions, and distribute illegal content. Extremist organizations engage in targeting, recruiting new members on social sites such as Facebook, VKontakte, and on radicalized web forums, including within individual communities. The main danger of online radicalization lies in its ability to quickly “infect” large online communities with destructive content. On the other hand, the Internet facilitates the study of extremist views. The use of automated or semi-automatic data collection tools based on the analysis of the website text content where extreme opinions are potentially distributed allows identifying incident planning quickly. As part of the study, we formulate an assumption on the effectiveness of using existing parsing services to automate the detection of cross-links between ultra-right community users. In this article, we consider only information that is freely available on the

Internet. As an experimental site, we chose the social network VKontakte. To solve the problem, we analyzed the involvement of the community in radical far-right groups, as well as cross-links between them and student communities selected as experimental. Two student communities SC 1 and SC 2 were selected with the number of subscribers 22,000 and 1,600, respectively. The expert selected 30 radical ultra-right communities. According to the proposed algorithm, we found users who are members of a radical far-right community, as well as users who are simultaneously members of several radical far-right communities. The study showed that automated detection of cross-links between users of radical far-right communities in a social network is an achievable goal. However, various parsing services for similar requests provide results different from each other. Thus, the challenge remains to develop software tools for automating sociological research based on data retrieved from social networks.

References

1. Overbey, L.A., McKoy, G., Gordon, J. & McKittrick, S. (2010) Automated sensing and social network analysis in virtual worlds. *Intelligence and Security Informatics (ISI)*. IEEE, Vancouver, BC, Canada, 2010. pp. 179–184.
2. Lakomy, M. (n.d.) *Let's Play a Video Game: Jihadi Propaganda in the World of Electronic Entertainment, Studies in Conflict & Terrorism*. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1057610X.2017.1385903?scroll=top&needAccess=true#aHR0cHM6Ly93d3cudGFuZGZvbmxpbmUuY29tL2RvaS9wZGYvMTAuMTA4MC8xMDU3NjEwWC4yMDE3LjEzODU5MDM/bmVIZEFjY2Vzcz10cnVlQEBAMA==> (Accessed: 30th October 2019).
3. Torok, R. (2013) Developing an explanatory model for the process of online radicalization and terrorism. *Security Informatics*. 2(1). pp. 1–10. DOI: 10.1186/2190-8532-2-1
4. Tufekci, Z. (2018) How Everyday Social Media Users Become Real-World Extremists. *The New York Times*. 10th March. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2018/03/10/opinion/sunday/youtube-politicsradical.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> (Accessed: 28th July 2019).
5. Borum, R. (2011) Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4). pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
6. McCauley, C. & Moskaleiko, S. (2017) Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. 72(3). pp. 205–216. DOI: 10.1037/amp0000062
7. Neumann, P.R. (2009) *Old and New Terrorism*. Cambridge: Polity Press.
8. Braniff, W. (2017) *Recasting and Repositioning CVE as a Grand Strategic Response to Terrorism*. [Online] Available from: <https://www.start.umd.edu/news/recasting-and-repositioning-cve-grand-strategic-response-terrorism> (Accessed: 18th December 2018).
9. Hamm, M. & Spaaij, R. (2015) *Lone wolf terrorism in America: Using knowledge of radicalization pathways to forge prevention strategies*. Final grant report to NIJ. [Online] Available from: www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/248691.pdf (Accessed: 11th May 2018).
10. Raab, J. & Milward, H.B. (2003) Dark Networks as Problem. *Journal of Public Administration research and Theory*. 13(4). pp. 413–439.
11. Gerdes, L.M. (2015) *Illuminating Dark Networks: The Study of Clandestine Groups and Organizations*. New York: Cambridge University Press.
12. Krebs, V. (2002) Mapping Networks of Terrorist Cells. *Connections*. 24. pp. 43–52.
13. Start.umd.edu. (n.d.) *Fact Sheet: Far-Right Fatal Ideological Violence against Religious Institutions and Individuals in the United States: 1990–2018*. [Online] Available from: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf (Accessed: 5th March 2019).
14. Breiger, R.L. et al. (2011) Application of a Profile Similarity Methodology for Identifying Terrorist Groups That Use or Pursue CBRN Weapons. In: Salerno, J., Yang, S.J., Nau, D. & Chai, S.K. (eds) *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction*. SBP 2011. Lecture Notes in Computer Science. Vol 6589. Berlin, Heidelberg: Springer. DOI: 10.1007/978-3-642-19656-0_5
15. Kruglanski, A.W., Fernandez, J.R., Factor, A.R. & Szumowska, E. (2018) Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*. 188. pp. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008
16. Kruglanski, A.W. (2018) Violent radicalism and the psychology of prepossession. *Social Psychological Bulletin*. 13(4). Article e27449. DOI: 10.32872/spb.v13i4.27449
17. Langman, P. (2018) Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*. 62(2). pp. 210–228. DOI: 10.1177/0002764217739663

18. Towers, S., Gomez-Lievano, A., Khan, M., Mubayi, A. & Castillo-Chavez, C. (2015) Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 10(7). Article e0117259. DOI: 10.1371/journal.pone.0117259 (Accessed: 25th January 2019).
19. Caiani, M. & Wagemann, C. (2009) Online networks of the Italian and German extreme right. *Information, Communication & Society*. 12(1), pp. 66–109. DOI: 10.1080/13691180802158482
20. Southern Poverty Law Center. *Hate & Extremism*. [Online] Available from: <https://www.splcenter.org/> (Accessed: 8th March 2019).
21. Start.umd.edu. (2017) *Overview: Profiles of Individual Radicalization in the United States-Foreign Fighters*. [Online] Available from: <https://www.start.umd.edu/> (Accessed: 15th February 2019).
22. Start.umd.edu. (n.d.) *Project 2018–2020 “A Multi-Level Approach to the Study of Violent Extremism”*. Investigators: Gary LaFree, Michael Jensen. (Accessed: 2nd March 2019).
23. Start.umd.edu. (n.d.) *Project 2018–2019 “Social Media Influencers: Re-defining Fashion Industry Forecasting to Anticipate Online Extremist Radicalization”*. Investigators: Barnett S. Koven, Ramon F. Brena. (Accessed: 2nd March 2019).
24. Cohen, K., Johansson, F., Kaati, L. & Mork, J.C. (2014) Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media. *Terrorism and Political Violence*. 26. pp. 246–256. DOI: 10.1080/09546553.2014.849948
25. Xie, D., Xu, J. & Lu, T.-C. (2016) Automated Classification of Extremist Twitter Accounts Using Content-Based and Network-Based Features. *IEEE International Conference on Big Data*. pp. 2545–2549.
26. Gilani, Z., Kochmar, E. & Crowcroft, J. (2017) Classification of Twitter Accounts into Automated Agents and Human Users. *Proceedings of the 2017 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining*. pp. 489–496.
27. Pennebaker, J.W., Booth, R.J., Boyd, R.L. & Francis, M.E. (2015) *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates (www.LIWC.net). (Accessed: 23rd January 2019).
28. Yang, M., Kiang, M., Chen, H. & Li, Y. (2012) Artificial immune system for illicit content identification in social media. *Journal of American Society for Information Science and Technology*. 63(2), pp. 256–269. DOI: 10.1002/asi.21673
29. Start.umd.edu. (n.d.) *START Research. Where the Extremes May Touch: The Potential for Collaboration Between Islamist, Right- and Left-Wing Extremists*. [Online] Available from: <https://www.start.umd.edu/research-projects/where-extremes-may-touch-potential-collaboration-between-islamist-right-and-left> (Accessed: 28th July 2019).
30. Borum, R. (2011) Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4), pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
31. Karpova, A.Yu. (2019) Mekhanizmy individual'noy radikalizatsii v protsesse samoorganizatsii molodezhi [Mechanisms of individual radicalization in the process of self-organization of youth]. In: Ryazantsev, S.V. & Rostovskaya, T.K. (eds) *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and youth policy: new meanings and practices]. Moscow: Ekon-infom. pp. 69–81.
32. Fu, T., Abbasi, A. & Chen, H. (2010) A focused crawler for dark web forums. *Journal of American Society for Information Science and Technology*. 61(6), pp. 1213–1231. DOI: 10.1002/asi.21323
33. Karpova, A.Yu. Saveliev, A.O., Vilnin, A.D. & Chaykovsky, D.V. (2020) Studying online radicalization of youth through social media (interdisciplinary approach). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3(157), pp. 159–181. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585
34. Start.umd.edu. (2018) Far-Right Fatal Ideological Violence against Religious Institutions and Individuals in the United States: 1990–2018. *START Fact Sheet*. October 2018. [Online] Available from: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf
35. Smith, A.G. (n.d.) *How Radicalization to Terrorism Occurs in the United States: What Research Sponsored by the National Institute of Justice Tells Us*. National Institute of Justice / NIJ.ojp.gov (Accessed: 28th July 2019).

УДК 316.4.066

DOI: 10.17223/1998863X/59/16

Е.А. Попов, О.Н. Замятина

«ЛУЧ СВЕТА В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КРАТКОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена рассмотрению социального оптимизма жителей Алтайского края. Социологическое исследование показало, что большинство жителей выражают социальный оптимизм в краткосрочной перспективе. Неоднозначность таких результатов связана с тем, что Алтайский край имеет не самые высокие по сравнению с другими регионами России показатели качества жизни, однако большинство людей относят себя к оптимистичным.

Ключевые слова: социальный оптимизм, счастье, Алтайский край.

Постановка исследовательской проблемы

Каждый российский регион живет по-своему, решает свои актуальные социальные проблемы в силу сложившейся социально-экономической и социально-политической региональной специфики. Алтайский край среди прочих субъектов Российской Федерации занимает одно из последних мест, и такая ситуация практически не изменялась на протяжении довольно длительного времени. По многим показателям развития регион уступает другим регионам не только в масштабе всей страны, но и на уровне Сибирского федерального округа. Например, по итогам 2010 г. инвестиции в основной капитал для края достигли предпоследнего показателя по регионам округа, в то же время объем долга по отношению ко всем доходам консолидированного бюджета вывел Алтайский край на «лидирующие» позиции [1. С. 26, 30], а в 2019 г. в рейтинге средних зарплат в малых и средних населенных пунктах субъектов Российской Федерации край показал только 70-й результат [2]. Кроме того, по данным фонда «Петербургская политика» за декабрь 2019 г., Алтайский край как в 2009 г., так и в 2019 г. входит в число 20 регионов России с самым низким уровнем доходов [3]. В основном разнообразные рейтинги оперируют понятием «качество жизни», которое «являет собой сложный функциональный феномен. Оно не только выступает важным показателем и стратегической целью развития территории, но и во многом определяет жизнедеятельность горожан» [4. С. 140]. Разумеется, этот показатель рассчитывается и для сельского населения, но он обязательно должен включать социальный оптимизм и, возможно, уровень счастья людей.

Между тем индекс счастья российских городов, рассчитанный мониторинговым агентством NewsEffector совместно с фондом региональных исследований «Регионы России», отвлел столице Алтайского края г. Барнаулу только 61-е место и 81-е место г. Бийску. При этом на вопрос «Вы чувствуете себя счастливым в Вашем городе?» 67% барнаульцев ответили положительно (<https://www.gosrf.ru/news/5927>). Ситуация, конечно, может меняться в целом

по региону: проведенное в 2018 г. на факультете социологии Алтайского государственного университета (АлтГУ) социологическое исследование обнаружило 52% счастливых жителей края с учетом сельского населения. Индекс показательный, хотя вызывает все же множество вопросов. Один из таких вопросов – о социальном оптимизме в крае – и поставлен в центр настоящей статьи. Счастье, оптимизм, субъективное благополучие – вещи нераздельные в условиях современной социальной реальности. Так, например, в работе О.В. Васильевой приведены коэффициенты корреляции между состоянием оптимизма и оценкой респондентами уровня своего счастья [5. С. 36], в другом исследовании приводится интегральный показатель общего восприятия социального благополучия, при расчете которого также учитывается оптимизм («я всегда смотрю на свое будущее с оптимизмом»: согласен / не согласен») [6. С. 27]. В этом контексте важное значение также приобретает фактор удовлетворенности жизнью: «среднее значение удовлетворенности жизнью в России составило 5,79 балла по шкале от 0 до 10, среднее значение уровня счастья – 6,22» [7. С. 66]. Как видим, «общероссийское счастье» невелико, но все же превосходит медиану. В этой связи закономерен вопрос: если жители края в большинстве своем чувствуют себя счастливыми, несмотря на сложности регионального развития (и главную из них – невысокий уровень жизни), то, может быть, это связано с социальным оптимизмом (люди счастливы, потому что с оптимизмом смотрят в будущее)? Ответ на этот вопрос важен с точки зрения определения перспектив развития региона, пока же мы в краткосрочной перспективе дадим оценку социальному оптимизму населения края.

Социальный оптимизм: экзистенция или полилог с реальностью

Научный дискурс относительно социального оптимизма активно начал формироваться в социальном знании в течение последнего десятилетия. По сути дела стимулом для включения понятия «социальный оптимизм» в актуальные исследовательские практики социологов, скорее всего, можно считать философские представления о счастье, прогрессе, социальном самочувствии, социальных надеждах и разочарованиях. Так, например, по выражению К.Х. Момджяна, «общепризнано, что идея прогресса – восходящего развития, усовершенствования общества – играла колоссальную роль в самосознании европейской цивилизации» [8. С. 36]. Между тем «анализ феномена социального оптимизма позволяет осмыслить его сущность и роль в преобразовании социальной реальности, особенностей влияния протекающих процессов социокультурной динамики на изменение когнитивной, эмоциональной и волевой составляющих мотивационной сферы индивида. Социальный оптимизм включает в себя такие структурные элементы, как уверенность, вера, надежда, позитивные ожидания будущего» [9].

Рассмотрение социального оптимизма в плоскости «самосознания цивилизации» вполне оправдано, поскольку он может повлиять на перспективы прогресса и в то же время задать тон для дискуссий по поводу будущего состояния социального мира. В любом случае социальный оптимизм в руках социолога – это возможность показать, как в умах и душах людей уже утрачены или еще наличествуют светлые представления о будущем в различных вариантах взаимодействия человека, общества и культуры. Вероятно, соци-

альный оптимизм можно соотнести и с *социальным ресурсом*, под которым подразумевается «включенность в различных отношениях (дружеских, родственных, земляческих и т.д.), обеспечивающих доступ к ресурсам других участников сетей или более эффективное их использование с их помощью собственных» [10. С. 50]. Помимо этого, социальный оптимизм может рассматриваться и как *личный ресурс*, а значит, «формирование социального оптимизма как личного ресурса определяется сдержанным отношением или неприятием коллективных форм или опеки, вмешательства государства и верой в собственные силы, возможности не просто как-то устроиться в жизни, но и, действуя на свой страх и риск, достичь определенной степени самореализации» [11. С. 141]. Условно говоря, социальный оптимизм как социальный ресурс – это надежда на лучшее, а как личный ресурс – это вера в светлое будущее.

Разница здесь в том, что надежда – это скорее сдержанный, подверженный объективным в виде социальных тенденций и субъективным в форме общественных ожиданий взгляд социума вперед, а вера – это человеческая экзистенция, сопряженная с переживаниями, радостью, гордостью, осознанием вечности или кратковременности бытия, и т.д. Логично в связи с этим предположить, что «социальный оптимизм, таким образом, являясь, с одной стороны, проекцией влияния внешней среды, с другой – во многом определяется осознанием личной ресурсоспособности. Вера в собственные силы помогает сконцентрироваться на уходе от общественных проблем как проблем, не имеющих принципиального значения для того, чтобы достичь состояния „жизнь удалась“» [Там же].

Социологу предстоит дифференцировать «надежду» и «веру» для того, чтобы понять, что стоит за социальным оптимизмом населения – полилог с реальностью, когда люди, например, чувствуют заботу со стороны государства, могут реализовать свои гражданские инициативы, или же это состояние экзистенции, когда человек черпает оптимизм из своих внутренних резервов и ресурсов, и в этом случае его субъективные представления в достаточной степени изменчивы и спонтанны. Заслуживает внимания и то обстоятельство, при котором несчастливый человек может оказаться оптимистом, а счастливый, наоборот, пессимистом.

Поэтому не стоит забывать, что существует и обратная сторона оптимизма – пессимизм. Ученые все чаще в своих исследованиях обращаются к данному понятию для того, например, чтобы показать закономерность: «сужение временной перспективы и рост пессимизма происходили постепенно, и надежды на возможную позитивную динамику со временем сменились чувством безысходности» [12. С. 108]. Этот вывод последовал по результатам изучения настроений жителей села, однако нам стало интересно измерить «чувство безысходности» населения Алтайского края не только в селе, но и в черте города, а также показать, насколько безысходность «мешает» повысить или снизить градус социального оптимизма.

Обзор социально-экономического положения и региональных особенностей Алтайского края: кризис или есть надежда?

Безусловно, Алтайский край – достаточно перспективный регион в социально-экономическом плане: прежде всего, в сельском хозяйстве край остается

ся на лидирующих позициях в стране. В несколько более сложном положении находится промышленное производство, однако к концу 2018 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, наметились сдвиги в положительную сторону в увеличении объема товаров и продукции собственного производства [13], что свидетельствует о тенденции выхода из индустриального кризиса. Эта тенденция пока не позволяет сделать вывод о существенном скачке в промышленности края, однако уже сейчас может опосредованно сказаться на уровне социального оптимизма населения. Пока по-прежнему острой остается проблема безработицы, особенно в сельской местности.

Несмотря на трудности развития и в связи с этим не самые высокие экономические показатели в сравнении с другими регионами и России, и Сибирского федерального округа, край занимает активную позицию не для «выживания», а для существенных изменений, способных повлиять на уровень жизни населения. Отчасти откликом на это положение дел является выражение социального оптимизма жителей края, хотя бы и в краткосрочной перспективе.

В последнее время социально-экономические и социокультурные особенности Алтайского края исследователи в основном связывают с приграничным положением края, поскольку он граничит на юге и западе с Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Казахстана. В научном дискурсе выделяются следующие характерные черты края, которые возникают в силу, прежде всего, его географического приграничного положения: во-первых, «по результатам самооценки населением приграничных регионов своего материального положения в настоящее время к бедным и очень бедным себя отнесли 16,0% (в том числе к последним – 2,0%). Средне оценили свое материальное положение 69,3% населения региона; 14,7% отметили, что живут достаточно обеспеченно...» [14. С. 179–180].

Во-вторых, Алтайский край можно отнести к регионам с высокими показателями рисков социальной эксклюзии и социальной безопасности лиц пожилого возраста [15]. Кроме того, в-третьих, эксперты обнаружили, что «массовый отток молодежи из села привел к качественным сдвигам в демографической структуре сельского населения Алтайского края... в отдельных периферийных районах, преимущественно в небольших селах, критически затруднено демографическое воспроизводство. Такие изменения не остались без внимания сельских жителей: в рейтинге социальных проблем села в 2017 г. миграция молодежи переместилась на второе место после безработицы...» [16. С. 172]. Помимо этого, в-четвертых, край демонстрирует активность национально-культурных объединений в содействии социальной адаптации и интеграции этнических сообществ [17], что сглаживает многие проблемы межнационального взаимодействия и значительно снижает опасность разрастания соответствующих конфликтов в этнической среде. Это обстоятельство имеет важное значение для развития приграничного региона [18].

Как видим, на фоне определенных социально-экономических сложностей развития края, таких как, например, недостаточно высокий уровень материального обеспечения населения и рост безработицы, миграционные потери и сложности демографического воспроизводства и т.д., у региона тем не менее имеется ряд преимуществ, которые, безусловно, могут сказываться на

социальном оптимизме жителей. К таким преимуществам можно отнести внедрение социальных программ, повышающих социальное благополучие населения, что становится приоритетом стратегического развития системы социальной защиты населения в крае [19]; прирост индекса производства продукции сельского хозяйства и ее реализации, а также валовые сборы сельскохозяйственных культур [20]; высокий уровень преемственности основных традиционных ценностей в алтайских семьях и их транслирования последующим поколениям [21], что наиболее важно для социального самочувствия людей и в целом социальной динамики поколений [22] и т.д. Но, разумеется, не только социально-экономические показатели влияют на отношение населения края к жизни, оказывая, таким образом, воздействие на формирование и социального оптимизма, и счастья. Как полагают исследователи, «на уровне обыденного сознания счастье часто отождествляется с благосостоянием, высшим благом, рассматривается как наивысшее достижение, включающее в себя все иные желаемые приобретения, в том числе богатство, здоровье, работу, славу, любовь, уважение, спокойствие, семью, детей, радости и т.д.» [23. С. 121].

Социальный оптимизм, вслед за счастьем, возникает и в силу того, что население проживает в благоприятных климатических или иных территориальных условиях. При проведении эмпирического исследования мы учитывали это обстоятельство и задавали респондентам вопрос, в частности, о том, каким образом влияет на их социальный оптимизм географическое положение Алтайского края, удаленность от европейской части страны, особенности климата, самоидентификация себя с сибиряками («сибирское здоровье», «сибирская удаль») и т.д.

Таким образом, исходя из объективных данных, полученных в ходе различных прикладных исследований, Алтайский край постоянно и на протяжении длительного времени испытывает сложности социально-экономического развития, особенности в секторе промышленного производства, но вместе с тем в силу своего приграничного положения, особенных климатических и иных территориальных и социокультурных специфических черт способствует формированию социального оптимизма у населения, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Характеристика эмпирического исследования

Социологи АлтГУ дважды затрагивали проблему социального оптимизма населения Алтайского края: в 2018 г. было осуществлено исследование, посвященное непосредственно изучению социального оптимизма, и в 2018–2019 гг. исследование лишь частично затрагивало указанную проблематику. Между тем на основе обобщения полученных данных определяемая краткосрочная перспектива составляет не более одного года. Этот показатель может быть объективирован несколькими моментами, например необходимостью ежегодной реализации запланированных в регионе целевых социальных программ, что может повлиять на настроения жителей при решении значимых социальных проблем или, напротив, невыполнении социальных обязательств. Также имеет значение состояние демографических процессов: оно должно быть более-менее стабильным в течение года, а органы власти готовят ежегодные отчеты о состоянии процессов в регионе (движение населения: рождаемость / смертность, миграция и т.д.). Свою роль, хотя и опосредованно,

играет повышение или понижение рейтинга региона в общероссийских подсчетах (колебания, как правило, происходят ежеквартально, однако в среднем за год такой рейтинг показывает почти константный результат). Таким образом, краткосрочная перспектива социального оптимизма может быть очерчена рамками одного года или менее.

Значение определения социального оптимизма в течение одного года можно признать оправданным, поскольку, как полагают исследователи, «чувство, что затрачиваемые усилия не приносят результата, приводит к сужению временной перспективы до точки сегодняшнего выживания, индивид отказывается от усилий, направленных на постановку отдаленных целей, перспективное планирование и выработку рациональных стратегий реализации намеченного. Активность приобретает хаотичный характер, ее эффективность еще больше снижается, и чувство беспомощности и утраты контроля над событиями собственной жизни растет. Круг замыкается» [12. С. 108]. «Круг» социального оптимизма – это тот момент, когда люди, несмотря на имеющиеся сложности, меняют свой взгляд на мир и на жизнь, и, возможно, это способно повлиять на снижение уровня социальной напряженности, преступности, конфликтов на национальной почве и т.д. Пусть это изменение окажется не очень продолжительным по времени, однако оно укрепляет волю народа, открывает возможности для новых социальных проектов.

В ходе эмпирического исследования и в первом (2018), и во втором (2018–2019) случаях использовался массовый социологический опрос жителей Алтайского края. В первом исследовании «От социального пессимизма к социальному оптимизму в Алтайском крае» приняли участие 912 респондентов (выборка по возрасту, полу, роду деятельности), второе исследование «Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае» проводилось в виде опроса населения по квотной стратифицированной выборке методом стандартизированного интервьюирования (1 220 респондентов в четырех городах и шести районах Алтайского края). Основные выводы в настоящей статье представлены по первому исследованию, второе исследование еще продолжается (под рук. В.В. Нагайцева), однако некоторые данные, полученные в ходе его проведения, также могут быть интересны. Кроме того, результаты региональных измерений в ряде случаев соотносились с периодически проводимым начиная с 2010 г., опросом «ФОМнибус» «Социальный оптимизм: краткосрочная перспектива» (53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1 500 респондентов) (<https://bd.fom.ru/report/map/d221907>).

Для целей исследования был разработан соответствующий оригинальный инструментарий. В частности, ключевыми показателями социального оптимизма были определены следующие характеристики: 1) отношение к жизни в целом, включая мировоззренческую позицию (взгляды на жизнь, религиозность, политическая ориентация, *modus vivendi* и др.); 2) отношение к окружающим, в том числе к органам власти, их действиям; 3) отношение к географическому пространству (любовь к малой родине, самоидентификация, влияние климата, удаленности от европейской части России и т.д.); 4) определение перспектив жизни в связи с влиянием актуальных проблем региона: социально-экономической ситуации в целом, состояния аграрного сектора региональной экономики, промышленного производства и др.

Данные характеристики позволят соотнести социальный оптимизм населения с типом человеческого капитала, формируемого в связи с занятостью людей в сельском хозяйстве, промышленности, а не только под воздействием социальных программ, направленных на решение социокультурной ситуации в регионе.

Оптимистичный край и оптимистичные люди. Человеческий капитал и социальный оптимизм

Итак, такой субъект России, как Алтайский край, отличает парадоксальная, на наш взгляд, особенность. С одной стороны, регион имеет низкий рейтинг по качеству жизни населения (по данным рейтингового агентства «РИА рейтинг» за 2018 г. 73-е место [24]). С другой стороны, большинство жителей края чувствуют себя счастливыми, как отмечалось выше. И поскольку обнаружилась такая специфика, была поставлена задача измерить социальный оптимизм населения региона в краткосрочной перспективе, чтобы по крайней мере или подтвердить триаду «невысокий уровень качества жизни – счастливое население – оптимистичные люди», или внести в нее коррективы. Кстати, столь неожиданную триаду, если она все же состоятельна, можно отчасти объяснить тем, что в основе возможного беспокойства населения, которое, конечно же, не может не сказаться на индексе социального оптимизма, «во всех федеральных округах лежат реальные проблемы жизнедеятельности россиян. Спектр опасений и показатель их силы формируются под воздействием сочетания субъективной и социальной значимости проблемы, а также особенностей ее восприятия в конкретных, социокультурных, социально-экономических и социально-политических условиях жизни региона. Первый фактор выступает явным, а второй – латентным детерминантом социальной тревожности» [25. С. 62]. По-видимому, здесь может срабатывать некий *компенсаторный механизм социальной ситуации*, когда в условиях, допустим, социально-экономического кризиса регионального масштаба, снижения качества жизни населению региона не остается ничего иного, как компенсировать это положение верой в будущее и, возможно, более продуктивной актуализацией различных сторон духовной жизни.

При этом вероятность того, что «постооптимизм» (спустя некоторое время после выраженного социального оптимизма) может обернуться не только разочарованиями, но и крахом надежд с далеко идущими последствиями, существенно возрастает. Однако в этом вопросе нам необходимо обратиться к результатам эмпирических исследований.

Следует прежде всего отметить, что оптимистами по жизни являются не так уж много жителей края – 31%, но вместе с тем это вовсе не обозначает, что остальная часть населения – это пессимисты. Респонденты обращали внимание на то, что они довольно критичны к себе и окружающим, но при этом не сказали бы, что являются оптимистами или пессимистами (12%); некоторым оказалась близка позиция нигилизма или здорового скепсиса, но в этом случае участники исследования также затруднялись отнести себя к пессимистам или их противоположности (9%), и т.д. Вопросы о счастье не ставились, однако при выяснении мировоззренческой позиции в некоторых случаях респонденты связывали со счастьем ощущения покоя, надежности, веру в бога, общение с окружающими и природой и др. На этом этапе исследова-

ния напрашивался вопрос о том, что же необходимо современному человеку для счастья, но он был отмечен, поскольку цель работы – выявить пределы социального оптимизма людей. При этом мы исходили из того, что повседневный или жизненный оптимизм не обязательно может совпадать с ожиданиями лучшей жизни, связанными с деятельностью органов власти, государства или общественными процессами.

Он может также определяться приростом *человеческого капитала* как важнейшего производительного фактора развития экономики. Он может быть связан с формированием трудовых династий в сфере промышленного или сельскохозяйственного производства, увеличением числа фермеров и повышением их роли в реализации социального развития сел, закреплением на местах трудоспособного и квалифицированного населения, особенно в сельской местности, что, в свою очередь, приведет к снижению процессов региональной урбанизации и т.д.

По данным упомянутого опроса «ФОМнибус», в течение 2018 – начала 2019 г. россияне более чем сдержанно выражали социальный оптимизм: например, в начале прошлого года только 26% респондентов высказались за то, что жизнь в нашей стране станет лучше, но к июню 2019 г. этот показатель стремительно пошел вниз и показал уровень 16%. Вместе с тем примерно 40% россиян были уверены, что жизнь через полгода-год никак не изменится. При таком положении вещей могло бы возникнуть подозрение по поводу восприятия населением стабильности развития (положительный момент), если бы не приведенное падение одного из ключевых показателей (отрицательная оценка). На этом фоне население Алтайского края, оценивая потенциал региона в улучшении социальной обстановки, в большинстве своем (53%) высказывало надежду на изменения в лучшую сторону в ближайшее время. Перевес в социальном оптимизме по этому показателю был в пользу женщин средней возрастной категории и занятых в различных сферах деятельности. Беспокойство по поводу оптимистичного будущего демонстрировали жители сельской местности (62%), но при этом полностью не отказывались от мысли, что жизнь в любой момент может повернуться в лучшую сторону. Более сдержанными в этом плане были горожане: беспокойства и тревоги характерны для их жизни в целом, поэтому и беспокойство за будущее входит в этот кейс, но в то же время пессимистами по отношению к социальной реальности они не готовы себя признать.

Традиционные для исследования благополучия, социальных трансформаций вопросы о доверии к органам власти, органам местного самоуправления и чиновникам в целом не являются самостоятельными при изучении социального оптимизма, но вместе с тем чаще всего позволяют соотнести веру в лучшую жизнь с деятельностью органов управления. На вопрос «Верите ли Вы в то, что органы власти способны в ближайшем будущем улучшить жизнь?» только 30% респондентов допустили такую возможность. Но при этом все больше людей склоняются в сторону приемлемости личного участия или участия общественных организаций в улучшении жизни в краткосрочной перспективе. Так, об этом заявила почти половина всех опрошенных жителей края. Отметим и значимую когорту жителей края, которые затрудняются определиться с тем, способны ли органы власти в ближайшем будущем улучшить жизнь.

Для конкретизации ожиданий населения от возможного улучшения жизни в ближайшем будущем был задан ряд вопросов, нацеленных на выявление факторов регионального развития, которые население оценивает как позитивные и которые способны в ближайшее время изменить жизнь в лучшую сторону. Полученные значимые результаты касались, например, необходимости индустриализации региона, поддержки сельского хозяйства, развития газификации территорий, возобновляемых форм энергетики, но вместе с тем и поддержки малокомплектных школ, фельдшерско-акушерских пунктов и т.д. Этот список можно уже считать традиционным для регионов, однако любопытно то, что жители края при невысоком индексе доверия к власти не упустили возможности высказать аванс доверия новому губернатору региона и отчасти связывают надежды на лучшее и с его персоной. Но в целом социальный оптимизм жителей края в подавляющем большинстве (81%) связан с тем, что лучшая жизнь в недалеком будущем зависит от них самих, от возможностей устроиться в этой жизни, найти счастье в семье, работе, творческом развитии и т.д.

Человеческий капитал как фактор повышения социального оптимизма у жителей Алтайского края опосредованно был выявлен в ходе эмпирического исследования. Так, например, на вопрос «Допускаете ли Вы возможность, что получение качественных знаний и профессиональная реализация в труде способны в перспективе улучшить ситуацию в экономике региона?» 81% респондентов ответили утвердительно. При этом подавляющая часть участников исследования (76%) признала необходимость сохранения действующих и появления будущих рабочих мест едва ли не самым основным показателем, способным вывести регион из кризиса, т.е. для людей по-прежнему важны трудовая стабильность и понимание перспектив в занятости.

По сути, человеческий капитал может рассматриваться в системе воспроизводства человеческого потенциала. При этом концепции человеческого капитала в основном акцентируют внимание преимущественно на экономической роли человека, а для концепций человеческого потенциала характерно ставить в центр исследований равенство и расширение возможностей самореализации людей в условиях экономической результативности труда, общественного благополучия и устойчивого развития [26]. Разумеется, отношение к труду, возможности получать справедливую оплату труда, осознание ценности вклада каждого работника в экономику региона и другие социально-экономические показатели становятся важнейшими при формировании социального оптимизма населения. При проведении эмпирического исследования жителям Алтайского края был задан вопрос о роли труда в улучшении жизни в крае: «Считаете ли Вы, что труд будет сохранять в будущем важное значение для улучшения жизни людей?» Полученные результаты показали высокий уровень надежд жителей на то, что именно труд может повлиять на стабилизацию социальной жизни в будущем: горожане так считают в 80% случаев, жители села – в 84%. Роль человеческого капитала в формировании социального оптимизма опосредованно подтверждается и тем обстоятельством, что при проведении фондом «Петербургская политика» мониторинга основных событий социально-политической жизни регионов в список значимых событий для Алтайского края попали в основном события, связанные с промышленным производством, например «запуск на барнауль-

ском предприятии „Любава“ первого в крае производства маргарина и спредов» и т.д. [3].

Основные выводы

Население Алтайского края, судя по результатам социологического исследования, поддерживает социальный оптимизм в краткосрочной перспективе. При интерпретации полученных результатов было трудно удержаться от метафоры «луч света в темном царстве», однако она очень уместно характеризует сложившуюся обстановку в регионе по принципу «невысокий уровень качества жизни – счастливое население – оптимистичные люди». Ситуация на самом деле не такая простая: жители края черпают оптимизм во внутренних силах, не теряют надежду на лучшую жизнь, несмотря на сложности регионального развития, накопившийся груз социальных проблем (что зачастую происходит в разных регионах России). Вера и надежда в людях есть всегда – по-видимому, именно этот тренд можно заявить как обязательный элемент социального оптимизма. Между тем обнаруживается еще одна очень важная, на наш взгляд, деталь: люди стараются давать оценки перспективы лучшей жизни не только с эмоциональной точки зрения, но и рационально анализировать и осмысливать происходящее в социальной реальности. И уже на основе такого анализа составлять свое мнение по поводу перспектив дальнейшей жизни.

Литература

1. *Сибирский* федеральный округ. Социально-экономическое положение. М.: РИА «Новости», 2011. URL: http://vid1.gian.ru/ig/ratings/Siberian_FD.pdf (дата обращения: 12.01.2020).
2. *Зарплаты* в регионах в малых и средних населенных пунктах – Рейтинг 2019: РИА-рейтинг «Россия сегодня». URL: <https://riarating.ru/infografika/20190402/630121396.html> (дата обращения: 12.01.2020).
3. *Рейтинг* фонда «Петербургская политика» за декабрь 2019 года. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2019-12> (дата обращения: 13.01.2020).
4. *Ильиных С.А.* Качество жизни по данным опроса в Новосибирске // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 140–145.
5. *Васильева О.В.* Социологические измерения счастья: универсальный подход (на материалах социологического исследования жителей г. Красноярска) // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3, № 1. С. 30–45.
6. *Татарова Г.Г., Кученкова А.В.* Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
7. *Родионова Л.А.* Возрастные особенности счастливой жизни в России и Европе: эконометрический подход // Прикладная эконометрика. 2015. № 40 (4). С. 64–83.
8. *Момджян К.Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
9. *Боташева Ш.Х.* Роль социального оптимизма в изменении социальной стратификации общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256> (дата обращения: 12.12.2019).
10. *Тихонова Н.Е., Каравай А.В.* Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43–53.
11. *Загорская О.В., Николаева Л.С.* Социальный оптимизм как ресурс развития российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). 2015. № 3. С. 139–143.
12. *Козлова М.А., Симонова О.А., Воронина Н.Д.* Социальная сплоченность села: переживание настоящего и восприятие будущего // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 103–111.
13. *Росстат*: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Деятельность предприятий. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 13.01.2020).

14. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимов М.Б. Гражданские позиции как основа формирования народного единства населения приграничных регионов современной России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 8 (142). С. 177–184.

15. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Риск социальной эксклюзии и социальная безопасность лиц пожилого возраста в регионах России // Society and Security Insights. 2018. Т. 1, № 1. С. 73–84.

16. Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Колесникова О.Н., Иванова О.А. Практики и драйверы миграционного поведения сельской молодежи в Сибирском аграрном регионе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 168–178.

17. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Максимова М.М. Роль национально-культурных объединений в содействии социальной адаптации и интеграции этнических сообществ в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 8 (154). С. 182–186.

18. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 6 (152). С. 189–194.

19. Чудова С.Г. Социальное благополучие населения как приоритет стратегического развития системы социальной защиты населения в Алтайском крае // Социальное благополучие современной Сибири / под общ. ред. О.Н. Колесниковой. Барнаул : Азбука, 2010. С. 165–192.

20. Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Сельское хозяйство. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (дата обращения: 14.01.2020).

21. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Гончарова Н.П., Максимов М.Б. Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. 206 с.

22. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009. 271 с.

23. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.

24. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни, 2018. М., 2019. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018 (дата обращения: 12.01.2020).

25. Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 57–66.

26. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.

Evgenij A. Popov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Olga N. Zamjatina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: olga_zamjatina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 167–179.

DOI: 10.17223/1998863X/59/16

“A RAY OF LIGHT IN THE KINGDOM OF DARKNESS”: SOCIAL OPTIMISM OF THE POPULATION OF ALTAI KRAI IN A SHORT-TERM PERSPECTIVE

Keywords: social optimism; happiness; Altai Krai.

The article discusses the social optimism of the inhabitants of Altai Krai. A sociological study conducted in 2018–2019 showed that the majority of the residents express social optimism in a short-term perspective. The ambiguity of such results in their interpretation is due to the fact that Altai Krai does not have high quality-of-life indicators in comparison with other regions of Russia, but most people consider themselves to be happy and optimistic. The research of the features of social optimism manifestation among the inhabitants of the region has resulted in revealing an important aspect: a contradiction between the real conditions of people’s social life and their moods and assessments of social reality. It is suggested that such a situation is possible due to a more rational – and not only emotional – attitude of the population to the events and processes taking place. This means that the population has become more rational in assessing the situation in the region on the basis of socioeconomic and sociopolitical indicators of regional development. Social optimism is formed not

only in connection with expectations and hopes for a better future, but also with balanced assessments of the state of the economy and the actions of the state and local authorities in this direction. Thus, social optimism is considered both as a social resource and as a personal resource, when people begin to assess their role in the life of the state, society, region, and not only the effective or ineffective activities of the authorities, etc. The metaphor “A ray of light in the Kingdom of Darkness” used in the article is an indicator of the existential and rational state of the modern resident of a Russian region with low living standards, who is not losing faith and hope for a better life in the near future. At the same time, this metaphor has a real basis: the formation and strengthening of social optimism among residents of Russian regions are ever more realistic, with residents resting responsibility for the state of regional development not only on the authorities but also on themselves.

References

1. Ria Novosti. (2011) *Sibirskiy federal'nyy okrug. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie* [Siberian Federal District. Socio-Economic Situation]. Moscow: RIA “Novosti”. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Siberian_FD.pdf (Accessed: 12th January 2020).
2. RIA Rating. (2019) *Zarplaty v regionakh v malykh i srednikh naselennykh punktakh – Reyting 2019: RIA-reyting “Rossiya segodnya”* [Salaries in regions in small and medium-sized settlements – Rating 2019: RIA-rating “Russia Today”]. [Online] Available from: <https://riarating.ru/info-grafika/20190402/630121396.html> (Accessed: 12th January 2020).
3. St. Petersburg Politics Foundation. (2019) *Reyting Fonda “Peterburgskaya politika” za dekabr' 2019 goda* [Rating of the St. Petersburg Politics Foundation for December 2019]. [Online] Available from: <https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2019-12> (Accessed: 13th January 2020).
4. Ilinykh, S.A. (2019) Quality of Life on Survey Data in Novosibirsk. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 140–145. (In Russian).
5. Vasilieva, O.V. (2019) Sociological measurement of happiness — universum approach (the case of a sociological survey of Krasnoyarsk citizens). *Siberian Socium*. 3(1). pp. 30–45. (In Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-30-45
6. Tatarova, G.G. & Kuchenkova, A.V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 21–32. (In Russian).
7. Rodionova, L.A. (2015) Vozrastnye osobennosti schastlivoy zhizni v Rossii i Evrope: ekonometricheskii podkhod [Age features of a happy life in Russia and Europe: an econometric approach]. *Prikladnaya ekonomika – Applied Econometrics*. 40(4). pp. 64–83.
8. Momdzhyan, K.Kh. (2016) Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoy sotsial'noy teorii [The hypothesis of social progress in modern social theory]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 36–46.
9. Botasheva, Sh.Kh. (2015) The role of social optimism of changing social stratification of society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1–1. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17256> (Accessed: 12th December 2019).
10. Tikhonova, N.E. & Karavay, A.V. (2016) Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 43–53. (In Russian).
11. Zagorskaya, O.V. & Nikolaeva, L.S. (2015) Sotsial'nyy optimizm kak resurs razvitiya rossiyskoy molodezhi [Social optimism as a resource for the development of Russian youth]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI) – Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI)*. 3. pp. 139–143. DOI: 10.17213/2075-2067-2015-3-139-144
12. Kozlova, M.A., Simonova, O.A. & Voronina, N.D. (2018) Social cohesion in the villages: the emotional experience of transformations and perception of future. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 103–111. (In Russian).
13. Russia. (n.d.) *Rosstat: Baza dannykh munitsipal'nykh obrazovaniy: Altayskiy kray: Deyatel'nost' predpriyatiy* [Rosstat: Database of municipalities: Altai Territory: Activities of enterprises]. [Online] Available from: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (Accessed: 13th January 2020).
14. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Maksimov, M.B. (2016) Grazhdanskie pozitsii kak osnova formirovaniya narodnogo edinstva naseleniya prigranichnykh regionov sovremennoy Rossii [Civic positions as the basis for the formation of the national unity of the population of the border regions of modern Russia]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 8(142). pp. 177–184.

15. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Omelchenko, D.A. (2018) Risk sotsial'noy eksklyuzii i sotsial'naya bezopasnost' lits pozhilogo vozrasta v regionakh Rossii [The risk of social exclusion and social security of the elderly in the regions of Russia]. *Society and Security Insights*. 1(1). pp. 73–84.
16. Sergienko, A.M., Rodionova, L.V., Kolesnikova, O.N. & Ivanova, O.A. (2019) Practices and drivers of the migration behavior of rural youth in the Siberian agricultural region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 168–178. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/18
17. Maksimova, S.G., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E. & Maksimova, M.M. (2017) Rol' natsional'no-kul'turnykh ob"edineniy v sodeystvii sotsial'noy adaptatsii i integratsii etnicheskikh soobshchestv v Altayskom krae [The role of national-cultural associations in promoting social adaptation and integration of ethnic communities in the Altai Territory]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 8(154). pp. 182–186.
18. Omelchenko, D.A., Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E. & Cherepanova, M.I. (2017) Sostoyanie sfery mezhnatsional'nykh otnosheniy v Altayskom krae [Interethnic relations in the Altai Territory]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 6(152). pp. 189–194.
19. Chudova, S.G. (2010) Sotsial'noe blagopoluchie naseleniya kak prioritet strategicheskogo razvitiya sistemy sotsial'noy zashchity naseleniya v Altayskom krae [Social well-being of the population as a priority of the strategic development of the system of social protection in the Altai Territory]. In: Kolesnikova, O.N. (ed.) *Sotsial'noe blagopoluchie sovremennoy Sibiri* [Social well-being of modern Siberia]. Barnaul: Azbuka. pp. 165–192.
20. Russia. (n.d.) *Rosstat: Baza damykh munitsipal'nykh obrazovaniy: Altayskiy kray: Sel'skoe khozyaystvo* [Rosstat: Database of municipalities: Altai Territory: Agriculture]. [Online] Available from: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi> (Accessed: 14th January 2020).
21. Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E., Omelchenko, D.A., Goncharova, N.P. & Maksimov, M.B. (2016) *Demograficheskaya bezopasnost' prigranichnykh regionov sovremennoy Rossii: problemy stareniya i migratsii* [Demographic security of border regions of modern Russia: problems of aging and migration]. Barnaul: Altai State University.
22. Semenova, V.V. (2009) *Sotsial'naya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'* [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow: ROSSPEN.
23. Kozyreva, P.M., Nizamova, A.E. & Smirnov, A.I. (2015) Schast'e i ego determinanty (stat'ya 1) [Happiness and its determinants (Article 1)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 120–132.
24. Rian.ru. (2019) *Reyting regionov RF po kachestvu zhizni, 2018* [Rating of regions of the Russian Federation by quality of life, 2018]. [Online] Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018 (Accessed: 12th January 2020).
25. Dolgorukova, I.V., Kirilina, T.Yu., Mazaev, Yu.N. & Yudina, T.N. (2017) Social anxiety and social fears of Russia's population: sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 57–66. (In Russian).
26. Bulanov, V. & Kataytseva, E. (2011) Human capital as a form of human potential demonstration. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economy*. 1. pp. 13–22. (In Russian).

УДК 378.161.3

DOI: 10.17223/1998863X/59/17

И.А. Скалабан, М. Дебрени, О.В. Колесова, А.М. Погорельская

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДА И УНИВЕРСИТЕТА: РОЛЬ КАМПУСА В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и французского фонда «Fondation Maison des sciences de l'homme»
в рамках научного проекта № 18-510-22001.

В статье рассматриваются особенности развития кампусных систем нестоличных университетов России и Франции, ориентированных на интернационализацию высшего образования. На примере крупнейшего французского университетского кампуса г. Бордо, а также кампусов сибирских университетских городов авторы определяют ключевые вопросы, в которых необходимо стратегическое сотрудничество города, региона и университета для привлечения студентов, особенно иностранных.

Ключевые слова: университетский город, кампус, интернационализация, высшее образование.

Со времен создания первых университетов возникла проблема, как наладить сосуществование массы школяров, часто пришлых, с прочими городскими обитателями, как «вписать» университет в городское пространство. Не случайно само присутствие университета в городе не только как института науки и образования, но даже совокупности корпусов и зданий, распределенных по городу или расположенных компактно, влияло на изменения городской инфраструктуры и на проживающее рядом сообщество, создавая специфическое социально и культурно идентифицируемое пространство.

Тем не менее термин, определяющий «участок земли, включающий расположенные здания университета, колледжа или школы» [1] как кампус, распространился из США в системы высшего образования других стран относительно недавно. Именно там кампус возник как комплекс зданий, гармонично встроенных в ландшафт и располагающихся на обособленной территории, принадлежащей университету.

Цель настоящей статьи – изучить векторы развития кампусных систем нестоличных университетов двух стран, Франции и России, имевших разные традиции формирования университетской среды, но теперь в равной степени ориентированных на ее изменение для стимулирования интернационализации.

Россия и Франция: национальный контекст

Сегодня в России, как и во многих странах, конкурирующих за иностранных студентов, запускаются программы развития кампусов. Однако их концепции на национальном, региональном или университетском уровне могут существенно отличаться. В целях повышения конкурентоспособности российского высшего образования Министерством образования и науки РФ

запущен проект «Экспорт образования», предполагающий повышение привлекательности российских вузов, в том числе за счет создания университетских кампусов – «современных многофункциональных студенческих городков, обеспечивающих комфортные условия проживания, возможность проведения учебных занятий, самостоятельной работы обучающихся, культурно-массовых, досуговых мероприятий и занятий спортом» [2].

Для Франции понятие кампуса как отдельного участка земли исторически не характерно: университеты предполагали только наличие учебных корпусов. Остальные строения – спортивные сооружения, места проживания студентов – обычно были разбросаны по городу. Строительство университета Париж-Нантерр с собственным общежитием, стадионом и бассейном в 1967 г. стало первым подобным опытом, но название кампуса за этим комплексом зданий не закрепилось.

Данный термин стал употребляться в последние годы применительно к строительству новых университетов, чаще компактно расположенных за городом. Увеличение числа студентов и повышение потребности университетов в площадях привели к возникновению так называемого «университетского урбанизма», характеризующегося как специальной функциональной архитектурой, так и «синдромом срочности» (строить быстро и недорого) [3].

Дело в том, что многие французские университеты располагаются в старинных зданиях, ветшающих с каждым годом. В 2007 г. во Франции была запущена программа «Operation Campus», предусматривавшая 7,8 млрд евро инвестиций в их реновацию. Анонсировалось участие не только республиканского бюджета, но и регионального. Речь шла не просто о реконструкции зданий, но о новой модели кампуса, характерные признаки которой включали большие ландшафтные пространства, образцовую архитектуру с точки зрения устойчивого развития, максимальное применение энергоэффективных подходов и учет требований зеленой экономики, наличие коворкинг-пространств, комфортную среду обитания с максимальным набором услуг, облегчающих быт студентов, преподавателей и исследователей.

Хотя программа запускалась с многочисленными проволочками, а отсутствие подробно разработанной стратегии вызвало нарекания со стороны Палаты аудиторов, в 2016 г. она была, наконец, начата. Реализация запланированных проектов предусмотрена до 2023 г. [4]. Тем не менее высокая концентрация студенчества для Франции со свойственными ей традициями протестного гражданского участия таит и угрозу, поскольку молодежь и студенты здесь рассматриваются в качестве взрывоопасной политической силы, что сдерживает создание новых кампусов.

Пример университетского кампуса во Франции

Требования к кампусам во Франции обусловлены следующими факторами: при выборе места учебы абитуриенты ориентируются на престижность университетов, семейные традиции, финансовые возможности, соображения безопасности и комфорта. Но в силу специфики механизма отбора и исторически сложившейся университетской инфраструктуры для французских студентов актуальны именно условия проживания. Дополнительным критерием выбора вуза является возможность учиться недалеко от дома, поскольку в

большинстве городов Франции отсутствуют общежития: только 9% студентов ими обеспечены, а в Париже – 5% [5].

Тенденция к «ограниченной мобильности», т.е. выбор в пользу набора местных студентов, свойственна не только Франции. Она наблюдается и в Великобритании наряду с интернационализацией [6. Р. 231]. Это стимулирует взаимодействия между студентами и местными жителями, формирует чувство локальной принадлежности, но и устанавливает границы, труднопреодолимые для иностранных студентов.

Среди ведущих университетов Франции, стремящихся отвечать запросам современных абитуриентов, фигурируют университеты Бордо. Этот город входит в пятерку самых привлекательных для студентов городов Франции. В нем проживают порядка 80 тыс. студентов (включая 8 500 иностранных), что составляет 75% студентов региона Новая Аквитания и почти 30% всего городского населения (246 тыс. человек). Кампус Пессак, где на площади в 235 га учатся 43 тыс. студентов, вмещает два университета гуманитарного направления – Университет Бордо и Университет Бордо им. М. Монтеня. Пессак считается одним из самых больших университетских кампусов в Европе. По типу пространственной организации он является распределенным и расположен на территории четырех населенных пунктов: Пессак (где сосредоточено 65% кампуса), Таланс, Градинян и собственно Бордо.

Кампус Бордо был включен в первую десятку участников программы «Operation Campus» и получил 538 млн евро инвестиций, из них 150 млн – из местного бюджета [7]. В проекте реновации заметное место отведено улучшению качества жизни студентов. Сегодня на территории кампуса функционируют 130 студенческих ассоциаций, стадионы, бассейны, спортзалы, поликлиника, центры поддержки, бесплатно консультирующие студентов по вопросам трудоустройства, возможностям получения грантов и т.п. Благодаря включению кампуса Пессак в национальную программу «Campus of Excellence», программа «Initiative d'excellence» Университета Бордо располагает эндаумент-фондом в 700 млн евро [8].

Обновление кампуса включено в стратегию университета Бордо наряду с другими приоритетами: интернационализацией, цифровой средой и управлением талантами. Город определен в этой стратегии как совокупность сообществ (местных, профессиональных, деловых), с которыми университет выстраивает многовариантные партнерские отношения. Расположение кампуса в центре города рассматривается в качестве безусловного преимущества как для университета, так и для города [9]. Наряду с упрощением доступа студентов к культурным ресурсам города такое местоположение обладает большими имиджевыми перспективами для университета. Кампус превращается в пространство диалога жителей и университетского сообщества, живую лабораторию, способную реализовывать широкий спектр экспертиз, выгодных территории и горожанам. Стоит отдельно отметить сотрудничество города и университетов при оборудовании кампуса. Так, чтобы обеспечить транспортную доступность кампуса Пессак, были специально перестроены городские трамвайные маршруты.

Сложившаяся модель студенческого жилья в Бордо является, скорее, синтетической и, по мнению ряда исследователей, наиболее перспективной [10]. Она предполагает как проживание части студентов в кампусе, создаю-

шее условия для возникновения привлекательной креативной среды, так и аренду некоторыми студентами городской недвижимости для жилья, что способствует формированию устойчивых и взаимовыгодных отношений города с университетом. Во Франции общежития не принадлежат университетам. Ими управляет государственное агентство CROUS. Места в общежитии считаются социальным жильем и предоставляются в первую очередь нуждающимся. Университеты разных городов могут «бронировать» комнаты у агентства CROUS или у других учреждений, управляющих общежитиями, например ALJT (Ассоциации по размещению молодых рабочих). Согласно данным Национальной обсерватории студенческой жизни, только 12% французских студентов проживают в государственных общежитиях, 45% снимают жилье в частном секторе, а 22% остаются жить с родителями [11]. Эта статистика характерна и для Бордо, переживающего дефицит студенческого жилья. Город занимает 11-е место по его стоимости: в среднем за комнату придется заплатить 542 евро в месяц (2019 г.) [12].

Российский опыт развития кампусов: кейсы сибирских университетских городов

Концепции кампусов университетов Новосибирска и Томска еще только разрабатываются. Однако ориентиры, которые сегодня озвучиваются руководством вузов, городов и регионов, позволяют выделить общие тенденции и особенности.

Для ведущих вузов обоих городов, входящих в рейтинг QS, и местных администраций реализация стратегии интернационализации высшего образования стала одним из приоритетов. Несмотря на уменьшение количества студентов в Томске за период 2008–2018 гг. с 89,3 тыс. до 59,3 тыс. [13], доля иностранцев за это время увеличилась с 5,1 до 18,2% [14]. По данным администрации Томской области, в 2019 г. во всех томских вузах обучались 11 305 иностранных студентов из 93 стран мира (20% всех обучающихся), а в течение следующих 5 лет их число должно вырасти до 22–25 тыс. человек [15]. Томск еще в 2015 г. официально закрепил за собой бренд студенческой столицы России, укрепив свой имидж университетского города. В 2019 г. Томская область была объявлена пилотным регионом, где в рамках проекта «Экспорт образования» построят межвузовский кампус на 20 тыс. мест. Тогда же региональная администрация и руководство томских вузов объявили о запуске проекта «Большой университет» *для консолидации научного потенциала и инфраструктуры всех университетов и научно-исследовательских институтов при сохранении их автономии и юридической самостоятельности* [16].

В Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, численность студентов на начало 2020 г. составила около 150 тыс. человек, из которых порядка 8 тыс. (5,3%) приходилось на иностранцев [17]. Кампусы большинства вузов Новосибирска расположены среди городской застройки и не локализованы.

Принципиальные различия между двумя сибирскими университетскими городами заключаются в отводимом университетам месте в политике региона и города. Так, если Томск заявляет о себе как об университетском городе, брендируя такой образ, то Новосибирск позиционирует себя как научный и промышленный центр. Специфика становления высшего образования сфор-

мировала и разные пространственные модели кампусов ведущих университетов. Несмотря на то, что среди них есть кампусы как распределенного, так и локального типа [18], в Томске университеты и часть студенческих общежитий сконцентрированы в центре города, и потому университетский кластер является важнейшей частью исторического наследия города. В Новосибирске университетские кампусы разного типа площадью порядка 500 км² стихийно распределены по городу.

Каждый из указанных типов кампусов имеет свои возможности и ограничения. Если университеты расположены в центре города, приезжие студенты концентрированно проживают преимущественно на территории кампусов, что создает условия для формирования культурной и креативной среды и поддержания у студентов чувства безопасности. Однако наличие четко идентифицируемых студентами и горожанами границ может уменьшить интеграцию между студентами и принимающим сообществом [19]. Для студентов такие условные границы сужают коммуникативное пространство, возможности освоения языка и знакомства с местной культурой, формирования привязанности к новому для них месту, что с точки зрения иностранцев особенно ценно¹. Для местных жителей наличие высокой концентрации студентов проявляет себя в позитивных и негативных аспектах студентификации: приоритете сервисов, ориентированных на студентов, росте цен на аренду квартир, шуме от высокой концентрации молодежи и т.д.

Кроме того, анализ визуального отображения (картирования) иностранными студентами своего восприятия Томска показал, что фактически им знаком и доступен только центр города – место нахождения 4 из 5 томских университетов, а также пространства вокруг более-менее компактно расположенных университетских общежитий. Собственно, это и есть «их» Томск с его устоявшимися культурными и социальными паттернами. При этом основным препятствием для выхода за пределы четко идентифицируемого и воспроизводимого разными студентами на разных картах «периметра» были названы соображения безопасности, обусловленные иными моделями поведения окружающих по отношению к иностранным студентам, с чем некоторые из них сталкивались. Еще одним барьером служит недостаточно развитая инфраструктура доступных и интересных развлечений. Но заметим, что определенным препятствием для освоения «другого» Томска становится и слабая информированность студентов об имеющихся там возможностях. Это заставляет задуматься о более широком использовании креативного потенциала университетов для развития локальных территорий городов и местных сообществ.

В свою очередь, распределенность университетских комплексов и кампусов по крупному городу имеет и обратный эффект. Процессы студентификации в этом случае менее выражены, но размывается и возможность концентрации креативного капитала, ослабляя ощущение от студенческого присутствия, «университетского» и «студенческого» города, затрудняя формирование соответствующих имиджевых характеристик.

---

¹ Данные получены в ходе групповых интервью с использованием метода совместного социального картирования, проводимых авторами в 2018–2020 гг. Проведено 4 фокус-группы с иностранными студентами томских и новосибирских вузов.

Перспективы развития современных кампусов

Возможные последствия концентрации или распределения кампуса по территории города делают проблему выбора стратегий развития кампусов особенно значимой. Создание межвузовского кампуса успешно реализуется во многих странах. Концентрация студентов, преподавателей, ученых в пределах большого кампуса, особенно если он представляет собой мощный научно-образовательный комплекс, открывает новые возможности для реализации политики интернационализации образования. Однако отделение кампуса от города и создание проекта «с чистого листа» на окраине не только приводит к конструированию креативной среды нового типа, но и ограничивает включенность студента в город, что негативно влияет на экономическое развитие последнего и возможности использования студентами, преподавателями и исследователями его культурного потенциала.

Встает вопрос и создания безопасного кампуса для студентов, в особенности иностранных, для которых его наличие может стать важным критерием выбора российского вуза и города для учебы. Хотя создание компактных кампусов выглядит менее реалистичным в больших городах с плотной застройкой, однако вынос как минимум комплекса студенческих общежитий в отдельный район города или за город представляется одним из возможных решений проблемы безопасности, поскольку такой кампус обособлен и проще для охраны [18. С. 83].

Однако в этом случае актуализируется транспортная проблема. Например, в Бордо проблема передвижения студентов из кампуса в пригородной зоне до центра города, где располагаются многие университетских корпуса, была решена за счет реализации проекта скоростного трамвая. Его стоимость стала одной из наиболее затратных частей реконструкции междууниверситетского кампуса. Тем не менее транспортная составляющая реновации получила поддержку со стороны городских властей. В этой связи опыт Бордо мог бы быть полезен для нового междууниверситетского кампуса в Томске.

Согласно планам, озвученным во время IV Международного форума университетских городов в г. Томске в ноябре 2019 г., строительство многофункционального кампуса площадью 78,5 га предусмотрено на левом берегу реки Томи, отдельно от основной части города. Кампус должен соединяться с городом автомобильным и вантовым пешеходным мостом, но объекты инфраструктуры, необходимые «для занятий наукой, творчеством, спортом и бизнесом», будут располагаться в непосредственной близости от жилых комплексов кампуса, отдельно от города [20]. Таким образом, Томску необходимо значительно обновить и укрепить свою транспортную инфраструктуру, чтобы обеспечить возможности легкой транспортировки из нового кампуса в город и расположенные там университетские корпуса.

Заключение

Таким образом, студентификация городов, особенно университетских, и интернационализация высшего образования задают особые требования к инфраструктуре университетского города и университетского кампуса. Стратегия создания межвузовского кампуса реализуется сегодня как во Франции, так и в России. Однако анализ французского и российского опыта выявил

значительную разницу в подходах к обеспечению студентов жильем: если во Франции ориентируются на аренду жилья для студентов, то в России – на строительство для них общежитий. Особую роль в этих условиях играет создание и совершенствование инфраструктуры, особенно транспортной. Российским муниципалитетам стоит обратить внимание на опыт Бордо по ее модернизации. Еще одним важным моментом, требующим внимания при создании и модернизации российских кампусов, является необходимость обеспечения безопасности, чего можно достичь в том числе и с помощью пространственных решений. В этих вопросах взаимовыгодное сотрудничество города и университетов имеет первостепенное значение.

Литература

1. *Campus* // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/campus> (accessed: 26.04.2020).
2. *Экспорт образования: ПМЭФ и новые перспективы* // Официальный сайт Проекта 5-100, 07.06.2019. URL: <https://www.stop100.ru/news/104832/> (дата обращения: 26.04.2020).
3. *Cuccarolo E., Gerard M., Montoni C., Poletti M.* Intégration urbaine comparée de deux campus universitaires: cergy et paris ouest-nanterre-la defense. Projet de recherche commandité par le Plan Urbanisme Construction Architecture (PUCA), 2011. URL: http://www.urbanisme-puca.gouv.fr/IMG/pdf/dossier_puca_final.pdf (accessed: 01.05.2020).
4. *Dix ans après le lancement de l'opération Campus, un premier bilan en demi-teinte.* Rapport public annuel 2018 – février 2018. URL: <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2018-01/11-dix-ans-apres-lancement-operation-Campus-premier-bilan-demi-teinte-Tome-1.pdf> (accessed: 21.04.2020).
5. *Jaoul-Grammare M., Magdalou B.* Opportunities in Higher Education: An Application to France // *Annals of Economics and Statistics*. 2013. № 111–112. P. 295–325.
6. *Holdsworth C.* Between Two Worlds: Local Students in Higher Education and 'Scouse' / Student Identities // *Population Space and Place*. 2009. Vol. 15, is.3. P. 225–237.
7. *Taillandier L.* La Cour des comptes pointe le retard pris par l'opération Campus // *EducPros*, 07.02.2018. URL: <https://www.letudiant.fr/educpros/actualite/la-cour-des-comptes-pointe-le-retard-pris-par-l-operation-campus.html> (accessed: 20.04.2020).
8. *Culture & Sport* // Université de Bordeaux. URL: <https://www.u-bordeaux.com/Wel-come/Student-life/Culture-Sport> (accessed: 05.04.2020).
9. *Advancing together. Creating a university of the future* // Université de Bordeaux. URL: http://www.twinning4he.edu.az/uploads/activity-document/ubx_brochure_u25_bordeaux.pdf (accessed: 01.04.2020).
10. *Russo A., Van den Berg L., Lavanga M.* Toward a sustainable relationship between city and university: a stakeholdership approach // *Journal of Planning Education and Research*. 2007. № 27. P. 199–216.
11. *Observatoire National de la vie étudiante.* URL: <http://www.ove-national.education.fr/> (accessed: 21.04.2020).
12. *Yao Wang L.* Bordeaux: Principaux Chiffres du Logement Étudiant en 2019. URL: <http://www.aquitaineonline.com/actualites-en-aquitaine/bordeaux-metropole/8171-bordeaux-principaux-chiffres-du-logement-etudiant-en-2019.html> (accessed: 23.04.2020).
13. *Число студентов в томских вузах за 10 лет сократилось на 33,5%* // Портал Vtomske, 26.06.2019. URL: <https://news.vtomske.ru/news/164435-chislo-studentov-v-tomskih-vuzah-za-10-let-sokratilos-na-33-5> (дата обращения: 25.04.2020).
14. *Власти: более 18% студентов томских вузов – иностранцы* // Региональное информационное агентство РИА Томск, 07.05.2018. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20180507/inostrannie-studenti-tomsk/> (дата обращения: 25.04.2020).
15. *Число иностранных студентов увеличится вдвое – каким станет Томск?* // Томский государственный университет, 29.11.2019. URL: <http://www.tsu.ru/news/inostrannye-studenty-v-tomske-problemu-v-sfere-tra/> (дата обращения: 25.04.2020).
16. *Томский проект «Большой университет» официально запущен* // РИА Томск, 02.12.2019. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20191202/tomskij-proekt-boljshoj-universitet-oficialjno-zapuschen/> (дата обращения: 25.04.2020).

17. Мэр Новосибирска Анатолий Локоть поздравляет студенчество с Татьяниним днем // Официальный сайт города Новосибирска, 23.01.2020. URL: https://novo-sibirsk.ru/major/news_1153/238679/ (дата обращения: 25.04.2020).

18. Пучков М.В. Университетский кампус. Принципы создания пространства современных университетских комплексов // Вестник ТГАСУ, 2011. № 3. С. 79–88.

19. Hubbard P. Geographies of studentification and purpose-built student accommodation: leading separate lives? // Environment and Planning A. 2009. Vol. 41, is. 8. P. 1903–1923.

20. Минобрнауки оценило идею включить в томский кампус объекты для бизнеса // РИА Томск, 13.12.2019 г. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20191213/koncepciya-kampusa-minobrnauki/> (дата обращения: 26.02.2020).

Irina A. Skalaban, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Michele Debrenne, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: coor-france@nsu.ru

Olga V. Kolesova, Siberian Regional Center of the International Weekly Newspaper Poisk under the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: kolesova@list.ru

Anastasia M. Pogorelskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lisbonne@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 180–188.

DOI: 10.17223/1998863X/59/17

STRATEGIC UNIVERSITY-CITY COOPERATION: THE ROLE OF CAMPUS IN HIGHER EDUCATION INTERNATIONALIZATION

Keywords: university city; campus; internationalization; higher education.

The article covers the peculiarities of French and Siberian university cities' strategies in higher education internationalization. It focuses on the way the university campus is integrated in the city. The authors observe the ways campuses may attract students, especially international ones, taking the examples of the university cities like Bordeaux (France), Tomsk and Novosibirsk (Russia). Bordeaux is ranked among the most student-friendly cities of France. The share of students is about 30% of the city population, the share of international students is about 10.6% of all the students in Bordeaux. The experience of Bordeaux in attracting students is a successful one for several reasons. They are the creation of an inter-university campus, strategic planning together with the city authorities, the solution of students' housing and transportation problems. The creation of a convenient campus is largely supported by the state and local initiatives. The Bordeaux experience seems useful for Tomsk, in which the new inter-university campus and the consortium of universities are being established. Although Tomsk is rather successful in promoting the brand of a student city, it lacks infrastructure making life of students, especially international ones, convenient and secure. However, despite the general decrease of the students' numbers coming to Tomsk, the share of international ones is increasing and makes up to 20% of all Tomsk students. Having compared the two spatial campus models – the localized and the dispersed ones – the authors outlined several advantages and disadvantages of each model applying them to the campuses located in Tomsk and Novosibirsk. Finally, the authors highlight that studentification and higher education internationalization make specific demands towards university city and university campus infrastructure. Therefore, common strategic planning and cooperation between university and city administrations is very much useful. Such cooperation should be aimed at creating necessary housing, transportation facilities and security for students, lecturers and researchers working at the universities.

References

1. Cambridge Dictionary. (n.d.) *Campus*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/campus> (Accessed: 26th April 2020).

2. Russia. (2019) *Eksport obrazovaniya: PМEF i novye perspektivy* [Export of education: The SPIEF and new prospects]. [Online] Available from: <https://www.5top100.ru/news/104832/> (Accessed: 26th April 2020).

3. Cuccarolo, E., Gerard, M., Montoni, C. & Poletti, M. (2011) *Intégration urbaine comparée de deux campus universitaires: cergy et paris ouest-nanterre-la defense*. Projet de recherche commandité

par le Plan Urbanisme Construction Architecture (PUCA). [Online] Available from: http://www.urbanisme-puca.gouv.fr/IMG/pdf/dossier_puca_final.pdf (Accessed: 1st May 2020).

4. France. (2018) *Dix ans après le lancement de l'opération Campus, un premier bilan en demi-teinte*. Rapport public annuel 2018 – février 2018. [Online] Available from: <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2018-01/11-dix-ans-apres-lancement-operation-Campus-premier-bilan-demi-teinte-Tome-1.pdf> (Accessed: 21st April 2020).

5. Jaoul-Grammare, M. & Magdalou, B. (2013) Opportunities in Higher Education: An Application to France. *Annals of Economics and Statistics*. 111–112. pp. 295–325.

6. Holdsworth, C. (2009) Between Two Worlds: Local Students in Higher Education and 'Scouse' Student Identities. *Population, Space and Place*. 15(3). pp. 225–237. DOI: 10.1002/psp.511

7. Taillandier, L. (n.d.) *La Cour des comptes pointe le retard pris par l'opération Campus*. [Online] Available from: <https://www.letudiant.fr/educpros/actualite/la-cour-des-comptes-pointe-le-retard-pris-par-l-operation-campus.html> (Accessed: 20th April 2020).

8. University of Bordeaux. (2020) *Culture & Sport*. [Online] Available from: <https://www.u-bordeaux.com/Welcome/Student-life/Culture-Sport> (Accessed: 5th April 2020).

9. University of Bordeaux. (2017) *Advancing together. Creating a university of the future*. [Online] Available from: http://www.twinning4he.edu.az/uploads/activity-document/ubx_brochure_u25_bordeaux.pdf (Accessed: 1st April 2020).

10. Russo, A., Van den Berg, L. & Lavanga, M. (2007) Toward a sustainable relationship between city and university: a stakeholdership approach. *Journal of Planning Education and Research*. 27. pp. 199–216. DOI: 10.1177/0739456X07307208

11. France. (n.d.) *Observatoire National de la vie étudiante*. [Online] Available from: <http://www.ove-national.education.fr/> (Accessed: 21st April 2020).

12. Yao Wang, L. (2019) *Bordeaux: Principaux Chiffres du Logement Étudiant en 2019*. [Online] Available from: <http://www.aquitaineonline.com/actualites-en-aquitaine/bordeaux-metropole/8171-bordeaux-principaux-chiffres-du-logement-etudiant-en-2019.html> (Accessed: 23rd April 2020).

13. Berdnikova, D. (2019) *Chislo studentov v tomskikh vuzakh za 10 let sokratilos' na 33,5%* [The number of students in Tomsk universities decreased by 33,5%]. [Online] Available from: <https://news.vtomske.ru/news/164435-chislo-studentov-v-tomskih-vuzah-za-10-let-sokratilos-na-33-5> (Accessed: 25th April 2020).

14. RIA Tomsk. (2018) *Vlasti: bolee 18% studentov tomskikh vuzov – inostrantsy* [The authorities: more than 18% of Tomsk universities students are international]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20180507/inostrannie-studenti-tomsk/> (Accessed: 25th April 2020).

15. Tomsk State University. (2019) *Chislo inostrannykh studentov uvelichitsya dvvoe – kakim stanet Tomsk?* [The number of international students will increase twice – how will Tomsk change?]. [Online] Available from: <http://www.tsu.ru/news/inostrannye-studenty-v-tomske-problemy-v-sfere-tra/> (Accessed: 25th April 2020).

16. RIA Tomsk. (2019) *Tomskiy proekt "Bol'shoy universitet" ofitsial'no zapushchen* [Tomsk Big Campus Project has been officially launched]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20191202/tomskij-proekt-boljshoj-universitet-oficialjno-zapuschen/> (Accessed: 25th April 2020).

17. Lokot, A. (2020) *Mer Novosibirskaya Anatolij Lokot' pozdravlyayet studentchestvo s Tatyaninym dnyem* [Novosibirsk Mayor Anatoly Lokot congratulates students on Tatyana's Day]. [Online] Available from: https://novo-sibirsk.ru/major/news_1153/238679/ (Accessed: 25th April 2020).

18. Puchkov, M.V. (2011) University Campus. Principles of architectural and urban design for modern university complexes. *Journal of Construction and Architecture*. 3. pp. 79–88.

19. Hubbard, P. (2009) Geographies of studentification and purpose-built student accommodation: leading separate lives? *Environment and Planning A*. 41(8). pp. 1903–1923. DOI: 10.1068/a4149

20. RIA Tomsk. (2019) *Minobrnauki otsenilo ideyu vkl'yuchit' v tomskiy kampus ob'ekty dlya biznesa* [The Ministry of higher education and science evaluated the idea of including business objects into Tomsk campus]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20191213/koncepciya-kampusa-minobrnauki/> (Accessed: 26th February 2020).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

DOI: 10.17223/1998863X/59/18

Е.Г. Аванесова

СПОРЫ О ДОЛЖНОЙ МОДЕЛИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В МИРОВОМ ПРАВОСЛАВИИ

Статья посвящена исследованию проблемы верховной власти во Вселенской Православной Церкви (ВПЦ). Актуальность работы обусловлена тем, что в последнее время разногласия между автокефальными церквями усилились и приобрели конфликтный характер, что напрямую связано с наличием альтернативных моделей устройства ВПЦ. Указанные разногласия перестали быть только внутренним делом Церкви, они носят политический характер и оказывают значительное влияние на сферу межгосударственных взаимодействий.

Ключевые слова: религия и политика, верховная власть, Константинопольский патриархат, Московский патриархат, автокефалия, модели устройства и функционирования ВПЦ.

Одной из причин недавних громких событий, произошедших в церковной жизни Украины и приведших к конфликту между верующими, принадлежащими к разным церковным структурам, стало вручение Константинопольским патриархом Варфоломеем томоса об автокефалии ПЦУ. Решение Константинополя, принятое им единолично и в ситуации отсутствия консенсуса с частью других поместных церквей, вызвало неоднозначную реакцию в православном мире и актуализировало теоретические дискуссии о природе автокефалии и верховной власти во Вселенской Православной Церкви. Следует признать, что данная дискуссия не нова, она регулярно возобновляется на протяжении всего времени существования восточной ветви христианства и напрямую связана, на наш взгляд, с моделью устройства ВПЦ.

В отличие от католической церкви, которая строго централизована и имеет главу в лице Римского Первосвященника, ВПЦ децентрализована и состоит из автокефальных поместных церквей, точное количество которых – предмет спора, так как есть церкви, которые признаны только частью автокефалий. Каждая поместная церковь устроена по типу суверенного государства, она самостоятельна и самоуправляема, но в то же время является частью Вселенской Церкви. При этом «единый административный центр на вселенском уровне» [1] отсутствует. Предполагается, что за неимением такого управленческого центра целостность ВПЦ должна строиться на основе единства догматической и литургической практики. Но это в идеале, в то время как история показывает, что идеал практически никогда не был достижим, а в последнее время Вселенская Церковь как никогда далека от его достижения. И немалую роль здесь сыграли «украинские события», явившие

пример сложного пересечения религии и политики и приведшие к обострению разногласий между поместными церквями.

Выход из создавшегося положения видится внутри ВПЦ по-разному: либо посредством добровольного консенсуса поместных церквей (и это долгий и тяжелый путь, который, между тем, основан на идее равнозначности автокефалий), либо путем закрепления общепризнанного в православном мире управленческого центра, деятельность которого будет направлена на принуждение к единству (и это есть путь, направленный на разрушение принципа равнозначности автокефалий за счет наделения особыми полномочиями одной поместной церкви). Стоит отметить, что вышеупомянутый Константинопольский патриархат (КП), глава которого носит титул Вселенского Патриарха (и формально может претендовать на титул главы Вселенской Церкви), в последнее время ведет активную деятельность по закреплению за собой статуса «особой церкви» в православном мире, поскольку для этого есть, по мнению константинопольских первоиерархов, исторические и правовые предпосылки.

Возвышение Константинополя началось в IV в., когда город получил статус столичного, а Константинопольская кафедра решением IV (Халкидонского) Вселенского Собора обрела «первенство чести» наряду с кафедрой Римской. Знаменитое Правило 28 Халкидонского Собора [2] гласит, что получение кафедрой такой «чести» напрямую связано со столичным статусом города и имеет, таким образом, политическую подоплеку. Однако следует подчеркнуть, что этим же правилом были установлены границы территории, на которые распространялась юрисдикция Константинопольского патриархата.

Данный статус Константинопольского патриархата всегда вызывал споры внутри Вселенской Православной Церкви, поскольку дискуссионным остается вопрос интерпретации декларируемого «первенства чести»: означает ли этот статус юридическое первенство (первенство власти) или только первенство моральное. Важность решения герменевтической проблемы обусловлена тем, что тот или иной ответ на данный вопрос влечет за собой диаметрально противоположные ответы на многие другие важнейшие вопросы, касающиеся как внутреннего устройства ВПЦ и выстраивания коммуникации между автокефалиями и православными диаспорами мира, так и сферы взаимодействия поместных церквей со светскими властями государств, на территории которых они осуществляют свою деятельность.

На сегодняшний день наличествуют две точки зрения по вопросу должного устройства Вселенской Православной Церкви. Одна модель закреплена в «Окружном Патриаршем и Синодальном послании» Константинопольской Церкви 1895 г. [3]. Она кратко может быть описана следующим образом: каждая автокефальная церковь независима и самоуправяема, епископы «свободны в границах своей области, подчиняясь только соборным постановлениям» [3], наивысшей властью наделен Вселенский Собор. Другими словами, основанием данной модели, которая может быть названа моделью «суверенной автокефалии» [4. С. 216], является представление о равноправности всех автокефальных поместных церквей. Вторая модель «считывается» в высказываниях константинопольских патриархов. Так, на Всеправославном Собрании, состоявшемся в 2008 г., Вселенский Патриарх озвучил идеи, которые были восприняты частью верующих как попытка «навязывания» новой

модели устройства Православной Церкви [3]. В частности, Варфоломей подчеркнул координирующую роль Константинопольской кафедры, которая досталась ей после схизмы 1054 г., и роль гаранта единства Православной Церкви, тем самым озвучив претензии Константинополя на главенство во всеправославном масштабе [5]. Он говорит о том, что Константинопольская кафедра на протяжении веков оставалась «первой кафедрой», которая имеет особые полномочия по сравнению с другими автокефалиями. По сути дела, Вселенский Патриарх в своем выступлении легитимизирует такую модель устройства Церкви, которая может быть названа моделью «автокефалий с ограниченным суверенитетом» [4. С. 215]. Хотя в данном случае «ограниченный суверенитет» может быть понят и как отсутствие такового, поскольку наличие дополнительных полномочий Вселенского Патриарха по отношению к предстоятелям других поместных церквей «делает его единственным сувереном в Православной церкви» [6. С. 247].

Варфоломей ставит под сомнение значимость наличной модели устройства ВПЦ в современном мире. Автокефалия поместных церквей сыграла, по его мнению, свою историческую роль, но в настоящее время она не только не способствует единству Православной церкви, но разрушает его, делая единую Церковь «некой конфедерацией или федерацией Церквей» [5]. Вселенский Патриарх не отвергает идею автокефалии как таковую, но говорит об изменении природы автокефалии «под воздействием светского влияния» [Там же]. Он с сожалением констатирует, что в настоящее время основой автокефалии становится светское государство, а дух этнофилетизма и этатизма, который проник в систему автокефалии, превращает поместные церкви в национальные, для которых национальные интересы становятся выше церковного единства [Там же]. Невозможно не отметить, что такое понятное сожаление Вселенского Патриарха никак не соотносится с его практикой, поскольку Варфоломей в последнее время очень активно поддерживает движения, направленные на создание автокефалий, основанных на идее: суверенное государство – суверенная церковь. Не случайно Константинопольского патриарха все чаще обвиняют во вторжении на каноническую территорию других поместных церквей, поддержке раскольников и попытке узурпации власти.

Вселенский Патриарх не только критикует наличную модель устройства ВПЦ, но и ведет активную работу, направленную на ее «оптимизацию», во многом продолжая инновационную деятельность, которую начали его предшественники еще в начале «20-х гг. XX века после распада Османской империи» [4. С. 212]. В это время, как пишет А. Шишков, константинопольские патриархи инициируют процессы, направленные на расширение властной юрисдикции Константинопольского патриархата [Там же. С. 213] и генерируют обосновывающие их идеи. Апологеты альтернативной модели ВПЦ наделяют Константинопольский патриархат новыми функциями, которые разрушают давно устоявшуюся модель взаимодействия между автокефалиями. К таковым можно отнести следующие: коммуникативная функция (общение с КП есть условие полноты общения со всей ВПЦ), судебная функция (КП есть инстанция, принимающая апелляции во «всеправославном масштабе» и выносящая по ним решения), управленческая функция (КП есть инстанция, имеющая право созывать всеправославный собор, провозглашать

автокефалию), функция гаранта единства православия [4. С. 211–215]. Новаторская деятельность константинопольских патриархов строится на основе идеологии, получившей наименование восточного папизма. В основе данной идеологии лежит представление о том, что автономность автокефальных церквей разрушает единство ВПЦ. Устами своих иерархов КП заявляет о том, что если Церковь – это тело, то для нормального функционирования у него должна быть голова. И вопреки устоявшемуся в Восточной церкви представлению о том, что главой Церкви является Христос, Константинополь заявляет о необходимости земного главы, каковым может являться только Вселенский Патриарх [7].

Одним из ярких примеров «инновационной» деятельности КП является Украина, где Константинополь поддержал создание «местной», по сути дела государственной, церкви, выведя часть приходов РПЦ из-под ее юрисдикции. Сделано это было в ситуации конфликта с Русской Православной церковью, которая считает, и не без основания, украинские приходы своей канонической территорией. Согласно Синодальному решению Константинопольского патриархата от июня 1686 г., Киевская митрополия была передана под юрисдикцию Московского патриархата. Грамота константинопольского патриарха Дионисия и синода гласит: *«повелеваем, да святейшая епархия Киевская будет подлежащая святейшему патриаршескому престолу великого и богоспасаемого града Москвы»* [8. С. 102]. Казалось бы, данный исторический документ не оставляет никаких сомнений по поводу легальности вхождения Киевской митрополии в состав РПЦ. Между тем Константинополь заявил о том, что передачи приходов никогда не было и «территория Украины никогда не была канонической территорией любой другой Поместной Православной Церкви, кроме Вселенского Патриархата» [9].

Следует признать, что подлинность передачи украинских приходов подверглась сомнению не только Константинополем, но и ученым сообществом. Как пишет В.Г. Ченцова, современные комментаторы вышеизложенного текста Грамоты полагают, что в нем есть фраза, которая заставляет усомниться в реальности передачи Константинополем Киевской митрополии Московскому патриархату: *«...доспоминает впервых пречестное имя вселенского патриарха, яко суицу источнику и началу и предвосходящу всех, иже повсюду при селении и епархии, потом патриарха Московского, якоже старейшаго своего...»* [8. С. 96]. Текст предписывает киевским приходам во время богослужения первым поминать Константинопольского патриарха, а уже затем патриарха Московского, что может быть расценено как признак сохранения Константинополем своей власти над Киевской митрополией, которая де-факто является его канонической территорией [Там же. С. 97].

Впрочем, Константинополь не мог не понимать, что содержание исторического документа является как минимум спорным и дискуссионным, поэтому пошел на беспрецедентный шаг, а именно – отменил «юридическое обязательство Синодального письма 1686 года» [10]. Представляется, что данный шаг продемонстрировал слабость позиции Константинопольского патриархата. Зачем отменять Грамоту, если есть уверенность, что никакой реальной передачи Киевских приходов не было? Последующие шаги Константинополя тоже вызывают вопросы. По заявлению иерархов Вселенского Патриархата [9], Константинопольская церковь это Церковь-Мать украинских приходов и

может, не нарушая канонов, предоставлять части своей территории статус автокефалии. Если следовать этой логике, то и другие поместные церкви могут давать самостоятельность своим приходам. Но на практике оказывается, что это совсем не так. Вселенская Патриархия не признала ни одну автокефалию, дарованную РПЦ своим приходам. Так, например, обстоит дело в ситуации с чехословацкими и американскими приходами, которым Русская Православная церковь предоставила автокефалию. Первую Константинополь признал только тогда, когда сам даровал ей томос, вторую до сих пор так и не признал. Это обстоятельство только подтверждает, что Константинополь в своей деятельности руководствуется принципом политической целесообразности и признает себя единственным субъектом права «дарования» томоса об автокефалии.

В ситуации с предоставлением автокефалии Православной Церкви в Америке и Православной Церкви Украины есть много общего. Во-первых, и в одном, и в другом случае наблюдается жесткое противостояние интересов Москвы и Константинополя. Во-вторых, наличествует раскол среди приходов, поскольку они находятся под разной юрисдикцией, либо часть из них имеет статус непризнанных. В-третьих, Константинополь, апеллируя к своему статусу «первенства чести», выдвигает претензии на роль объединителя приходов, дабы «уврачевать раскол». Ситуации отличаются только тем, что в Америке Константинополь не успел стать «объединителем», а на Украине взял реванш. Конечно, успех был не полным, поскольку большая часть украинских приходов осталась под юрисдикцией Московского патриархата, а часть поместных церквей не признали автокефалию УПЦ. Тем не менее определенных успехов Константинопольский патриархат достиг и во многом «переиграл» Москву, которая, похоже, не ожидала, что в украинском вопросе Константинополь пойдет до конца.

Нет никаких сомнений в том, что конфликт между поместными церквями разворачивается по большей части в политической плоскости, и борьба идет в конечном итоге не только за сохранение влияния на Украине и лидерство в православном мире, но и за сохранение своей значимости в мировой политике. Проигрывая РПЦ по ряду показателей (и в первую очередь по численности верующих), Константинополь пытается взять реванш путем закрепления за собой статуса «управленческого центра» во ВПЦ. Не находя понимания среди части поместных церквей, Варфоломей активно сотрудничает со светскими властями тех государств, которым нужна «собственная» церковь. И здесь интересы Вселенского Патриарха и светских властей пересекаются. Первый получает возможность легального осуществления своих властных амбиций, вторые решают свои внутривнутриполитические и геополитические задачи посредством использования религиозного фактора.

История показывает, что провозглашение автокефалии – это всегда дело не только церковное, но и политическое. И украинские события только еще одно тому подтверждение. Обращение к тексту томоса об автокефалии ПЦУ [11] позволяет нам сделать вывод о том, что политика «лежит» в основе этого документа. Практически с первых строк сказано о том, что поскольку «земля Украины укрепленна и возвеличена высшим промыслом и получила свою полную политическую независимость, государственные и церковные руководители которой уже почти тридцать лет горячо просят ее церковного само-

управления...», постольку КП провозглашает «чтобы вся Православная Церковь, что находится в пределах политически сформированного и полностью независимого государства Украины... существовала отныне канонически автокефальной, независимой и самоуправляемой...». Текст этого документа противоречит тому, о чем говорил в своем выступлении Варфоломей на Совещании предстоятелей Православных церквей в 2008 г. На совещании Вселенский Патриарх сожалеет о том, что основой автокефалии становится государство, а в тексте томоса по сути «утверждает», что интересы национального государства являются достаточным основанием для провозглашения автокефалии. Несомненно, что принятие данного документа серьезно повлияло на усугубление разрыва и ослабление связей между Украиной и Россией не только в сфере церковной, но и сфере межгосударственных взаимодействий.

Активность Вселенского Патриарха, направленная на реализацию идеи «одно государство – одна церковь», не ограничивается Украиной. По такому же сценарию развиваются события в Северной Македонии, что вполне может привести к легализации непризнанной Македонской Православной церкви. Подчеркнем, что важным действующим лицом в вышеуказанном сценарии являются светские власти, которые и становятся инициаторами борьбы за получение томоса. Так было на Украине, где действующий на тот момент президент П. Порошенко активно вел переговоры с Константинополем, так происходит и в Северной Македонии. Переговоры Варфоломея с премьер-министром Северной Македонии по вопросу признания Македонской Православной церкви уже состоялись [12], что подтверждает серьезные намерения Вселенского Патриарха по закреплению за собой статуса верховного главы ВПЦ. Не исключено, что вслед за историей с томосом, произошедшей в Украине, последует «парад суверенитетов» тех церквей, которые на настоящий момент являются самопровозглашенными и никем не признанными в православном мире.

По сути дела, мы становимся свидетелями определенного рода трансформаций, происходящих в сфере религиозно-политических взаимодействий. С одной стороны, «религия вмешивается во внешнюю политику» [13. С. 199], с другой – политика все чаще «достигает своих целей при помощи использования религии» [14]. Нельзя сказать, что вышеназванные процессы стали актуальными только сегодня, но новым, обращающим на себя внимание фактором становится их интенсивность. По словам А. Малашенко, позиции религии настолько усиливаются, что можно уже говорить не столько о ее возрождении, сколько об «экспансии» [13. С. 207]. Однако социальные науки, «десятилетиями твердившие о неминуемости секуляризации» [15], не сразу заметили эти трансформации, поскольку доминировало представление о несостоятельности религии в качестве актора мировой политики. Сегодня перед ними стоят задачи определения новых рамок рассмотрения соотношения религии и политики [16. С. 85], осмысления сути современных религиозно-политических взаимодействий и их последствий. Инициированная Вселенским Патриархом перекройка границ православного мира может стать триггером новых мировых политических процессов, среди которых два представляются наиболее значимыми. Во-первых, изменения во ВПЦ способны «потянуть за собой и более масштабные события, вовлекающие другие кон-

фессии и религии» [17]. Во-вторых, перекройка границ православного мира, сопровождающаяся появлением новых церковных структур, которые частично признаны, усложняет и так непростые взаимодействия как на уровне религиозно-политических отношений внутри национальных государств, так и на уровне светского взаимодействия между национальными государствами, на территории которых эти структуры осуществляют свою деятельность. Между тем следует признать, что данные процессы уже запущены, а украинские события, связанные с дарованием томоса для ПЦУ, будут иметь далеко идущие политические последствия.

Очевидно, что в настоящий момент наличная модель устройства ВПЦ не может быть изменена кардинальным образом, поскольку сторонники идеи отказа от автокефалии поместных церквей и выстраивания церкви по типу католической не найдут значительной поддержки и понимания среди большей части православных. А это значит, что сохранятся и еще более актуализируются проблемы, порождаемые данным типом модели и, в первую очередь, проблема верховной власти.

Таким образом, споры о должной модели Вселенской Православной Церкви являются отражением проблемы верховной власти в мировом православии, от решения которой будет зависеть не только само существование вселенского православия в ныне существующем формате, но и дальнейшее развитие политических событий в тех государствах, которые напрямую связаны с деятельностью поместных православных церквей. Несомненно, главными «возмутителями» спокойствия во ВПЦ в настоящий момент являются Константинопольская и Русская Православные церкви, которые имеют разные точки зрения по вопросу верховной власти во ВПЦ. Компромисса между теми моделями устройства ВПЦ, которые они признают канонически правильными, быть не может. Поэтому необходима выработка такой модели, которая бы устроила всех, в противном случае вопрос распада ВПЦ остается лишь делом времени.

Литература

1. *Позиция Московского патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви* // Русская Православная церковь: официальный сайт Московского патриархата. Электрон. дан. М., 2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 22.02.2020).
2. *Милаш Н.* Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями // *Азбука веры*: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2020. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/149 (дата обращения: 10.02.2020).
3. *Очередная попытка Константинопольского-Вселенского Патриарха навязать новую модель устройства Православной Церкви* // Православный апологет: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2007–2018. URL: <https://bit.ly/2waTIrj> (дата обращения: 11.02.2020).
4. *Шишков А.* Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмитта // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2014. № 3 (32). С. 197–224.
5. *Выступление Патриарха Константинопольского Варфоломея I на Совещании представителей Православных Церквей (Фанар, 10 октября 2008)* // Портал-Credo.Ru. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://credo.press/97233/> (дата обращения: 13.02.2020).
6. *Шишков А.* Спорные экклезиологические вопросы повестки Всеправославного собора и проблема верховной власти в Православной церкви // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2016. № 1 (34). С. 210–254.
7. *Новиков А.* И вновь о восточном папизме // Правмир: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2003–2020. URL: <https://www.pravmir.ru/i-vnov-o-vostochnom-papizme/> (дата обращения: 10.08.2020).

8. *Ченцова В.Г.* Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 89–110.

9. *Архиепископ Тельмисский Иов (Геча):* Украина всегда была канонической территорией Вселенского Патриархата (интервью) // Портал-Credo.Ru. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://credo.press/219822/> (дата обращения: 26.03.2020).

10. *Вселенский Патриархат.* Объявление // Православие.Ru: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2018. URL: <https://pravoslavie.ru/116403.html> (дата обращения: 16.04.2020).

11. *Патриарший* и синодальный Томос дарования автокефального церковного устройства Православной Церкви в Украине [Электронный ресурс] // LifeГид: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2016–2020. URL: <https://lifegid.media/special-projects/tomos-polnyj-tekst-ob-avtokefalii.html> (дата обращения: 09.11.2020).

12. *Константинопольский Патриарх Варфоломей* взялся за «исцеление» македонского раскола // Русская линия: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 1998–2017. URL: <https://rusk.ru/news-data.php?idar=86756> (дата обращения: 11.08.2020).

13. *Малашенко А.* «Религиозная экспансия» и внешняя политика // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 199–208.

14. *Сенюшкин Е.А.* Внутриправославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии – к геополитизации конфликта [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. Электрон. дан. [Б.м.], 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrippravoslavnye-protivorechiya-na-ukraine-cherez-instrumentalizatsiyu-religii-k-geopolitizatsii-konflikta> (дата обращения: 24.09.2020).

15. *Узланер Д.* Религия и политика: неразрывный симбиоз? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 06.10.2020).

16. *Мчедлова М.М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 83–90.

17. *Лукьянов Ф.* Церковь на историческом распутье // Россия в глобальной политике. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czerkov-na-istoricheskompaspute/> (дата обращения: 06.10.2020).

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 189–198.

DOI: 10.17223/1998863X/59/18

DISPUTES ABOUT THE DUE MODEL OF THE EASTERN ORTHODOX CHURCH AS A REFLECTION OF THE PROBLEM OF SUPREME POWER IN WORLD ORTHODOXY

Keywords: religion and politics; supreme power; Patriarchate of Constantinople; Moscow Patriarchate; autocephaly; models of structure and functioning of Eastern Orthodox Church.

The article examines the problem of supreme power in the Eastern Orthodox Church. This problem is not new, but it is becoming more and more pressing in the light of the recent events that took place in Ukraine and are related to the granting of a tomos to the Orthodox Church of Ukraine by Patriarch Bartholomew of Constantinople. The Russian Orthodox Church regarded the actions of the Ecumenical Patriarch as an invasion of someone else's canonical territory, which led to a conflict in which other local churches are gradually being involved. The roots of this confrontation are in the mismatch of ideas about the due model of structure of the Eastern Orthodox Church. Today, there are two such models, and the fundamental difference between them lies in the different vision of the subject exercising power on a pan-Orthodox scale. The model of “sovereign autocephaly” is based on the idea of the equality of all autocephalous churches, each of which has full authority within its canonical territory. The other model, which can be called the model of “autocephaly with limited sovereignty”, is based on the idea of the coordinating and governing role of Constantinople within the Eastern Orthodox Church. At first glance, the reasons for the conflict between Orthodox churches are of a religious nature and relate exclusively to issues of church law. Meanwhile, there is no doubt that the above-mentioned conflict has not only a religious but also a political dimension. Ultimately, the struggle goes on not only to maintain influence in Ukraine and leadership in the Orthodox world, but also to maintain own importance in world politics. The redrawing of the borders of the Orthodox

world, initiated by the Ecumenical Patriarch, has already led to serious political consequences. Bartholomew actively cooperates with the secular authorities of those states that need their “own” church. This cooperation turns out to be mutually beneficial: the former legally realizes his power ambitions, the latter solve their domestic political and geopolitical tasks by using the religious factor. Disputes about the due model of the Eastern Orthodox Church are a reflection of the problem of supreme power in world Orthodoxy, on the solution of which will depend not only the very existence of Eastern Orthodoxy in the current format, but also the further development of political events in those states that are directly related to the activities of local Orthodox Churches.

References

1. Russian Orthodox Church. (2013) *Pozitsiya Moskovskogo Patriarkhata po voprosu o pervenstve vo Vselenskoj Tserkvi* [The position of the Moscow Patriarchate on the issue of primacy in the Ecumenical Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (Accessed: 22nd February 2020).

2. Milash, N. (n.d.) *Pravila Svyatykh Apostolov i Vselenskikh soborov s tolkovaniyami* [Rules of the Holy Apostles and Ecumenical Councils with interpretations]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/149 (Accessed: 10th February 2020).

3. Russian Orthodox Church. (n.d.) *Ocherednaya popytka Konstantinopol'skogo-Vselenskogo Patriarkha navyazat' novuyu model' ustroystva Pravoslavnoy Tserkvi* [Another attempt of the Ecumenical Patriarch of Constantinople to impose a new model of the structure of the Orthodox Church]. [Online] Available from: <https://bit.ly/2waTlrj> (Accessed: 11th February 2020).

4. Shishkov, A. (2014) Church Autocephaly Through the Lens of Carl Schmitt's Theory of Sovereignty. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 3(32). pp. 197–209

14. Senyushkin, E.A. (2019) *Vnutripravoslavnye protivorechiya na Ukraine: cherez instrumentalizatsiyu religii – k geopolitizatsii konflikta* [Intra-Orthodox contradictions in Ukraine: through the instrumentalization of religion – to the geopolitization of the conflict]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutripravoslavnye-protivorechiya-na-ukraine-cherez-instrumentalizatsiyu-religii-k-geopolitizatsii-konflikta> (Accessed: 24th September 2020).

15. Uzlaner, D. (n.d.) *Religiya i politika: nerazryvnyy simbioz?* [Religion and politics: inseparable symbiosis?]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/artic-les/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (Accessed: 6th October 2020).

16. Mchedlova, M.M. (2013) *Religioznye smysly sovremennoy politiki: potrebnost' v novoy epistemologii* [Religious meanings of modern politics: the need for a new epistemology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 1. pp. 83–90.

17. Lukyanov, F. (n.d.) *Tserkov' na istoricheskom rasput'e* [Church at a historical crossroads]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/czerkov-na-istoricheskom-raspute/> (Accessed: 6th October 2020).

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/59/19

С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Статья посвящена современным подходам к исследованию глобального публичного порядка, в том числе анализу способствующих его формированию факторов, а также рассмотрению тех форм, которые он принимает. По мнению авторов, глобальный публичный порядок сегодня все больше становится объектом междисциплинарных исследований, в частности он активно рассматривается с позиций структурного анализа. Авторами сделан вывод о том, что в настоящий момент происходит процесс адаптации новых форм глобального публичного порядка к динамично изменяющейся глобальной реальности.

Ключевые слова: мировой порядок, публичный порядок, глобализация, сети, паноптикум, синоптикум, баноптикум.

Понятие «глобальный публичный порядок» и его современные интерпретации

Понятие «(глобальный) публичный порядок» одно из часто употребляемых в современной политологии. При этом, подобно другим политологическим дефинициям, оно постоянно изменяет (расширяет и углубляет) свой смысл в ответ на перемены в обществе и в политике – в том числе связанные с целями, смыслами и стратегиями последней. При этом публичный порядок – это одна из модификаций мирового порядка, который представляет собой феномен более общего характера.

Однако мировой политический процесс куда сложнее любых теоретических схем, предсказывающих «упразднение государств», раздел мира между членами «клуба сверхдержав» либо «безальтернативность» глобализации как процесса. Современный миропорядок является «многослойным», и в его рамках государства не «преодолеваются», но сосуществуют на международной арене с другими акторами мировой политики [1].

Между тем происходящие в современном мире кардинальные изменения общественно-политической жизни индивидов, обществ и государств привели к серьезной трансформации политико-правовых основ взаимоотношений государств и народов.

Невиданные ранее по своей интенсивности процессы всемирной интернационализации международной жизни, политико-экономической интеграции, сближения и унификации правовых систем в корне изменили многие привычные формы внутренних и международных публичных процессов и устоявшиеся представления о них [2]. Широко распространенными стали такие понятия как «международный публичный порядок», «новый международный порядок», «публичный экономический порядок», «новый экономический порядок», «новый коммерческий порядок», «новый экологический порядок» и др., появление которых в научном обороте отражает современные закономерности развития мирового сообщества в ситуации постмодерна. По-

явление данных понятий подтверждает наличие у международного сообщества целого ряда общих интересов, которые в силу своей особой актуальности формируют запрос на «новую публичность» в рамках межгосударственных отношений.

Мировой публичный порядок реализуется в рамках мирового публичного пространства, которое представляет собой пространство экспансии глобальной культуры и ее ценностей.

С точки зрения используемого авторами системного подхода, глобальное публичное пространство – самоорганизующаяся в соответствии с нелинейными принципами и опирающаяся на манифестированные и латентные структуры система, в рамках которой посредством взаимоотношений большого числа автономных субъектов выстраиваются устойчивые и функциональные взаимодействия, формируются каналы и сети коммуникации, происходит воспроизводство определенных системных качеств и параметров [3].

В свою очередь, глобальный публичный порядок – определенное состояние этой системы, которое характеризуется преобладанием устойчивости над изменчивостью, функциональных проявлений над дисфункциональными, соблюдением конвенциональных правил для акторов:

- 1) устойчивость (не исключающую текущих изменений) [4];
- 2) стабильность (что предполагает функционирование в привычном режиме);
- 3) управляемость (дееспособность поддерживающих этот порядок с помощью определенных институтов и механизмов);
- 4) сбалансированность отношений основных субъектов мировой политики (государств, международных организаций, межгосударственных объединений) [5];
- 5) соблюдение основными субъектами глобальных публичных коммуникаций общепринятых «правил игры».

При этом сам феномен глобального публичного порядка, осмысляемый в политической науке, рассматривается исследователями на основе использования ими различных критериев. Наряду с традиционным восприятием публичного порядка как результата правовой институционализации, развиваются и новые направления исследований, в которых публичный порядок уже рассматривается как самостоятельный многоаспектный феномен. Во французской политической науке проблематика становления глобального публичного порядка как целостного явления нашла отражение в исследованиях М. Штегера [6]. Проблематике трансформации обыденной идентичности в условиях глобализирующегося мира уделяется внимание в исследованиях Ж. Финкельштейна [7]. У. Бек [8] и Н. Талеб [9] – рассматривают глобальную ситуацию риска, в связи с сопутствующими ей глобальными кризисами.

По мнению авторов статьи, публичный порядок включает в себя формально-правовой, коммуникативный, структурно-организационный, публично-политические и публично-управленческие аспекты. На этой основе выделяется ряд особенностей публичного порядка:

1. Анонимность (не отождествляется однозначно ни с какими конкретными персонами).
2. Всепроницающий характер (проникновение во все ключевые сферы жизни общества – политику, экономику, культуру, социальную сферу).

3. Принципиальное отсутствие границ (выход за рамки отдельных государств и гражданских обществ).

4. Неразрывная связь с механизмами публичной коммуникации (которые выступают как процедурное основание).

5. Связь с механизмами опосредованного контроля (участие в публичности означает подконтрольность).

6. Многообразие капиталов, необходимых для его воспроизводства (политического, культурного, социального, экономического и символического).

7. Многообразие используемых коммуникативных инструментов (с целью воздействия на более широкий спектр социальных отношений).

8. Многообразие форм коммуникации, используемых в процессе его воспроизводства [10].

Авторы статьи стремятся выявить, с какими же параметрами и изменениями изначально было связано утверждение «новой публичности». Очевидно, что ее складыванию способствовал целый ряд системных социально-политических преобразований, приведших к коренной трансформации глобального политического и правового ландшафта.

Попытаемся в дополнение к уже сложившимся в науке подходам [11] обозначить основные глобальные тренды, в наибольшей степени влияющие на процесс формирования «новой публичности» и складывания глобального публичного порядка.

Первый тренд – освобождение социальных и политических отношений от их локально-территориальных оснований, от связи с определенными территориями (детерриториализация) – вплоть до преодоления самих факторов территориальности и географии [12].

Второй тренд – замещение «пространства мест» так называемым «пространством потоков» [13].

Третий тренд – исчезновение различных форм неподвижной территориальной организации, появление ее новых форм, вследствие чего не только отдельные государства, но и крупные мегаполисы («мировые города») становятся ключевыми участниками глобализационных процессов [14].

Четвертый тренд – ускоряющаяся циркуляция людей, товаров, капиталов, денег, идентичностей и образов в рамках глобального пространства.

Пятый тренд – возрастающая проницаемость границ.

Шестой тренд – освобождение от связей с определенной территорией политических и культурных идентичностей [15].

Седьмой тренд – на место традиционных форм регулирования и управления (governance) из единого государственного центра приходит политика, неразрывно связанная с особенностями тех или иных уровней пространственно-территориальной организации (politics of scale) – регионами и территориями [16].

Восьмой тренд – уменьшение роли централизованных государств, регионализация и становление так называемой «сетевой» модели управления (ЕС) – государства сосуществуют на международной арене с международными организациями и союзами, неправительственными организациями, крупными корпорациями и др.

Государство, таким образом, утрачивают прежнюю политическую монополию в качестве особого «места», конституционно установленной террито-

рии, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации. Оно передает часть своих полномочий «вниз» на уровень регионов, коммун и муниципальных образований, и «наверх» на уровень «международных режимов», а также «вовне» – в систему рынка и гражданского общества.

Девятый тренд – интернационализация и регионализация политики на всех уровнях (национальном, региональном, местном). Формирование новых экономических структур происходит по преимуществу на региональном и местном уровнях и зависит от подвижного соотношения «факторов места» [17].

Десятый тренд – возникновение новых форм многослойной дипломатии и многоуровневого управления, нуждающихся, в свою очередь, в современных формах соединения, координации и представительства [18].

Процесс складывания необходимых предпосылок для формирования глобального публичного порядка рассматривался исследователями в течение нескольких последних десятилетий. Уточняя характер современных вызовов, американский политолог и эксперт по международным отношениям Дж. Розенау выделяет несколько глубоких трансформаций, символизирующих разрыв с традиционными факторами формирования публичного порядка, в числе которых он особо выделяет переход от индустриального к постиндустриальному порядку (имея в виду воздействие «микроэлектронной революции» на системы информации и коммуникации) на фоне снижения возможностей централизованного государства в деле решения проблем общества вкупе со скачкообразным расширением возможностей людей за счет распространения коммуникационных технологий [19].

Развивая данный подход применительно к теории международных отношений Дж.У. Бертон в своей «теории паутины» описал процесс складывания новых социальных отношений, охватывающих весь мир [20]. В модели Мира Бертона нет государственных границ, но изображены линии телефонных переговоров, направления путешествий и движения товаров. То есть мир транзакций, состоящих из сетей, структур и систем, которые постепенно сформировали необходимую инфраструктуру для складывания глобального порядка нового типа.

В свою очередь, успехи коммуникационных и цифровых технологий стали решающей предпосылкой для подъема мировых финансовых рынков, для создания индустриальных концернов и для подъема стран-«тигров» Юго-Восточной Азии, в значительной степени связанных с использованием компьютерных чипов. Интернет, который с середины 1990-х гг. складывался как сугубо частная ацентричная структура, превратился в механизм охватывания всего мира «сетями» через цифровые технологии и электронные медиа. При этом охват мира электронными сетями осуществляется не по принципу «ризомы» (т.е. не равномерно), вследствие чего возникает новый «цифровой разрыв» между включенными и невключенными в сети людьми [21. Р. 107].

М. Кастельс, в свою очередь, описывает глобализацию как процесс складывания « сетевого общества », рассматривая ее в качестве ранее неизвестной истории формы общественных отношений. По его мнению, в современных условиях компьютерная техника впервые делает возможным организовать гибкие социальные отношения независимо от территориальных « локусов ».

В «информационную эпоху» на место иерархической и бюрократизированной организации постепенно приходят закрытые горизонтальные сети, которые становятся основной организационной формой для общественной и политической жизни. Вследствие этого фактора изменяются сами подходы к использованию власти и распределению ресурсов: согласно Кастанельсу, власть воплощается отныне не в форме приказа и подчинения, но в форме сетевой организации, преследующей определенные цели.

В итоге на место механизмов подавления и эксплуатации, предполагающих наличие дисциплинарных «верха» и «низа», географических «центра» и «периферии» в «сетевом обществе» приходит принцип принадлежности к определенному «сетевому союзу» либо исключение из него. Поэтому главное разделение современного мира, по Кастанельсу, проходит между людьми, интегрированными в сети либо исключенными из них [22].

Какие конкретные формы принимает публичный порядок в современных условиях? Формально современные «ordre public» (Франция), «öffentliche Ordnung» (Германия), «public policy» (Великобритания), «offentlig orden» (Голландия), «ordine pubblico» (Италия), «ordino publico» (Испания) являются необходимой составляющей правопорядка любого государства. Но законодательство государств не раскрывает данное понятие. Поэтому оно лишено конкретики и несет морально-идеологический оттенок, субъективно в восприятии, а поэтому вызывает затруднения для объективного и точного использования. Весьма образно охарактеризовал использование категории «публичный порядок» французский политолог Ф. Малори: «Никто не может определить его существо, каждый в полном неведении, но все его используют» [23. Р. 3].

Современный ЕС – своего рода «лаборатория» глобального публично-го порядка. Особенностью становления европейского публичного порядка и европейского правового пространства является то, что их базовым содержательным ядром стали гуманитарно-правовые нормы, а организационно-правовым каркасом и системообразующими актами – Совет Европы, его Устав и ЕКПЧ. Уникальную, не имеющую аналогов роль в обеспечении публичных интересов европейских государств играет Европейский суд по правам человека и Суд европейских сообществ. Вышеуказанные суды в своей деятельности подтвердили существование общеевропейских публичных интересов государств и основанного на этих интересах европейского публичного порядка. Это связано с признанием академической средой высокой роли и юридической значимости всей совокупности прав и свобод человека [24].

Объективно возникновение и признание государствами наличия у них общих публичных интересов экономического, политического, финансового, экологического, информационного, культурного, правового и т.п. характера привело к постепенной выработке ими единых правил взаимного поведения – стал формироваться глобальный публичный порядок.

Глобализация вывела миллиарды людей по всему миру из острой нищеты. Однако выгоды от глобализации распределяются неравномерно. Глобализация создает возможности государствам и народам, но те, кто может или знает, как ими воспользоваться, иногда получают огромные выгоды, в то время как другие игроки остаются позади [25].

Однако снижение эффективности управления чрезвычайными ситуациями и глобальными вызовами сегодня присуще всем современным либерально-демократическим режимам. Потребность в разработке эффективных механизмов такого регулирования предполагает различие взаимодействующих форм «первичной эффективности» государства (органически связанной с обеспечением безопасности своих граждан), а также «вторичной эффективности» правящего режима, обуславливающей сохранение в государстве основ демократического порядка.

Структурирование глобального публичного порядка: современные подходы

В современной ситуации наибольшего внимания заслуживают теории, описывающие возможные структурные основания глобального публичного порядка как продукта междисциплинарного синтеза [26]. Анализ подходов различных исследователей позволяет нам получить ответы на следующие вопросы: Каково же внутреннее содержание процесса становления новой модели публичного порядка? Какие структурные основания имеет и какие структурные формы принимает сегодня публичный порядок? Как изменяются в рамках этого порядка взаимоотношения между обществом, государством и гражданами?

Верна ли принципиально гипотеза Дж. Розенау о том, что «эволюция мультицентричного мира уменьшает силу прежде безотказных государственных инструментов» в то время как государства сохраняют в своих руках инструменты принуждения, в то время как их легитимность и власть постепенно приходят в упадок? [27]. И следует ли принять гипотезу Дж. Рэджи о формировании «постмодернистского гиперпространства», о многочисленных «мультиперспективных институциональных формах», которые сосуществуют с современным государством [28. Р. 173]?

В действительности современные коммуникации неразрывно связаны с аспектами дисциплинирования и безопасности – благодаря чему линии соединения неизбежно превращаются в линии разделения. По убеждению авторов статьи, фрагментации социального контроля в результате современных глобальных процессов не произошло, но сложилась качественно новая глобальная матрица контроля, выступающая в нескольких основных формах, по вопросу о характере которых мнения исследователей различаются.

Так, например, с точки зрения З. Баумана, основополагающей формой публичного порядка в условиях модерна является паноптикум. Последний выступает как центр современного господства – и эффективность последнего традиционно основывалась на ограничении мобильности заключенного, за которым постоянно следит остающийся незамеченным наблюдатель. Таким образом, телесное и личностное присутствие Наблюдателя остается неосязаемым. Архитектура последнего облегчала контроль Наблюдателя за заключенными с помощью блоков (ячеек) в виде полукруга, когда Наблюдатель ведет наблюдение из центра полукруга, в то время как заключенный не может обозревать всю ту конструкцию, которой он ограничен. Благодаря этому обстоятельству паноптикум соединяет в себе строгий порядок заключения с элементами игры.

При этом в рамках паноптикума Наблюдатель принимает на себя сознательную ответственность за жизнь и относительное благополучие наблюдаемого. Таким образом, в условиях модерна наблюдение играет центральную роль. При этом сам З. Бауман отмечал неизбежность перехода классического модерна в состояние «текущего модерна» в процессе разворачивания которого все устойчивое и постоянное будет преодолено.

«Текущему модерну», согласно Бауману, соответствует модель «текущего наблюдения» в различных его модификациях [29]. Предложенная З. Бауманом концепция «текущего наблюдения» позволяет понять процесс трансформации модерна в качественно новое состояние социума.

В конечном итоге современный характер властвования, согласно З. Бауману, является по своей природе «пост-паноптическим» [30. С. 16–18]. Таким образом, понятие «текущее наблюдение» в большей степени не средство описания действительности, но в большей степени – отражение текущих трендов в развитии публичной сферы [31].

При этом консолидированный контроль за поведением и активностью отдельных людей не исчезает, но принимает все более новые и многообразные формы. «Текущее наблюдение» расширяется непредсказуемыми способами, содействуя размыванию устойчивых институтов. Помимо этого, экспансии «текущего наблюдения» содействует «сдвиг», вызванный повышающимися требованиями безопасности и активизацией маркетинговых фирм на рынке.

При этом современный паноптикум – не только и не просто модель Наблюдения, электронные технологии, которые использует власть в быстро изменяющемся и гибко организованном современном мире, в котором твердые стены и окна теряют свое значение и власть, будучи заменяемыми на свои виртуальные аналоги. Становятся возможными ранее неизвестные формы господства, и наблюдение имеет все меньше общего с заключением в рамках изолированного пространства в концепции М. Фуко.

Последнее прежде всего означает, что в сфере медиа и электронной торговли коммуникация все чаще принимают форму развлечения и удовольствия. Облегчение контроля означает повышение его эффективности. В аэропортах человек отныне может успешно зарегистрироваться с помощью своего смартфона, передавая через него все необходимые данные при регистрации.

Примером новых форм господства является система социальных кредитов, сформированная и используемая ныне в КНР. Система социального кредита (пиньинь: shèhuì xìnyòng tíxì) – это национальная репутационная система, разрабатываемая Коммунистической партией Китая (КПК) под руководством генерального секретаря КПК Си Цзиньпина. Программа инициировала региональные испытания в 2009 г., а затем на ее основе был запущен национальный пилотный проект с восемью кредитными скоринговыми фирмами в 2014 г. В 2018 г. эти усилия были централизованы под руководством Народного банка Китая с участием восьми фирм. К 2020 г. предполагалось стандартизировать оценку экономической и социальной репутации граждан и предприятий, или «социального кредита»¹.

---

¹ SAT Boosted the Construction of Credit System and Practiced Reward and Punishment Based on «Two Measures»: Honest Taxpayer on Honor List and Illegal Taxpayers on Blacklist. www.chinatax.gov.cn. General Office of the State Administration of Taxation. 8 July 2014. Archived from the original on 27 December 2015. Retrieved 26 December 2015.

Инициатива по введению системы социальных кредитов предусматривает создание единой системы учета для физических лиц, предприятий и правительства, которая будет отслеживаться и оцениваться с точки зрения надежности.

В конечном итоге переход от паноптикума к другим, более гибким формам контроля означает, что Наблюдатель может отказаться от ответственности за судьбу наблюдаемого. При этом в рамках «пост-паноптического порядка» не существует никаких постоянных обязательств. Мобильность и кочевничество отныне вознаграждаются (исключая бедных и клошаров). И всякое малое, легкое и быстрое означает лучшее.

Как полагает французский исследователь Ж. Делез, наблюдение в условиях «текучего модерна» распространяется не подобно дереву (почкованием), но вертикально и упорядоченно, как и в условиях постмодерна или же ризоматически, подобно травяному покрову [32], охватывая таким образом все публичное пространство.

Благодаря этому, как указывает Дидье Биго, во имя безопасности сегодня «все, что движется (товары, информация, капиталы, люди), отслеживается и отмечается. Наблюдение осуществляется сквозь пространственную и временную дистанции и уверенно пересекает национальные границы» [33. Р. 109].

Цифровизация наблюдения приводит, наряду с введением биологического контроля, к постепенному замещению «физической личности» так называемыми «цифровыми дублями», представляющими собой совокупность наиболее социально значимых данных данного лица, что создает дополнительные возможности для перехода к дистанционному контролю за мобильностью. В итоге «диспозитив наблюдения» (по аналогии с диспозитивом власти М. Фуко) рассматривает человеческие тела как совокупность регулярно изменяющихся данных, что предполагает создание мобильных «цифровых дублей».

В свою очередь, исследователь О. Ганди использует понятие паноптикума для описания современных маркетинговых стратегий. Согласно исследователю, современный маркетинг нуждается в персонифицированной информации. Ганди связывает контрольный и классифицирующий аспекты паноптикума с компьютеризированной переработкой данных потребителей. По его убеждению, маркетинг постоянно ищет новые пути обретения клиентов, объединяя последних в целевые группы посредством обработки персонифицированной информации, существование которых помогает поддерживать достигнутый на сегодня уровень потребления и одновременно является опосредованной формой публичного контроля. При этом, согласно Ганди, паноптическое наблюдение в области маркетинга противоположно по смыслу какой-либо форме социальной дискриминации, поскольку классификация потенциальных клиентов, покупателей и потребителей является не дескриптивной, а нормативной [34].

Развивая рассмотренный выше подход, некоторые зарубежные исследователи приходят к выводу, что в современных условиях на место классического паноптикума постепенно утверждается «персональный паноптикум». Паноптикум классического типа, предполагающий централизованный контроль и «наблюдение немногих за многими», действует сегодня ограниченно,

охватывая ту часть современных городов, в которую «вытеснены» бедные жители и девианты.

В качестве примера «классического паноптизма» Вакан (Waquant) приводит паноптикум «государства всеобщего благоденствия», которое проявляется там, где обедневшие семьи подвергаются санкционированному наблюдению в связи с получением ими социальной помощи. В данном случае Вакан говорит о «социальном паноптизме», который проявляется в виде кварталов бедноты в городах обоих полушарий [35]. Классические виды контроля и наблюдения распространяются сегодня также на другие маргинальные группы – бродяг, подозреваемых в терроризме и др., ставших объектами воздействия в рамках программ по обеспечению безопасности.

Анализируя складывающиеся сегодня практики публичного контроля, Д. Биго уточняет содержание понятия паноптикума, рассуждая об этих распространенных по всему миру маргинализированных группах, используя при этом понятие «баноптикум» (Банн-оптикум) (Банн-оптикум).

Изначально данное понятие подразумевало, что с помощью профайл-технологий можно (попытаться) установить, кто будет подвергнут наблюдению, а кто – нет. Одновременно оно характеризовало статус международных «менеджеров неопределенности» полиции, пограничных властей, сообществ поставщиков авиационных услуг, формируется зона так называемой «глобальной неопределенности». Транснациональные бюрократии, как коммерческие, так и административные, работающие сегодня дистанцированно с целью осуществления наблюдения и контроля за деятельностью людей. Взятые в совокупности, поддерживаемые ими дискурсы, практики, архитектурные структуры и правила формируют некоторый аппарат, или «диспозитив». Благодаря их распространению, возникает не «глобальный паноптикум», но упомянутый выше «баноптикум» – понятие, происходящее от немецкого слова «Bahn», которое одновременно означает «исключение» (из социума), «общину» (сообщество), приказ или баннер (знамя) суверена.

Упомянутый «диспозитив» устанавливает, кто считается благоприятной фигурой для социума, а кто нет. Вследствие необходимости осуществления новых форм публичного контроля возникает категория людей, которые составляют не единое национальное государство, но некоторое условное сообщество людей, осуществляющих «глобальную власть».

Формируемый этими новыми глобальными менеджерами баноптикум оперируется виртуально, опирается на взаимосвязанные сетевые базы данных и стремится предугадать дальнейшее развитие событий, исходя из агрегированных ими данных об отдельных персоналиях.

Д. Биго указывает, что сегодня больше не существует некоторого централизованного паноптикума, но имеет место фрагментация и существуют гетерогенные диспозитивы [36]. Последний действует посредством государственных и частично экономических организаций, которые совместно с институтами удовлетворяют потребности в развитии информационных технологий и осуществлении биометрических процедур, содействуя выполнению процедуры «наблюдения за трансграничными движениями индивида».

Таким образом, согласно Биго, возникает пространство «транснациональной неопределенности» (и иные, включая паноптикум). В этом пространстве он размещает определенные дискурсы (исходя из потенциала и

уровня угрозы со стороны внутренних и иных врагов), институты, архитектурные конструкции (от портов до залов ожидания в аэропортах), законы и распоряжения, устанавливая определенные группы людей как цель структурирующих и упорядочивающих мероприятий.

Стратегия баноптикума, установленная подобным образом, идентифицирует определенные меньшинства как «нежелательные», подкрепляя публичный порядок методами поляризации (на лояльных и «изгоев»). Менеджеры баноптикума используют специальные техники формирования персональных профайлов, что позволяет им поставить определенные «целевые группы» под контроль, но при этом позволяют «неисключенным» группам свободно подключаться к потокам товаров, капиталов, информации и людей. В ситуации постепенного складывания глобального публичного порядка, оперирующего за рамками сферы контроля национальных государств, упомянутые менеджеры располагаются между властью и ее противниками, модерировав таким образом отношения между государством и обществом. Невидимая прежде «публичная власть» становится, таким образом, осязаемой для индивидов. Д. Биго отмечает, что современный человек посредством стратегий Диспозитива попадает под власть «императивов мобильности».

В итоге в рамках видоизменяющегося «публичного порядка» на первый план выходят «нежелательные мигранты», которые подвергаются мерам контроля на пересекаемых ими государственных границах. Таким образом, если паноптикум предполагает частично персонализированный «надзор» за заключенными, то баноптикум – анонимный за перемещающимися свободно и без видимых ограничений.

Среди других значимых для понимания характера современного публичного порядка внимания заслуживает выдвинутая Т. Матизеном концепция синоптикума. По мнению исследователя, в рамках данной формы публичного контроля на место принципа «Немногие наблюдают за многими» приходит принцип «Многие наблюдают за немногими» (основополагающий для современных СМИ) [37].

Понятие «синоптикум» описывает новую ситуацию в сфере публичного контроля достаточно полно. Когда синоптикум занимает место паноптикума, становятся ненужными высокие стены и наблюдательные башни, которые ранее были необходимы для изоляции условных «заключенных», и нет необходимости подчиняться никаким супервайзерам с целью соблюдения привычной рутины, что нарушает солидарность управляемых и одновременно снижает риск совместного выступления последних в ответ на унижение их достоинства.

От формальных объектов бюрократического контроля сегодня ожидают, что они сами себя дисциплинируют и будут готовы заплатить материальную и психологическую цену за установление и поддержание дисциплины самостоятельно. Они сами должны сооружать поддерживающие публичный порядок условные «стены» и пресекать любую попытку «прорыва» сквозь них. В рамках этой системы пользователи Гугла или Фейсбука в процессе автономной, но координируемой потребительской активности содействуют заполнению «банков данных», на основе которых затем формируются «целевые группы», состоящие из «перспективных» покупателей и клиентов.

Ключевой тезис Т. Матизена утверждает, что сохраняющиеся в условиях «текущего модерна» паноптические эффекты не могут быть поняты без опоры на концепцию синоптикума, с проявлениями которого они сосуществуют. Развивая эту логику, Матизен утверждает, что сегодня паноптикум, синоптикум и баноптикум переплетаются в публичном пространстве и проявляются друг в друге.

В свою очередь, уточняя и толкуя понятие синоптикума, британский исследователь Д. Лайон понимает синоптикум Матизена как особую форму «паноптикума для самодетельных» (т.е. ответственных за соблюдение мер контроля в отношении самих себя) – или как значительно модифицированную форму паноптикума, суть которого – «Наблюдение без Наблюдателя».

Опираясь на понятие синоптикума, Лайон говорит о происходящей на наших глазах новой «революции менеджеров». Если в рамках паноптикума управляемые традиционно рассматриваются как «контролируемые» и «субсидируемые», то в условиях синоптикума управляемым представляется персональная автономия и право на самоопределение в рамках системы публичного контроля – т.е. происходит их ре-субъективизация. В конечном итоге контролеры освобождаются от обязанности контролировать, поскольку контролируемые отныне обязываются самостоятельно поддерживать действие контрольных процедур [38. S. 92].

В рамках происходящей трансформации властвующие объявляют старые правила игры недействующими и иницируют новую игру, благодаря чему они усиливают свое господство в противостоянии с «бросающими вызов». В итоге позиции «менеджеров порядка» становятся неуязвимыми, поскольку они отбрасывают последние обязательства и ограничения своей власти, передавая прежнее «пространство контроля» во власть спонтанных процессов, обезопасив при этом себя. «Менеджеры порядка» в отношениях с управляемыми твердо следуют правилу «только текущий успех принимается к сведению» (все предыдущие достижения не имеют значения), что позволяет заслуги управляемых системно планировать и своевременно обобщать.

Новый синоптико-баноптический порядок не исключает в то же время иных форм публичного порядка, самоопределения и контроля. Так, в современном публичном пространстве все в большом числе присутствуют персональные мини-паноптикумы. И каждый желающий может отныне жить в рамках персонального мини-паноптикума, самостоятельно неся ответственность за выбор способа его функционирования.

С помощью технологий по формированию «банков данных» «слой публичных инженеров» действует в пространстве между синоптикумом и баноптикумом, в то время как их работа создает предпосылки для использования баноптических техник в сфере публичной политики.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования авторам удалось выявить и обобщить некоторые закономерности, связанные с трансформацией форм и механизмов публичного порядка. Последний выступает сегодня как самостоятельный феномен и не может быть сведен к формально-правовым, коммуникативным и организационно-политическим аспектам. Не вызывает сомнений связь с ситуацией «текущего модерна» и складыванием системы

«текущего наблюдения» вкупе с формированием глобальной матрицы контроля на основе современных коммуникационных технологий. Структурной основой формирующейся сегодня модели публичного порядка является соединение таких форм публичного контроля, как синоптикум («многие наблюдают за немногими») и баноптикум (с исключением из публичного пространства «нежелательных»), которые приходят на смену паноптическим стратегиям и технологиям. При этом современное государство удерживает в пределах своей компетенции часть полномочий по осуществлению публичного порядка, сохраняя за собой собственный «сегмент ответственности». При этом система публичного контроля, распространяясь и охватывая все сферы жизни общества, связана со стремлением «ответственных менеджеров» не просто контролировать, но моделировать и программировать желательное социальное поведение индивидов, что влияет на определение социального статуса последних.

Литература

1. Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17, № 2. С. 20–31.
2. Дегтерёв Д. Второй большой спор в контексте становления российской науки о международных отношениях // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 2 (57). С. 43–62.
3. Сморсунов Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 43–49.
4. Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23.
5. Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
6. Steger M. Globalization: A Very Short Introduction. New York : Oxford University Press, 2009. 176 p.
7. Finchelstein G. La dictature de l'urgence. Paris : Fayard, 2013. 240 p.
8. Beck U. The Metamorphosis of the World. Polity, 2017. P. 177–179.
9. Taleb N. Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life. Allen Books, 2017. 227 p.
10. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22–36.
11. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 29–37.
12. Ruggie J.G. Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations // International Organization. 1993. Vol. 47, 1, Winter. P. 139–174.
13. Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford : End of Millennium, 1999. Vol. 3. 456 p.
14. Brenner N. Globalisierung und Reterritorialisierung // Grenzen in den internationalen Beziehungen / R. Kraemer (Hrsg.). Potsdam : WeltTrends, 2009. (Welt Trends Lehrtexte 14). S. 73.
15. Appadurai Ar. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization // Minneapolis: University of Minnesota. 1996. Vol. 103, № 5. P. 1411–1412.
16. Smith N. Geography, difference and the politics of scale // Postmodernism and the social sciences / eds. Doherty J., Graham E., Malek M. New York : St. Martin's Press, 1992. P. 57–79.
17. Bogeson P. Public Policy and local governance // Institutions in Postmodern Society. Edward Elgar, 2000. P. 171–174.
18. Vasiliache A. Verlierer oder Gewinner? // WeltTrends. 2009. № 64. S. 81–89.
19. Rosenau J. The relocation of authority in a shrinking world // Comparative Politics. 1992. Vol. 24, № 3. P. 253–272.
20. Burton J.W. World Society. Cambridge, 1972. P. 35–51.
21. Osterhammel J., Petersson N.P. Geschichte der Globalisierung: Dimensionen, Prozesse, Epochen. Beck, 2003. 128 p.

22. *Castells M.* Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. P. 5–24.
23. *Malaurie Ph.* Les contrats contraires à l'ordre public (Étude de Droit civil comparé: France, Angleterre, U.R.S.S.). Th. Reims. Éd. Madot-Braine, 1953. 251 p.
24. *Сунгуров А.Ю.* Концепция прав человека: продвижение в России и обсуждения в академической среде // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 3. С. 44–53.
25. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : Изд-во АСТ, 2015. 575 с.
26. *Сморгунов Л. В.* Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6, № 2. С. 122–133.
27. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, New Jersey, 1990. P. 181–209.
28. *Ruggie J.G.* Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47, 1, Winter. P. 139–174.
29. *Bauman Z.* Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK : Polity Press, 2004. 152 p.
30. *Бауман З.* Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 p.
31. *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge : Polity Press, 2011. 190 p.
32. *Deleuze G.* Postskriptum ueber die Kontrollgesellschaften // *Unterhandlungen 1972–1990*. Aus dem Französischen von Gustav Roßler, Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1993 (orig. 1990). S. 254–262.
33. *Didier B.* Security a field left fallow // *Foucault on Politics, Security and War / eds. M. Dillon, A.W. Neal*. London : Palgrave Macmillan, 2011. 208 p.
34. *Gandy O.* Coming to Terms with Chance: Engaging Rational Discrimination and Cumulative Disadvantage. Farnham, Surrey : Ashgate Publishing, 2009. 270 p.
35. *Wacquant L.* Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham : Duke University Press, 2009. 307 p.
36. *Foucault M.* Politics, Security and War. London : Palgrave Macmillan, 2011. 223 p.
37. *Матусен Т.* Суд над тюрьмой. Реферат // *Отечественные записки*. 2008. Т. 41, № 2. С. 39–54.
38. *Lyon D.* Daten, Drohnen, Disziplin: Ein Gespräch über flüchtige Überwachung. Berlin : Berlin Suhrkamp, 2013. 205 S.

Sergei V. Biryukov, East China Normal University (Shanghai, China).

E-mail: birs.07@mail.ru

Sergey N. Chirun, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Andrey V. Andreev, Kuzbass regional television and radio channel (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 199–213.

DOI: 10.17223/1998863X/59/19

GLOBAL PUBLIC ORDER AND ITS CHANGES

Keywords: world order; globalization; network; panopticon; synopticon; banopticon.

The article discusses modern approaches to the study of the global public order, including the analysis of factors contributing to its formation and the consideration of the forms that it takes. The phenomenon of the global public order characterizes the postmodern situation, described in the categories of decentralization, fragmentation, depersonalization of power, and indirect control through network structures. According to the authors, the global public order is becoming more and more an object of interdisciplinary research, in particular, it is actively considered from the standpoint of structural analysis. The authors conclude that the process of adaptation of new forms of the global public order to the dynamically changing global reality is currently underway. As a result of the research, it was possible to identify and generalize the patterns associated with the transformation of forms and mechanisms of public order in the context of modern global processes: 1. Public order is emerging today as an independent phenomenon and cannot be reduced exclusively to formal legal, communicative, organizational and political aspects. 2. Modern public order is inextricably linked with

the situation of “liquid modernity” and the formation of the system of “liquid observation”, in which the panopticon a form of public control is gradually stepping aside. 3. Public order is associated with the formation of a global control matrix based on modern global communication technologies. 4. The structural basis of the emerging public order model is the combination of such forms of public control as the synopticon (“surveillance of the few by the many”) and the banopticon (with polarization and exclusion from the public space of the “undesirable”), with some elements of the panopticon retaining. 5. The approval of new forms of public order and public control is accompanied by a new “revolution of managers”, when the latter are gradually relieved of their duties to exercise guardianship and control over the broad masses of people, transferring the implementation of control procedures to previously subordinate objects. 6. The state retains, within the limits of its competence, part of the powers to implement public order, while retaining its own segment of public control. 7. The emergence of global public control leads to the separation of politics and governance. The approach proposed by the authors to the study of the emerging global political order obviously needs further elaboration and specification. In the authors’ opinion, it is the updated understanding of the nature and methods of formation (reproduction) of the global public order that will make it possible to concretize the meaning of this concept and make it the property of the general public. The very concept of the global public order allows concretizing the content and meaning of the concepts “world order” and “global governance”, providing additional opportunities for the formation and use of public communications, political modeling, political propaganda and political engineering. The global public order presupposes not only a certain consensus of the world elites, but also the building of public opinion and the sociopolitical situation based on the laws of the internal dynamics of society.

References

1. Tsygankov, A.P. (2019) Epokha poluraspada: ot miroporyadka k miroperekhodu [An era of half-life: from world order to world transition]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 17(2). pp. 20–31.
2. Degterev, D. (2019) Vtoroy bol'shoy spor v kontekste stanovleniya rossiyskoy nauki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The second big dispute in the context of the formation of the Russian science of international relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 17(2). pp. 43–62.
3. Smorgunov, L.V. (2019) Participatory governability under digitalization conditions: network effect and institutions. *Kaspiyskiy Region: Politika, Ekonomika, Kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 4(61). pp. 43–49.
4. Baranovsky, V. (2019) New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63(5). pp. 7–23. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
5. Lebedeva, M.M. (2020) New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 24–35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
6. Steger, M. (2009) *Globalization: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.
7. Finchelstein, G. (2013) *La dictature de l'urgence*. Paris: Fayard.
8. Beck, U. (2017) *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Polity. pp. 177–179.
9. Taleb, N. (2017) *Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life*. Allen Books.
10. Lebedeva, M.M., Kharkevich, M.V., Zinoveva, E.S. & Koposova, E.N. (2016) State Archaization: the Role of Information Technologies. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 22–36. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03
11. Lebedeva, M.M. (2019) Modern megatrends in world politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 63(9). pp. 29–37. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37
12. Ruggie, J.G. (1993) Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations. *International Organization*. 47(1). pp. 139–174. DOI: 10.1017/S0020818300004732
13. Castells, M. (1999) *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Vol. 3. Oxford: End of Millennium.
14. Brenner, N. (2009) Globalisierung und Reterritorialisierung. In: Kraemer, R. (ed.) *Grenzen in den internationalen Beziehungen*. Potsdam: WeltTrends. p. 73.
15. Appadurai, Ar. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Vol. 103(5). Minneapolis: University of Minnesota. pp. 1411–1412.

16. Smith, N. (1992) Geography, difference and the politics of scale. In: Doherty, J., Graham, E. & Malek, M. (eds) *Postmodernism and the social sciences*. New York: St. Martin's Press. pp. 57–79.
17. Bogeson, P. (2000) *Public Policy and local governance*. Institutions in Postmodern Society. Edward Elgar. pp. 171–174.
18. Vasiliache, A. (2009) Verlierer oder Gewinner? *WeltTrends*. 64. pp. 81–89
19. Rosenau, J. (1992) The relocation of authority in a shrinking world. *Comparative Politics*. 24(3). pp. 253–272.
20. Burton, J.W. (1972) *World Society*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 35–51.
21. Osterhammel, J. & Petersson, N.P. (2003) *Geschichte der Globalisierung: Dimensionen, Prozesse, Epochen*. C.H. Beck.
22. Castells, M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*. 51. pp. 5–24.
23. Malaurie, Ph. (1953) *Les contrats contraires à l'ordre public (Étude de Droit civil comparé: France, Angleterre, U.R.S.S.)*. Th. Reims.
24. Sungurov, A.Yu. (2019) Human rights conception: promotion in Russia and academic discussions. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 13(3). pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-44-53
25. Adzhemoglu, D. & Robinson, D.A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Translated from English by D. Litvinov et al. Moscow: AST.
26. Smorgunov, L.V. (2020) Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 6(2). pp. 122–133. (In Russian). DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133
27. Rosenau, J. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. New Jersey: Princeton. pp. 181–209.
28. Ruggie, J.G. (1993) Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*. 47(1). pp. 139–174. DOI: 10.1017/S0020818300004732
29. Bauman, Z. (2004) *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press.
30. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
31. Bauman, Z. (2011) *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press.
32. Deleuze, G. (1993) *Unterhandlungen 1972–1990*. Translated from French by G. Roßler. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 254–262.
33. Didier, B. (2011) Security a field left fallow. In: Dillon, M. & Neal, A.W. (eds) *Foucault on Politics, Security and War*. London: Palgrave Macmillan.
34. Gandy, O. (2009) *Coming to Terms with Chance: Engaging Rational Discrimination and Cumulative Disadvantage*. Farnham, Surrey: Ashgate Publishing.
35. Wacquant, L. (2009) *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham: Duke University Press.
36. Foucault, M. (2011) *Politics, Security and War*. London: Palgrave Macmillan.
37. Matisen, T. (2008) Sud nad tyur'moy [Trial over Prison]. *Otechestvennye zapiski*. 41(2). pp. 39–54.
38. Lyon, D. (2013) *Daten, Drohnen, Disziplin: Ein Gespräch über flüchtige Überwachung*. Berlin: Berlin Suhrkamp.

УДК 323.21

DOI: 10.17223/1998863X/59/20

И.А. Бронников, Г.Ф. Белоусов, М.В. Горбачев

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России» № 20-011-31387.

В статье анализируются ключевые факторы формирования и развития экологических протестных движений в современной России. Делаются выводы: о целях протеста, о роли опыта протестной самоорганизации лидеров экологических движений, о механизмах поддержки активистов со стороны представителей региональной власти и др. Для выявления факторов формирования и развития экологических протестных движений в современной России рассматриваются протесты в Республике Татарстан и Кировской области в 2017–2019 гг. В качестве инструментария исследования выступали количественные и качественные методы интерпретации текстовых источников данных.

Ключевые слова: экологический протест, политизация, социальные сети, эхо-камеры.

Введение

В современном мире все более заметным субъектом политического процесса становятся протестные движения. Для них характерны спонтанность и высокая скорость возникновения, отсутствие явных лидеров, межрегиональный и международный характер, активное использование протестующими социальных сетей для координации действий, а также быстрое расширение их повестки. Необходимость научного осмысления новых протестных движений и выработки управленческих рекомендаций по взаимодействию с протестующими, особенно в контексте актуализации противоречий между Россией и странами Запада [1], придают их исследованию теоретическую и практическую актуальность.

Основная цель статьи состоит в выявлении факторов формирования и развития протестных движений в современной России. Поскольку многие из существующих протестных движений федерального уровня сформировались в менее современных информационных условиях и уже приобрели международное звучание, решение поставленной проблемы требует рассмотрения нескольких четко локализованных региональных протестных движений, возникших за последние 3–5 лет. В статье исследуется деятельность активистов против строительства мусоросжигательного завода в поселке Осиново (Республика Татарстан), а также против создания комплекса по переработке отходов I и II класса опасности в поселке Мирный (Кировская область). Выбор данных движений обусловлен тем, что они возникли по схожим причинам в

двух граничащих друг с другом регионах одного федерального округа. Кроме того, эти движения возникли почти одновременно друг с другом (в Республике Татарстан в 2017 г., в Кировской области в 2019 г.) на фоне роста числа и расширения географии «мусорных бунтов» в 2017–2019 гг. [2]. В обоих случаях помимо очевидных мотивов у протестующих был и экономический интерес: они не раз говорили о том, что строительство таких объектов существенно снижает стоимость их недвижимости и сокращает количество ее потенциальных покупателей, лишая их возможности уехать. Сравнение этих кейсов позволяет минимизировать ошибочность выводов, которая могла бы возникнуть при сопоставлении движений с разной повесткой в удаленных друг от друга и разных в политико-культурном отношении регионах.

Материалы и методы

Нами анализировались публикации в интернет-СМИ, посвященные активности протестующих. Список публикаций был сформирован с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия». Хронологическими рамками был период с 2019 по 2020 г. Публикации за более ранний период фиксировались с помощью ссылок в публикациях на ранее опубликованные материалы по теме и «вручную». Это позволило охватить материалы за 2017–2020 гг., получить более широкую картину происходящих в двух регионах экологических протестных акций.

Поскольку при освещении протеста в федеральных СМИ многие детали, значимые для целей данной статьи, были бы упущены, рассматривались только публикации в региональных СМИ Республики Татарстан и Кировской области. В силу того, что значительная часть публикаций в выгрузке дублировала друг друга или была нерелевантной цели исследования, в случае с Республикой Татарстан было рассмотрено 146 публикаций из 1 149, а в случае с Кировской областью – 205 из 1 752. С учетом публикаций за более ранний период было проанализировано 392 публикации.

В качестве методов исследования были выбраны контент-анализ, интент-анализ, ненаправленный ивент-анализ. В ходе ненаправленного ивент-анализа текста публикаций фиксировались дата, место и организаторы протестного выступления, численность участников, согласованность мероприятия с органами власти, требования участников к региональной власти, а также другие инфоповоды, связанные с деятельностью протестующих. Для анализа требований активистов в качестве вспомогательного метода использовался тематический контент-анализ. Для более детальной интерпретации содержания публикаций задействовался интент-анализ.

Обсуждение кейсов

Осиново, Республика Татарстан. Несмотря на то, что официально о строительстве МСЗ в Осиново было объявлено 22 марта 2018 г., одно из первых протестных мероприятий, в котором приняли участие противники МСЗ, состоялось еще за год до этого, 18 марта 2017 г., когда в Казани прошел митинг критиков региональной власти [3]. Часть участников митинга выступала против сноса домов в поселках Осиново и Салмачи (спустя семь лет после постройки в этих поселках частных домов «Газпром» заявил, что они находятся в охранной зоне и подлежат сносу) [4]. Таким образом, впервые протест-

ствующие против строительства МСЗ заявили о себе еще за год до официального объявления места строительства и на момент начала акций у части жителей Осиново уже был опыт протестной самоорганизации.

Спустя месяц после официального объявления о месте строительства МСЗ у протестующих был лидер и онлайн-площадка для самоорганизации (группа «ВКонтакте»). В течение двух лет активисты провели в Осиново и Казани в общей сложности семь митингов и три серии пикетов, одна из которых длилась 11 дней подряд. К 3 декабря 2019 г. активисты остановили строительство дороги к месту будущего МСЗ, развернув на ее территории палаточный лагерь [5]. После разгона лагеря полицией активисты пришли в администрацию республики. Фактическими протестными акциями были публичные слушания в Осиново в июне 2018 г. и отчетная сессия депутатов Осиновского сельского поселения в феврале 2019 г. Активисты также записывали обращение к Президенту и сжигали макет МСЗ на Масленицу.

Противники строительства МСЗ также принимали участие в выборах в Госсовет Республики осенью 2019 г. и в депутаты совета Осиновского сельского поселения осенью 2020 г. В пользу борьбы в юридической плоскости говорилось признание незаконной территориальной схемы строительства МСЗ прокуратурой и Верховным судом Республики и Верховным судом РФ в феврале 2019 г. [6], а также фактическое одобрение заявки активистов о проведении референдума со стороны ЦИК Республики в июне 2019 г. [7]. Кроме того, активисты голосовали на слушаниях по проекту генплана Осиново, подавали иски к правительству региона и сельсовету Осиново, обращались за проведением независимой экспертизы проекта и создавали петицию на сайте РОИ.

Одним из факторов, стимулировавших протестную активность, была ее частичная поддержка со стороны представителей региональной власти и лидеров общественного мнения. Так, участник акций протеста, депутат Госсовета РТ от КПРФ Артем Прокофьев предлагал запретить строительство МСЗ ближе чем в 10 км от населенных пунктов и провести референдум о строительстве МСЗ, и его поддержал представитель Минэкологии региона [8]. Предложенный А. Прокофьевым законопроект был отклонен, однако в ходе голосования его поддержали 12 депутатов [9]. В марте, июле и августе 2020 г. на стороне активистов фактически выступили члены научного совета РАН по глобальным экологическим проблемам [10] Лев Шлосберг и председатель «Яблока» Николай Рыбаков.

Сторонники проекта в регионе впервые выступили с критическими оценками позиции протестующих в октябре 2019 г., когда их озвучил гендиректор компании-застройщика «РТ-Инвест» Андрей Шипелов. Президент Республики Рустам Минниханов сперва дистанцировался от оценок действий протестующих, фактически выступив с их критикой только на пресс-конференции по итогам 2019 г., и два дня спустя к нему присоединился мэр Казани Ильсур Метшин [11]. Р. Минниханов дважды комментировал действия протестующих в январе 2020 г., после чего в феврале к его позиции публично присоединились глава Зеленодольского района Михаил Афанасьев и Андрей Шипелов, заявивший об участии в протестах провокаторов [12].

Протестной активности также способствовали действия со стороны представителей власти, которые расценивались активистами как противодействие: задержание одной из них после первого митинга, назначение штрафа

одной из лидеров протестующих Вере Керпель, задержание «жителей» палаточного лагеря (в том числе Керпель) и временный арест их бытовки. Протестующие также подвергались арестам в середине января 2020 г. за участие в одиночных пикетах с требованием отставки главы МВД Республики. В начале февраля 2020 г. активист Александр Давыдов заявил о нападении со стороны представителей власти, однако дело о побоях было закрыто и в его отношении было заведено дело о ложном доносе [13].

Объект «Марадыковский», Кировская область. На основании постановления Правительства РФ в поселке Мирный к концу 2024 г. на базе объекта по уничтожению химического оружия «Марадыковский» должен быть создан объект по переработке отходов I и II классов опасности. В региональных СМИ информация об этом появилась 07.05.2019 [14]. Еще до появления инфоповода в регионе наблюдалась протестная активность в связи с экологической проблематикой. Так, в феврале 2019 г. в Кирове состоялся митинг против высоких тарифов на вывоз ТКО, участники которого были поддержаны депутатами Законодательного собрания и городской думы от КПРФ, ЛДПР и «СР» [15].

Протесты против открытия объекта начались вскоре после появления первой информации об этом в СМИ. Уже в июне в регионе прошло четыре пикета и три митинга, в которых участвовало до 1,5 тыс. человек. Два пикета и четыре митинга в июле были любопытны расширением повестки протестующих активистами от КПРФ, которые на одном из митингов также требовали «прекратить политические расправы над... Павлом Грудининым» [16]. С августа по ноябрь 2019 г. в регионе прошли еще четыре пикета и пять митингов. В начале декабря 2019 г. протестующие начали серию одиночных пикетов в Кирове и Котельниче, на которые к середине января вышло более 60 человек, включая депутатов Законодательного собрания региона и городской думы Кирова. После митинга в Мирном в декабре 2019 г. значимым протестом стал митинг в Кирове 25 января 2020 г., завершивший серию пикетов. В период с января по март 2020 г. протестующие провели еще четыре пикета и четыре митинга в Кирове, Мирном и Лузе.

В данном кейсе следует особо подчеркнуть активную роль депутатов от КПРФ, стремившихся организовывать независимые от других протестующих мероприятия с более широкой повесткой и выступивших с критикой других протестующих [17]. Активисты региона также выступали против строительства объектов по обращению с ТКО не только в Мирном, но и в Шиесе и Осиново [18]. К концу июля 2020 г. протестующие в регионах, в которых планируется утилизация отходов I и II классов опасности, объединились в координационный комитет «Нет заводам смерти!» [19].

В формально-юридической плоскости с момента начала протестных акций активисты неоднократно требовали проведения референдума по вопросу работы объекта. Активисты также запускали петицию на сайте change.org, адресованную главе региона и Президенту, и подавали заявки на проведение независимой экспертизы объекта, обратившись в суд после четырехкратного отказа [20]. Один из активистов также обращался в Генпрокуратуру. Активное участие в процессе принимала член Общественной палаты региона Тамара Ашихмина, выступавшая в качестве медиатора между активистами и представителями власти. Похожую роль играли два других члена Общественной палаты региона, участвовавшие в обсуждении такой же проблемы в Удмуртии. Вопрос «Мара-

дыковского» начал подробно рассматриваться в Общественной палате региона спустя 8 дней после появления информации в СМИ [21].

Позицию представителей региональной власти в отношении активистов трудно назвать однозначной. Во встречах с ними с самого начала, еще до протестов именно против «Марадыковского», участвовал глава региона Игорь Васильев [22]. На стороне митингующих фактически выступили депутаты гордумы Котельнича, глава Мирнинского городского поселения Ирина Смердова и представитель региона в Госдуме Кирилл Черкасов. Вместе с тем протестующие трижды столкнулись с проблемами, пытаясь согласовать митинги, а Ирина Смердова обращалась в прокуратуру с жалобой на активистку, назвавшую ее «палачом» [23].

Выводы

Значимой составляющей политического процесса в современной России являются региональные протестные движения. Движения, не достигшие заявленных целей, способствуют росту социального капитала активистов, что в дальнейшем облегчает их самоорганизацию по другим поводам. Успешные же протестные движения в регионах могут обрести межрегиональный характер и выдвинуть политических лидеров федерального уровня. Тем самым региональные протестные движения имеют двух явных «бенефициаров»: самих протестующих и сотрудников региональных администраций, заинтересованных в понимании факторов формирования и развития протестных движений. Запоздалая и неадекватная реакция на возникшее протестное движение со стороны региональной власти не только наносит удар по ее легитимности в глазах населения региона, но и, при определенных обстоятельствах, может стать поводом для постановки вопроса о ее способности контролировать ситуацию федеральной властью.

Анализ активности протестующих против строительства комплексов по переработке отходов в поселках Осиново (Республика Татарстан) и Мирный (Кировская область) позволяет сформулировать следующие факторы формирования и развития региональных экологических протестных движений:

- Локальный характер проблемы, возможность однозначно сформулировать цель протеста и как следствие наличие четко артикулируемой угрозы интересам активистов, в том числе социально-экономическим.
- Присутствие экологической проблематики в региональной повестке до начала протестов («интерес» у Ч. Тилли) [24].
- Наличие у части активистов опыта протестной самоорганизации и / или наличие потенциальных лидеров протеста.
- Поддержка активистов со стороны представителей региональной власти и лидеров общественного мнения, прежде всего со стороны членов парламента региона и парламента столицы региона. Наличие в регионе политических сил, заинтересованных в использовании протестной активности для продвижения своей повестки, или «спящих институтов», члены которых заинтересованы в поддержании протестных инфоповодов.
- Неоптимальный характер риск-коммуникации, проводимой администрацией региона. Недостаток официальной информации о проблеме вкупе с технологиями политического выхолащивания и как следствие «потеря институционального доверия» [25].

- Преобладание критических оценок деятельности активистов над нейтральными со стороны спикеров, представляющих региональную власть. Отсутствие одного спикера, который вел бы общение с активистами, минимизируя имиджевые риски для главы региона.

- Допущение ситуации, при которой группы в социальных сетях, созданные протестующими для самоорганизации, превращаются в эхо-камеры. Вероятно, эффективность риск-коммуникации можно повысить с помощью концепции grid-grop М. Дуглас для сегментирования аудитории протестующих и ведения более гибкой информационной политики [26].

Опыт рассмотренных субъектов транслируем на другие субъекты Российской Федерации. Успешные практики активистов в одном регионе могут иметь модельный характер для активистов в целом, а сами активисты могут оказывать единомышленникам методическую, информационную, коммуникационную, юридическую и материальную поддержку.

Литература

1. Гуроров В.А., Шириняц А.А., Шутов А.Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 132–141.
2. Ежов Д.А. Экологические протесты: реконструкция проблемного поля // Власть. 2019. Т. 27, № 6. С. 157–160.
3. Артемьев А. Митинг всех обманутых // Казанский репортер: события и новости Казани. Казань, 2017. URL: https://kazanreporter.ru/post/2112_miting_vseh_obmanutyh (дата обращения: 03.11.2020).
4. Андреев А., Казанцев В. Рафкату Кантюкову мало Салмачей: теперь под угрозой сноса часть Осиново // БИЗНЕС Online. Казань, 2016. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/330396> (дата обращения: 03.11.2020).
5. Итоги дня: погибшие на пожаре на станции «Транснефти», льготные билеты, Кремль и МСЗ // Inkazan.ru. Казань, 2019. URL: <https://inkazan.ru/news/society/05-12-2019/itogi-dnya-pogibshie-na-pozhare-na-stantsii-transnefti-lgotnye-bilety-kreml-i-msz> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Верховный суд РФ признал недействительной терсхему по МСЗ // Реальное время. Казань, 2019. URL: <https://realnoevremya.ru/news/128672-verhovnyy-sud-rf-priznal-nedeystvitelnoy-tershemu-po-msz> (дата обращения: 03.11.2020).
7. ЦИК одобрил заявку на проведение референдума о строительстве МСЗ // Inkazan.ru. Казань, 2019. URL: <https://inkazan.ru/news/society/07-06-2019/tsik-odobril-zayavku-na-provedenie-referenduma-o-stroitelstve-msz> (дата обращения: 03.11.2020).
8. Игнатьева Л. «Ростех» хотят отправить сжигать мусор за 10 километров от Казани // Реальное время. Казань, 2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/83649-deputaty-zapretit-stroitelstvo-mzs-v-gorodah-tatarstana> (дата обращения: 03.11.2020).
9. Депутат Артем Прокофьев: «Казань становится мусорной столицей» // МК в Казани. Казань, 2018. URL: <https://kazan.mk.ru/social/2018/04/25/deputat-artem-prokofev-kazan-stanovitsya-musornoj-stolicey.html> (дата обращения: 03.11.2020).
10. РАН поставила под сомнение экологичность мусоросжигательного завода под Казанью // Inkazan.ru. Казань, 2020. URL: <https://inkazan.ru/news/science/26-03-2020/ran-postavila-pod-somnenie-ekologichnost-musoroszhigatel'nogo-zavoda-pod-kazanyu> (дата обращения: 03.11.2020).
11. «Людей накручивают, говорят, что отдельный сбор отходов не решает задачи» // KazanFirst. Казань, 2019. URL: <https://kazanfirst.ru/interviews/507474> (дата обращения: 03.11.2020).
12. Подобедова Л., Дзядко Т. Глава «РТ-Инвеста» – РБК: «Мусорный бизнес абсолютно небогатый» // РБК. М., 2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/10/02/2020/5e3099c29a7947f06ebb191b> (дата обращения: 03.11.2020).
13. Исламов Д., Гусева А., Гавриленко А. «Подозреваемый находится за пределами России»: борцу с МСЗ предъявили ложный донос // БИЗНЕС Online. М., 2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/457523> (дата обращения: 03.11.2020).
14. Фукалова О. На «Марадыковском» создадут комплекс по переработке опасных отходов // Свойкировский.пф. Киров, 2019. URL: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/na->

maradykovskom-sozdatut-kompleks-po-pererabotke-opasnyh-othodov-25868/ (дата обращения: 03.11.2020).

15. *Дмитриева А.* «Здорово, что все мы здесь сегодня собрались». На митинге предложили заморозить мусорную реформу // Свойкировский.рф. Киров, 2019. URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/zdorovo-cto-vse-my-zdes-segodnya-sobralis-na-mitinge-predlozhili-zamorozit-musornuyu-reformu-29551/> (дата обращения: 03.11.2020).

16. *Митинг* КППФ в Кирове: «обострение наглости горе-либералов», или Страсти по «второму Чернобылю»! // Кировский коммунист. Пресс-служба Кировского областного отделения КППФ. Киров, 2019. URL: <http://kprf43.ru/node/5553> (дата обращения: 03.11.2020).

17. *КППФ* проводит негосдеповский митинг против завода в Марадькове // Newsler.ru – информационный портал Кирова. Электрон. дан. Киров, 2019. URL: <https://www.newsler.ru/politics/2019/07/0/segodnya-kommunisty-provodyat-negosdepovskij-miting-protiv-zavoda-v-maradykovo> (дата обращения: 03.11.2020).

18. *Журавлева А.* Кировчане провели акцию в поддержку жителей поселков Шиес и Осиново // Свойкировский.рф. Киров, 2019. URL: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/v-kirove-aktivisty-dvizheniya-net-maradykovskij-proveli-akciju-solidarnosti-s-zhiteljami-posyolkovshies-i-osinovo-30489/> (дата обращения: 03.11.2020).

19. *В четырех* регионах России зреет протест из-за “заводов смерти” // Омутнинск. Городской информационный портал. Омутнинск, 2020. URL: <https://omvesti.ru/2020/07/26/v-chetyreh-regionah-rossii-zreet-protest-iz-za-zavodov-smerti/> (дата обращения: 03.11.2020).

20. *Демихов Е.* Активисты будут судиться с главой Оричевского района из-за экспертизы по «Марадьковскому» // Свойкировский.рф. Киров, 2020. URL: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/aktivisty-budut-suditsya-s-glavoj-orichevskogo-raiona-iz-za-ehkspertizy-po-maradykovskomu-30488/> (дата обращения: 03.11.2020).

21. *Дмитриева А.* Строительство комплекса по переработке опасных отходов в «Марадьковском» обсудят на общественных слушаниях. Когда – пока неизвестно // Свойкировский.рф. Киров, 2019. URL: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/stroitelstvo-kompleksa-po-pererabotke-opasnyh-othodov-v-maradykovskom-obsudyat-na-obshchestvennyh-slushaniyah-kogda-poka-neizvestno-29551/> (дата обращения: 03.11.2020).

22. *Коробейникова А.* Из протеста – в общественный совет. Что власть ответила на требования участников митинга против мусорной реформы // Свойкировский.рф. Киров, 2019. URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/iz-protesta-v-obshchestvennyj-sovet-cto-vlast-otvetila-na-trebovaniya-uchastnikov-mitinga-protiv-musornoj-reformy-23163/> (дата обращения: 03.11.2020).

23. *Сергей Мамаев* выступил в поселке Мирном на встрече по поводу строительства предприятия по переработке особо опасных отходов в «Марадьковском» // Кировский коммунист. Пресс-служба Кировского областного отделения КППФ. Киров, 2019. URL: <http://kprf43.ru/node/5602> (дата обращения: 03.11.2020).

24. *Крикунов П.Г., Шкель С.Н.* Протестная активность населения Республики Башкортостан в сравнительной перспективе // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 39–54.

25. *Чмель К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М.* Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 1. С. 83–98.

26. *Кришталь М.И., Щекотуров А.В.* Эффективная риск-коммуникация как фактор регулирования протестных настроений в локальном сообществе // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 70–83.

Ivan A. Bronnikov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ivbronn@gmail.com

Grigory F. Belousov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: gregory_belousov@mail.ru

Mikhail V. Gorbachev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ussr-86@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 214–223.

DOI: 10.17223/1998863X/59/20

FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL ENVIRONMENTAL PROTEST MOVEMENTS IN MODERN RUSSIA

Keywords: environmental protest; politicization; social networks; echo chambers.

The article analyzes the key factors in the formation and further development of environmental protest movements in modern Russia (on the example of protests in the Republic of Tatarstan and Kirov Oblast in 2017–2019). Quantitative and qualitative methods of interpreting textual data sources were used as research tools. The list of publications was compiled using the Medialogia information and analytical system. The time frame was the period from 2019 to 2020. Earlier publications were found using links to previously published materials on the topic and manually. This made it possible to cover materials for 2017–2020 and to get a broader picture of the environmental protests taking place in the two regions. Content analysis, intent analysis, undirected event analysis were chosen as research methods. During the undirected event analysis of the text of the publications, the date, place and organizers of the protest, the number of participants, the matter of legal concordance of the protest with the authorities, the demands of the participants to the regional authorities, as well as other informational themes related to the activities of the protesters were recorded. To analyze the demands of the activists, thematic content analysis was used as a secondary method. As a result of the study, the authors come to the conclusion that regional protest movements are a significant component of the political process in modern Russia. Regional protest movements have two clear “beneficiaries”: the protesters themselves and employees of regional administrations interested in understanding the factors of formation and development of protest movements. A belated and inadequate reaction to the emerging protest movement on the part of the regional authorities not only threatens their legitimacy in the eyes of the region’s population, but also, under certain circumstances, may become a reason for raising the question of their ability to control the situation by the federal authorities. An analysis of the activity of protesters against the construction of waste processing complexes in the villages of Osinovo (Republic of Tatarstan) and Mirny (Kirov Oblast) made it possible to formulate the key factors in the formation and development of regional environmental protest movements.

References

1. Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A. & Shutov, A.Yu. (2018) Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century. *Baltiyskiy region – The Baltic Region*. 10(4), pp. 132–141. (In Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-9
2. Ezhov, D.A. (2019) Ekologicheskie protesty: rekonstruktsiya problemnogo polya [Environmental Protests: Reconstruction of the Problem Field]. *Vlast' – The Authority*. 27(6), pp. 157–160.
3. Artemiev, A. (2017) Miting vseh obmanutykh [Meeting of all deceived]. *Kazanskiy reporter: sobytiya i novosti Kazani*. 18th March. [Online] Available from: https://kazanreporter.ru/post/2112_miting_vseh_obmanutykh (Accessed: 3rd November 2020).
4. Andreev, A. & Kazantsev, V. (2016) Rafkatu Kantyukovu malo Salmachey: teper' pod ugrozoy snosa chast' Osinovo [Salmachi is not enough for Rafkat Kantyukov: now part of Osinovo is under threat of demolition]. *BIZNES Online*. 1st December. [Online] Available from: <https://www.businessgazeta.ru/article/330396> (Accessed: 3rd November 2020).
5. Inkazan.ru. (2019) *Itogi dnya: pogibshie na pozhare na stantsii “Transnefti”, l'gotnye bilety, Krem'l' i MSZ* [Results of the day: those killed in the fire at the Transneft station, discount tickets, the Kremlin and the MSZ]. 5th December. [Online] Available from: <https://inkazan.ru/news/society/05-12-2019/itogi-dnya-pogibshie-na-pozhare-na-stantsii-transnefti-lgotnye-bilety-krem-l-i-msz> (Accessed: 3rd November 2020).
6. Platonov, M. (2019) Verkhovnyy sud RF priznal nedeystvitel'noy terskhemu po MSZ [The Supreme Court of the Russian Federation declared invalid the scheme for the MRZ]. *Real'noe vremya*. 6th February. [Online] Available from: <https://realnoevremya.ru/news/128672-verhovnyy-sud-rf-priznal-nedeystvitel'noy-tershemu-po-msz> (Accessed: 3rd November 2020).
7. Inkazan.ru. (2019) *TsIK odobril zayavku na provedenie referenduma o stroitel'stve MSZ* [The CEC approved an application for a referendum on the construction of an incineration plant]. 7th June. [Online] Available from: <https://inkazan.ru/news/society/07-06-2019/tsik-odobril-zayavku-na-provedenie-referenduma-o-stroitel'stve-msz> (Accessed: 3rd November 2020).
8. Ignatieva, L. (2017) “Rostekh” khotyat otpravit' szhigat' musor za 10 kilometrov ot Kazani [“Rostec” might be send to burn wastes 10 kilometers from Kazan]. *Real'noe vremya*. 9th December. [Online] Available from: <https://realnoevremya.ru/articles/83649-deputyat-zapretit-stroitelstvo-mzs-v-gorodah-tatarstana> (Accessed: 3rd November 2020).
9. *MK v Kazani*. (2018) Deputat Artem Prokof'ev: “Kazan' stanovitsya musornoy stolitsey” [Deputy Artem Prokofiev: “Kazan is becoming a garbage capital”]. 25th April. [Online] Available from: <https://kazan.mk.ru/social/2018/04/25/deputat-artem-prokofev-kazan-stanovitsya-musornoy-stolicey.html> (Accessed: 3rd November 2020).

10. Inkazan.ru. (2020) *RAN postavila pod somnenie ekologichnost' musoroszhigatel'nogo zavoda pod Kazan'yu* [RAS questioned the environmental friendliness of the incineration plant near Kazan]. 26th March. [Online] Available from: <https://inkazan.ru/news/science/26-03-2020/ran-postavila-pod-sommenie-ekologichnost-musoroszhigatel'nogo-zavoda-pod-kazanyu> (Accessed: 3rd November 2020).

11. *KazanFirst*. (2019) “Lyudey nakruchivayut, govoryat, chto razdel'nyy sbor otkhodov ne reshaet zadachi” [“People are wound up, saying that separate waste collection does not solve the problem”]. 25th December. [Online] Available from: <https://kazanfirst.ru/interviews/507474> (Accessed: 3rd November 2020).

12. Podobedova, L. & Dzyadko, T. (2020) Glava “RT-Investa” – RBK: “Musornyy biznes absolutno nebogaty” [Head of RT-Invest - RBC: “The garbage business is absolutely not rich”]. *RBK*. 10th February. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/business/10/02/2020/5e3099c29a7947f06ebb191b> (Accessed: 3rd November 2020).

13. Islamov, D., Guseva, A. & Gavrilenko, A. (2020) “Podozrevaemy nakhoditsya za predelami Rossii”: borts s MSZ pred'yavili lozhnyy donos [“The suspect is outside Russia”: the fighter with the incineration plant was presented with a false denunciation]. *BIZNES Online*. 13th February. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/457523> (Accessed: 3rd November 2020).

14. Fukalova, O. (2019) Na “Maradykovskom” sozdadut kompleks po pererabotke opasnykh otkhodov [A complex for the processing of hazardous waste will be created at Maradykovsky]. *Svoykirovskiy.rf*. 7th May. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/namaradykovskom-sozdadut-kompleks-po-pererabotke-opasnyh-othodov-25868/> (Accessed: 3rd November 2020).

15. Dmitrieva, A. (2019a) “Zdorovo, chto vse my zdes' segodnya sobralis”. Na mitinge predlozhili zamorozit' musornuyu reformu [“It's great that we are all gathered here today.” At the rally, it was proposed to freeze the garbage reform]. *Svoykirovskiy.rf*. 17th February. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/zdorovo-chto-vse-my-zdes-segodnya-sobralis-na-mitinge-predlozhili-zamorozit-musornuyu-reformu-29551/> (Accessed: 3rd November 2020).

16. The Kirov Communist. Press service of the Kirov regional branch of the Communist Party. (2019a) *Miting KPRF v Kirove: “obostrenie naglosti gore-liberalov” ili strasti po “vtoromu Chernobylyu”!* [The rally of the Communist Party in Kirov: “Exacerbation of the arrogance of would-be liberals” or passion for the “second Chernobyl”!]. [Online] Available from: <http://kprf43.ru/node/5553> (Accessed: 3rd November 2020).

17. Newsler.ru. (2019) *KPRF provodit negosdepovskiy miting protiv zavoda v Maradykove* [The Communist Party of the Russian Federation holds a non-State Department rally against the plant in Maradykov]. [Online] Available from: <https://www.newsler.ru/politics/2019/07/0/segodnya-kommunisty-provodyat-negosdepovskiy-miting-protiv-zavoda-v-maradykovo> (Accessed: 3rd November 2020).

18. Zhuravleva, A. (2019) Kirovchane proveli aktsiyu v podderzhku zhiteley poselkov Shies i Osinovo [Kirov residents held an action in support of the residents of the villages of Shies and Osinovo]. *Svoykirovskiy.rf*. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/v-kirove-aktivisty-dvizheniya-net-maradykovskij-proveli-aktsiyu-solidarnosti-s-zhiteleyami-posyolkov-shies-i-osinovo-30488/> (Accessed: 3rd November 2020).

19. Omvesti.ru. (2020) *V chetyrekh regionakh Rossii zreet protest iz-za “zavodov smerti”* [A protest is ripening because of the “factories of death” in four regions of Russia]. [Online] Available from: <https://omvesti.ru/2020/07/26/v-chetyreh-regionah-rossii-zreet-protest-iz-za-zavodov-smerti/> (Accessed: 3rd November 2020).

20. Demikhov, E. (2020) Aktivisty budut sudit'sya s glavoy Orichevskogo rayona iz-za ekspertizy po “Maradykovskomu” [Activists will sue the head of the Orichevsky district because of the examination of “Maradykovsky”]. *Svoykirovskiy.rf*. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/aktivisty-budut-suditsya-s-glavoj-orichevskogo-rajona-iz-za-ehkspertizy-po-maradykovskomu-30488/> (Accessed: 3rd November 2020).

21. Dmitrieva, A. (2019b) Stroitel'stvo kompleksa po pererabotke opasnykh otkhodov v “Maradykovskom” obsudyat na obshchestvennykh slushaniyakh. Kogda – poka neizvestno [The construction of a hazardous waste processing complex in “Maradykovsky” will be discussed at public hearings. When – not yet known]. *Svoykirovskiy.rf*. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/stroitelstvo-kompleksa-po-pererabotke-opasnyh-othodov-v-maradykovskom-obsudyat-na-obshchestvennykh-slushaniyakh-kogda-poka-neizvestno-29551/> (Accessed: 3rd November 2020).

22. Korobeynikova, A. (2019) Iz protesta – v obshchestvennyy sovet. Chto vlast' otvetila na trebovaniya uchastnikov mitinga protiv musornoj reformy [From protest – to the public council. What the authorities responded to the demands of the rally participants against the garbage reform]. *Svoyki-*

rovskiy.rf. [Online] Available from: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/iz-protesta-v-obshchestvennyj-sovet-chto-vlast-otvetila-na-trebovaniya-uchastnikov-mitinga-protiv-musornoj-reformy-23163/> (Accessed: 3rd November 2020).

23. The Kirov Communist. Press service of the Kirov regional branch of the Communist Party. (2019b) *Sergey Mamaev vystupil v poselke Mirnom na vstreche po povodu stroitel'stva predpriyatiya po pererabotke osobo opasnykh otkhodov v "Maradykovskom"* [Sergei Mamaev spoke in the village of Mirny at a meeting on the construction of hazardous waste processing complex in "Maradykovsky"]. [Online] Available from: <http://kprf43.ru/node/5602> (Accessed: 3rd November 2020).

24. Krikunov, P.G. & Shkel, S.N. (2018) Protest activities of the population of Bashkortostan in comparative perspective. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 1. pp. 39–54. (In Russian). DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-39-54

25. Chmel, K.Sh., Klimova, A.M. & Mitrokhina, E.M. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: the Landfill Site at Shies Railroad Station. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 18(1). pp. 83–98. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98

26. Krishtal, M.I. & Shchekoturov, A.V. (2020) Effective risk communication as a factor in managing protests attitudes in a local community. *Baltiyskiy region – The Baltic Region*. 12(2). pp. 70–83. (In Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2020-2-5

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/59/21

Е.А. Данилова, И.А. Калинин

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА ГЕРМАНИИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ 2020 года ПНИР-43.

В статье представлены ключевые инструменты и направления национального брендинга России и Германии для расширения международного политического и экономического сотрудничества, интеграции общества, что в перспективе может значительно повысить качество жизни населения страны. Даны рекомендации по реализации оптимальной стратегии национального брендинга для России с опорой на свои конкурентные преимущества, успехи и просчеты глобальных конкурентов.

Ключевые слова: национальный бренд, национальный брендинг, технологии брендинга, качество жизни, оборонно-промышленный комплекс.

Конструирование международного имиджа государства на протяжении всей мировой истории было неотъемлемой частью деятельности политических лидеров. Национальный брендинг – это политическая технология формирования устойчивого образа государства и управления его репутацией на основе ценностной идеи. Это означает, что создание бренда отдельно взятого государства, по аналогии с созданием бренда бизнес-структуры, состоит в том, чтобы обнаружить приоритетные и перспективные направления деятельности государства, которые будут положительно влиять на международный имидж страны, а также будут конкурентоспособны с аналогами в других странах.

Формирование национального бренда как технология создания символического комплекса значений в восприятии страны при условии грамотной реализации может стать ключевым фактором успешного позиционирования государства на международной арене в современных реалиях мироустройства. М. Джованарди указывает на необходимость выстраивания баланса между жесткими (материальные и измеримые аспекты территории, такие как экономическая стабильность, затраты, коммуникационная инфраструктура, стратегическое местоположение) и мягкими факторами (качество жизни, культура, гибкость и динамизм, управление, предпринимательство) в геомаркетинге [1. Р. 41]. Это позволит государству создать вокруг себя положительный образ, способствующий международному сотрудничеству, интеграции, а главное, экономическому росту благодаря иностранному инвестированию в экономически приоритетные направления. Соответственно, национальный брендинг направлен на улучшение показателей качества жизни населения, укрепление человеческого капитала, гармонизацию социально-политической обстановки в стране. Концепция национального брендинга государства – это особый символический комплекс, направленный не только на привлечение

внешних инвестиций, но и на интеграционные процессы внутри страны, способствуя мобилизации населения для построения эффективного бренда государства. Подчеркнем, что для эффективной реализации стратегии национального брендинга крайне важно выделить приоритетные конкурентоспособные направления, которые важны для развития страны и для ее населения и в которых государство преуспевает.

Реализация стратегии национального брендинга должна быть вписана во внутри- и внешнеполитическую конъюнктуру и обязательно дополнена методами традиционной дипломатии. В целях формирования действительно эффективного национального бренда существующие вызовы и угрозы не могут быть проигнорированы. Так, обострение политических отношений с блоком западных стран, ведущих проамериканскую политику, включает и рассогласование России с ее отдельными представителями. Прошедший год стал точкой существенного расхождения между Россией и Германией по ключевым вопросам. Важным фактором внешнеполитического позиционирования РФ является газовая отрасль, а политико-экономический интерес на фоне напряженной обстановки в отношениях с Украиной давно увязывается с диверсификацией направления поставок газа в обход нее. В то же время неготовность к эксплуатации стратегического газопровода «Северный поток-2» связана в том числе с активным противодействием со стороны США и некоторых европейских стран, включая Украину (заложенные США в оборонный бюджет санкции [2], призывы к Евросоюзу наложить мораторий на проект [3]), и с недостаточно внятной позицией Германии (в частности, решение Германии отказать проекту в освобождении от действия правил Газовой директивы Евросоюза под давлением со стороны США, что негативно сказывается на экономических интересах «Газпрома», раскол внутри Бундестага относительно судьбы проекта, колебания канцлера ФРГ Ангелы Меркель [4–6]), несмотря на очевидный экономический интерес к проекту, связанный с обеспечением энергетической безопасности в Европе и экономической выгодой в связи с относительно дешевой стоимостью российского газа по сравнению с американским СПГ. Замораживание проекта, помимо экономических потерь, влечет за собой и имиджевые риски для России и для Германии, поэтому только активное сотрудничество в рамках проекта и твердое политическое взаимодействие могли бы быть взаимовыгодными для национального брендинга обеих стран.

Важной функцией национального брендинга во внешней стратегии государства является отражение негативных информационных атак зарубежных оппонентов. Нарастание геополитической напряженности связано в том числе с усилением информационного противоборства между мировыми державами. Очередным (по аналогии с «делом Скрипалей») и обострением отношений с Великобританией) вызовом для внешнеполитического имиджа РФ стало обвинение в отравлении российскими спецслужбами Алексея Навального, российского оппозиционного политического и общественного деятеля, главы Фонда по борьбе с коррупцией, в августе 2020 г. [7]. Предполагаемое отравление российского оппозиционера вызвало широкий международный резонанс и осуждающую реакцию по отношению к высшему российскому руководству всех 27 стран-членов Евросоюза и ряда других западных государств – в частности, США и Великобритании. Такую позицию заняла и

канцлер ФРГ Ангела Меркель, заявившая о не подлежащим сомнению факте отравления [8]. С одной стороны, подобные обвинения со стороны европейских политиков такого уровня являются попыткой дискредитации внешнеполитического позиционирования современной России как передовой демократической державы, интегрированной в глобальный политический процесс и международное сотрудничество, но, с другой стороны, подобные информационные атаки могут послужить антибрендингу самой Германии, и лидеру следует занимать в таких вопросах крайне взвешенную позицию, основанную на убедительных аргументах.

Одной из информационных кампаний, предпринятых в попытке негативно повлиять на международный имидж России, является документальный фильм американской телевизионной сети НВО «Добро пожаловать в Чечню» о преследовании ЛГБТ-сообществ в регионе, премьера которого состоялась летом 2020 г. (в феврале 2020 г. именно в Германии в рамках документальной программы Международного Берлинского кинофестиваля Берлинале прошел первый европейский показ с четкой негативной оценочной позицией ситуации в Чечне и ущемления прав ЛГБТ-сообщества [9]). Главными героями фильма выступают активисты и представители ЛГБТ-сообществ, которые пытаются покинуть кавказскую республику. С одной стороны, предполагалось, что данный документальный фильм негативно повлияет на продвижение национального бренда РФ, делая его менее привлекательным для западного общества, которому свойственна терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению, обычаям и т.д. Вместе с тем уверенный консерватизм российского высшего руководства в этом вопросе (в том числе внесение поправок в конституцию о семье как союзе мужчины и женщины) может служить основанием для укрепления семейных традиционных ценностей и репрезентации национального бренда России в этом ключе.

Предмет данного исследования состоит в сравнительном анализе стратегий национального брендинга Германии и России и тех национальных брендов, которыми они располагают. Исследование сильных и слабых сторон кампаний национального брендинга позволит наметить пути и выработать рекомендации реализации оптимальной стратегии национального брендинга для России с опорой на свои конкурентные преимущества, успехи и просчеты глобальных конкурентов. По оценке известного рейтинга национальных брендов С. Анхольта Nation Brand Index, в 2020 г. Германия заняла 1-е место, а Россия 27-е [10]; согласно оценке рейтингового агентства Brand Finance, Германия занимает 4-ю позицию, а Россия – 14-ю [11]. Притом что рейтинги сами по себе выступают инструментом влияния на международное общественное мнение, невозможно игнорировать факт лидирующего положения Германии в этих рейтингах, а значит, отдельные практики ее национального брендинга заслуживают внимания и возможного использования в российской политической практике с учетом российских национальных, политических и культурно-исторических реалий. Эффективная кампания ребрендинга ФРГ, реализованная в 2000-х гг., демонстрирует ключевую роль технологий национального брендинга в наращивании устойчивых характеристик, придающих политический вес государствам как глобальным акторам. Кампания по формированию позитивного международного имиджа Германии была предпринята в 2006 г. по инициативе правительства ФРГ под лозунгом «Land of

Ideas», что в дословном переводе означает «Страна идей» с набором доминирующих категорий: коммерческо-экономической, функциональной, нормативной и социокультурной. Коммерческо-экономический аспект включает культовые продукты, качество, перспективы занятости и процветание; функциональный аспект означает стабильность, компетентность, организацию и слаженность; нормативный аспект ассоциируется с правовым государством (Rechtstaat), доверием, низкой коррупцией и положением «хорошего международного гражданина», включая предоставление иностранных субсидий; социокультурный аспект включает искусства, интеллектуальное наследие, фестивали, социальный мир, гастрономию и спорт.

Кампания «Land of Ideas» отличается от предыдущих попыток создания имиджа Германии проработанной бренд-стратегией, которая на начальных этапах кампании определила наиболее перспективные направления: машиностроение («BMW», «Audi», «Mercedes-Benz», «Porsche»), легкая промышленность («Adidas», «Puma») и т.д. Помимо этого, специалисты детально проработали графическое оформление нового национального бренда страны, включая не только дизайн, но и графическую концепцию кампании. Для продвижения бренда были привлечены известные мировые звезды с немецкими корнями, а лицом кампании стала немецкая модель Клаудия Шиффер. В частности, в Берлине был создан проект «Шествие идей», смысл которого состоял в том, чтобы объединить в одном концептуальном проекте всех значимых представителей науки, искусства и политики Германии для того, чтобы жители столицы и многочисленные туристы оценили достижения великих представителей Германии для страны и впоследствии для всего мира. Таким образом, Германия благодаря продуманной бренд-стратегии кампании смогла расширить экономические и политические контакты, а также удалось значительно повысить уровень развития туристического бизнеса в стране. В то же время в стратегии национального брендинга Германии также есть некоторые недочеты, например, в области внешней и миграционной политики, которые при определенной конъюнктуре могут нести угрозы устойчивости политической системы и ее благоприятного восприятия (социальные протесты населения, снижение доверия к властям, геополитические разногласия и т.д.).

Касательно внешнеполитического имиджа Германии как военной державы внутри исследовательского сообщества нет четкого консенсуса по данному вопросу. Г. Хеллманн утверждает, что внутренний образ «гражданской силы» теперь является «мифом», а престиж и статус идентифицирует как определяющие факторы в теперь «напористой» внешней политике [12. Р. 254]. В свою очередь, Ю. Спек полагает, что зависимость от структур ЕС и неадекватных военных инструментов является «Ахиллесовой пятой Германии». Оставаясь «примиренческой», по Г. Фельдману, внешняя политика Германии сталкивается с вызовами со стороны союзников для увеличений боевых действий, что вызывает недовольство немецкого электората, который видит преимущества в основном через торговлю и инвестиции при уклонении от физических рисков (исключения, как Косово, подстрекали еще большее противоречие). Военная политика является частью стратегии государственного позиционирования и различно воспринимается внутренними и внешними целевыми аудиториями, что может вызывать определенные смыс-

ловые противоречия в реализации стратегии национального брендинга в этом аспекте [13. S. 29; 14. S. 232].

Сильной стороной национального бренда Германии выступает ключевая фигура страны Ангела Меркель, которая является одним из самых узнаваемых политиков в мире. С. Вуд констатирует «высокий международный престиж» и «позитивное влияние» в верхних строках международных рейтингов, объясняя их в том числе устойчивым «эффектом Меркель», оцениваемой как «наиболее популярный политик в Европе» и «личность, которая отражает зеркальный образ жителей Германии», и вызывающей, по мнению автора, глубокое признание международного сообщества, даже если кто-то не разделяет ее политики [15. S. 165]. Таким образом, государственное позиционирование реализуется через личность лидера. В то же время следует отметить выраженный проамериканский вектор политики Германии, что требует смягчения в рамках построения многополярного мира.

Туристическая отрасль является одной из самых эксклюзивных конкурентных идентичностей национального бренда Германии. Статистика доказывает, что в стране происходит «туристический бум». За 2019 г. в стране количество туристов выросло на 4%, и общее число ночевков за год увеличилось почти до 500 млн [16]. Прежде всего, страна набирает привлекательность благодаря развитой туристической инфраструктуре и оптимальному соотношению цены и качества и разнообразию туристических направлений: от экстремального до оздоровительного туризма. Германия насчитывает около десяти природных туристических зон, а также ряд достопримечательностей, известных на весь мир, среди которых Рейхстаг, Берлинский кафедральный собор, Берлинская стена, Бранденбургские ворота и т.д.

Германия является флагманом Европейского союза, который имеет значительный властный ресурс при решении экономических вопросов. Основные страны, с которыми Германия сотрудничает в рамках внешней торговли, – США, Великобритания, Франция, Нидерланды, Италия. Экспорт страны состоит в основном из тяжелой промышленности: продукция металлургии, электротехники, химической промышленности, средства связи и электроника – более половины в торговом обороте; машины – более 14%; автомобили, их части и запчасти – чуть больше 19% [17]. На 2019 г. уровень экспорта страны находится на историческом пике, что, несомненно, увеличивает узнаваемость ключевых экспортных брендов Германии.

Германия является одним из лидеров стран с самым высоким уровнем жизни для людей, что в свою очередь имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Приток мигрантов из развитых стран – это сильный инвестиционный капитал, который в перспективе способен привести к улучшению всех конкурентоспособных идентичностей за счет новых идей из разных образовательных школ мира, но, несмотря на это, тема миграции для Германии актуальна в большей степени в негативной коннотации: 10% населения страны не имеет гражданства. Несмотря на то, что Германия никогда не являлась страной для миграции, это не мешает оставаться ей одним из лидеров по ежегодным миграционным потокам. Это связано с тем, что большая масса из стран Северной Африки имеет представления о Германии как о государстве с высоким уровнем жизни и высокими социальными гарантиями. Миграционные потоки из Сирии являются серьезным вызовом для политиче-

ского имиджа современной Германии. Проблема миграции в Германии привела к тому, что в политической системе страны всерьез появились националистические настроения, которых не было в политической повестке со времен падения «Великогерманского рейха» в 1945 г.

Анализ зарубежных кейсов и новых тенденций в сфере национального брендинга позволяет обозначить слабые и сильные стороны стратегии национального брендинга современной России, а также определить наиболее перспективные направления развития бренда РФ как ключевого инструмента для формирования положительного международного имиджа. Основной причиной недостаточного развития отечественного национального бренда является существование негативных брендов прошлого, которые размывают современный национальный бренд. Среди таких негативных брендов преобладают «русская матрешка», «медведи на улицах», «русская водка», «балалайка». Эти бренды являются пережитком прошлых исторических этапов и формируют у современного общества негативные представления о русской нации. На международной арене за Россией сохраняется имидж сырьевого государства с низким качеством жизни. Помимо этого, в мировом сообществе РФ отождествляется с символами и атрибутикой рухнувшей коммунистической системы, что создает некорректный образ России с жесткой директивной экономикой и тоталитарной системой. Стоит отметить, что наиболее слабым элементом национального бренда России является туристическая отрасль, занимая не более 3% от ВВП. Основная причина упадка туристической инфраструктуры и несоответствия международным стандартам предоставления услуг – это отсутствие крупных инвестиций в отрасль, что негативно сказывается на общем уровне туристической привлекательности России. Очевидно, что потенциал страны с точки зрения привлечения туристических потоков крайне высок из-за наличия богатого культурного наследия страны.

Одной из уязвимых сторон российской имиджевой кампании является ухудшение международного сотрудничества, связанного с политическими решениями руководства страны: присоединение полуострова Крым, косвенное участие в кризисе на Украине, а также ввод войск на Ближнем Востоке. С другой стороны, участие российских войск в военно-политическом конфликте в Сирии позволило России продемонстрировать новейшие образцы вооружений и при этом напомнить о своих интенциях глобального миротворца. Присоединение Крыма смогло консолидировать российское общество, усилить национальную идентичность, а также повысить национальное самосознание российских граждан, что крайне положительно отразилось на внутриполитическом имидже государства. Помимо этого, рейтинг Владимира Путина достиг исторического максимума (89,9%), что привело к увеличению патриотических настроений в стране [18].

Оценка россиянами своей страны как сильной на мировой арене державы является положительным трендом, способствующим гармонизации общества. Кроме того, выраженные державные установки являются базисом для реализации стратегии национального брендинга во внутриполитическом аспекте. Позиции России на мировой арене положительно оценивают три четверти (72%) россиян. Приоритеты глобальных целей для России в глазах граждан заключаются прежде всего в становлении ее в качестве одной из 10–15 наиболее преуспевающих стран мира (45%), а также возвращении себе стату-

са супердержавы (34%), причем главным фактором в этом вопросе выступает показатель высокого уровня благосостояния граждан (43% в 2019 г. – с 25% в 2014 г.) [19].

В этом смысле повышение качества жизни населения может способствовать дополнительному усилению державных установок населения и поддерживать реализацию стратегии национального брендинга во внутривнутриполитическом ракурсе. Оценка корреляции уровня качества жизни населения и сильного национального бренда демонстрирует обоюдную зависимость: чем выше качество жизни населения, тем весомее национальный бренд страны; и наоборот, чем сильнее национальный бренд, обеспечивающий конкурентную привлекательность территории, а значит, инвестиции, выгодные бизнес-проекты, активное научно-образовательное сотрудничество, культурный обмен, туристический поток и т.д., тем выше будет качество жизни населения брендируемой территории. Так, согласно известному Индексу Человеческого Развития (ИЧР), на 2018 г. Германия занимает 4-е место, а Россия 49-е место [20]. И хотя расклад в данном рейтинге не в пользу России, тем не менее обе страны входят в группу стран с очень высоким показателем ИЧР, что свидетельствует о наличии потенциала к обеспечению качества жизни населения и развитию человеческого капитала как основного ресурса экономики знаний. В то же время новые политические и экономические вызовы (например, непопулярная пенсионная реформа, внесение поправок в Конституцию с отменой ограничений количества президентских сроков, введение «рабочих каникул» в стране в связи с пандемией коронавирусной инфекции вместо введения режима ЧП, которое позволило бы снять часть финансовых проблем с бизнес-сектора) требуют актуальных мер по системному поддержанию стратегии российского национального брендинга во внутривнутриполитическом аспекте.

Для иностранной общественности фигура Президента РФ является на сегодняшний день, пожалуй, самым сильным и узнаваемым национальным брендом, который весьма положительно котируется во многих государствах. Так, например, в 2013 г. в Вашингтоне волонтеры провели социальный опрос, главной целью которого было исследование отношения обычных граждан США к политической фигуре Владимира Путина. Большинство опрошенных считают Путина «суперменом», «железным человеком» и просто хорошим президентом, который активно занимается внешней и внутренней политикой [21]. Все это свидетельствует о положительном восприятии иностранцами Владимира Путина как политического бренда, что поддерживает формирование положительного международного имиджа России и способствует позиционированию страны на мировой арене.

Национальный бренд является многосоставным политическим продуктом, и в России сформированы устойчивые бренды, которые следует развивать как фундаментальные основы комплексной стратегии национального брендинга. Так, в области культуры и искусства (балет, изобразительное искусство, музыка, поэзия) национальные бренды представлены как балетными и художественными школами, театрами (Большой, Мариинский и др.), музеями (Эрмитаж, Пушкинский музей и др.), так и отдельными персонами (П. Чайковский, А. Пушкин, Л. Толстой, М. Плисецкая, Р. Нуриев, Н. Цискаридзе и многие другие). Одним из инструментов продвижения национального

бренда государства является спорт, и для России в области спорта в силу развитых компетенций национальными брендами являются фигурное катание, художественная гимнастика, хоккей, борьба и спортсмены, их представляющие. Важными событиями, призванными позитивно повлиять на российский национальный бренд, можно считать Олимпиаду-2014 в Сочи (правда, впоследствии омраченную допинг-скандалами) и Чемпионат мира по футболу-2018, которые должны были поспособствовать продвижению национального бренда РФ как страны открытой современной и прогрессивной.

Национальный бренд РФ должен представлять страну как экономически развитое государство, обладающее уникальным потенциалом в области экспортных товаров и услуг. В вопросах продвижения национальных экспортных брендов российское правительство предприняло попытки создания ряда проектов, способствующих поддержке и продвижению отечественных производителей на мировом рынке. Для повышения конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, подобно и опыту Великобритании и Индии, был создан проект «Made in Russia», представленный в Милане в 2015 г. Символом брендинговой кампании стал логотип с изображением березовой рощи, которая в перспективе должна была стать «торговой маркой», гарантирующей качество товаров. Главной целью проекта является стимулирование экономического роста российской экономики путем притока иностранных инвестиций. Фактически данный проект является одним из первых серьезных опытов продвижения национального бренда России, который должен был улучшить имидж экспортных товаров и услуг страны.

В национальный брендинг РФ может быть включена космическая отрасль при условии разработки конкурентоспособной инновационной стратегии развития отрасли. Успехи советской космонавтики закрепили за Россией статус ведущего игрока в этой сфере и определили взгляд на задачи науки и образования во всем мире (в 2016 г. в России проходили PR-мероприятия, посвященные 60-й годовщине запуска первого искусственного спутника Земли), что свидетельствует о национальном уровне бренда отрасли. В исторической ретроспективе национальным брендом является первый космонавт Юрий Гагарин (не случайно 2016 г., 55-я годовщина со дня первого полета человека в космос, объявлен годом Ю. Гагарина в России). Российская космонавтика может быть элементом стратегии национального брендинга, в этой области стоит сосредоточить большие усилия по конструированию коммуникационной стратегии, направленной на систематическое освещение как исторических, так и текущих, и планируемых событий.

Стратегическим брендом, стабильно сохраняющимся в исторической памяти и восприятии как населения, так и внешнего окружения, является бренд оборонной отрасли. Успехи национальной армии в военных сражениях, специфическая структура промышленности в советский период с упором на оборонно-промышленный комплекс и, главное, стабильные научно-технологические достижения в этой отрасли по праву закрепляют за оборонной отраслью право быть ведущим элементом стратегии национального брендинга, особенно в условиях современных глобальных вызовов. Инновационный оборонно-промышленный комплекс стал одним из наиболее высокотехнологичных и перспективных промышленных отраслей России, способствующим позиционированию на международной арене как наиболее конкурентоспо-

собной идентичности в стратегии национального бренда. Правящая элита признает необходимость создания сильного внешнеполитического национального бренда Российской Федерации за счет формирования инновационного ОПК, что в современных условиях геополитической нестабильности делает данную сферу основополагающей для формирования эффективного внутривнутриполитического и внешнеполитического позиционирования государства.

Помимо этого, реализация инновационной политики в сфере ОПК связана с высоким значением данной отрасли в структуре отечественной промышленности, а также популярностью среди населения, что обусловлено историческими событиями страны и особенностями национального менталитета русских людей [22. С. 97].

Акцент в качестве ключевой эксклюзивной идентичности национального бренда РФ на современном этапе может быть сделан на идее сильного оборонноспособного государства на международной арене. Помимо удовлетворения базовой потребности общества по обеспечению национальной безопасности и обороноспособности, национальный ОПК является значимым катализатором развития промышленности в целом, в том числе за счет развития сектора двойных технологий, и выступает важным актором в диффузном формировании инновационной среды в социальной, политической и культурной областях, что в конечном счете в средне- и долгосрочной перспективе обеспечит рост показателей качества жизни населения [23. С. 201].

Уровень жизни населения напрямую зависит от состояния промышленного комплекса страны. С 2015 г. в России по поручению Президента РФ В. Путина реализуется национальная технологическая инициатива, государственная программа мер по поддержке развития в России перспективных отраслей, которые в течение следующих 20 лет могут стать основой мировой экономики. Для сохранения научно-технологического суверенитета, развития науки и технологий, поддержания глобальной конкурентоспособности и в конечном счете повышения качества жизни граждан РФ необходимо реализовать основные меры инновационной политики в стратегически значимых отраслях российской промышленности. При этом для усиления символического веса России необходимо репрезентовать результаты такой политики в целях формирования национального бренда в различных областях стратегических компетенций, которыми обладает государство.

Формирование международного имиджа государства с помощью концепции национального брендинга – это уникальный инструмент внешнеполитического и внутривнутриполитического позиционирования, способный обеспечить узнаваемость и популярность национального бренда за счет развития наиболее перспективных конкурентоспособных идентичностей, что обеспечит повышение качества жизни населения. Анализ практических кейсов кампаний национального брендинга как западного, так и отечественного образца показал и доказал эффективность инструмента национального брендинга при формировании международного имиджа государства. Германия смогла преодолеть стигму одной из самых презираемых стран и превратиться в один из самых дорогих и узнаваемых национальных брендов в мире. Россия, используя зарубежный опыт построения национального бренда и опираясь на собственные сильные стороны, также нивелировала определенные негативные

представления, что позволяет определить концепцию продвижения национального бренда с опорой на приоритетные отрасли, культуру, искусство, спорт, а также инновационный потенциал ОПК как технологически развитого обороноспособного государства, что в перспективе обеспечит эффективное позиционирование России на международной арене как сторонницы многополярного миропорядка, соблюдающей баланс между силой и миролюбием. Во внутренней политике реализация стратегии национального брендинга будет способствовать сплочению нации, гармонизации социально-политического порядка, улучшению качества жизни населения, приросту человеческого капитала за счет привлечения инвестиций, многомерной диффузии инноваций в общественные практики, роста возможностей культурного, научно-образовательного и иных видов международного сотрудничества.

Литература

1. *Giovanardi M.* Haft and sord factors in place branding: Between functionalism and representationalism // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2012. Vol. 8 (1). P. 39–45.
2. Палата представителей конгресса США одобрила военный бюджет на 2021 год // *Известия* [сайт]. URL: https://iz.ru/1097596/2020-12-09/palata-predstavitelei-kongressa-ssha-odobrila-voennyi-biudzhet-na-2021-god?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1607519113000 (дата обращения: 09.12.2020).
3. Посольство США в ФРГ призвало к мораторию на строительство «Северного потока-2» // ТАСС [сайт]. 05.12.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10181361> (дата обращения: 07.12.2020).
4. В России прокомментировали решение Германии по «Северному потоку-2» // РИА «Новости» [сайт]. 15.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200515/1571522130.html> (дата обращения: 07.12.2020).
5. Меркель не исключила санкции против «Северного потока-2» // РБК [сайт]. 07.09.2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/09/2020/5f5608d09a7947415e6dba05> (дата обращения: 07.12.2020).
6. Бундестаг проголосовал по предложению о поддержке «Северного потока-2» // РИА «Новости» [сайт]. URL: <https://ria.ru/20201119/bundestag-1585429825.html> (дата обращения: 07.12.2020).
7. Восстановлены события перед госпитализацией Навального // *Известия* [сайт]. 20.08.2020. URL: <https://iz.ru/1050811/2020-08-20/vosstanovleny-sobytiia-pered-gospitalizatsieinavalnogo> (дата обращения: 08.12.2020).
8. Меркель об отравлении Навального. Полный текст заявления // DW Made for minds [сайт]. 02.09.2020 г. URL: <https://www.dw.com/ru/merkel-ob-otравlenii-navalnogo-polnyj-tekst-zajavlenija/a-54795242> (дата обращения: 09.12.2020).
9. В Берлине показали шокирующий документальный фильм «Добро пожаловать в Чечню» // *Forbes* [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/393765-u-nas-geev-net-v-berline-pokazalishokiruyushchiy-dokumentalnuy-film-dobro> (дата обращения: 09.12.2020).
10. *Anholt* Ipsos Nation Brand Index 2020 // Ipsos [сайт]. URL: <https://www.ipsos.com/en/nation-brand-index-2020> (дата обращения: 08.12.2020).
11. *Nation* brands 2020. The annual report on the most valuable and strongest nation // Brand Finance [сайт]. URL: [brandshttps://brandirectory.com/rankings/nation-brands](https://brandirectory.com/rankings/nation-brands) (дата обращения: 08.12.2020).
12. *Hellmann G.* IR/foreign policy theory and German foreign policy // *IR/foreign policy theory and German foreign policy*. 2009. № 12 (2). S. 251–256.
13. *Speck U.* A pillar of freedom. // *International Politics*. 2012. № 67 (3). S. 26–31.
14. *Feldman L.G.* Germany's policy of reconciliation: From enmity to amity. Lanham : Rowman and Littlefield, 2012. 412 S.
15. *Wood S.* Rebranding the Nation: Germany's Image Politics // *International politics*. 2017. № 54 (2). S. 160–171.
16. Туризм в мировой экономике в 2019 году: Германия // Центр управления финансами [сайт]. URL: <https://center-yf.ru/data/economy/turizm-v-mirovoy-ekonomike-v-2019-godu.php> (дата обращения: 09.12.2020).

17. *Отрасли промышленности Германии и их роль в экономике в 2020 году* // Zagrportal [сайт]. URL: <https://zagrportal.ru/germaniya/zhizn/promyshlennost-germanii.html> (дата обращения: 09.12.2020).

18. *Рейтинг* Путина обновил исторический максимум // Politforums.net [сайт]. 22.10.2015. URL: <https://www.politforums.net/ukraine/1445515752.html> (дата обращения: 09.12.2020).

19. *Пресс-выпуск* № 3965. Россия – священная наша держава // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (дата обращения: 09.12.2020).

20. *Human Development Report 2019 – Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century*. Human Development Report United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed: 09.12.2020).

21. *Американцы* считают Путина суперменом и даже железным человеком // Esoreiter.ru [сайт]. 19.05.2015 г. URL: <https://esoreiter.ru/news/0515/amerikancy-schitayut-putina-supermenom-i-dazhe-zheleznyy-chelovekom.html> (дата обращения: 09.12.2020).

22. *Данилова Е.А.* Великодержавность в массовом сознании россиян как внутривластная основа национального брендинга РФ // *Власть*. 2017. № 9. С. 94–99.

23. *Данилова Е.А.* Инновационный потенциал предприятий ОПК как фактор повышения качества жизни населения в контексте формирования стратегии национального брендинга // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 197–204.

Elena A. Danilova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

Ilya A. Kalinin, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: vip.ily1999@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 224–236.

DOI: 10.17223/1998863X/59/21

COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL BRANDING STRATEGIES FOR GERMANY AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Keywords: national brand; national branding; branding technologies; quality of life; military-industrial complex.

This article analyzes strategies for the formation and promotion of the national brand of Germany and Russia. The key branding campaigns of the two states were studied, which, in turn, allowed identifying the strengths and weaknesses of the national brands in these countries. Based on the comparison, the features of the formation of the international images of Germany and Russia were determined. The relevance of this article is in increasing the role of soft power tools in the development of information technology and a multipolar world. The aim of the study is to examine the features of the formation of the international image of the state using the concept of national branding. The methodological basis of the study was comparative analysis, systemic analysis, problem-chronological and structural-functional methods, case studies. The empirical basis of the article is official sources containing information on campaigns of national branding of states, as well as various analytical materials, including ratings, indexes, statistical observations and publications of leading domestic and foreign researchers of national branding. The analysis of key branding campaigns made it possible to identify the strengths and weaknesses of the national brands of Germany and Russia, and thus discover a number of patterns in the successful and effective promotion of the national brand of the state: 1) when forming the national brand of the country, it is necessary to emphasize the most promising competitive identities, including in the field of industry; 2) the concept of national branding identifies the most exclusive export brands of the state; 3) the most successful branding campaigns to form and promote the country's national brand are timed to coincide with mass international sports events. The national branding strategy is a special tool for the international positioning of states, which can ensure the recognition and fame of the country's national brand, strengthen the global subjectivity of the state on the world stage, ensure the expansion of international political and economic cooperation, attract investment, improve socioeconomic indicators, which in the future can significantly improve the quality of life of the country's population.

References

1. Giovanardi, M. (2012) Haft and sword factors in place branding: Between functionalism and representationalism. *Place Branding and Public Diplomacy*. 8(1). pp. 39–45.
2. Izvestiya. (2020a) *Palata predstaviteley kongressa SShA odobrila voennyi byudzhets na 2021 god* [The US House of Representatives approved the military budget for 2021]. [Online] Available from: https://iz.ru/1097596/2020-12-09/palata-predstavitelei-kongressa-ssha-odobrila-voenyyi-byudzhets-na-2021-god?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1607519113000 (Accessed: 9th December 2020).
3. TASS. (2020) *Posol'stvo SShA v FRG prizvalo k moratoriyu na stroitel'stvo "Severnogo potoka-2"* [The US Embassy in Germany called for a moratorium on the construction of Nord Stream 2]. 5th December. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/10181361> (Accessed: 7th December 2020).
4. RIA "Novosti". (2020a) *V Rossii prokomentirovali reshenie Germanii po "Severnomu potoku-2"* [Russia commented on Germany's decision on Nord Stream 2]. 15th May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200515/1571522130.html> (Accessed: 7th December 2020).
5. RBK. (2020) *Merkel' ne isklyuchila sanktsii protiv "Severnogo potoka-2"* [Merkel did not rule out sanctions against Nord Stream 2]. 7th September. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/business/07/09/2020/5f5608d09a7947415e6dba05> (Accessed: 7th December 2020).
6. RIA "Novosti". (2020b) *Bundestag progolosoval po predlozheniyu o podderzhke "Severnogo potoka-2"* [The Bundestag voted on the proposal to support Nord Stream 2]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20201119/bundestag-1585429825.html> (Accessed: 7th December 2020).
7. Izvestiya. (2020b) *Vosstanovleny sobytiya pered gosospitalizatsiyey Naval'nogo* [Recovered events before Navalny's hospitalization]. 20th August 2020. [Online] Available from: <https://iz.ru/1050811/2020-08-20/vosstanovleny-sobytiya-pered-gospitalizatsiey-navalnogo> (Accessed: 8th December 2020).
8. DW Made for minds. (2020) *Merkel' ob otravlenii Naval'nogo. Polnyy tekst zavavleniya* [Merkel about the poisoning of Navalny. Full text of the statement]. 2nd September. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/merkel-ob-otravlenii-navalnogo-polnyj-tekst-zavavleniya/a-54795242> (Accessed: 9th December 2020).
9. Barchenkov, D. (2020) *V Berline pokazali shokiruyushchiy dokumental'nyy fil'm "Dobro pozhalovat' v Chechnyu"* [A shocking documentary "Welcome to Chechnya" was shown in Berlin]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/forbeslife/393765-u-nas-geev-net-v-berline-pokazali-shokiruyushchiy-dokumental'nyy-film-dobro> (Accessed: 9th December 2020).
10. Ipsos. (2020) *Anholt Ipsos Nation Brand Index 2020*. [Online] Available from: <https://www.ipsos.com/en/nation-brand-index-2020> (Accessed: 8th December 2020).
11. Brand Finance. (2020) *Nation brands 2020. The annual report on the most valuable and strongest nation*. [Online] Available from: [brandshttps://brandirectory.com/rankings/nation-brands](https://brandirectory.com/rankings/nation-brands) (Accessed: 8th December 2020).
12. Hellmann, G. (2009) IR/foreign policy theory and German foreign policy. *IR/foreign policy theory and German foreign policy*. 12(2). pp. 251–256.
13. Speck, U. (2012) A pillar of freedom. *International Politics*. 67(3). pp. 26–31.
14. Feldman, L.G. (2012) *Germany's policy of reconciliation: From enmity to amity*. Lanham: Rowman and Littlefield.
15. Wood, S. (2017) Rebranding the Nation: Germany's Image Politics. *International Politics*. 54(2). pp. 160–171.
16. Oshurkova, T.G. (2019) *Turizm v mirovoy ekonomike v 2019 godu: Germaniya* [Tourism in the global economy in 2019: Germany]. [Online] Available from: <https://center-yf.ru/data/economy/turizm-v-mirovoy-ekonomike-v-2019-godu.php> (Accessed: 9th December 2020).
17. Dubovich, A. (n.d.) *Otrastli promyshlennosti Germanii i ikh rol' v ekonomike v 2020 godu* [Industries in Germany and their role in the economy in 2020]. [Online] Available from: <https://zagranportal.ru/germaniya/zhizn/promyshlennost-germanii.html> (Accessed: 9th December 2020).
18. Politforums.net. (2015) *Reyting Putina obnovil istoricheskiy maksimum* [Putin's rating has updated its historical maximum]. 22nd October. [Online] Available from: <https://www.politforums.net/ukraine/1445515752.html> (Accessed: 9th December 2020).
19. VTsIOM. (n.d.) *Rossiya – svyashchennaya nasha derzhava* [Russia is our sacred state]. Press release number 3965. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (Accessed: 9th December 2020).

20. UNO. (2019) *Human Development Report 2019 – Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. Human Development Report United Nations Development Programme*. [Online] Available from: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (Accessed: 9th December 2020).

21. Praym, V. (2015) *Amerikantsy schitayut Putina supermenom i dazhe zheleznym chelovekom* [Americans consider Putin a superman and even an iron man]. 18th May. [Online] Available from: <https://esoreiter.ru/news/0515/amerikancy-schitayut-putina-supermenom-i-dazhe-zheleznym-chelovekom.html> (Accessed: 9th December 2020).

22. Danilova, E.A. (2017) Greatpowerness in the Mass Consciousness of Russians as an Internal Political Basis of the Russian Federation National Branding. *Vlast' – The Power*. 9. pp. 94–99.

23. Danilova, E.A. (2020) The Innovative Potential of Defense Enterprises as a Factor of Improving the Quality of Life in the Development of the National Branding Strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 53. pp. 197–204. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/21

УДК 32.019.5

DOI: 10.17223/1998863X/59/22

И.И. Кузнецов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ, ДОВЕРИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Исследование проведено в рамках гранта, предоставленного РФФИ и ЭИСИ по программе научных проектов фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук в 2020 г. Проект № 20-011-31040 «Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности».

Статья посвящена анализу основных тенденций развития политического сознания российского студенчества в аспекте формирования общественной солидарности. Общественная солидарность в данном исследовании рассматривается как система духовных связей общества, объединяющая граждан государства и обеспечивающая его целостность, социальную интеграцию как сложного организма. Это позволяет комплексно изучать условия консолидации национальных сообществ, определять условия и факторы их развития, способности преодолевать дезинтеграционные процессы.

Ключевые слова: межличностное доверие, институциональное доверие, ценности, толерантность, взаимопомощь, российское студенчество, молодежь России.

Проблема формирования политических позиций, взглядов и моделей поведения молодых находится в центре внимания исследователей. Традиционно большое внимание этому уделяется социологами, политологами, социальными психологами, педагогами, антропологами в связи с тем, что здесь пересекаются возможности использования самых различных теорий и подходов объяснения социально-политических процессов, а также появляются оценки перспективы политических изменений. Данный интерес далеко не случаен, поскольку, с одной стороны, круг вопросов, касающихся механизмов передачи социального опыта, обретения новых качеств и свойств молодыми людьми, представляет большое значение в связи с необходимостью понимания закономерностей и особенностей политического процесса. А с другой стороны, исследования в этой сфере позволяют хотя бы в общих чертах представить то, что будет завтра. А именно: увидеть контуры тех социальных структур, политические позиции и предпочтения которых могут существенно предопределить развитие всего российского социума. Попадут ли молодые россияне в массе своей в прекариат и, соответственно, станут «новым опасным классом», лишенным значительных объемов социальных гарантий по сравнению с их родителями и готовым к активному отстаиванию своих интересов через антисистемные действия, с опорой на прямой конфликт с любой властью [1]? Либо нынешние студенты, работающая молодежь и безработные / беззаботные молодые смогут найти себя в сложном обществе и реализовать собственные амбиции: как в профессиональном, так и в социально-

политическом и личном плане? Кроме того, в данном исследовании предпринята попытка представить возможности государственной политики влиять на укрепление общественной солидарности именно в молодежной среде, а точнее – в студенчестве.

Постановка проблемы

В рамках данного исследования ставилась задача проанализировать потенциал общественной солидарности в сознании студенческой молодежи России и формирование конкретных социальных практик, способных демонстрировать ответственное поведение молодых граждан, основанное на признании взаимности в отношениях с другими, воспроизводстве национально-государственной идентичности. Поскольку ряд исследователей склонны считать поколенческие сдвиги последних двух десятилетий необратимыми и кардинальными, предопределяющими изменения в российском обществе в целом, то на первый план выходит тревога за сохранение социального мира и поддержание высокой степени интеграции общества в современных условиях [2–5].

Для реализации замысла исследования категория «общественная солидарность» рассматривается как система социальных связей, политических отношений и духовных скреп, обеспечивающих целостность общества, помогающих гражданам сознавать общность своей исторической судьбы, свое коллективное МЫ, формирующих уважение к общественным нормам, навыки и умения совместной деятельности, взаимопомощи. В статье исследуется характер и уровень включенности российских студентов в общественные солидарные связи.

Эмпирическая база исследования

Данное исследование проведено на основе результатов электронного анкетирования студентов российских вузов, проведенного в июле – сентябре 2020 г. Была предложена модель общественной солидарности, в основу которой положены следующие индикаторы включенности студентов в солидарные связи: самоотождествление с национальной общностью, ориентация на требования закона, доверие к людям, доверие к институтам, суждение о предпочтительных моделях политического устройства общества, суждение о правильности политики властей, готовность жить вместе с представителями другого этноса, готовность к конструктивному взаимодействию с людьми, придерживающимися иных (противоположных) политических взглядов, вовлеченность в отношения взаимопомощи, готовность к протестным действиям.

Анкета состояла из 26 вопросов закрытого, полузакрытого и открытого типа, в том числе 17 содержательных вопросов и 9 вопросов о личности респондентов (их возрасте, уровне и профиле подготовки в вузе, уровне доходов их семей и др.). Анкетирование проводилось на базе платформы SurveyMonkey. Выборка исследования – стратифицированная (по административно-территориальному делению страны), фокусированная (крупнейшие вузы), случайная на этапе отбора респондентов. В состав выборки вошли 1 130 студентов из 8 федеральных округов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры в 35 крупнейших вузах. Опорными вузами в федеральных округах стали Дальневосточный федеральный университет

(ДФО), Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга (ДФО), Томский государственный университет (СФО), Уральский федеральный университет (УрФО), Казанский федеральный университет (ПФО), Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (ПФО), Санкт-Петербургский государственный университет (СЗФО), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦФО), Пятигорский государственный университет (СКФО), Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (ЮФО).

Анализ полученных данных

Широкие возможности – трудный выбор (понимание альтернатив и личные стратегии молодых)

Полученные результаты исследования демонстрируют неоднозначность некоторых характеристик молодых российских граждан в их отличии от представителей старших поколений. Есть и существенные ограничения, которые нужно также учитывать в связи, например, с невозможностью распространять позиции, взгляды и оценки молодых людей в крупных городах на молодежь России в целом. Провинциальная молодежь, возможно, существенно отличается по своим представлениям о политической системе и набору предпочтений, как и в связи с иным пониманием перспектив самореализации, выстраиванием личной жизненной траектории.

В этой связи основная проблема, на наш взгляд, не в том, что существенно ограничены некоторые возможности (в связи с имеющимися материальными и социальными статусами, образованием, местом проживания), а, наоборот, в их чрезвычайном изобилии. Если сравнить с ситуацией, которая была характерна для предшествующих поколений, то молодым россиянам сегодня приходится делать выбор в условиях возрастающей неопределенности. Сложность в том, что возникают серьезные психологические проблемы в плане оценки собственного выбора: выбирая какую-то альтернативу, молодой человек может увидеть, как при этом он упускает минимум десять других (внешне, может быть, даже более привлекательных). Понять, что они не лучше, чем сделанный выбор, весьма непросто, психологически тяжело. Возникает ситуация, зафиксированная известным современным писателем В.О. Пелевиным – бытие *homo zapping*, который постоянно переключает каналы ТВ не в состоянии сосредоточиться ни на одной передаче, испытывает иллюзию свободного выбора. Такое сознание характеризуется стереотипностью и клиповостью [6]. Выбранный молодым человеком вариант (собственная образовательная стратегия, получение профессии, решение открыть бизнес, место жительства и др.) может в такой ситуации показаться крайне ограниченным, частичным и недостаточно правильным. Это приводит к разочарованию, к появлению фрустрированного сознания, что, в свою очередь, ведет к постоянному пересмотру выбора, переключению с одного варианта на другой, серфингу по поверхности возможных альтернатив. Находясь в таком состоянии, молодые россияне зачастую вместо определения основных приоритетов, выстраивания долгосрочной стратегии склонны к постоян-

ному поиску нового, стремятся быть «в теме», на острие актуальной тенденции, участвовать в модном «хайпе».

Серьезное отличие ситуации нынешних молодых россиян от предшествующих поколений – большее давление медиасреды и активная включенность в сетевое общение. Когда одновременно конкурируют множество альтернатив, любая жизненная цель может быть оспорена, опровергнута, подвержена публичному осмеянию, сама ситуация выбора может приводить к душевному разладу, конфликту с самим собой, депрессии. Возникает тяжелое состояние – еще молодые, но уже взрослые люди не могут построить планы на будущее, не знают, что стоит делать вообще. Преодоление такого состояния требует твердости намерений, терпения и постоянного усилия, чтобы достичь результата, почувствовать эффекты самореализации. Но этого им сегодня и не хватает, а медиасреда подкидывает все новые и новые образы социального успеха, многие из которых не предполагают серьезных усилий и профессионального становления. Если ранее одним из главных условий достижения собственного успеха было стремление наилучшим образом решить творческую задачу, создать нечто новое или, что может быть не менее важно, превозмочь себя, работая пусть над какой-то локальной, но важной целью, то сегодня мотивация серьезно меняется. Транслируемые в сети примеры быстрого успеха, легких достижений, образцы которых максимально широко распространяются благодаря сетевым ресурсам, ориентируют молодых на достижение чего-то идеального и совершенного. Но так как идеальное зачастую представляется недостижимым, то подобное стремление затрудняет или делает невозможной простую деятельность человека, обесценивает его повседневную деятельность, не дает завершить начатое дело. В результате появляется возрастание ожидания неудачи, негативная реакция на любую критику, острое переживание любой сложной ситуации, связанной с трудом. Одной из форм реакции может быть прокрастинация – откладывание важных дел и замыслов, перенесение на более поздний период тех или иных решений.

Другой формой ответа молодых на вызовы социальной реальности может быть стратегия смены места самореализации – отъезд из России.

Большее половины респондентов (55,92%) готовы / скорее готовы уехать из России на постоянное место жительства в другую страну. Только 11,13% участников анкетирования однозначно заявили, что не рассматривают эту возможность (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об эмиграции из России

Это тревожное наблюдение заставляет более детально рассмотреть возможные мотивы, связь личного выбора переезда с оценкой ситуации в России, наличием выраженной гражданской идентичности, доверием к власти и оппозиции, готовностью участвовать в протестных действиях.

Желание студентов уехать из России зависит от оценки ими положения дел в стране. Большинство респондентов, готовых к смене постоянного места жительства, считает, что «страна движется по неверному пути» (73,8%). Наличие связи между готовностью респондентов уехать на постоянное место жительства в другую страну и восприятием ими положения дел в России подтверждают результаты ее оценки с помощью коэффициента корреляции Крамера: $V = 0,336079$ (табл. 1).

Таблица 1. Оценка студентами положения дел в стране и готовность уехать из страны, % от респондентов, заявивших о готовности / отсутствии готовности уехать на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 123

Если представится возможность, Вы уедете на постоянное место жительства в другую страну?	Вы считаете, что дела в стране идут в целом в правильном направлении, или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?		
	Дела идут в правильном направлении, %	Страна движется по неверному пути, %	Затрудняюсь ответить, %
Да (333)	9,7	73,8	16,5
Скорее да (295)	10,0	66,0	24,0
Нет (125)	38,7	43,7	17,6
Скорее нет (191)	26,0	49,2	24,8
Затрудняюсь ответить (179)	15,4	40,2	44,4

Большинство респондентов, не готовых к переезду в другую страну на постоянное место жительства, имеет ярко выраженную гражданскую идентичность. Так, 84,68% опрошенных, однозначно заявивших об отсутствии готовности к переезду, отождествляют себя с гражданами России (табл. 2).

Таблица 2. Гражданская идентичность студентов и готовность уехать из страны, % от респондентов, выразивших / не выразивших готовность к переезду на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 120

Готовность уехать из страны	Граждане России		Граждане Мира		Люди той же национальности		Люди того же вероисповедания		Семья	
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
Да	56,02	186	66,87	222	28,61	95	11,75	39	59,64	198
Скорее да	66,10	195	58,98	174	30,51	90	17,63	52	63,05	186
Нет	84,68	105	47,58	59	36,29	45	20,16	25	58,87	73
Скорее нет	74,74	142	49,47	94	36,32	69	14,21	27	65,26	124
Затрудняюсь ответить	65,92	118	58,10	104	27,37	49	13,97	25	59,22	106
Готовность уехать из страны	Люди той же профессии		Жители Вашего города, села		Люди того же достатка, что и Вы		Люди тех же политических взглядов, что и Вы			
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.		
Да	25,90	86	35,54	118	9,64	32	19,88	66		
Скорее да	32,54	96	47,46	140	9,83	29	20,00	59		
Нет	31,45	39	40,32	50	12,90	16	25,81	32		
Скорее нет	32,63	62	48,95	93	6,32	12	25,26	48		
Затрудняюсь ответить	30,73	55	36,87	66	8,94	16	22,91	41		

Уровень доверия респондентов, готовых к переезду на постоянное место жительства в другую страну, Президенту РФ, органам государственной власти, общественным и политическим организациям ниже, чем уровень доверия

опрошенных, не готовых покинуть Россию (табл. 3). При этом их уровень доверия политической оппозиции выше, чем у респондентов, не склонных к переезду (24,47 и 13,83% соответственно) (табл. 4).

Таблица 3. Уровень доверия Президенту РФ и готовность уехать из страны, % от респондентов, выразивших / не выразивших готовность к переезду на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 122

Готовность уехать из страны	Вполне заслуживает		Не вполне заслуживает		Совсем не заслуживает		Затрудняюсь ответить	
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
Да	15,96	53	28,01	93	43,37	114	12,65	42
Скорее да	15,25	45	39,66	117	31,86	94	13,22	39
Нет	45,60	57	24,80	31	20,80	26	8,80	11
Скорее нет	36,84	70	35,26	67	21,05	40	6,84	13
Затрудняюсь ответить	28,25	50	31,64	56	16,38	29	23,73	42

Таблица 4. Уровень доверия политической оппозиции, % от респондентов, выразивших / не выразивших готовность к переезду на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 122

Готовность уехать из страны	Вполне заслуживает		Не вполне заслуживает		Совсем не заслуживает		Затрудняюсь ответить	
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
Да	24,47	81	38,37	127	13,90	46	23,26	77
Скорее да	18,31	54	47,80	141	10,17	30	23,73	70
Нет	16,80	21	40,80	51	22,40	28	20,00	25
Скорее нет	13,83	26	48,40	91	17,02	32	20,74	39
Затрудняюсь ответить	14,61	26	41,01	73	11,80	21	32,58	58

Респонденты, готовые к переезду на постоянное место жительства в другую страну, как правило, не испытывают чувства гражданской гордости. Только 11,17% опрошенных из числа тех, кто выразил готовность покинуть страну, согласились с утверждением «Я горжусь тем, что я гражданин / гражданка России». Для сравнения, чувство гражданской гордости испытывают 50,56% опрошенных, не готовых к отъезду из России (табл. 5).

Таблица 5. Гражданская гордость студентов и готовность уехать из страны, % от респондентов, выразивших / не выразивших готовность к переезду на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 118

Готовность уехать из страны	Полностью согласен		Скорее согласен		Скорее не согласен		Совсем не согласен		Затрудняюсь ответить	
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
Да	11,82	39	22,42	74	25,45	84	26,06	86	14,24	47
Скорее да	10,51	31	45,42	134	20,68	61	8,14	24	15,25	45
Нет	60,80	76	23,20	29	5,60	7	3,20	4	7,20	9
Скорее нет	40,31	77	37,17	71	7,33	14	3,14	6	12,04	23
Затрудняюсь ответить	25,99	46	41,81	74	7,34	13	2,82	5	22,03	39

Большинство респондентов, не готовых к переезду на постоянное место жительства в другую страну, не склонно к участию в массовых акциях протеста (70,97%). Напротив, среди опрошенных, готовых к отъезду из России, выражены протестные настроения. Так, 38,74% из них ответили, что примут участие в акциях протеста, если они состоятся в их городе / селе, что значительно превышает процент респондентов с аналогичной позицией, не склонных к переезду (табл. 6).

Таблица 6. Протестные настроения студентов и готовность уехать из страны, % от респондентов, выразивших / не выразивших готовность к переезду на постоянное место жительства в другую страну; N = 1 116

Готовность уехать из страны	Скорее всего да		Скорее всего нет		Затрудняюсь ответить	
	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
Да	38,74	129	39,04	130	22,22	74
Скорее да	33,67	99	44,22	130	22,11	65
Нет	13,71	17	70,97	88	15,32	19
Скорее нет	23,16	44	56,84	108	20,00	38
Затрудняюсь ответить	13,71	24	44,00	77	42,29	74

Подавляющее большинство респондентов, испытывающих чувство гражданской гордости, отождествляют себя с гражданами России (86,39%). Напротив, респонденты, не испытывающие чувства гражданской гордости, как правило, не обладают выраженной гражданской идентичностью. Только 36,29% опрошенных заявили о ее наличии.

Толерантность и ее проявления в сознании молодых: от принятия иного к взаимодействию

Современным молодым людям приходится не только наблюдать растущее многообразие в обществе, но и зачастую взаимодействовать с такими сообществами и идентичностями, которых ранее не было, либо они не проявлялись в публичном пространстве. Активизация этнических и религиозных идентичностей в последние три десятилетия в российском социуме уже в достаточной мере пережита и усвоена. Сложились даже некоторые общие модели усвоения такого многообразия: на уровне школьного образования – специализированные учебные дисциплины «Основы религиозной культуры и светской этики» (с соответствующими модулями по основным мировым религиям), на уровне семейных традиций с учетом существующих традиций вероисповедания (от весьма религиозных традиционных семей до светских и атеистических подходов к воспитанию). Все это способствует усвоению многообразного социального опыта взаимодействия с представителями иных религиозных взглядов, носителей иных культурных традиций молодыми россиянами. Но, кроме того, российская молодежь вполне терпимо относится и к представителям различных социальных меньшинств.

Наши респонденты продемонстрировали высокий уровень терпимости к представителям различных социальных групп и готовы проживать рядом с ними. Так, большинство респондентов (во всех случаях более 50%) заявили о своем нейтральном отношении к проживанию рядом с представителями других национальностей, многодетными семьями, ЛГБТ-семьями, людьми с ограниченными возможностями и ВИЧ-инфицированными. Резкое неприятие респондентов вызвала только одна социальная группа, упомянутая в вариантах ответа на вопрос, – наркозависимые люди (85,11% участников анкетирования относятся к проживанию рядом с ними «плохо» и «очень плохо») (рис. 2).

По-видимому, такое терпимое отношение молодых россиян не только следствие усвоенных политической социализацией установок на мирное соседство, взаимодействие с другими, иногда отличающимися от большинства общества, сообществами. Здесь, возможно, проявляется иное, по сравнению с

предшествующими поколениями, восприятие окружающего мира. Этот мир видится сложнее и многообразнее в связи с наличием даже у молодых граждан опыта выезда за рубеж (туризм, временное проживание, работа, учеба), лучшим знанием иностранных языков, активным использованием современных сетевых ресурсов коммуникации.

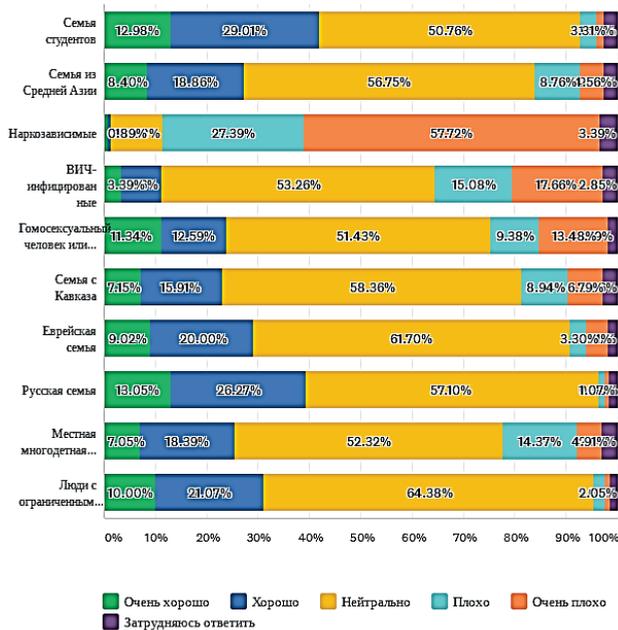

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы перечисленные люди поселились рядом с Вами?»

Однако здесь может быть и совершенно иное объяснение. Интенсивное сетевое общение, ставшее привычным модусом повседневного поведения молодых, соединяя большое количество людей, практически одновременно ставит серьезные ограничения настоящему, глубокому пониманию окружающего мира. Делом в том, что активное пользование социальными сетями порождает повышенную озабоченность, склонность к депрессии, нарушает нормальный режим дня, лишает сна и т.д. Кроме того, возникает серьезная зависимость от гаджетов, потребность все время находиться на связи, чтобы не пропустить что-либо важное. Многие молодые люди и даже дети сталкиваются с преследованиями в социальных сетях или организованной травлей сверстников, одноклассников (кибербуллинг). Такой тип социального общения может создавать иллюзию присутствия в сообществе, но при этом не решает ни одной личной проблемы человека. Находясь в виртуальной толпе, человек может быть также одинок или несчастен, как и будучи совершенно один. А когда требуется настоящая личная помощь или поддержка, то тогда необходимы не сотни или тысячи человек в личной новостной ленте аккаунта социальной сети, а, скорее, один или несколько близких людей, которым реально доверяют и с которыми можно разговаривать лично. Такое участие с полной вовлеченностью и искренностью может быть гораздо важнее, чем сотни лайков или дежурных слов сообщений.

Таким образом, терпимость к иным, непохожим на себя людям и сообществам может быть связана с переносом практики сетевого общения и многообразия присутствующего в онлайн на обычную повседневность офлайна. Зачастую личного опыта проживания рядом с такими общностями может не быть совсем, или такой опыт носит весьма условный характер, но при этом человек выражает некоторую готовность позитивно воспринимать других, спокойно оценивает перспективу ужиться и взаимодействовать. В этой связи четкая позиция неприятия в отношении социальной группы «наркозависимые», скорее всего, связана именно с наличием негативного личного опыта либо сформированной установкой.

Важным фактором обеспечения социальной солидарности считается готовность граждан к активному диалогу и взаимодействию с теми, кто имеет отличные от собственных политические позиции. Однако сама эта готовность может отличаться уровнем вовлеченности в такое общение, степенью уверенности в своей правоте, возможностью слышать аргументы оппонента и учитывать их. *Большинство наших респондентов готово к политическому дискурсу и конструктивному взаимодействию с оппонентами с иными политическими взглядами.* 52,55% участников анкетирования полагают, что «необходимо отстаивать свою политическую позицию, но при этом прислушиваться к разумным доводам оппонентов». Вместе с тем только 8,94% респондентов выразили готовность к корректировке своих взглядов по итогам дискурса, «если аргументы оппонента окажутся убедительными». Значительная часть участников анкетирования не настроена на участие в дискуссиях. По их мнению, отстаивать свою политическую позицию необходимо, но «не втягиваясь в дискуссии с оппонентами» (21,27%) (рис. 3).

В10. В обществе есть люди, придерживающиеся разных, подчас противоположных политических взглядов. Как, на Ваш взгляд, следует себя вести при общении с людьми, выражающими отличные от Ваших политические взгляды? (один ответ)

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос об общении с людьми, выражающими отличные политические взгляды

Последняя цифра настораживает, поскольку каждый пятый опрошенный настроен на отстаивание собственной политической позиции и не готов вести дискуссию. Учитывая то обстоятельство, что для значительной части молодых россиян формат таких дискуссий определяется средством коммуникации и платформой (как правило, социальные сети, блоги), можно предположить решающее воздействие феномена «капсулизации» на формирование модерлируемых и управляемых информационных потоков с соответствующим укреп-

лением замкнутой системы ценностей и смыслов, идей и символов¹. Разнообразие мнений и позиций, которые представлены в индивидуальных профилях сетевого общения молодых людей, может быть на самом деле упрощенной, редуцированной моделью репрезентации социальной реальности.

Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить существенные проблемы наших респондентов в возможности соотнесения своих взглядов с позициями соседей, земляков или граждан России в целом. Ответ на *вопрос о сходствах политических взглядов респондентов со взглядами россиян, жителей их дома и города у многих вызвал затруднения*: 28,66% участников анкетирования не смогли соотнести свои взгляды со взглядами жителей своего дома, 23,59% – со взглядами жителей своего города, 21,65% – со взглядами россиян в целом. Оценка остальными респондентами сходства их политических взглядов со взглядами представителей указанных социальных общностей неоднозначна: в среднем 43,79% участников анкетирования выбрали ответы «схожи» и «скорее схожи», в среднем 31,58% респондентов придерживаются противоположной позиции. Интересно, что чаще других упоминается отсутствие сходства политических взглядов участников анкетирования с политическими взглядами россиян в целом (35,69%). Наибольшее сходство наблюдается во взглядах респондентов и жителей их города (45,04%) (рис. 4).

В11. Как Вы считаете, Ваши политические взгляды схожи со взглядами жителей Вашего дома, Вашего города / села, большинства россиян?

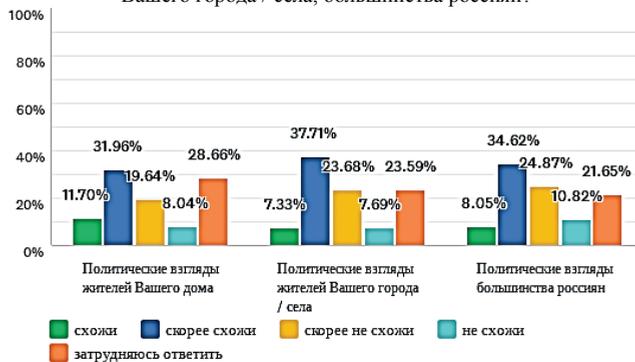

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о сходстве их политических взглядов со взглядами россиян, жителей их города и дома

Возможно, в данном случае мы наблюдаем не просто сложности с соотнесением собственных политических взглядов с окружающими, а, скорее, представление иных референтных групп, с которыми связаны молодые граждане России. По-видимому, студенчество в большей степени ориентировано на иные сообщества, которые влияют на их мировоззрение и политический

¹ «Что касается сетевых сообществ, то в их рамках, как правило, обсуждается ограниченное число тем, поддерживаются определенные правила обсуждения, в самом сильном варианте ограничивается набор интерпретаций и осуществляется модерация пользовательских сообщений, что позволяет рассматривать такого рода сообщества в качестве информационных капсул. Кроме того, участники сетевых сообществ, по сути, получают персонализированный контент, во многом совпадающий как с ожиданиями и предпочтениями отдельного члена данного сообщества, так и с аналогичными ожиданиями и предпочтениями других участников, что формирует в определенном смысле замкнутый коммуникационный каркас, в рамках которого определенные смыслы, символы и ценности поддерживаются и укрепляются» (цит. по: [7. С. 192]).

кругозор, формируют соответствующие ориентиры и смыслы: лидеров мнений в профессиональных средах, известных людей, символизирующих успех и процветание, популярные корпоративные бренды и т.д. Это также одно из решающих последствий новой модели социализации, связанной с проявлением такого явления, которое Марк Грановеттер обозначил как «сила слабых связей»¹. В данном случае такие связи, возможно, в большей степени способны формировать политические идентичности, влиять на профессиональное становление, а семейно-родственные контакты, соседские отношения не оказывают такого решающего воздействия.

Стратегии взаимопомощи: участие молодых в проектах и сетях социальной поддержки

Российское студенчество выражает серьезную озабоченность имеющимся напряжением в обществе и по мере сил активно стремится участвовать в помощи и поддержке тех, кто в этом нуждается. Здесь есть некоторая историческая преемственность и одновременно серьезные отличия в формах организации такой деятельности, масштабах участия государства и институтов власти, достигаемых результатах. Если в советский период такая работа была частью «общественной нагрузки» комсомольцев и студенчества в целом, то сегодня таких нормативных требований нет, как нет административного нажима. Тем не менее студенты стремятся активно участвовать в общественной жизни, многие в этом видят возможности самореализации и получения нового важного для себя опыта. Волонтерское движение развивалось в последние десятилетия вполне самостоятельно и решало очень широкий спектр важных вопросов: от поддержки пожилых и тяжелобольных людей до заботы об окружающей природной среде и проектов благоустройства. Но в последние годы (примерно с 2017 г.) стала проявляться весьма ощутимая государственная поддержка волонтерского движения. Указом Президента России 2018 г. был объявлен Годом добровольца (волонтера) [9]. Эта поддержка позволила расширять эффективные инициативы и вовлекать большее количество участников.

Как показывают результаты опроса, *подавляющее большинство респондентов вовлечено в отношения взаимопомощи*. Респонденты, как правило, помогают людям в следующих формах: подают милостыню (52,27%), оказывают помощь студентам своего вуза (47,01%), работают волонтерами (34,39%), оказывают помощь в благоустройстве территории (33,94%). Некоторые участники анкетирования работают в благотворительных организациях (фондах) (10,62%). 6,17% респондентов выбрали вариант ответа «другое», указав следующие виды помощи, которые они оказывали другим людям за последний год: помощь жертвам домашнего насилия, распространение информации в социальных сетях, сбор вещей для нуждающихся, донорство крови, помощь в сборе средств для благотворительных организаций (рис. 5).

Данные опроса показывают, что российские студенты весьма активно помогают окружающим, вовлечены в работу сетей поддержки. Почти половина опрошенных в течение последнего года оказывали помощь студентам своего вуза, что демонстрирует устойчивые солидарные отношения внутри универси-

¹ «...Слабые связи... здесь рассматриваются как необходимое условие формирования у индивидов возможностей, а также их интеграции в сообщества; а сильные связи, способствующие формированию сплоченности на локальном уровне, на макроуровне приводят к фрагментации» (цит. по: [8. С. 47]).

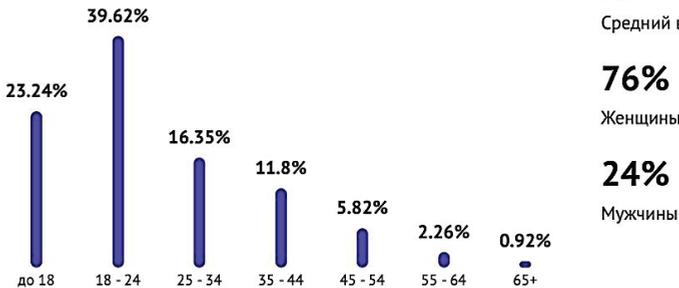
тетских сообществ. Студенчество как соответствующая социальная и возрастная группа российского общества в лидерах волонтерского движения в целом. Это хорошо демонстрируют приведенные порталом Добро.Ру данные: почти 40% активно занятых в добровольческой работе – люди именно студенческого возраста (18–24 года), а средний возраст добровольца – 25 лет. Именно в молодом возрасте добровольцем быть удобно и эффективно: растущие со временем объемы заботы о родных и близких, профессиональная загруженность, уменьшение свободного времени, состояние здоровья и др. не оставляют широких возможностей заниматься волонтерством (рис. 6).

V12. Существуют различные формы оказания помощи другим людям.
Выберите из списка те формы помощи, которые Вы использовали за последний год

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о формах помощи, оказанных ими другим людям за последний год

Возраст и пол волонтеров

25

Средний возраст

76%

Женщины

24%

Мужчины

Рис. 6. Половозрастной состав волонтеров в России. Источник: <https://dobro.ru/analytics>

Выводы

Солидарные социальные связи и отношения – крайне интересный объект исследования. Наблюдая, как российская молодежь открывает для себя большой мир и входит на правах полноценных граждан в процесс принятия ответственных решений, определяет свои предпочтения и жизненные траектории, можно увидеть наиболее острые проблемы социального развития. Молодые обычно нетерпимы к фальши, склонны к радикализму суждений, весьма энергичны в действиях. Но и это, как справедливо считается, проходит.

Российские студенты демонстрируют интересный набор качеств и стремлений, который в чем-то отличает их от более старших поколений, но в каких-то аспектах значительно их напоминает и даже полностью воспроизво-

дит. На наш взгляд, невозможно характеризовать это сходство и отличие красивой метафорой «отцы и дети», хотя литературоцентризм русской политической культуры постоянно напоминает о неизбывности такого конфликта, вечном возвращении к социальной роли поколений в историческом процессе и т.д. Тем не менее попытки описать мировоззрение поколений, реконструировать основные тренды идейного и политического плана, которые задавали последовательности и ритмы социально-политических изменений, постоянно предпринимаются [10–15].

Среди самых заметных изменений, отличающих молодежную студенческую среду от старших, – быстрое освоение интернета как вполне естественной для них сферы общения и взаимодействия. По-видимому, такие изменения носят необратимый характер, и тогда возникает серьезный вопрос зависимости, в которую может перерасти такой тип ежедневной коммуникации: есть ли еще хоть какие-то перспективы повернуть молодых к живому контакту, прямому общению? Сегодняшние условия пандемических ограничений этому явно не способствуют. Однако эти изменения все заметнее будут влиять на формирование политических взглядов молодых россиян. Постепенно со снижением влияния телевидения будут расти возможности интернета в той мере, в какой именно сети будут представлены позиции и взгляды лидеров мнений.

Молодые россияне, как показало данное исследование, весьма отзывчивы, готовы бескорыстно помогать близким, тратить свое время на участие в волонтерской работе и благотворительности. Высокий уровень вовлеченности в эту деятельность – свидетельство хорошей этической основы, нормального воспитания, дает надежду на лучшее будущее. Но в то же время наличие такого мощного социального ресурса может оказаться невостребованным в связи с широко распространенным настроением отъезда из России. Эту возможность для себя так или иначе не исключает более половины опрошенных респондентов. Такой показатель требует внимательного отношения к существующим запросам студенчества, фиксирует имеющиеся проблемы с воспроизводством человеческого капитала в России.

Протестный потенциал студенчества, конечно, просматривается на основании полученных данных, но в то же время он пока не является серьезной проблемой. Во-первых, в связи с тем, что лишь относительно небольшая часть заявляет о готовности принимать участие в протестных акциях. Во-вторых, все еще достаточно высоким остается доверие отдельным институтам государства и позитивный настрой молодых в отношении собственного будущего. Кроме того, весьма важным обстоятельством является то, что молодые в российской социуме – далеко не большинство! (рис. 7).

Рис. 7. Распределение населения России по возрастным группам, 2019 [16]

Если учесть, что молодые весьма часто игнорируют собственное активное избирательное право, а иногда просто весьма аполитичны, то становится понятно, почему в политических кампаниях ставка делается зачастую на средние и старшие возрастные группы. Да и по целому ряду позиций (от отношения к иным социальным идентичностям до оценки доверия к политическим институтам) мы не увидим радикального отличия студенчества от других возрастных групп. Можно предположить, что по мере развития и взросления взгляды студентов будут все более сближаться со взглядами старших поколений (те же заботы о семье, но уже без родительской поддержки, поиск работы и обзаведение собственным жильем и т.д.). Но при существующей структуре и динамике российской экономики далеко не все молодые люди смогут построить свой бизнес и добиться успеха. Реализовать стратегию эмиграции из страны и обрести свое счастье за рубежом, добиться самореализации где-то на Западе также удастся только немногим.

Литература

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
2. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.
3. Голубинская А.В. К вопросу о поколенной модели Хоува–Штрауса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 98–101.
4. Захарова В.А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 47–55.
5. Мирошкина М.Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.
6. Козлова О.Д., Киндеркнехт А.С. Феномен клипового мышления: между стереотипом и ризомой // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 39–45.
7. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196.
8. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
9. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573> (дата обращения: 06.02.2021).
10. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–49.
11. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / ред. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
12. Омельченко Е.Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века // Социологический ежегодник. Вып. 3 / науч. ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 243–263.
13. Волков Д. Отцы как дети и дети как отцы. М. : Центр Ю. Левады, 2018.
14. Пастухов В. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» – к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета. 2015. № 77. 22 июля.
15. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : Изд-во ВШЭ, 2020.
16. Infotables.ru: Справочные таблицы. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/783-raspredelenie-naseleniya-po-vozrastnym-grupпам-tablitsa> (дата обращения: 06.02.2021).

Igor I. Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: politbum@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 237–252.

DOI: 10.17223/1998863X/59/22

POLITICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN STUDENTS: PUBLIC SOLIDARITY, TRUST, INTERACTION

Keywords: public solidarity; national solidarity; national identity; interpersonal trust; institutional trust; values; tolerance; mutual assistance; Russian students; youth of Russia.

The article analyzes the main trends in the development of the political consciousness of Russian students in the aspect of public solidarity formation. Students as the most dynamic social and professional group and, at the same time, the human resource of public administration, corporate structures and systems for ensuring the reproduction of human capital (education, health care, social support, etc.) demonstrate the level of acceptance / rejection of certain behavior models to the greatest extent. Public solidarity in this study is considered as a system of spiritual ties of society, uniting citizens of the state and ensuring the state's integrity and social integration as a complex organism. This makes it possible to comprehensively study the conditions for the consolidation of national communities, to determine the conditions and factors of their development, the ability to overcome disintegration processes. The article discusses the topical problem of the formation of young citizens' political positions, views and behavior models. Traditionally, sociologists, political scientists, social psychologists, teachers, and anthropologists pay much attention to this problem: a variety of theories and approaches can be applied to explaining sociopolitical processes, and assessments of the prospects for political changes can be made. This research interest is not accidental, since, on the one hand, the range of issues related to the mechanisms of transferring social experience, the acquisition of new qualities and properties by young people is of great importance in connection with the need to understand the patterns and features of the political process. On the other hand, research in this area makes it possible, at least in general terms, to imagine what will happen tomorrow, especially, to see the contours of the social structures whose political positions and preferences can significantly predetermine the development of the entire Russian society. Will young Russians for the most part get into the precariat and, accordingly, become a "new dangerous class" deprived of significant volumes of social guarantees in comparison with their parents and ready to actively defend their interests through anti-systemic actions, relying on direct conflict with any government? Or will today's students, working youth and unemployed / carefree youth be able to find themselves in a complex society and realize their own ambitions, in professional, sociopolitical and personal terms? In addition, in this study, an attempt has been made to present the possibilities of state policy to influence the strengthening of public solidarity in the youth environment, or rather in the student community.

References

1. Standing, G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
2. Howe, N. & Strauss, W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company.
3. Golubinskaya, A.V. (2016) K voprosu o pokolennoy modeli Khouva-Shtrausa [On the generational Hove-Strauss model]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 1. pp. 98–101.
4. Zakharova, V.A. (2019) Students of Generation Z: reality and future. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 47–55. (In Russian). DOI: 10.17805/trudy.2019
5. Miroshkina, M.R. (2017) Interpretations of the Generation Theory in the Context of Russian Education. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 6. pp. 30–35. (In Russian).
6. Kozlova, O.D. & Kinderknekht, A.S. (2018) Fenomen klipovogo myshleniya: mezhdu stereotipom i rizomoy [The phenomenon of clip thinking: between stereotype and rhizome]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 39–45.
7. Volodenkov, S.V. & Artamonova, Yu.D. (2020) Information Capsules as a Structural Component of Contemporary Political Internet Communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno-go universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 53. pp. 188–196. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/20
8. Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazey [The power of weak ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*. 10(4). pp. 31–50.
9. Russia. (2017) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 06.12.2017 g. № 583 "O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda dobrovol'tsa (volontera)"* [Decree No. 583 of the President of the Russian Federation of December 6, 2017, "On the Year of the Volunteer in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573> (Accessed: 6th February 2021).

10. Glotov, M.B. (2004) Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 42–49.
11. Levada, Yu.A. & Shanin, T. (eds) (2005) *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and children: a generational analysis of modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Omelchenko, E.L. (2011) Ot sytykh nulevykh – k molchalivym desyatym: pokolencheskie uroki rossiyskoy molodezhi nachala XXI veka [From the well-fed 2000s to the silent tenths: generational lessons of Russian youth at the beginning of the 21st century]. In: Pokrovsky, N.E. & Efremenko, D.V. (eds) *Sotsiologicheskiy ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow: RAS. pp. 243–263.
13. Volkov, D. (2018) *Ottsy kak deti i deti kak ottsy* [Fathers as children and children as fathers]. Moscow: Tsentr Yu. Levady.
14. Pastukhov, V. (2015) Teoriya o pokoleniyakh Rossii: ot “frontovikov” – k “pokoleniyu bez budushchego” i dal'she [Theory about the generations of Russia: from “front-line soldiers” to “a generation without a future” and beyond]. *Novaya gazeta*. 77.
15. Radaev, V.V. (2020) *Millenialy. Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE.
16. Infotables.ru. (n.d.) *Spravochnye tablitsy* [Reference tables]. [Online] Available from: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/783-raspredelenie-naseleniya-po-vozzrastnym-grupparam-tablitsa> (Accessed: 6th February 2021).

УДК 328.34

DOI: 10.17223/1998863X/59/23

А.Ю. Сунгуров

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТОВ В ПОДГОТОВКЕ РЕШЕНИЙ

Исследование выполнено в рамках НИР СПбГУ «Законотворческая деятельность региональных парламентов Российской Федерации: сравнительный анализ», ID проекта в системе Pure 53362768.

В статье на основе анализа веб-сайта Законодательного собрания Санкт-Петербурга (ЗакС СПб) и полу-структурированных экспертных интервью с депутатами и сотрудниками ЗакС СПб выявлены формы участия экспертов в подготовке решений и законопроектов на уровне регионального парламента в целом, его комитетов и комиссий и на уровне отдельных депутатов.

Ключевые слова: Законодательное собрание, экспертное сообщество, политико-управленческие решения.

Сложные проблемы современной России в целом и ее конкретных регионов требуют участия экспертного знания в процессе подготовки решений как исполнительной, так и представительной власти. В нашей предыдущей работе анализировалась деятельность общественно-консультативных советов как формы участия экспертного сообщества в подготовке решений исполнительной власти в городе-субъекте РФ Санкт-Петербурге [1]. Не менее важной является и деятельность представительной власти, определяющей (по крайней мере, по закону) нормативные основы деятельности власти представительной [2]. Настоящая статья посвящена формам участия экспертов в подготовке решений и законопроектов регионального парламента – Законодательного собрания Санкт-Петербурга (далее – ЗакС СПб).

Деятельность различных аспектов функционирования ЗакС СПб постоянно привлекает внимание исследователей. Так, например, предметом анализа были политическое размежевание депутатов и эволюция характера депутатских фракций за время деятельности первых его пяти созывов [3], изменение его гендерного состава [4], реализация функции депутатского или парламентского запроса [5, 6], а также формирование имиджа его отдельных депутатов [7] и Законодательного собрания в целом [8]. Однако вопросы экспертного обеспечения деятельности петербургских и, скорее всего, других региональных депутатских ассамблей пока не были целью исследования.

Настоящее исследование проводилось в конце 2019 – первой половине 2020 г. Изучалась информация веб-сайта Законодательного собрания СПб, а также проводились полуструктурированные экспертные интервью с депутатами Законодательного собрания Санкт-Петербурга различных фракций, их помощниками и другими сотрудниками региональной ассамблеи. Всего было проведено девять таких интервью.

Остановимся прежде всего на анализе веб-страницы ЗакС СПб [9]. Легко увидеть, что на основной странице сайта нет каких-либо упоминаний ни об

экспертных советах, ни об экспертной деятельности как таковой в рамках деятельности Законодательного собрания в целом как института представительной власти. Мы не найдем подобных упоминаний и войдя в какой-либо из основных разделов сайта.

Мы сравнили сайт ЗакС СПб с веб-страницами нескольких других региональных законодательных ассамблей. Так, на веб-сайте Законодательного собрания Ленинградской области (ЗакС ЛО) (наиболее близкой территориально к Санкт-Петербургу) в разделе «Деятельность» мы находим выход на страницу «Экспертно-консультативный совет при ЗакС ЛО» [10]. На веб-сайте Законодательного собрания Нижегородской области (ЗакС НО) (сравнимый по размерам с Санкт-Петербургом субъект РФ, столица Федерального округа) также в разделе «Деятельность», мы находим информацию о Научно-консультативном совете при ЗакС НО [11]. Наконец, на сайте Московской городской думы (МГД) (Москва, как и Санкт-Петербург, город – субъект РФ, и его население также сравнимо с населением Санкт-Петербурга) в разделе «О Думе» мы видим информацию «Экспертные советы», где находим типовое положение об экспертном совете или группе, а также информацию о таких советах и группах при комиссиях МГД [12].

Итак, в ЗакС СПб, судя по веб-сайту совета, отсутствует экспертный совет как таковой, и, ведя поиск с основной страницы сайта, мы не можем найти какой-либо информации и об экспертной деятельности в том числе и на уровне комиссий и комитетов. Мы продолжаем поиск, открывая на сайте страницы постоянных комитетов и комиссии. В итоге единственное упоминание об экспертном совете мы находим на странице Комитета по законодательству в разделе «Направления деятельности комитета», где среди тринадцати направлений на десятом месте мы видим: «создает Экспертный совет комитета по законодательству и координирует его деятельность» [13]. Правда, никаких следов деятельности подобного совета ни на сайте, ни в ходе последующих экспертных интервью нам найти не удалось.

Дальнейший поиск на сайте ЗакС СПб показал, что у одной из семи постоянных комиссий – Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам – кроме стандартной страницы на сайте Законодательного собрания есть и свой собственный сайт, адрес которого указан в самом низу раздела «Состав и контакты» на стандартной странице. И уже на этом сайте в разделе «Состав комиссии» есть выход на страницу «Эксперты комиссии», на которой приведена информация о двадцати экспертах во главе с руководителем группы экспертов А.С. Карповым. Далее в разделе «О комиссии» приведен регламент работы этой комиссии, в котором есть специальный раздел «Об экспертах комиссии». Наконец, в разделе «Законотворчество» присутствует подраздел «Экспертные работы», в котором приведены результаты экспертных работ, выполненные экспертами комиссии [14]. Подчеркнем, что подобная информация, равно как и поддержка собственного веб-сайта для ее размещения, имеет место только в случае одной комиссии из двух комитетов, семи постоянных и четырех профильных комиссий ЗакС СПб.

Тем не менее мы видим, что все же экспертная работа на уровне комиссий, по-видимому, ведется, а в случае комиссии по городскому хозяйству ведется достаточно публично и открыто.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, почему в современном Законодательном собрании отсутствует экспертный совет в той или иной форме при ЗакС СПб в целом, но и экспертные советы при комиссиях. Так, респондент А. вспоминает: «Очень активно идею расширения экспертного совета проталкивал депутат Ольховский от КППФ, который тогда возглавлял комиссию по промышленности. Это 2007–11 годы, 4-й созыв. Этот совет им активно использовался, и говорилось, что члены этого экспертного совета уж очень стали во все влезать и создавать лишние проблемы. Поэтому, после окончания этого созыва В.С. Макаров (Спикер ЗакС СПб 5–6 созывов), видимо, решил, что надо с этой вольницей заканчивать, и оставил только небольшие группы экспертов при комиссиях»¹. Эту информацию поддерживает и другой респондент, Б.: «В Законодательном собрании есть одна проблема. Когда я возглавил комиссию, то попытался создать экспертный совет при комиссии. Но с точки зрения руководства Собрания создавать постоянные экспертные советы – это неправильно, а надо привлекать по темам»².

Третий респондент, работающий в ЗакС СПб уже более десяти лет, вспомнил: «У нас был экспертный совет по рассмотрению федеральных законодательных инициатив. Но эту норму обжаловал в уставном суде ряд депутатов, и мы вынуждены были эту норму исключить по решению уставного суда. Суд посчитал, что такой совет ограничивает право законодательной инициативы депутатов. Поэтому эти положения об экспертном совете были исключены из регламента»³.

Так или иначе сегодня экспертных советов в ЗакС СПб нет ни на уровне всего собрания, ни на уровне отдельных советов. Тем не менее в одной из комиссий – по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам (далее – комиссия по городскому хозяйству) эту ситуацию смогли исправить де-факто. Как мы видели из анализа сайта этой комиссии, экспертного совета нет, но есть группа экспертов из двадцати человек и есть руководитель этой группы, при этом эта группа работает очень открыто – с результатами работы этих экспертов может ознакомиться и оценить любой желающий.

Положительный опыт этой комиссии с точки зрения организации работы с экспертным сообществом отмечают и наши респонденты: «Проблем с привлечением экспертов конечно нет, но тут уже все depends on person, зависит от руководства комиссии. Кто-то это делает системно, так, что можно поучиться. Как С.Н. Никешин (председатель комиссии по городскому хозяйству). Это вопрос опыта. Он создал рабочую группу, куда вошли эксперты, представители исполнительной власти. Недавно она завершила работу по историческому центру. Важен не результат, важен процесс. Он блестяще был сделан. С моей точки зрения, так и надо делать»⁴. Другой респондент, непосредственно связанный с комиссией по городскому хозяйству: «Мы создали экспертное сообщество. Сообщество не совет. Они знают кому что сказать – в смысле депутаты знают, депутаты знают, кого спросить. Происходит процесс выработки, подготовки необходимой информации»⁵.

¹ Интервью с респондентом А., 10 июня 2020 г.

² Интервью с респондентом Б., 11 ноября 2019 г.

³ Интервью с респондентом В., 16 июня 2020 г.

⁴ Интервью с респондентом Б.

⁵ Интервью с респондентом Г., 21 апреля 2020 г.

Итак, в условиях запрета на создание постоянных экспертных советов депутаты – члены одной из комиссий ЗакС СПб нашли свою форму организации деятельности экспертного сообщества, которая освещается и на веб-сайте комиссии, не отражаясь при этом на официальном сайте ЗакС СПб.

Обратимся теперь к более типичным для ЗакС СПб формам взаимодействия депутатов и их помощников с экспертным сообществом. Прежде всего, выделим две формы работы с экспертами: первая – оплачиваемая, вторая – волонтерская. В соответствии с регламентом работы ЗакС СПб, каждый депутат имеет право на оплату работы эксперта по интересующей его теме, с экспертом составляется договор. Один из наших респондентов очень точно, на наш взгляд, сформулировал три причины, когда депутат испытывает потребность в таком образом оформленной экспертной работе. Первая – есть вопрос, который волнует депутата, или он думает, что было бы неплохо в нем разобраться. Вторая – *«если депутата никакая острая проблема сейчас не интересует, то начинается творчество „в облегченном варианте“ (деньги выделяются ежемесячно, и их надо потратить). „Давайте проанализируем какой-нибудь закон, стоит ли вносить в него изменения“.* В итоге мы получаем экспертное заключение, в конце которого написано, что закон изменения не требует. Третья – *это когда на депутата выходят какие-то специалисты, которых очень волнует вопрос, но им его не решить без появления какого-то лоббиста в органах власти. И если они убедят, что этот вопрос очень важный, решаемый и потом депутат получит большое публичное одобрение, то да, он может взяться за него»*¹.

Второй вариант – это, конечно, по сути «освоение выделенных средств», которые депутаты направляют на оплату труда своих помощников. Об этом же сказала в рамках экспертного интервью и респондент Д.: *«На самом деле, многие депутаты, к сожалению, к этим экспертным работам подходят чисто формально для того, чтобы осваивать денежные средства, и, как правило, какого-то практического выхлопа эти работы не несут»*².

Наряду с отдельными депутатами определенный фонд для оплаты экспертной работы имеют и депутатские комиссии. Но не все комиссии его используют корректно:

*«К сожалению, многие комиссии, как правило, проводили эти работы прикормленными своими делами экспертами, которые не всегда являются квалифицированными специалистами в какой-то сфере. Но свои, „наработанные“»*³. В качестве выхода из такой ситуации респондент Д. предлагает публиковать экспертные заключения: *«Лучше всего спасли бы ситуацию – публичность и открытость. Если вы откроете сайт Законодательного собрания, то вы не найдете ни одной экспертной работы, которая была бы там выложена, например, в публичном доступе... Если бы все депутаты знали, что все эти экспертные работы выкладываются в публичное поле, может быть, некоторые подходили к этому более ответственно»*⁴. С такой рекомендацией по борьбе с недобросовестной экспертизой можно полностью согласиться. Вместе с тем мы видим, что даже столь вовлеченный в дела Зако-

¹ Интервью с респондентом А.

² Интервью с респондентом Д., 8 июня 2020 г.

³ Интервью с респондентом Д.

⁴ Там же.

нодательного собрания респондент не знает, что одна из комиссий уже публикует материалы экспертиз – правда, неофициальном сайте Законодательного собрания.

Отметим, что критическое отношение заказам на экспертные работы, существующее, по-видимому, в Законодательном собрании, может использоваться и как полуформальный повод для ограничения финансирования подобной деятельности оппозиционных депутатов. Так, например, один из респондентов, принадлежащий к оппозиционной фракции, так объясняет, почему он и не пытается получить деньги для оплаты экспертной работы: *«Все экспертные работы заказывают либо депутаты, либо рабочие органы Собрания. И они уже непосредственно взаимодействуют с комитетом по законодательству и с бухгалтерией, и с юридическим управлением. „Сказано – экспертные работы валить, деньги всяким NN не выделять“ – потому что мы деньги якобы потратим на премии сотрудникам аппарата... Если я хочу что-то сделать, то должен договариваться с представителями Единой России. Вот будет 20 единороссов и 30 других, то механизмы вернутся. Будут экспертные работы, и нормальные заключения экспертов»*¹.

Рассмотрев организационные формы работы с экспертами, сложившиеся в ЗакС СПб, обратимся теперь к тому, что же понимают депутаты и их сотрудники под понятием «эксперт», кого именно они подразумевают, когда используют этот термин. Так, один из респондентов, работающий в комиссии по промышленности, так описывает круг экспертов, с которыми взаимодействует эта комиссия: *«Мы взаимодействуем, прежде всего, с представителями предпринимательского сообщества, т.е. ассоциации, которые объединяют участников рынка, мы полагаем, что они являются экспертами, выражающими мнение тех организаций, которые они представляют, и понимающими, что происходит... Мы имеем возможность привлечь представителей научного сообщества, но такие случаи я могу буквально перечислить по пальцам двух рук»*. Мы видим, что в данном случае под экспертами понимают скорее представителей групп интересов или лоббистов.

Другой респондент четко разделяет экспертов-специалистов и активистов гражданских организаций: *«Есть политики, которые одновременно могут выступать и как эксперты, хотя их не очень много. ...Во-вторых, это люди, которые профессионально занимаются научными исследованиями. Что касается гражданских активистов, то это не экспертное мнение, это другое. Это голос гражданского общества. Это та обратная связь, которая необходима для того, чтобы оценить, как возможно принимаемые или уже принятые решения повлияют на общество»*².

Два респондента отмечали высокую важность для них и «внутренних экспертов», носителей «организационной культуры» организации, в данном случае – Законодательного собрания: *«Для меня был первый созыв, первый год работы, я совершенно не знала там никаких процедур, но так как у меня работает как у депутата несколько сотрудников, то мне было легко. Они работали помощниками бывшего вице-спикера ЗакС СПб, сейчас они работают у меня. Ребята все знают – технически, протокольно, регламент зна-*

¹ Интервью с респондентом Б.

² Интервью с респондентом Ж.

ют»¹. И это относится не только к формальным правилам, но и к неформальным, которые в деятельности любой организации имеют большое значение. Второй респондент вспоминает, как сложно было объяснить поддерживающим ее общественникам реальную процедуру принятия властных решений: «*Основная масса людей, даже вполне разумных, была настолько далека от политической внутренности общества и власти, что им приходилось объяснять механизмы. Они их не понимают, они в них не верят. И люди, которые в этом всем варятся, становятся какого-то рода экспертом. В каждом вопросе есть эксперт. Даже эксперт в вопросе взаимодействия и взаимозависимости между депутатами и чиновниками – тоже очень серьезный эксперт*»².

Мы видим, что сами участники законодательного процесса под экспертами могут понимать как экспертов-специалистов, носителей знания по определенным направлениям природной, технической или социальной реальности и связанными с ними проблемами, работающих в области науки или образования, так и представителей определенных групп интересов – корпоративных или общественных в целом, т.е. лоббистов частных публичных интересов. Причем этими специалистами могут быть и специалисты по процедурам принятия властных решений. Возможно, стоит считать, что во всех этих случаях мы имеем дело с экспертами в широком смысле этого слова.

Часть наших респондентов под экспертами понимает именно представителей научного знания, способных тем не менее дать адекватный и своевременный ответ на поставленные перед ними вопросы. Каким же способом они находят таких экспертов? Это был один из важных вопросов в путеводителе полуструктурированных интервью. Вот две выдержки из ответов респондентов: «*Разрабатывала я это [норматив по содержанию примеси] со специалистами научного института „Альфа“. Как я с ними познакомилась – я поставила этот злободневный вопрос по обращению жителей, пригласила на встречу администрацию района, комитет по природопользованию, активистов. „Альфу“ в интернете, кажется, помощники помогли найти. Еще я на конференции выступала и вроде они там подошли сами*»³. «*Дальше подбираются эксперты, они могут быть совершенно разные: ищутся через знакомых, либо это люди, которые вращаются в сфере Законодательного собрания, и про которых депутаты все знают, либо, если это совершенно новая тема и человек не знает, кто бы мог ему посоветовать, идут обращения к специализированным организациям, научным или вузам. То есть теоретически это все возможно*»⁴.

Так как одним из результатов нашей предыдущей работы был вывод о том, что в рамках общественных советов при губернаторе в качестве экспертов часто привлекают заведомо лояльных по отношению к власти экспертов [1], то в рамках данного исследования задавался вопрос, как респондентам удастся этого избежать. Вот ответ одного из респондентов: «*Надо понимать, что я оппозиционный депутат. Чаще всего, мы предлагаем критику. Критикуешь – предлагай... Я к чему – эксперты, которые приходят ко мне на ко-*

¹ Интервью с респондентом З., 8 июня 2020 г.

² Интервью с респондентом А.

³ Интервью с респондентом З.

⁴ Интервью с респондентом А.

миссию – они совершенно критикуют власть, все говорят вразрез, но они зачастую оказываются правы»¹.

Респондент Г. в своем интервью поднял и такую проблему, как непонимание друг друга политиком – председателем комиссии и приглашенным экспертом: «Существует разрыв между академическим сообществом и сообществом тех, кого условно можно назвать практиками... эксперты не понимают, что нужно председателю комитета, и в какой реальности живет этот самый орган власти. Они как бы про свое. А у людей конкретика: им нужно решать определенные проблемы здесь и сегодня... А эксперт пишет зубодробительные записки на сто двадцать тысяч листов о том, как все устроено»². Постоянно работающий с депутатской комиссией эксперт должен быть достаточно хорошо погружен в практику работы органа, который он консультирует: «Потому что если человек никогда не видел юридического заключения на проект закона, то он бесполезен. А как он увидит юридические заключения, если он никогда не писал законопроект? А с чего бы его приглашать писать проект закона, если он не умеет это делать? В общем, замкнутый круг. Мы вынуждены выбирать из очень ограниченного количества людей»³.

Подведем некоторые итоги. Проведенные интервью, равно как и предыдущий опыт исследований взаимодействий экспертного сообщества и власти [15], дают основание выделить экспертов в широком и в узком смысле этого слова. В первом, широком, смысле к ним относят всех носителей информации, нужной для лиц, принимающих участие в политико-управленческих решениях. Это могут быть и «внешние» представители корпоративных групп, лоббирующие свои интересы, и гражданские активисты, отстаивающие определенные публичные ценности, и «внутренние» специалисты по организационной культуре и технологиям принятия решений в том или ином органе власти. Сюда же входит и группа внешних специалистов, носителей научного экспертного знания, или экспертов в узком строгом смысле этого слова. Можно было бы также назвать их экспертами в более строгом или традиционном смысле этого слова, но для многих представителей власти, как показало наше исследование, все они являются экспертами.

Далее, внутри группы внешних экспертов-специалистов мы также можем выделить две подгруппы. Первая – эксперты, которые дают конкретные ответы на интересующие депутатов вопросы, они являются специалистами каждый в своей сфере и приглашаются к сотрудничеству по мере надобности. Вторая – это специалисты, которые вдобавок к своей узкой сфере компетенции обладают также необходимыми знаниями о процедурах принятия решений в конкретных органах власти и навыками подготовки необходимых документов: в случае Законодательного собрания – законопроектов или их экспертизы. В случае ЗакС СПб – это члены «экспертного сообщества» постоянной комиссии по городскому хозяйству.

Естественно, что выделенные подгруппы могут между собой пересекаться, и отдельные люди могут одновременно выполнять несколько ролевых функций. Примером могут быть упомянутые респондентом А. граждански-

¹ Интервью с респондентом З.

² Интервью с респондентом Г.

³ Там же.

ориентированные специалисты, которые сами убеждают депутатов в актуальности той или иной проблемы (участвуют в формулировании «повестки дня»).

Перейдем теперь к Законодательному собранию СПб как институту. С чем же связано отсутствие экспертных советов как на уровне всего ЗакС СПб, так и негативное отношение его руководства к экспертным комиссиям на уровне его комитетов и комиссий? Можно предположить, что одной из причин является опасение их излишней активности, самостоятельных инициатив, что в сочетании с наличием достаточно сильных и опытных оппозиционных депутатов и их фракций может сделать их «неуправляемыми». Именно такую причину отсутствия при ЗакС СПб Молодежного парламента в той или иной форме, которые существуют примерно в трех четвертях региональных парламентов, привела респондент И.: «Руководство опасается, что Молодежный парламент при ЗакС СПб может стать неуправляемым»¹. И действительно, при ЗакС СПб отсутствуют и какие-либо общественные советы или советы политических партий, которые можно найти на сайтах большинства региональных парламентов. На сайте Петербургского парламента есть, правда, раздел «Обратная связь», в котором кроме координат для обращений и формы для электронного письма есть подраздел «Открытые данные», в котором представлены перечни депутатов и фракций ЗакС СПб 5-го созыва [16], прекратившего свою деятельность осенью 2016 г.

Все же, несмотря на такую закрытость самого ЗакС СПб, на уровне одной из его комиссий существует очень интересный опыт создания эффективно работающего экспертного сообщества. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с высоким профессионализмом руководства этой комиссии – комиссии по городскому хозяйству. Председатель этой комиссии С.Н. Никешин и один из его заместителей А.А. Ковалев являются бессменными депутатами, начиная еще с Ленсовета 1990 г., а еще один заместитель – Б.Л. Вишневский – был районным депутатом также в 1990 г., он также и профессор политологии РГПУ им. А.А. Герцена. При этом все трое представляют три партии – С.Н. Никешин – «Единую Россию», А.А. Ковалев – руководитель фракции «Справедливой России», а Б.Л. Вишневский – заместитель председателя партии «Яблоко». Но партийные разногласия оказались в этом случае менее значимы, чем профессионализм, итогом которого оказался приведенный выше уровень открытости и продуманности работы с экспертным сообществом. Высокий уровень, который пока, к сожалению, не распространяется на другие комиссии Петербургского парламента.

Литература

1. Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 7–31.

2. Керимов А.А. Парламентаризм в современной России: особенности и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 145–153. DOI: 10.17223/1998863X/48/14

3. Горный М.Б. Политические фракции в парламенте Санкт-Петербурга: история их становления и развития // Политическая экспертиза: Политэкс. 2013. Т. 9, № 3. С. 91–106.

¹ Интервью с респондентом И., июнь 2017 г.

4. *Кашина М.А.* Женщины в российских парламентах: перейдет ли количество в качество? Кейс Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 238–251.

5. *Бродский М.Н., Костенко С.И.* Парламентский (депутатский) запрос как традиционная форма парламентского контроля // Ученые записки юридического факультета. 2012. № 26 (36). С. 24–28.

6. *Бродский М.Н., Костенко С.И.* Депутатский запрос // Ученые записки юридического факультета. 2014. № 24 (34). С. 5–29.

7. *Канюков А.Н.* Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 124–146.

8. *Семёнова А.А.* Социально-коммуникативная технология управления имиджем Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2, вып. 2. С. 364–376.

9. *Сайт* Законодательного собрания Санкт-Петербурга. URL: <http://www.assembly.spb.ru> (дата обращения: 17.07.2020).

10. *Сайт* Законодательного собрания Ленинградской области. Экспертно-консультативный совет. URL: <http://www.lenoblzaks.ru/static/folder/-rus-common-commonstruct-expert/8249/1> (дата обращения: 17.07.2020).

11. *Сайт* Законодательного собрания Нижегородской области. Научно-консультативный совет. URL: <https://www.zsno.ru/activities/advisory-and-advisory-bodies/scientific-advisory-board/> (дата обращения: 17.07.2020).

12. *Сайт* Московской городской думы. Экспертные советы URL: <https://duma.mos.ru/rubric/submenu/122> (дата обращения: 17.07.2020).

13. *Сайт* Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Комитет по законодательству. URL: <https://www.assembly.spb.ru/authors/view/635500004/activity> (дата обращения: 17.07.2020).

14. *Сайт* Комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам ЗакС СПб. Экспертные работы. URL: <https://grad-com.ru/lawmaking/ekspertnye-raboty/> (дата обращения: 17.07.2020).

15. *Сунгуров А.Ю.* Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 231 с.

16. *Сайт* Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Открытые данные. URL: <https://www.assembly.spb.ru/rubric/1021/Otkrytye-dannye> (дата обращения: 17.07.2020).

Alexander Yu. Sungurov, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: asungurov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 253–262.

DOI: 10.17223/1998863X/59/23

THE LEGISLATIVE ASSEMBLY OF SAINT PETERSBURG: EXPERT PARTICIPATION IN DECISION-MAKING

Keywords: legislative assembly; expert community; policy decisions.

The forms of expert participation in law preparation and other decision-making in the region legislative assembly as a whole and in its committees are analyzed on the example of the Legislative Assembly of Saint Petersburg (SPbLA). The research was realized by means of analysis of the SPbLA website and semi-structured expert interviews with deputies and their assistants. The SPbLA website was compared with the websites of the legislative assemblies of Leningrad and Nizhny Novgorod Oblasts and of Moscow City Duma. The author has detected that, unlike the websites of the compared assemblies, the SPbLA website contains no information about activities of expert councils affiliated with SPbLA or with its committees. Expert interviews supported the absence of such expert councils, and respondents explain this by the position of the chair of SPbLA. Simultaneously, the Committee for City Management, City Construction and City Property has an interesting experience of joint activities with expert communities, including publication of all expert examination results. However, these results are publicized outside of the official SPbLA web-site. The conclusion has been made that, in the respondents' views, the expert community consists of not only expert-specialists with scientific knowledge, but also representatives of business that lobby their corporate interests. The deputies of the assembly also stress the expert knowledge of the assembly's employees that can have knowledge about the formal and non-formal rules of decision-making; they work as inner experts. Two kinds of experts

can be distinguished in the community of outer experts: 1) experts invited as a resource of knowledge on a problem situation interesting for the deputies; 2) experts involved in the legislative and other decision-making in SpbLA; such experts must have knowledge about the inner procedures and practices of decision-making in a specific regional parliament.

References

1. Sungurov, A.Yu., Dubrovsky, D.V., Karyagin, M.E. & Tinyakov, D.K. (2020) Public-consultative councils as a way of involving expert knowledge in policy decision process (case of St. Petersburg). *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 7–31. (In Russian).
2. Kerimov, A.A. (2019) The parliamentary system in modern Russia: Peculiarities and problems of implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno-go universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 48. pp. 145–153. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/48/14
3. Gornyy, M.B. (2013) Politicheskie fraktsii v parlamente Sankt-Peterburga: istoriya ikh stanovleniya i razvitiya [Political factions in the St. Petersburg parliament: the history of their formation and development]. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks – Political expertise: POLITEX*. 9(3). pp. 91–106.
4. Kashina, M.A. (2020) Women in Russian Parliaments: Will Quantity Transform into Quality? A Case of the Legislative Assembly of Saint Petersburg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno-go universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 54. pp. 238–251. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/54/22
5. Brodsky, M.N. & Kostenko, S.I. (2012) Parliament (deputy) inquiry as the traditional form of the parliamentary control. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 26(36). pp. 24–28. (In Russian).
6. Brodsky, M.N. & Kostenko, S.I. (2014) Deputy inquiry. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 24(34). pp. 5–29. (In Russian).
7. Kanyukov, A.N. (2018) To convince the Russians. Structure of persuasive influence in shaping image characteristics of St. Peterburg legislative assembly deputies. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 2. pp. 124–146. (In Russian). DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-124-146
8. Semenova, A.A. (2015) Sotsial'no-kommunikativnaya tekhnologiya upravleniya imidzhem Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga [Socio-communicative technology of image management of the St. Petersburg Legislative Assembly]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2(2). pp. 364–376.
9. *The Legislative Assembly of St. Petersburg*. Official website. [Online] Available from: <http://www.assembly.spb.ru> (Accessed: 17th July 2020).
10. *The Legislative Assembly of Leningrad Region*. Official website. [Online] Available from: <http://www.lenoblzaks.ru/static/folder/-rus-common-commonstruct--expert/8249/1> (Accessed: 17th July 2020).
11. *The Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region. Scientific Advisory Board*. Official website. [Online] Available from: <https://www.zsno.ru/activities/advisory-and-advisory-bodies/scientific-advisory-board/> (Accessed: 17th July 2020).
12. The Moscow City Duma. Official website. [Online] Available from: <https://duma.mos.ru/ru/submenu/122> (Accessed: 17th July 2020).
13. The Legislative Assembly of St. Petersburg. Legislation Committee. Official website. [Online] Available from: <https://www.assembly.spb.ru/authors/view/635500004/activity> (Accessed: 17th July 2020).
14. The Commission for Urban Economy, Urban Planning and Property Issues of the Legislative Assembly of St. Petersburg. Official website. [Online] Available from: <https://gradcom.ru/lawmaking/ekspertnye-raboty/> (Accessed: 17th July 2020).
15. Sungurov, A.Yu. (2020) *Ekspertnye soobshchestva i vlast'* [Expert communities and authorities]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
16. *The Legislative Assembly of St. Petersburg*. Official website. Open data. [Online] Available from: <https://www.assembly.spb.ru/rubric/1021/Otkrytye-dannye> (Accessed: 17th July 2020).

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 304

DOI: 10.17223/1998863X/59/24

Е.В. Старикова

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ СВОБОДЫ: ЖИТЬ ИЛИ РАБОТАТЬ?

В статье трансформация труда при капитализме показана главным образом через отчуждение человека от тела и от природы. Сопротивление тотальности капиталистического проекта разворачивается не в русле традиционной марксистской критики, но в контексте новых версий материализма, представленных в текстах Катрин Малабу и Джейн Беннетт. Предполагается, что свобода не футуристический проект, она укоренена биологически и потому возможна здесь и сейчас.

Ключевые слова: труд, освобождение, природа, капитализм, пластичность, Малабу, Беннетт, материальность.

Оставим решительность нерешительным.

... Истина необходима тем, кто настолько удалены от своих тел, что забыли о них.

Люс Иригарей [1]

Статья родилась из моей взволнованности тем, что я потеряла работу. У меня было ощущение, что я потеряла себя. Прежде всего я столкнулась с общественным давлением и порицанием, ведь общество всегда маргинализирует и стигматизирует тех, кто в него не интегрирован. Так, меня постоянно спрашивали, не нашла ли я работу, а в приемной соцзащиты, куда я обратилась для оформления пособий на детей, ко мне отнеслись с пристрастием и подозрением. Опыт жизни без работы травматичен, он заставляет идентичность мутировать, и эти муки рождения нового очень болезненны.

Пока я пребывала в некоем космосе несоциального, я занималась тем, что задавала вопросы. Все они были связаны с трудом, работой, занятостью. Данная статья возникла как следствие озабоченности этими вопросами.

Труд как отчуждение от природы

Немногого следует ждать от того дня – если можно назвать его днем, – когда мы просыпаемся не от прилива новых сил, не по внутреннему побуждению, не под звуки небесной музыки и веяние дивных ароматов, а по фабричному гудку.

Генри Торо [2. С. 89]

Труд – это основа для адаптации к миру, на новом месте мы всегда первым делом ищем работу. Постепенно труд становится нашей страстью. Ник Срничек и Алекс Уильямс связывают эту страсть с самой радостью идентификации: «Работа очень глубоко въелась в нашу идентичность» [3. С. 179].

Мы не можем не быть работниками, нам жизненно важно быть подключенными к сети трудовых отношений, всякое исключение из которой сразу же маргинализирует нас. Труд настолько тотален в описании человека, что впопору смело прочертить тождество «быть человеком значит работать». И это несмотря на то, что работать – значит не принадлежать себе, рабочее время «принадлежит не нам, а нашим боссам, менеджерам и работодателям» [3. С. 125]. По наличию или отсутствию работы, по качеству социальной жизни можно судить и о нашем психическом здоровье. «С идеологической точки зрения сегодня невозможно провести строгое различие между дегенеративными заболеваниями и основными видами социальной неустроенности» [4. С. 79]. Депрессия в современных обществах основной причиной имеет социальную деактивацию, а не, например, проблемы в личной жизни.

Начиная с батаевской негативности, человек мыслится через отрицание сущностной обусловленности и через предельные состояния – переходы. Но почему труд все еще остается константой в описании человеческого, последней незыблемой сущностью? Почему труд все еще делает из человека человека?

На самом деле, как подсказывает нам К. Маркс, описывая отчужденный труд, присущий капитализму, труд делает из человека работника [5]. Именно поэтому наличие работы не гарантирует нам долгую и счастливую жизнь, ведь все мы работники при капитализме. «История капитализма – это история превращения населения планеты в пролетариат, путем разорения крестьянства» [3. С. 127]. Докапиталистический труд принципиальным образом отличался от капиталистического – в первом случае у крестьян, помимо работы, была возможность возделывать земельный участок, т.е. они могли прокормить себя натуральным хозяйством. Так, Донна Харауэй говорит об огородах, которые поддерживали даже людей, обреченных на рабский труд, и начало хищного земледелия она, вслед за Анной Цин, связывает с превращением огородов в плантации [6]. Капитализм разрывает естественную связь человека с природой, лишая человека жизненной силы, поскольку человек «живет природой». «...природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [5. С. 92]. Анна Цин интерпретирует отчуждение и насильственный отрыв от природы внутри капитализма как «лишение убежищ» [6] – так людям, животным и растениям уже негде спрятаться и восстановить силы. «Вместо любовной связи, соединяющей людей, растения и землю, европейские плантаторы внедрили разведение сельскохозяйственных культур через принуждение. Растения были экзотическими, а труд – по характеру рабским, кабальным и навязанным в результате европейских завоеваний» [7. С. 239].

Крестьяне, лишённые жизненной опоры на землю, вынуждены работать, чтобы прокормить себя и семью. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» говорит о своего рода «мутации» представления о человеке внутри капитализма – о превращении его в работника. «Само собой разумеется, что пролетария, т.е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно трудом, и притом односторонним, абстракт-

ным трудом, политическая экономия рассматривает только как рабочего. В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно так же, как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими» [5. С. 54].

Принужденность работать, согласно Марксу, расчеловечивает человека, отсекает от него все «лишние» части, не связанные с работой. Так, внутри политической экономии происходит дегуманизация – человек перестает быть видимым, его место занимает рабочий. Это означает, что труд описывается Марксом не как сущность человека, но как сущность не-человека¹. «Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому» [Там же. С. 91].

Именно поэтому работа возможна только как принудительная – «ты ненавидишь не понедельник, а свою работу» [3. С. 166], ведь она заставляет человека жертвовать собой, не оставляя ему возможности быть кем-либо еще, кроме как работником.

Итак, недолгая и несчастливая, но обязательно трудовая жизнь предписана каждому, ведь оказаться без работы еще хуже. Так, Срничек и Уильямс цитируют английскую экономистку Джоан Робинсон: «Невзгоды эксплуатируемых капиталистами – ничто в сравнении с невзгодами вовсе не эксплуатируемых» [Там же. С. 128].

Тотальность капиталистического проекта основана на его успешной идеологии, которая включает в себя и антикапиталистические выпады. Тем самым капитализм перекрыл все горизонты освобождения и сделал разговоры о будущем лишены смысла. В самом деле, когда размышлять о будущем, если надо работать? «Легче вообразить конец света, чем конец капитализма» [9. С. 12] – и это при том, что капитализм – капиталоец [6] – как ничто иное максимально приблизил нас к концу света. Даже само наше воображение уже парализовано капитализмом – нам не о чем мечтать. Марк Фишер в своей известной работе заявляет: «...широко распространенное ощущение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему» [9. С. 12]. Мы уже не в состоянии вообразить себя кем-либо другим, кроме как работником. Что же мы будем делать, если не будем работать? – спрашиваем мы сами себя и просто не находим ответа. Единственное, что мы способны представить, и почему мы уверены в том, что этого не должно быть, – это социальная маргинали-

---

¹ Так, Оксана Тимофеева предлагает читать «Рукописи» внутри оптики, полностью исключая традиционное измерение человеческого. «I suggest to read this work as if the laboring essence of the human was already detached from homo sapiens; as if the main character of this book was not a „man“ as we know him from our anthropocentric and patriarchal culture, but a human in this innovative constructivist sense of the one who, one way or another, got to the point of the universal production. It could equally be a dog writing a philosophical treatise with its hind legs, or an ape making a report for an Academy, both coming from Kafka's prose, or a robot that arrives to understanding the sense of the work he does» [8].

зация, падение на дно, нищета и пьянство. Хотя Маркс убедительно показывает, что социальное дно, вероятнее всего, сопряжено как раз с работой. «...чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит» [5. С. 88].

«Капиталистический реализм» Фишера – совсем не только иронично перефразированный «социалистический реализм» эпохи Советского Союза. «Скорее, это нечто вроде повсюду проникающей атмосферы, обуславливающей не только культурное производство, но и регуляцию труда и образования, действующей в качестве некоей невидимой преграды, блокирующей мысль и действие» [9. С. 37]. Так, Фишер говорит о рефлексивном бессилии – неспособности действовать в силу того, что мы заранее уверены в безысходности. Именно поэтому внутри капиталистической обреченности неизбежно возникают психические заболевания, при этом, однако, вместо социального и политического объяснения этого феномена, т.е. его непосредственной связи с капитализмом и его непрерывающейся экспансией, циркулируют уже совсем другие объяснения. «Актуальная правящая онтология отрицает любую возможность социальной детерминации психических болезней. Разумеется, сведение психического заболевания к химико-биологическому уровню точно соответствует его деполитизации. Представление психической болезни в качестве химико-биологической проблемы конкретного индивидуума приносит капитализму огромные прибыли» [Там же. С. 72].

Депрессия при капитализме связана еще и со сломом эмоциональной сферы. Капиталистическое общество «деэротизировано», как замечает итальянский философ Франко «Бифо» Берарди, оно эмоционально выхолощено, все силы здесь вброшены в работу. Работа «съедает» большую часть жизни, вычеркивает все, что связано с чувствами, обедняет и упрощает человека. «Сексуальные связи и дружба мало-помалу преобразовались в стандартизированные, дежурные, проникнутые меркантильным духом контакты, а способность отдельно взятого тела испытывать наслаждение обратилась в чреватый многими тревогами поиск собственной идентичности» [10. С. 99]. Но идентичность – это ловушка отчужденного труда, сборка человека внутри капитализма осуществляется только по лекалу работника. Обесценивание чувств – это продолжающийся разрыв с природой. Вырванные с корнем, лишенные убежищ, мы можем только обреченно повторять идеологические мантры о том, как на самом деле прекрасно устроен мир (Капитала).

В фильме Аньес Варда «Собиратели и собирательница» [11] мы видим людей, довольствующихся остатками урожая – собирающих перезревший виноград, не пригодный для виноделия, забракованный картофель, не пригодный для продажи в супермаркете, ищущих зелень и овощи в коробках, оставшихся после рыночного дня. Некоторые из них едят продукты из мусорных баков, стоящих возле супермаркетов или жилых домов. Это сразу делает их маргиналами – они существуют по краям капиталистического производства. У большинства такой образ жизни вызывает жалость и презрение – он, как считается, свидетельствует о несчастье этих людей. Однако все не так просто. Собиратели поместили себя вне отчужденного труда и потому как раз остались людьми – они не работники, для них время течет неторопливо и

есть небо над головой. Они кажутся нам несчастными, но их несчастье не лучше нашего счастья, которое тоже производится капитализмом – именно отчужденный труд является основной причиной психических болезней, депрессий и многочисленных страхов.

«Свободная» конкуренция, воспеваемая неолиберальной идеологией, лишила нас всех доверия друг к другу, сделала подозрительными, избегающими общения, тяготеющими к автономии и изоляции. Как раз на контрасте с этим диагнозом Аньес Варда есть о чем поговорить с героями ее фильма, и этот разговор о простых вещах оказывается настолько важен, что режиссер решила вернуться к нему через два года и сделала вторую часть фильма [12]. Собираательство, хотя и встроено в экономику потребления, отчасти преодолевает отчуждение и возвращает нас к природному единству внутри капиталистических отношений. Формирует бреши в присвоении, оттягивает момент расплаты и депрессии.

Капитализм забирает у нас природу и обрекает нас на работу, на отчужденный труд. Труд остается сущностным проектом как раз потому, что он не связан с человеком. Человек сопротивляется сущностному определению, однако внутри капитализма, в основе которого расположился отчужденный труд – и физический, и интеллектуальный, как раз нет человека, но есть работник, который вполне сущностно определяем.

Нам так или иначе придется поставить вопрос не только о преодолении отчужденного труда, но и о преодолении труда творческого, если он встраивается в капиталистическую матрицу распределения времени, продукта, желания и справедливости. Не характер труда и голос отчуждения, а формат труда и его математизация – вот правильные оппозиции в этом главном споре современности. Через расширение границ в понимании труда капитализм протягивает свои лапы и в сторону нашей перцептивной, творческой сферы. Опасно само расширение понятия «труд» в его неисконные зоны – материнство, искусство, любовь. В этом случае мы рискуем лишиться и этих слабых островков деприватизации и свободы.

Труд как самообесценивание. Психоаналитический круг

Упрощение человека, редуцированного к работнику, усугубляется его самоэксплуатацией и отсутствием альтернативы. Коль скоро мы все видимы лишь как работники, нашим будущим видится только капитализм. Отсюда трудовая этика и смирение внутри обреченности работать. Мы все работаем, и все при этом не свободны.

Мы даже не выбираем работу, говорят нам Срничек и Уильямс. Все дело в риторике господствующего проекта неолиберального капитализма, который лишь номинально декларирует свободный рынок и права человека, в том числе его право самому выбирать. «...мы все формально свободны не работать, но большинство из нас почти вынуждены соглашаться на ту работу, что есть в наличии» [3. С. 116]. «Одно из главных обвинений в адрес капитализма – в том, что он подразумевает свободу действий для исчезающе малой части людей» [Там же. С. 117].

В дополнение к этому есть еще ловушка богатства, как напоминает нам «Бифо» Берарди, когда модель обогащения оказывается социально значимой, и это заставляет людей «выбирать» работу, чтобы достичь социального при-

знания. Но здесь чем больше мы инвестируем, тем меньше получаем. «Чем больше нервной энергии вкладываем мы в приобретение средств приобретения, тем меньше мы можем вложить в ее наслаждение» [10. С. 102]. Таким образом, работа всегда вычитает жизнь и сокращает время другого опыта, оставляя нам только производство и потребление. Вслед за Бернаром Стиглером можем сказать, что гипериндустриальное общество «интоксцировано» [13].

Капитализм – это успешная идеология, опирающаяся на труд и этику труда. Именно поэтому авторы «Изобретая будущее» видят альтернативу и путь к освобождению в посткапитализме [3]. Но, как мне видится, их проект будущего все еще принципиально идеологичен: они конструируют новую утопию и абстракцию посттрудового будущего взамен утопии неолиберализма. При этом труд все еще остается мощной идеологической опорой, пусть даже в негативной аберрации. Что лишь подчеркивает недостаточность идеологий для освобождения.

«Бывают моменты, когда нечто завораживает нас так сильно, что мы готовы забыть (и отвергнуть) все, наше собственное благополучие и все, что с ним связано; моменты, когда мы убеждены в том, что наше существование значит что-то, только если мы способны им пожертвовать» [14]. Что это, как не описание включенности в мощный идеологический проект? И что это, как не очередной вариант несвободы?

Труд, рассмотренный с психоаналитической точки зрения, является таким идеологическим проектом, который требует некоего шизофренического расщепления внутри субъекта, а именно – его способности дистанцироваться относительно самого себя и презреть часть себя как нечто несущественное, в угоду большой цели. Например, «работать ради благополучия семьи», невзирая на условия труда и проблемы со здоровьем. Так, согласно психоанализу, работает символическое замещение. Конструирование символического психоанализ обозначает как Сверх-Я, т.е. механизм культуры, который запускает сценарий обесценивания частного, индивидуального, повседневного, телесного и заставляет человека возвыситься над самим собой. Аленка Зупанчич в работе «Этика реального» [14] фиксирует сходство между чувством возвышенного у Канта и тем, как работает Сверх-Я: общим для них является вытеснение негативного опыта за счет его обесценивания и преодоления через отстранение от самого себя. «Эта власть, которую субъект ощущает над собой и своим «природным существованием», как раз и является способностью Сверх-Я вынуждать субъекта, несмотря на все требования реальности, действовать вопреки своему благополучию, отказываться от своих интересов, нужд, удовольствия и всего того, что связывает его с «чувственным миром» [Там же].

Труд как сущностный проект основан на власти человека над собой, на его способности выбирать, способности отказаться от частного и индивидуального ради идеального и общего – так негативный опыт вытесняется, страдания наделяются культурной ценностью. Рабочий человек всегда связан с особой миссией, «челленджем» – выйти за пределы самого себя через жест самоуничтожения. Включиться в процесс производства – значит увидеть себя со стороны как деталь механизма, более значительного, нежели мое индивидуальное бытие, отдаться на волю сил, значительно превосходящих мои возможности. Расщепление и самопринижение – в итоге фрустрация и опустошенность.

Подобный характер труда сигнализирует о включенности в символический порядок – он формирует нас главным образом как работников, способных пожертвовать своей частной жизнью ради капитализма. И так как это происходит в символическом, которое бессознательно, мы не понимаем, что при этом происходит. А если даже понимаем, то все же защищаемся от этого знания рациональными контраргументами, поддерживающими существующий порядок дел.

Психоаналитическая интуиция расщепления субъекта находит подтверждение у «Бифо» Берарди. Фиксируя изменение понятия отчуждения внутри новой формы капитализма, он говорит о «развеществлении». «В этом случае под «отчуждением» следует понимать специфическую психопатологическую категорию, болезненное расщепление собственной личности, тревожное или фрустрирующее переживание недоступности для вас чужого тела» [10. С. 149]. Надо отметить, что можно говорить не только о чужом теле, но и о своем собственном. И в целом, отмечая деэротизированность капитализма, связанную с утратой полноценной коммуникации, Берарди отмечает дегуманизацию общества. Дегуманизация возможна именно через расщепление и самообесценивание.

Самообесценивание и некритичное встраивание в легитимные социальные рабочие сети могут приводить к крайностям, таким, как описывает Ханна Арендт [15]. Включенность в трудовые контракты и отношения осуществляет пересборку человека – создает ложный этический нейтралитет: ничего личного, это просто работа. Это прикрытие позволяет оправдать все действия человека, если они часть его работы. Так, зло у Арендт банально как раз потому, что оно часть повседневных рабочих практик. Эйхман может сказать на судебном процессе, что не испытывал дурных чувств по отношению к жертвам политики уничтожения, и одной из причин, по которой он вступил в СС, он называет безработицу [Там же. С. 59].

Дегуманизация и сбой коммуникации создают отравленную атмосферу капитализма, где нет места человеческим отношениям. Именно поэтому «Бифо» Берарди говорит о «фашизме» капитализма. «Тело другого отныне находится за пределами эмпатического восприятия: угнетение ближнего, истязание, геноцид становятся обыденными процедурами по выработке инаковости в условиях отсутствия эмпатии» [10. С. 185]. Все это следствие сломленной эмоциональной сферы и тотальной экономической обусловленности. Поэтому, вслед за Берарди, следует говорить о «фригидности»: фригидном мышлении и фальшивом фригидном счастье, которое «игнорирует телесность (а точнее, не будучи в состоянии полностью игнорировать, вытесняет ее)» [Там же. С. 140].

Работа не делает нас счастливыми и свободными, она лишь делает нас работниками, оторванными от природы и от самих себя и эксплуатируемыми, в том числе и самоэксплуатируемыми. Если говорить совсем точно, работа может делать нас и счастливыми, и несчастными, и воодушевленными, и опустошенными, и преследуемыми, и преследователями – но самое главное, она делает нас работниками, мы служим логике производства, мы умираем как индивиды, мы просто работаем. Нам еще многое предстоит осознать. Например, то, что свобода от отчужденного труда возможна через возвращение природы в другом обличье, шаг в постэкологию, внимание к материаль-

ному, телесному и нашему положению «между», а не автономно. Возможно, что все это время мы искали рядом, но не там, мы были близки к освобождению, но запутывались в простых словах, пытались полюбить себя и свою жизнь, но это было совсем не нужно.

Нейронное освобождение

Мы не сомневаемся в том, что должны работать. Не сомневаемся, а должны. Наше сознание уже давно и прочно ассоциировано с духом капитализма. Возможно, проблема уже не в капитализме, а в нашем сознании? Об этой проблеме и о возможности освобождения пишет Катрин Малабу [4], причем, что очень важно, свобода от принуждения здесь укореняется в материальном, биологическом, т.е. в мозгу.

Открытия нейронаук все еще не востребованы в обществе как смыслообразующие и трансформирующие традиционные смысловые матрицы. Как подчеркивает Малабу, мы все еще считаем мозг ригидным образованием, т.е. чем-то сформированным и заданным генетически, и тем самым открытие синапса остается все еще общественно незаметным, иными словами – неосознанным. Для Малабу важно воззвать к осознанию нового мозга как произведения, имеющего свою историю. Ключевым понятием, на которое она делает ставку, становится «пластичность» мозга, которая противопоставляется понятию «гибкости», причем оба этих понятия отражают соответствующие политические формы. Так, *гибкость* соответствует современной форме постфордистского капитализма, в то время как пластичность есть что-то напоподобие отложенного взрыва, поскольку ресурс ее приспособляемости имеет предел, после которого возможен взрыв и через это – создание новой формы. «Говорить о пластичности мозга – значит рассматривать его как инстанцию разом изменяемую, „формуемую“ и формообразующую» [Там же. С. 29].

Итак, *пластичность* есть то, что позволяет говорить о свободе, в том числе от разного рода идеологий, все их вместе Малабу именует «нейронной идеологией», для критики которой и написана ее работа. Тем самым она надеется сформировать ответственный философский подход, который способен целенаправленно изменять политическое пространство. «Что нам делать, чтобы сознание мозга не совпало попросту с духом капитализма?» [Там же. С. 35].

Проблема в том, что гибкость подменяет собой пластичность, их даже мыслят синонимично. Но это неосмотрительное отождествление, потому что оно превращает человека в существо, способное приспособиться и вытерпеть. «Отстаивать подлинную пластичность мозга – значит требовать знания о том, что мозг может сделать, а не только стерпеть» [Там же. С. 37]. Пока мы только терпим, ведь труд – это как раз возможность взвалить на себя бремя, нести ношу, работать в поте лица. Чтобы сдвинуться с места, нужно осознать свою пластичность как способность что-то изменить, в этом путь к освобождению, к сопротивлению, к противоречивости жизни. Гибкость – это подмена свободы рабством осознанной необходимости работать, это «ложный друг» [Там же. С. 35].

«Люди сами делают свой мозг, но они не знают, что его делают. Мы ничего не знаем о пластичности мозга. Зато мы знаем все об определенной ор-

ганизации труда: частичная занятость, временные контракты, требование абсолютной мобильности и приспособляемость, требование креативности» [4. С. 34]. Однако почему все оказывается именно таким образом выстроенным, почему жизнь стала частью производства, а человек все еще сущностно определяем через труд? Малабу говорит о политической альтернативе биологического, т.е. биологическое всегда вытесняется в силу своей непроявленной имманентности и на его место всегда помещается некая политическая альтернатива. «Различие между пластичностью и гибкостью не имеет символического будущего. Пока мы думаем, что ответ на материальную имманентность находится в символическом, мы противопоставляем капитализму дух – и этот дух в конечном итоге может быть только духом капитализма» [Там же. С. 21].

Трудовая культура, трудовая идентичность, конкуренция за рабочие места, трудовая этика – все это делает труд политическим и идеологическим проектом, встроенным в дух капитализма, фордистского или постфордистского, неолиберального. Мы все еще верим в труд. Но противопоставление имманентного трансцендентному порочно. По мнению Малабу, нет необходимости в разрывах, т.е. конструировании некоего идеального внешнего взамен материи. Невозможно выйти за пределы материи – но здесь возможна и новая оптика, и новая этика вне редукции к некоему идеальному проекту человека, который всегда остается внутри того самого духа капитализма, о котором говорят Болтански и Кьяпелло [16].

Важно осознать пластичность именно в ее двойственности – да, приспособляемость, но до определенного предела, после которого активизируется способность к трансформации. Пластичность противоречива в отличие от гибкости. «Гибкость не позволяет испытать никакого подлинного напряжения между поддержанием и эволюцией, но смешивает их в рамках простой логики подражания и исполнения. Она носит не созидательный, а сугубо воспроизводящий и нормативный характер» [4. С. 99]. Проект Малабу – это проект освобождения от капитализма и от встроенности в него как некой данности и обреченности. Мы фрустрированы не только когда теряем работу и не можем устроиться на новую, мы фрустрированы всегда, потому что скорость меняющихся требований опережает скорость нашей адаптации к ним. Автор видит проблему в постоянно воспроизводящейся легитимации капитализма, поэтому ее интересует освобождение от навязанной гибкости, которая нивелирует все открытия нейронной революции. «То, чего нам не хватает, – это жизнь, т.е. сопротивление. Сопротивление – вот чего мы хотим. Сопротивление гибкости, этой идеологической норме, сознательно или нет транслируемой редукционистским дискурсом, который моделирует и натурализует нейронный процесс ради оправдания определенного социально-политического функционирования» [Там же. С. 95].

Проблема в том, что нет очевидного перехода от нейронного к ментальному. Малабу цитирует известного невролога Джозефа Леду, который говорит о невозможности формулировки синаптической теории личности. Тем самым присутствуют разрыв и тайна внутри данной трансформации. Здесь как раз возникает поле герменевтики, т.е. возможных интерпретаций данного события, которые вполне могут быть интерпретированы в духе существующего порядка – социального, политического, экономического. Но именно

пластичность с ее двойственностью и внутренней противоречивой динамикой есть базовая характеристика самого мозга, т.е. даже сама база – протосамо-сть, некий заданный набор нейронных связей, который осуществляет самую простую сборку тела, позволяет нам судить о том, что сама база пластична. Поэтому нужно не просто декларировать пластичность мозга, но и действительно понять, что она означает на практике – не только приспособление, но и созидание, не только встраиваемость, но и способность к изменениям и разрушению. Оказывается, наша свобода имманентна, она укоренена биологически, и все, что требуется – осознать, что мы не должны только подчиняться и встраиваться. Адаптивность и выживаемость здесь плохие советчики.

«Капитализм, несмотря на видимые признаки свободы, равноправия и всеобщности, замкнул эти силы в бесконечный цикл накопления, заморозил реальные возможности человечества и свел развитие технологий к череде банальных, маргинальных инноваций. Мы движемся быстрее, как этого требует капитализм, но не сдвигаемся с места» [3. С. 261].

Мы все проживаем много жизней – это неотъемлемая характеристика современности, согласно Малабу. Но почему это всегда трудовая жизнь? Почему нам всегда навязывают квалификацию или переквалификацию? Почему несоответствие современным требованиям – это повод для фрустрации? Дело в тотализации труда, распространении его на всю нашу жизнь, включая сновидения, и все основные экзистенциалы, например, бытие к смерти или озабоченность. Сознание наше устроено на откликах, оно коммуникативно, нас спрашивают о чем-то, и с легкой руки капитала этот коммуникативный навык превращается в идеологическую и психологическую манипуляцию: *нас* спрашивают – *с нас* спрашивают, нас наказывают, так гасится любая свежая нейронная связь, так опустошается будущее.

Материальность свободы

Труд неизменно подключает нас к идеологии, поскольку необходимость работать вписана в неолиберальный идеологический проект. Поэтому свобода возможна не через замену одной идеологии другой, но через возвращение биологического и материального – того, что само избегает и сопротивляется идеологии. Для Малабу важно отказаться от символического обесценивания человеческой двойственности и обозначить важность чередования, а не подавления. «Собственно, смерть символического и заставляет нас мыслить пластичность как невозможность провести различие между биологической и духовной жизнями. Существует одна-единственная жизнь. В ней имеет место чередование, а не альтернатива» [4. С. 21].

Для того чтобы чередование стало направляющим фактором, нужно вернуть материи право голоса. Именно материальность и телесность позволяют сформировать такое представление о человеке, которое поместит его вне рабства идеологий. Например, виталистический материализм, сформулированный Джейн Беннетт [17], является основой для новой этики, где у человека уже нет центрального положения в мире, и именно это позволяет ему существовать вне идеологий. «Философский проект, ставящий себе цель установить начала и границы субъективности, слишком часто связан с нашими фантазиями об особом статусе человека в глазах Бога, с желанием ускользнуть от материальности или обрести господство над природой» [Там же. С. 9]. Субъ-

ективность, согласно Беннетт, – это «донкихотская затея». В виталистическом материализме нет места антропоцентризму с его особым положением человека. Речь здесь идет о материальности, *vibrant matter*. «Пульсирующая материя – это не сырой материал, который должна преобразовывать творческая активность Бога или человека. Это – мое тело, но также и тела балтиморских отходов, кометных цепей и червей Дарвина, равно как и то, что нельзя в полной мере назвать телами: электричество, поглощаемая еда и стволовые клетки» [17. С. 13–14].

Что важно здесь – возвращение материальности тел, моего тела, других тел – это спокойное признание того, что мир материален и все тела обладают своей витальностью, это не только и далеко не только привилегия человека, поскольку внутри виталистического материализма у человека вообще нет никаких привилегий.

«Виталистический материализм, который отстаиваю я, отличается от подобного исторического материализма тем, что оказывает упорное сопротивление антропоцентризму. Я придаю особое значение (и даже сверхзначение) агентности нечеловеческих сил (действующих в природе, в человеческом теле и в человеческих артефактах), и моя цель состоит в том, чтобы бросить вызов нарциссическому рефлексу, сформировавшемуся в нашем языке и мышлении» [Там же. С. 17]. Виталистический материализм, равнополагая человека и вещи, все представляя как *vibrant*, снимает челлендж и ответственность за преобразование мира и все комплексы с этим связанные. Вибрирующая материя – это чередование тела и души, человека и вещи, звездного неба и прикосновения.

Если мы перестаем искать замещение материальности в идеальном, символическом порядке, то способны будем сформировать новую оптику. Эта оптика возникает внутри виталистического материализма через горизонтальность отношений между людьми и другими вещами, другими материальностями. Для Беннетт материя обладает собственной активностью, подчас не ассоциированной с деятельностью человека или не ассоциированной вовсе. Как ни странно, именно нечеловеческая этика дает возможность человеку почувствовать себя счастливым, именно потому, что он здесь лишь одна из вещей наряду со множеством других материальностей, что снимает с него груз ответственности. «Нам нужно повысить статус материальности, из которой мы состоим» [Там же. С. 37]. «Этическая цель теперь – это более щедрое „распределение“ ценности, охватывающее тела как таковые. Такая новая форма заботы о материи и присущих ей силах не разрешит проблему человеческой эксплуатации и угнетения, но сможет помочь нам осознать, насколько родственны друг другу все тела, т.е. насколько они все вплетены в плотную сеть отношений. В переплетенном мире пульсирующей материи повредить одну часть этой паутины – значит рискнуть навредить себе. Такое просвещенное или расширенное понимание личного интереса благотворно для людей» [Там же].

Катрин Малабу и Джейн Беннетт призывают осознать ресурсы материальности, которая возвращает нам двойственность человека и указывает на ограниченность и недостаточность его символических проекций, в том числе и трудовой проекции. Это не означает, что мы не должны работать ни при каком раскладе, но это указание на то, что мы не обязаны все терпеть и все-

гда приспособливаться. Мы не обязаны быть только работниками. Мы можем работать или не работать – это не альтернатива, а чередование. Мы должны знать, что свободен человек, а работник не свободен. Вновь обрести человеческое, сделать человека видимым можно в любой момент. Мозг, вибрирующая материя, материальность оказываются мощными ресурсами для возвращения человека к природе и к самому себе – они ставят преграды на пути идеологического рабства и самообесценивания внутри обреченности работать. «Развитие человеческих сил происходит с помощью синтетического выстраивания свободы. Свобода проявляется множеством способов – среди них экономические и политические, эксперименты с сексуальностью и репродуктивными структурами, появление новых желаний, расширение эстетических способностей, новые формы мышления и доказательства и, наконец, совершенно новые способы быть человеком» [3. С. 260]. Расширение человека за счет включения исключенного позволит осознать необходимость конструирования нового будущего. Так, возможен переход от капиталистической гибкости к пластичности освобождения.

«Изрезанные, разделенные, оконченные: наше наслаждение прекращается в поле действия их экономики» [1]. Нам нужно осознать свою материальность и перестать быть человеком только наполовину. Целостность здесь имеет отношение не к сущности, но к неделимости, к незавершенности, к негативности, к переходам и мерцанию.

«Идея человеческой природы отдана на откуп социальным консерваторам и социобиологам, использующим представления о неизменности и автономности человека для поддержания самых авторитарных и милитаристских идеологий» [7. С. 233]. Мы погрязли в идеологиях, рассказывании историй, объяснениях, поисках смысла – смысл мы видим главным образом в работе. Но это жизнь лишь наполовину. Нам нужно вернуть нашу свободу, но не через создание очередного идеологического монстра, который жрет нас по частям. Свобода не трансцендентна, но имманентна – она близко, мы носим ее с собой и, как говорит Малабу, не знаем об этом.

Пластичность мозга и витальность материи – это близкие нам вещи, «расколдовывающие» нейронные идеологии не через конструирование новых, а через включение другой нашей половины, ранее вытесненной и обесцененной. Пластичность – неотъемлемое свойство нашего мозга, мир материален, материя вибрирует, вещи влияют друг на друга, человек – одна из вещей, он принадлежит миру – вот что было всегда с нами, но было обесценено идеологически.

Труд идет рука об руку с капиталом. Неважно, какой этот труд: творческий, либеральный, освобождающий или перцептивный. Он перемалывает все содержание человеческой жизни, ставит его так или иначе на службу конкуренции и исчислимой бездне капитала. Материальность полагает предел такой тотализации – материальность природы и тела, их неразрывная связь и их непредсказуемость, избыточность и пластичность. Неоднозначность материальных связей препятствует сквозной математизации мира и нашей жизни. Капитализм оторвал нас от природы и вторично расщепил нас на разрывающие невротические и социально детерминированные противоречия. Пластичность нейронных связей и избыточность материи превосходит тотализацию пары труд–капитал. Именно в материальности следует искать

исход от чисто марксистской критики капитала: маргинализации (дауншифтинг), открытого сопротивления (революция, протест) или ускользания (создание пузырей и дополнительных страт внутри капиталистического порядка). У человека есть материальный – телесный, биологический – ресурс, позволяющий ему выключиться из идеологической стратегии капитализма. Мы можем благодаря материальности уравновесить тотализацию пульсацией отворачивания. У нас есть возможность в любой момент послать все к черту, и мы не обязаны всегда включаться в условия, которые диктует нам капитализм. Это не идеологическая утопия отложенного счастья, но возможность сказать «нет», «с меня хватит» – *здесь и сейчас*. Пластичность мозга позволяет нам не строить идеальное будущее, но дает право выключиться из этой гонки. Мы не преодолеем капитализм раз и навсегда, но мы должны знать, что в нас есть телесные силы, наша вторая половина, которая позволяет нам себя освобождать тогда, когда нас все достало. Это наше тело и связь с природой.

Внутри циркулирующих идеологий мы всякий раз вынуждены отрезать от себя по кусочку и кидать его в пасть вечно голодного монстра. Но ему нужно умерить свой аппетит, ведь мы не обязаны жертвовать собой. И да, нам никогда полностью не освободиться от влияния больших идей, но мы можем уравновесить их биологическими, материальными, телесными силами, чтобы не чувствовать себя обреченными.

Литература

1. *Иригарей Л.* Когда наши губы друг с другом говорят // Московский художественный журнал. 2019. № 108. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/89/article/1964> (дата обращения: 09.01.20).
2. *Торо Г.* Уолден, или Жизнь в лесу. М.: АСТ, 2019. 352 с.
3. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
4. *Малабу К.* Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C Press, 2019. 112 с.
5. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Изд-во полит. лит., 1975. Т. 42. 758 с.
6. *Харауэй Д.* Антропоцен, Капиталоцен, Плантациоцен, Ктулуцен: создание племени // Московский художественный журнал. 2016. № 99. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771> (дата обращения: 20.01.2020).
7. *Цин А.* Непослушные края // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология. М.: V-A-C Press, 2018. С. 228–252.
8. *Timofeeva O.* Spirituality Beyond Man: Toward a Labor Theory of the Soul, Rethinking Marxism, 32:1, 66–87. DOI: 10.1080/08935696.2019.1694288. URL: <https://doi.org/10.1080/08935696.2019.1694288> (дата обращения: 15.02.2020).
9. *Фишер М.* Капиталистический реализм. Альтернативы нет? М.: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
10. *Берарди Ф.* Душа за работой. М.: Грюндриссе, 2019. 320 с.
11. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/166210/> (дата обращения: 20.02.2020).
12. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/91212/> (дата обращения: 20.02.2020).
13. *Стиглер Б.* Упраздненный индивид. URL: <https://syg.ma/@lakanalia/biennar-stighlier-uprazdniennyi-individ-nieudobstvo-kultury-v-epokhu-psikhichieskoi-i-sotsialnoi-diezindividuatii> (дата обращения: 04.10.2019).
14. *Зупанчич А.* Возвышенное и логика Сверх-Я. URL: <https://syg.ma/@lakanalia/vozvyshtennoie-i-loghika-svierkh-ia-otryvok-iz-knighi-alienki-zupanchich-etika-riealnogho> (дата обращения: 04.10.2019).
15. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
16. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 976 с.

17. Беннетт Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.

Ekaterina V. Starikova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: katstr00@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 263–277.

DOI: 10.17223/1998863X/59/24

MATERIALITY OF FREEDOM: TO LIVE OR TO WORK?

Keywords: labor; liberation; nature; capitalism; plasticity; Malabou; Bennett; materiality.

In the article, labor under capitalism is understood as a dehumanizing ideology that turns a person only into a worker. This becomes possible through the alienation of man from nature and corporeality. The connection with nature is blocked through the seizure of land, through the scrapping of the usual way of life, the rejection of traditional occupations through “deprivation of shelters” (Anna Tsing) – this is how peasants turn into the proletariat, this is how compulsion to work is created. Corporeality is blocked and repressed, since man is reduced within capitalism only to their labor avatar. The life of a person outside of work turns out to be invisible, thus a person becomes a partial, incomplete subject. Emotional breakdown occurs, depressive states appear – a person, according to Franco “Bifo” Berardi, “deerotizes”. This is how work eats up a part of life. According to Mark Fisher, the reason for all this turns out to be the totality of the capitalist project, the global atmosphere of “capitalist realism”, blocking any other possibility of existence. Within this totality, the subject is not only exploited, but also self-exploited, since they are completely immersed in ideology and cannot overestimate oneself. Thus, labor is psychoanalytically associated with the self-sacrifice for the Super-Ego, with self-devaluation and self-splitting, with inclusion in the symbolic order. The possibility of liberation from the totality of capitalist ideology is considered in the article in the context of the texts of new materialism – these are the versions of Catherine Malabou and Jane Bennett. For example, Malabou speaks about neural liberation, where the bet is placed on the ambivalent plasticity of the brain. Bennett defends the project of vitalistic materialism, where she rehabilitates the materiality of the world, “vibrant matter”. Moreover, for Bennett, it is fundamental to reject anthropocentrism, which blocks ties with nature and the world as a whole. These versions of materialism seem to be productive for the return of an ideologically devalued part of oneself to a person, for the return of their integrity and restoration of their connection with nature. So, corporeality and materiality turn out to be a resource for eliminating ideological distortion.

References

1. Irigarey, L. (2019) Kogda nashi guby drug s drugom govoryat [When our lips talk to each other]. *Moskovskiy khudozhestvennyy zhurnal*. 108. [Online] Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/89/article/1964> (Accessed: 9th January 20).
2. Thoreau, G. (2019) *Uolden, ili Zhizn' v lesu* [Walden, or Life in the Woods]. Translated from English. Moscow: AST.
3. Srnichek, N. & Williams, A. (2019) *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Post-Capitalism and a World without Labor]. Translated from English. Moscow: Strelka Press.
4. Malabu, K. (2019) *Chto nam delat' s nashim mozgom?* [What do we do with our brain?]. Moscow: V-A-C Press.
5. Marx, K. (1975) *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 42. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. lit.
6. Haraway, D. (2016) Antropotsen, Kapitalotsen, Plantatsiotsen, Ktulutsen: sozдание plemeni [Anthropocene, Capitalocene, Plantiocene, Cthulucene: the creation of a tribe]. *Moskovskiy khudozhestvennyy zhurnal*. 99. [Online] Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771> (Accessed: 20th January 2020).
7. Qing, A. (2018) Neposlushnye kraya [Naughty lands]. In: Kramar, M. et al. (eds) *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva* [Experiences of Inhuman Hospitality]. Moscow: V-A-C Press. pp. 228–252.
8. Timofeeva, O. (2019) Spirituality Beyond Man: Toward a Labor Theory of the Soul. *Rethinking Marxism*. 32(1). pp. 66–87. DOI: 10.1080/08935696.2019.1694288

9. Fisher, M. (2010) *Kapitalisticheskiy realizm. Al'ternativy net?* [Capitalist realism. There is no alternative?]. Moscow: Ul'trakul'tura 2.0.
10. Berardi, F. (2019) *Dusha za rabotoy* [Soul at work]. Translated from Italian by K. Chekalov. Moscow: Grundrisse.
11. Kinopoisk.ru. (2000) *Les glaneurs et la glaneuse*. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/166210/> (Accessed: 20th February 2020).
12. Kinopoisk.ru. (2002) *Les glaneurs et la glaneuse... deux ans après*. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/91212/> (Accessed: 20th February 2020).
13. Stigler, B. (n.d.) *Uprazdnennyy individ* [The Abolished Individual]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@lacanalia/biarnar-stighlier-uprazdniennyi-individ-nieudobstvo-kultury-v-epokhu-psikhichieskoi-i-sotsialnoi-diezindividuatsii> (Accessed: 4th October 2019).
14. Zupanchich, A. (n.d.) *Vozvyshennoe i logika Sverkh-Ya* [The Sublime and the Logic of the Super-Self]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@lacanalia/vozvyshiennoie-i-loghika-svierkh-ia-otryvok-iz-knighi-alienki-zupanchich-etika-riealnogho> (Accessed: 4th October 2019).
15. Arendt, H. (2008) *Banal'nost' zla. Eykhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Translated from German. Moscow: Evropa.
16. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The new spirit of capitalism]. Translated from French. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
17. Bennett, D. (2018) *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things]. Translated from English. Perm: Gile Press.

АРХИВ

УДК 165.12

DOI: 10.17223/1998863X/59/25

Е.Н. Лисанюк, Н.В. Перова

АРГУМЕНТАЦИЯ И РИСК

Исследования поддержаны РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументация и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

В статье предлагается перевод статьи Г. Джонстоуна (1920–2000), американского философа, оказавшего влияние на развитие теории аргументации в России. По Джонстоуну, цель аргументации – поддержание напряжения, разрыва и риска между людьми как необходимых условий для спора. Актуальность идей Джонстоуна продиктована современным развитием логики аргументации, где главным отношением является атака одного аргумента другим, а не поддержка тезиса аргументами, трактуемая в логике аргументации как отклонение атаки.

Ключевые слова: *аргументация, риск, спор, контраргумент, Г. Джонстоун, Х. Перельман, логика аргументации, «новая риторика».*

Мы предлагаем читателю перевод статьи Генри Джонстоуна (1920–2000), профессора философии в Университете Пенсильвании (1952–1984), американского философа, внесшего значительный вклад в развитие теории аргументации и неформальной логики в США и Канаде и опосредованно оказавшего влияние на исследования аргументации в России. «Аргументация есть всепроникающая черта человеческой жизни... Мы даже не властвуем над людьми, когда манипулируем ими. Мы можем властвовать над людьми, только рассматривая их как людей» – эта цитата из его статьи знакома отечественным ученым из книг [1. С. 21–22; 2. С. 7] влиятельных российских ученых, в значительной мере определивших направления исследований аргументации в нашей стране в начале XXI в. [3. С. 9].

Это представление об аргументации проистекает из философской концепции Джонстоуна, согласно которой аргументация – это поддержание напряжения, разрыва и риска между людьми, создающее необходимое условие для спора, где посредством предъявления точек зрения и аргументов его участники выступают как мыслящие разумные личности. Они рискуют потерпеть неудачу в поиске согласия другой стороны со своим мнением, потому что нет гарантии его достигнуть даже при максимальных и искренних интеллектуальных и коммуникативных усилиях сторон. Помимо этого, они рискуют своим «я» – собственными взглядами и продиктованными ими поступками, так как могут оказаться в роли тех, кого переубедили доводы другой стороны.

Однако спорить люди начинают не ради согласия и не ради победы над другим. По Джонстоуну, в первую очередь они делают это в когнитивных и социальных целях – ради самоутверждения и самопознания, и уже во вторую очередь стремятся к убеждению других. Он исходит из когнитивного и аксиологического многообразия людей, возникающего, когда они выходят за пределы своего непосредственного опыта. Это многообразие влечет разногласия, заостряемые риторикой – здесь вступает его концепция «риторического клина» («rhetorical wedge»), служащего умственным и речевым выражением риска, на который мыслящий человек идет, начиная спор.

Философское значение аргументации заключается не в том, чтобы достигнуть согласия по какому-либо вопросу, а в обсуждении знаний, взглядов и ценностей, позволяющем каждому участнику спора выдвинуть свое мнение на суд других, осознавая риски его непринятия. Принимая эти риски, человек становится рациональным субъектом своей точки зрения, а не только объектом убеждения для других. Многие исследователи аргументации, включая Х. Перельмана, с концепцией которого полемизирует Джонстоун, считают, что значение аргументации состоит в достижении согласия или убеждении других. Джонстоун, напротив, видит его в том, чтобы идти на риск потерпеть неудачу или подвергнуть свои взгляды изменению, но быть толерантными к взглядам других. Это требует интеллектуальных и личностных усилий для того, чтобы быть личностью самому, обладать собственным мнением и самоутверждаться в споре через признание личностью противоположного мнения.

Риск и напряжение разногласия – узловой аспект концепции аргументации Джонстоуна, в нем он решительно расходится с «новой риторикой» Х. Перельмана, нацеленной преодолеть разногласие через убеждение аудитории. «Новая риторика» выступила триггером диалектических и прагматориторических подходов к аргументации во второй половине XX в., в лоне которых была разработана современная теория аргументации. «Новая риторика» обогатила ее понятием схемы аргументации – аналога логической формы для вероятностных и правдоподобных аргументов и систематизировала корпус риторических квазилогических фигур убеждения, включая метафору [4. С. 249], «схожих с теми, что исследуются в логике и математике», что позволило уточнить роль «неформальных гипотез, необходимых для того, чтобы сделать аргумент по-настоящему убедительным» [5. Р. 1396].

Отличия между «новой риторикой» и концепцией аргументации Джонстоуна стали более выпуклыми в свете развития логики аргументации в конце XX в. Логика аргументации обобщает два тренда в изучении аргументации: логический, в котором под аргументом понимают умозаключение, продукт интеллектуальной деятельности вообще и которому Х. Перельман противопоставляет свою «новую риторическую», и диалектический (диалогический), куда относится «новая риторика» и где аргумент рассматривают как процесс или процедуру предъявления рассуждения для убеждения конкретного адресата. Логика аргументации переворачивает оба взгляда с ног на голову: в ней аргументом считают один из элементов атомарной пары рассуждений, из которых одно атакует другое, а обоснованием тезиса – отклонение контраргументации, защиту от которой трактуют как его поддержку. Концепцию аргументации Джонстоуна можно считать философским предвестни-

ком формализмов логики аргументации, представляющей сегодня едва ли не самый успешный формальный подход к аргументации. Этим и продиктована актуальность перевода статьи Джонстоуна на русский язык.

Логика аргументации во главу угла ставит не логическое следование, а отношение атаки – критики одного аргумента другим. «Вообще идея аргументативного рассуждения заключается в том, что утверждение убедительно, если его можно успешно защитить от атакующих аргументов. Иными словами, убежден рациональный агент в некоем утверждении или нет, зависит от того, может или нет аргумент в поддержку этого утверждения быть защищен от атакующих аргументов. Таким образом, убеждения рационального агента характеризуют отношения между „внутренними“ аргументами самого агента в защиту своего убеждения и „внешними“ аргументами в защиту противоположных убеждений» [6. Р. 323]. Настаивая на том, что вне противостояния убеждений одного агента убеждениям другого убеждения обоих не выходят за рамки непосредственного опыта каждого из них, концепция аргументации Джонстоуна проливает свет на когнитивную и философские стороны сугубо формального взгляда на аргументацию в логике аргументации.

Генри У. Джонстоун-мл.¹

К ВОПРОСУ ОБ АРГУМЕНТАЦИИ²

Мы спорим с человеком, когда мы хотим контролировать действия или убеждения этого человека, но либо не располагаем эффективными средствами контроля, либо, располагая эффективными средствами, тем не менее не желаем их использовать. По этой причине аргумент не является эффективным контролем. Спорить с другим – значит рассматривать его как находящегося вне сферы эффективного контроля, а следовательно, ставить его в точности вне сферы эффективного контроля при условии, что он способен выслушать аргументы и знает, в чем заключается это наше отношение к нему. Мы даем ему возможность противостоять нам, и как только мы отказываемся от этой возможности, мы больше не спорим. Спорить – значит рисковать возможностью неудачи, точно так же, как играть в игру – значит рисковать возможностью поражения. Спор, который мы гарантированно выиграем, является не более реальным спором, чем игра, в которой мы гарантированно выиграем, является реальной игрой. Искусный спорщик может чувствовать уверенность в том, что он выиграет спор против кого-то, но если эта уверенность является объективным следствием самой процедуры, которую он использует, то эта процедура не является спором.

¹ Взгляд на аргументацию, который будет представлен в этой статье, во многом обязан взгляду профессора Перельмана. Но существуют важные различия в акцентах, которые затрудняют сравнение двух представлений. Например, будет видно, что я подчеркиваю элемент риска в аргументации. Перельман этого не делает. Но я не знаю, является ли это разногласием между нами. В этой статье я подумал, что лучше всего изложить свое собственное мнение с моими специфическими акцентами и позволить читателю решить, в какой степени мы с Перельманом не согласны.

Я в долгу перед м-ром Джеймсом Моррисоном за некоторые рекомендации, использованные мной в этой статье.

² *Johnstone H.W. Some Reflections on Argumentation // Logique et Analyse. 1963. Vol. 6 (21). P. 30–39.*

Я не хочу сказать, что контроль над действием или убеждением без спора обязательно беспроникновен. Мы можем приказывать послушному ребенку, но не непослушному. Но наша неспособность командовать непослушным ребенком не является результатом того, что мы считаем его неподвластным эффективному контролю. Его сопротивление не возникает из-за того, что мы дали ему возможность сопротивляться. Это происходит из-за технических недостатков с нашей стороны. Вероятно, с дальнейшими исследованиями мы сможем найти процедуру, которая будет гарантировать послушание ребенка. Если мы не можем ее найти, нам придется обратиться к аргументации. Аргументация – это всепроникающая черта человеческой жизни. Это не отрицает случаев, когда человек может адекватно реагировать на гипноз, подсознательную стимуляцию, наркотики, промывание мозгов и физическую силу, а также случаев, когда он может надлежащим образом контролировать действия и убеждения своих собратьев другими средствами, помимо аргументации. Но только человек такого типа, который мы охарактеризовали бы как бесчеловечный, будет получать удовольствие от жизни, управляя поведением других людей с помощью не-аргументативных средств, и только идиот будет охотно подчиняться ему. Мы даже не властвуем над людьми, когда просто манипулируем ими – разве что в расширенном смысле, в каком мы можем сказать, что обладаем властью над роботами. О том, что мы имеем власть над людьми, обычно мы говорим только тогда, когда относимся к ним как к людям.

Один из типичных способов осуществления власти – это угрозы. Угроза – это форма аргументации, потому что тот, кто использует угрозу в попытке добиться действия определенного рода, рискует тем, что другой предпочтет принять угрожающую ему расправу, а не действовать так, как от него хотят. Только человек может ответить на угрозу, и когда мы угрожаем человеку, мы, по крайней мере, относимся к нему как к личности. Мы относимся к нему как к способному предвидеть последствия неподчинения. Возможно, некоторые животные способны реагировать на угрозы. Это означало бы способность понимать условное предложение. В той мере, в какой мы действительно можем обращаться с животными подобным образом, мы, безусловно, относимся к ним как к личностям.

Однако угроза – это вырожденная форма аргументации. Она вырожденная, потому что ее действенность для человека мимолетна. После того как угроза была высказана, [угрожающему] остается только реализовать ее [если она была неуспешна], либо [адресату –] действовать, если она была успешна в том, чтобы вызвать желаемое действие. Тот, кому угрожают, вообще не имеет возможности относиться как к личности к тому, кто высказывает угрозу, если только он не может произнести ответную угрозу.

Команды иногда имеют смешанный статус. Как правило, это попытки не-аргументативными средствами контролировать поведение, а иногда и убеждения. Однако иногда команда несет дополнительную скрытую угрозу и поэтому частично является аргументом. Это гораздо более вероятно, когда команда адресована человеку, чем когда она адресована животному. Автоматическое, беспрекословное подчинение, которого мы ожидаем от животного, является скорее реакцией на сугубо не-аргументативную технику, чем та, которую мы обычно используем, когда имеем дело с человеком.

Я уже говорил, что спорщик идет на риск. Но он не единственный, кто рискует. Человек, которому адресован аргумент, может выбрать, подвергнуться или нет риску того, что этот аргумент изменит его поведение или убеждения. Ограничивая свой разум от аргументации, он может полностью избежать риска. Тогда любой, кто хочет контролировать его поведение или убеждения, должен прибегнуть к не-аргументативным способам контроля, если он вообще хочет иметь контроль. Есть вопросы, от которых все мы в определенной степени должны ограничить свой разум. Мы не можем спорить обо всем или всегда быть доступными для адресованных нам аргументов. Но мы также не можем всегда ограничивать свой разум, потому что человек с тотально ограниченным разумом отрезает себя от человечества. Такой человек бесчеловечен, хотя он и не зверь, ибо мы не обвиняем животных в ограниченности их разума, как не говорим, что у них открытый разум.

С другой стороны, человек, готовый пойти на риск выслушивать доводы других, обладает открытым разумом и в этом смысле человечен. Открытость человеческого разума олицетворяет различие между человеком и животными. Открытость разума – это не просто дополнительное средство достижения того, что животное уже может до некоторой степени достичь другими средствами. Это совершенно новая возможность. Делая себя доступным аргументации, человек выходит за пределы своих собственных восприятий, эмоций и инстинктов. В пределах этих горизонтов риски аргументации не возникают; нет смысла спорить о том, что я непосредственно вижу, чувствую или делаю. Ни один участник спора не может отнять у меня то, что я непосредственно переживаю или чувствую, потому что это не имеет никакого отношения к выводам, которые он отстаивает. Эти выводы состоят из оспариваемых убеждений, оценок и линий поведения, и они могут вступать в конфликт с моими взглядами только в той мере, в какой они сами являются спорными, а не непосредственными. Я не хочу сказать, что отдельный индивид вне круга других участников спора не мог бы подняться выше своей непосредственности. Как я далее покажу, он спорит с самим собой, когда рассуждает о смысле своего переживания и таким образом выходит за его пределы.

Знание и мораль возможны только для человека с открытым разумом, который вышел за пределы горизонтов непосредственного опыта путем принятия рисков, подразумеваемых в аргументации. Животное воспринимает и ожидает, но не имеет знания, потому что оно не может подвергнуть риску аргументации свою интерпретацию того, что оно воспринимает, или свои основания для ожидания. Животное не может вести себя морально, потому что оно не может аргументировать свое поведение. Проще говоря, у животного нет мира. Мир открыт только человеку с открытым разумом.

Я говорил об открытости разума как о включающей риск. Риск, на который идет человек с открытым разумом, заключается в том, что его мнение или поведение изменятся. Этот риск, конечно, напрямую связан с риском, что его аргументы могут потерпеть неудачу, который берет на себя участник спора. Возникает вопрос, нужно ли характеризовать как риск возможность того, что спорщик может потерпеть неудачу, или что его собеседник может потерпеть неудачу, или что его собеседника удастся убедить. Разве недостаточно охарактеризовать его как некую возможность и просто сказать, что че-

человек с открытым разумом сталкивается с возможностью того, что аргументация может изменить его мнение или поведение?

Разница между риском, на который идет человек, и возможностью, с которой он сталкивается, заключается в том, что он заинтересован или делает ставку на исход деятельности, в которой он рискует, тогда как он не заботится об исходе деятельности, в которой ему просто представляются различные возможности. Сказать, что то, что аргумент может изменить его убеждения или поведение, – это просто возможность, значит предположить, что человек играет целиком пассивную роль в этом взаимодействии, что «ему все равно». Это означает, что он отказывается от контроля над своими собственными действиями и убеждениями, что он передает этот контроль в руки другой стороны спора, по сути, сказав, «вы должны решить за меня». Такой человек просто удаляет себя из аргументации – вот что он делает. И сделав это, удалившись из аргументации, он ставит ее саму под сомнение. Ибо теперь выясняется, что другая сторона спора обладает прямым контролем над убеждениями и поведением человека, с которым он спорит. Первый рискует не больше, чем второй. Таким образом, сама аргументация выливается в неаргументативный тип контроля.

Таким образом, только тогда подлинная аргументация может иметь место, когда к высказываниям другой стороны ее адресат не проявляет ни безучастности, ни пассивности. Это может произойти только в том случае, когда адресат аргументов сам заинтересован в исходе спора, т.е. когда адресат идет на риск и тем самым навязывает риск другой стороне. В чем же тогда заключается заинтересованность адресата в споре? У нас может возникнуть искушение сказать, что он заинтересован в отстаивании своих собственных убеждений и поведения. В какой-то степени такой интерес объясняет риск, на который человек идет, позволяя вовлечь себя в спор. Он ошутимо рискует тем, что его убеждения или поведение могут быть выставлены сомнительными и могут быть отвергнуты. Но это еще не все. Во-первых, непонятно, почему кто-то должен испытывать какое-либо сопротивление отказаться от своей позиции, после того как были раскрыты ее недостатки. Почему бы ему не сказать бодро «скатертью дорога» и не принять рекомендации другой стороны спора? Во-вторых, споры по вопросам, по которым у человека нет предварительного мнения, могут быть рискованными. В этой ситуации нет никакой настоящей позиции или поведения, которые нуждаются в отстаивании. В чем же тогда заключается риск? Он заключается в том, что адресату, со всеми его убеждениями или поведением, возможно, придется принять во внимание то, что ему не приходилось принимать во внимание раньше. То, что он хотел бы отстоять, – это относительную простоту своей собственной позиции. И вообще, риск, на который идет человек, выслушивая аргументы, состоит в том, что ему, возможно, придется измениться самому. Свое собственное «я» – вот что желает отстаивать адресат участника спора, а не какое-то конкретное убеждение или способ поведения. Но его заинтересованность в самоутверждении не может быть абсолютной, ибо в противном случае в этом споре он представлял бы собою ограниченный разум.

Таким образом, тот, в ком есть напряжение, – это человек с открытым разумом. С одной стороны, он хочет самоутвердиться. С другой стороны, он должен подвергать себя риску изменения, подразумеваемому в споре. Такое

напряжение необходимо любому человеку, который хочет выйти за пределы своего непосредственного опыта и жить в мире.

Человек, выступающий адресатом аргументации, – не единственный, кто рискует. Я уже говорил, на какой риск идет спорщик. Спорщик рискует утратить контроль над убеждениями или поведением других. Этот риск тоже подразумевает напряжение. Спорщик хочет контролировать других, но хочет видеть, что этот контроль ограничен негативными реакциями другого. Тот факт, что это и есть подлинное и рискованное напряжение, становится очевидным, когда мы рассматриваем каждое из его условий по очереди, отделяя его от другого. Спорщик, стремящийся к чистому и простому контролю, не спорит; он контролирует с помощью не-аргументативных средств и избегает риска. Также не спорит спорщик, желающий просто и чисто быть ограниченным реакциями другого, в своей подчиненной пассивности он отказывается от аргументации. Чтобы спорить, человек должен поддерживать напряжение между контролем и тем, что ограничивает контроль. Это напряжение можно охарактеризовать как толерантность, интеллектуальную щедрость или уважение. Оно изоморфно напряжению, которое я уже охарактеризовал как открытость разума, условиями которой выступают самоутверждение и изменение. Толерантный человек должен найти границы контроля в акте контроля, и он должен практиковать свой контроль на условиях этих границ. Человек с открытым разумом должен самоутверждаться посредством изменения и изменяться посредством самоутверждения.

Обмен аргументами проливает свет на функцию логики и значение пригодности (validity) аргументов. Когда одна из сторон спора или все используют софистику и ошибки аргументации, дискуссия вскоре вырождается в нечто, где открытый разум и толерантность более невозможны. Ошибочный аргумент неуважителен; он не относится к своим слушателям как к людям, а намеренно или невольно стремится выманить их согласие. Логика – это дисциплина, которая не дает дискуссии вырождаться. Пригодный аргумент – тот, что поддерживает саму возможность спора.

До сих пор я писал, как если бы можно было провести окончательное различие между говорящим и его адресатом. Конечно, нельзя. Ибо адресат тоже может быть говорящим. В этом случае негативные реакции, ограничивающие контроль говорящего, сами будут аргументами, и он будет подчиняться этому ограничению, выступая в роли адресата. Другими словами, открытость разума станет условием толерантности. В диалоге между двумя или более сторонами спора толерантность и открытость разума просто становятся разными способами характеризовать одну и ту же главную готовность поддерживать спор и следовать ему, куда бы он ни вел.

Говорящий и адресат также могут быть одним и тем же лицом, как и при обдумывании. В этой ситуации один и тот же человек стремится к контролю и подчиняется контролю, накладывает ограничения и принимает ограничения. Напряжение, которое необходимо поддерживать здесь, чрезвычайно рискованное и легко переходит в привычку, порыв или панику. Обдумывание, завершением которого выступает изменение или подтверждение убеждения, вероятно, способно существовать в более чистой форме, чем обдумывание, которое завершается в поступке, потому что для возможного действия наши привычки и порывы конституируют неоспариваемые соблазны неким

таким образом, что они не обязательно конституируют соблазны для возможного убеждения. То, что я по своей природе способен сделать, наложит более сильное заклинание на мои доводы в защиту действия, чем на мои доводы в защиту убеждения.

Общепринятая точка зрения на аргументацию состоит в том, что это некое взаимодействие, не имеющее существенного отношения к характерам тех, кто в нем участвует. Говорящий пытается убедить слушателя. Если он добьется успеха – хорошо; если потерпит неудачу, он может либо прибегнуть к не-аргументативным техникам, либо отказаться от своих усилий. Но этот спор никоим образом не определяет ни говорящего, ни слушателя. Это просто своего рода коммуникация между умами, которые уже существуют и уже живут в этом мире, это одно из средств на выбор, которым они могут воспользоваться или нет. И всегда можно выбрать аргумент, не выбирая одновременно самого себя.

Моя собственная позиция заключается в том, что на самом деле аргументация важна для тех, кто в ней участвует – человек, который выбирает аргументацию, на самом деле выбирает себя. Ибо напряжение между сохранением и изменением, ощущаемое собеседниками, – вот что позволяет им жить в этом мире. Непосредственный опыт не выносит никаких суждений и не вызывает никаких вопросов; он прозрачен. Только тогда, когда действие и убеждение становятся предметом спора, в опыт вводится непрозрачность – эта непрозрачность и есть собственно личность. В непосредственном опыте нет никакого я. Личность имеется только тогда, когда есть риск. Я не хочу утверждать, что лишь аргументация обеспечивает риск такого сорта. Но когда люди спорят, они идут на риск, который поднимает их над уровнем непосредственного опыта и ставит их на карту, делая их существенными. И они не люди, пока они не идут на риск того или иного рода. Поэтому аргументация мне действительно представляется конституирующей для тех, кто в ней участвует.

Не-аргументативные формы контроля личность не устанавливают. Вместо этого они обходят ее стороной. Они исходят из предположения, что отсутствует личность, необходимая для того, чтобы вмешаться в их эффективное управление. Команда, подсознательное внушение, гипнотическая сила избегают риска иметь дело с личностью. Лыстец, рекламщик и гипнотизер не только действуют, исходя из того, что в теле собеседника «никого нет дома», но и даже их самих «нет дома». Тот, кто льстит, вместо того чтобы спорить, сам не вполне заслуживает того, чтобы с ним обращались как с личностью, как и тот, кто добивается согласия другого, когда последний теряет бдительность или его внимание обращено в другую сторону. Когда человек склонен использовать не-аргументативные средства контроля, у нас нет никаких угрызений совести по поводу использования не-аргументативных средств против него на том основании, что он не выказывает себя личностью.

Скажем ли мы тогда, что аргументация – это средство избежать необходимости обращаться к насилию? Что когда мы предполагаем, что другой «дома» и спорим с ним, наше поведение является заменой не-аргументативных форм контроля, включая применение силы? Это обычное представление об аргументации. Согласно ему, люди спорят только в силу предварительного соглашения, явного или неявного, о замене поля боя столом

переговоров. Но это хрупкое соглашение может рухнуть в любой момент, и когда это произойдет, иметь преимущество будет тот, кто первым вернется на поле боя. Это циничный взгляд на человеческую природу, поскольку он рассматривает способность человека к аргументации не более чем как продукт преходящего просвещения – неустойчивой победы над определяющими его иррациональными силами – и сам спор он рассматривает не более чем как одно из средств достижения цели. Если спор на самом деле является лишь средством избежать насилия, то мы должны считать наиболее удачным тот спор, который оказывает наибольшее снотворное действие. Если взглянуть более обстоятельно, эта точка зрения прямо противоречит истории войн между людьми. На протяжении всей задокументированной истории в своих конфликтах люди всегда исходили из споров. Каждой войне предшествовал поиск оправдания для военных действий. Чтобы найти примеры насилия, не основанные на аргументации, мы должны обратиться к анналам психопатологии. Это показывает, что обычное человеческое насилие уже предполагает аргументацию. В самом деле, если способность спорить отсутствует с самого начала, как можно достичь какого-либо соглашения, явного или неявного, для того чтобы приостановить военные действия в пользу аргументации?

Подобный общий подход к аргументации вряд ли отдаст должное человеческой потребности в риторике, рекламе и пропаганде. Он представляет риторическую технику не более чем как принимаемые спорщиком позы или жесты. Для всякой риторической позы найдется другая, которую можно использовать для противодействия первой, так что полемика между людьми выглядит как последовательность бессмысленных жестов. Они бессмысленны, потому что в них сам спорщик может совершенно отсутствовать. Никакой из черт его личности они не выражают, будучи средствами в его распоряжении. Согласно этому традиционному взгляду на роль аргументации в жизни людей, в ходе всего спора личность спорщика может оставаться вне досягаемости. Нужно только, чтобы спорщик казался приверженным своим собственным аргументам. В самом деле, только глупец будет искренне привержен своим собственным аргументам, потому что для каждого аргумента в действительности найдется равный ему по силе контраргумент. И это тоже циничная интерпретация человеческой природы.

Моя собственная интерпретация не требует от меня отрицать, что для всякого аргумента найдется равный ему по силе контраргумент. Она лишь выводит новое заключение из этой посылки. Вместо того чтобы прийти к выводу, что ни один человек не может быть настолько глуп, чтобы сделаться приверженным своему собственному аргументу, я заключаю, что аргумент – это одна из определяющих черт человеческой ситуации. Существо, не способное спорить или быть адресатом аргументов, просто не было бы человеком. Такому существу, как мы видели, недоставало бы личности. Любой мыслящий спорщик, конечно, знает, что каждому его аргументу может быть противопоставлен контраргумент. Но осуждать всякий спор на основании этого соображения – значит полностью упустить суть спора. Смысл спора не в том, чтобы обеспечить эффективный контроль над другими, как это могло бы быть, если бы существовали какие-либо аргументы, против которых не нашлось бы контраргументов. Он скорее заключается в том, чтобы поставить спорщика в ситуацию риска, где возможны открытый разум и толерантность.

Такова человеческая среда, которую спорщик поддерживает своей горячей приверженностью собственным аргументам. Если бы он не был привержен своим аргументам, они выполняли бы не более чем стратегическую функцию, и вся человеческая среда ужалась бы в игру, в которой открытость разума и толерантность более не были бы возможными.

Спорщик может быть одновременно страстно привержен своим аргументам и знать, что на все его аргументы могут найтись контраргументы. Это возможно потому, что рефлексия по отношению к контраргументам представляет собой мгновенное отделение от среды, в которой живет спорщик. Точно так же мыслитель может освободиться от манер и нравов и объявить любые манеры и нравы в равной мере произвольными. Это утверждение имело бы смысл, если бы когда-либо утверждалось, что все они не являются в равной мере произвольными. Но в отсутствие последнего утверждения первое утверждение упускает из виду тот факт, что манеры и нравы поддерживают человеческую среду почти так же, как ее поддерживает спор.

Я только что рассмотрел, каким образом, согласно общепринятому мнению, существование контраргумента для любого аргумента является доказательством тщетности аргументации. Иногда именно мнимая данность тщетности заставляет тех, кто разделяет эту точку зрения, чувствовать, что для каждого аргумента должен быть контраргумент. История философии – это мнимая данность такого рода: поскольку ни один философ никогда не добивался всеобщего согласия со своей позицией посредством аргументов, из этого следует, что для каждого философского аргумента есть контраргумент. Значит, если всеобщее согласие было бы на самом деле желательным или мнилось бы достижением философствования, то имело бы некоторый смысл озаботиться возможностью философского аргумента, не допускающего контраргумента. Сторонний философии человек приписывает эту цель философии, и есть философы, разделяющие подобное мнение. Но большинство философов не заинтересованы в достижении всеобщего согласия со своими взглядами. Для них замечание о том, что всеобщее согласие никогда не было достигнуто, скорее просто упускает смысл философствования. Суть его состоит не в том, чтобы заставить всех согласиться, а в том, чтобы аргументировать выводы, для которых всеобщее согласие будет неважно. Что же это за выводы?

Очевидно, их не могут интересовать факты. В широком смысле в действительности их интересуют ценности. Философские аргументы могут иметь дело с такими ценностями, как знание и мораль. Ценности существуют, потому что они позволяют человеку выйти за пределы горизонтов непосредственного опыта и, следовательно, жить в этом мире. Другие философские аргументы обращаются к иным способам выйти за пределы непосредственного. Если именно аргумент *sans phrase*¹ в первую очередь открывает нам этот мир, то философский аргумент имеет дело с плодами аргумента *sans phrase*. Аргумент *sans phrase* вполне может быть направлен на обеспечение всеобщего согласия. Он может это сделать, потому что всеобщее согласие – это одна из возможностей этого мира, которую аргумент открывает. Мы можем сбежать из непосредственного опыта во всеобщее согласие точно так же, как мы можем сбежать из него в знание или мораль. Но философский аргумент – это не бегство от

¹ *Sans phrase* – (фр.) без лишних слов, без исключения, без ограничений, избегая многословия.

непосредственного опыта. Это всего лишь попытка расширить и консолидировать тот мир, в который был совершен побег. Таким образом, философский аргумент может исследовать понятие всеобщего согласия, а также понятия знания, морали и т.д. Но всеобщее согласие по поводу результатов этого расширения и консолидации, достигнутых философией, не имеет к ним отношения.

То, что я пытаюсь сказать, можно выразить более категорично. Я уже говорил, что аргумент раскрывает личность путем противопоставления ее риску. Структуру рисков, с которыми сталкивается человек спорящий или слушающий аргументы, проясняет философия. Она выражает мир людей и вещей. Философия рассказывает личности, кто эта личность есть и где она находится. Таким образом, можно сказать, что философия служит возникающей личности, внося свой вклад в ее моральный дух. Тогда философские аргументы выполняют скорее моральную, чем информационную функцию. Мы просто понимаем их неправильно, если ожидаем всеобщего согласия относительно их выводов. Философская аргументация будет продолжаться с неослабевающей силой до тех пор, пока существуют личности, столкнувшиеся с миром, в котором они должны занять определенную позицию.

Мой вывод состоит в том, что ни существование контраргумента для каждого аргумента, ни мнимая тщетность философских споров, если их правильно понимать, не составляют основания для того, чтобы принять циничный взгляд на аргументативную природу человека. На самом деле, без этой природы он не мог бы быть человеком.

Литература

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М. : Изд-во МГУ, 1991.
2. Лейн А.А. Основы теории аргументации. М. : Владос, 1997.
3. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб. : Наука, 2015.
4. Перельман Х., Ольбрехтс-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс, 1987. С. 207–264.
5. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. (orig. publ. 1959) / eds. P. Bizzell, B. Herzberg. New York : Bedford Books, 2001.
6. Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games // Artificial Intelligence. 1995. № 77. P. 321–357.

Elena N. Lisanyuk, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Nina V. Perova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: nino4kaperova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 278–289.

DOI: 10.17223/1998863X/59/25

ARGUMENTATION AND RISK

Keywords: argumentation; risk; dispute; counterargument; Huger William Johnstone; Chaïm Perelman; argumentation logic; new rhetoric.

The work is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

We translated an article by H. W. Johnstone (1920–2000), an American researcher, who influenced the development of the theory of argumentation in Russia. According to Johnstone, the purpose of argumentation is to maintain tension and risk as necessary conditions for a dispute where people go beyond the limits of their immediate experience and assert themselves as rational individuals, consciously exposing themselves to the risks of failing to defend their views. The

relevance of Johnstone's ideas is connected with the contemporary development of argumentation logic with its key relation of the attack of one argument by another instead of the support of the thesis by arguments, interpreted in argumentation logic as a rejection of the attack.

References

1. Alekseev, A.P. (1991) *Argumentatsiya. Poznanie. Obschchenie* [Argumentation, Cognition, Communication]. Moscow: Moscow State University.
2. Ivin, A.A. (1997) *Osnovy teorii argumentatsii* [Fundamentals of the theory of argumentation]. Moscow: Vlosos.
3. Lisanyuk, E.N. (2015) *Argumentatsiya i ubezhdenie* [Argumentation and persuasion]. St. Petersburg: Nauka.
4. Perelman, Ch. & Olbrechts-Tyteca, L. (1987) Iz knigi "Novaya ritorika: traktat ob argumentatsii" [Abridged from the book "The new rhetoric. A treatise on argumentation"]. In: Sergeeva, V.M. & Parshina, P.B. *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and modelling of the social interaction]. Moscow: Progress.
5. Perelman, Ch. & Olbrechts-Tyteca, L. (2001) *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. New York: Bedford Books.
6. Dung, P.M. (1995) On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games. *Artificial Intelligence*. 77. pp. 321–357. DOI: 10.1016/0004-3702(94)00041-X

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВА Елена Григорьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

АНДРЕЕВ Андрей Валерьевич – кандидат политических наук, гендиректор областного телерадиоканала «Кузбасс» (г. Кемерово).

E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

АСЕЕВА Ирина Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

АХМАТОВ Всеволод Викторович – аспирант, младший научный сотрудник Школы инженерного предпринимательства ТПУ (г. Томск).

E-mail: maryatirsa@yandex.ru

БЕЛОУСОВ Григорий Федорович – аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: gregory_belousov@mail.ru

БИРЮКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор, Центр российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай).

E-mail: birs.07@mail.ru

БРОННИКОВ Иван Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики, заместитель декана факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: ivbronn@gmail.com

БУДАНОВ Владимир Григорьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск).

E-mail: budsyn@yandex.ru

ВЕНЦЕЛЬ Наталия Васильевна – преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Житомирского областного института последипломного педагогического образования (г. Житомир, Украина).

E-mail: n.ventsel@ukr.net

ГЛУХОВ Андрей Петрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

ГОРБАЧЕВ Михаил Валерьевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: ussr-86@mail.ru

ДАНИЛОВА Елена Александровна – доктор политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); старший научный сотрудник, лаборатория высокоэнергетических материалов Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

ДЕБРЕНН Мишель – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail: coor-france@nsu.ru

ЗАМЯТИНА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: olga_zamjtina@mail.ru

КАЛИНИН Илья Андреевич – студент, департамент политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

E-mail: vip.ily1999@mail.ru

КАРПОВА Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: belts@tpu.ru

КОВТУН Наталия Михайловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Житомирского государственного университета им. Ивана Франко (г. Житомир, Украина).

E-mail: miller-melnik@ukr.net

КОЛЕСОВА Ольга Владимировна – руководитель Сибирского регионального центра газеты РАН «Поиск» (г. Новосибирск).

E-mail: kolesova@list.ru

КОРОБКОВ Леонид Геннадьевич – соискатель ученой степени кандидата наук по специальности 09.00.01 – «Онтология и теория познания». Для подготовки диссертации прикреплен к Институту философии и права Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail: 5in7in5@gmail.com

КОСИЛОВА Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: implicatio@yandex.ru

КРАСИКОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва).

E-mail: KrasVladIv@gmail.com

КУЗНЕЦОВ Игорь Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: politbum@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Сергей Анатольевич – студент магистратуры Отделения информационных технологий Инженерной школы информационных технологий и робототехники Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: ksa11@tpu.ru

КУЛИКОВ Сергей Борисович – доктор философских наук, доцент, декан факультета общеуниверситетских дисциплин Томского государственного педагогического университета (г. Томск).

E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

ЛИСАНЮК Елена Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры логики, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

МАЯКОВА Анна Васильевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

E-mail: berryannett@yandex.ru

НАЙМАН Евгений Артурович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики Томского государственного университета (г. Томск); Томский научный центр СО РАН (г. Томск).

E-mail: enyman17@rambler.ru

ОВЧИННИКОВ Степан Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: step.ovch@gmail.com

ПАШИНА Людмила Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк).

E-mail: lapash@yandex.ru

ПЕРОВА Нина Вадимовна – студентка 4-го курса Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: nino4kaperova@gmail.com

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПОПОВ Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул).

E-mail: popov.eug@yandex.ru

РЕЗНИКОВ Владимир Моисеевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: mathphil1976@gmail.com

САВЕЛЬЕВ Алексей Олегович – кандидат технических наук, доцент Отделения информационных технологий Инженерной школы информационных технологий и робототехники Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: sava@tpu.ru

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

СТАРИКОВА Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

E-mail: katstr00@gmail.com

СТАХОВСКАЯ Юлия Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск).

E-mail: juliastahovsky@gmail.com

СУНГУРОВ Александр Юрьевич – доктор политических наук, профессор департамента прикладной политологии СПб филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики Правительства России» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: asungurov@mail.ru

СУХАНОВА Наталья Петровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail: konfngi@yandex.ru

ТАНЮШИНА Александра Александровна – аспирантка кафедры Истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: a.tanyushina@gmail.com

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2021. № 59

Редактор *Н.А. Афанасьева*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 26.02.2021 г. Дата выхода в свет 31.03.2021 г.
Формат 70x100^{1/16}. Печ. л. 18,38; усл. печ. л. 23,89; уч.-изд. л. 25,21.
Тираж 50 экз. Заказ № 4631. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru